[1]
2018

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Место преступления...

Англия

3 Рут Ренделл *Колючие* яблоки. Рассказ. Перевод Т. Казавчинской

35 Джон Ле Карре *Неразлучные*. Вступление к новому изданию “Шерлока Холмса”. Перевод Т. Казавчинской

38 Уистен Хью Оден *В убийстве подозревается священник*. Эссе. Перевод Ксении Атаровой и Анны Курт

Германия

48 Саул О’Хара *Последнее дело инспектора Кемпбелла, или Женитьба — всегда риск*. Пьеса-пародия. Перевод Э. Венгеровой

Испания

100 Антонио Муньос Молина *Вежливость незнакомцев*. Рассказ. Перевод Татьяны Родименко

Польша

118 Катажина Писажевская *Шоу лжецов*. Повесть. Перевод Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян

США

211 Джеффри Дивер *Дело смеющегося рыбака*. Рассказ. Перевод Павла Зайкова

238 Майкл Коннелли и Деннис Лихейн *Без сна в Бостоне*. Рассказ. Перевод Павла Зайкова

258 Джон М. Флойд *План Молли*. Рассказ. Перевод К. Старосельской

272 Анна Закревская *Настоящий американский детектив: равнение на телевидение*

Авторы номера

283

© “Иностранная литература”, 2018

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями "Вестник иностранной литературы", "Литература мировой революции", "Интернациональная литература". С 1955 года – "Иностранная литература".

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева
С. М. Гандлевский
О. Д. Дробот
Т. А. Ильинская
ответственный секретарь
Т. Я. Казавчинская
К. Я. Старосельская

Общественный редакционный совет:

Л. Г. Беспалова
А. Г. Битов
Н. А. Богомолова
Е. А. Бунимович
Т. Д. Венедиктова
А. А. Генис
В. П. Голышев
Ю. П. Гусев
С. Н. Зенкин
Вяч. Вс. Иванов
Г. М. Кружков
А. В. Михеев
М. А. Осипов
М. Л. Рудницкий
М. Л. Салганик
И. С. Смирнов
Е. М. Солонович
Б. Н. Хлебников
Г. Ш. Чхартишвили

Международный совет:

Ван Мэн
Матей Вишнек
Милан Кундера
Кэндзабуро Оэ
Роберт Чандлер
Ханс Магнус Энценсбергер

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Рут Ренделл

Колючие яблоки

Рассказ

Перевод Т. Казавчинской

У двухфутового растения, которое тянулось к свету у стены между кустами крыжовника, были заостренные, с зубчатыми краями, яйцевидные листья густо-зеленого цвета. Плоды и цветы уживались на нем одновременно. Хрупкий, нежный цветок воронкообразной формы ослеплял белизной, а зеленый плод, похожий на очень темный каштан, со всех сторон щетинился шипами — в порядке то ли угрозы, то ли предостережения.

В книге “Флора Британии”, которую держал в руках Джеймс, говорилось, что колючие яблоки — или дурман обыкновенный, или datura stramonium — обладают скверным запахом, но никакого запаха не чувствовалось. А вот чего не было сказано, так это того, что datura весьма ядовита. Но Джеймсу это и так было известно, потому что растение, лишь сейчас появившееся в саду у Файфилдов, прошлым летом несколько раз попадалось ему на глаза в деревне. Причем стоило ему

© Martin H. Greenberg & Edward D. Hoch, 1987
©. Т. Казавчинская. Перевод, 2018

лишь глянуть в его сторону, как тут же, словно из-под земли, вырастал какой-нибудь взрослый и начинал растолковывать, какое это опасное растение, словно он, в его-то возрасте, мог взять в рот колючку, напоминавшую скорее морского ежа, чем семенную коробочку. И взрослые не просто предупреждали его и других детей об опасности, они тут же набрасывались на несчастную datura и с победным криком, словно совершая славный подвиг, выдергивали ее с корнем.

У себя в саду Джеймс обнаружил три экземпляра растения. Оно имело свойство появляться в самых неожиданных местах и, как говорилось в энциклопедии, "предпочитало возделанную почву". Его отец не стал бы вести себя, как соседи по деревне, но и не потерпел бы такого гостя у себя на участке. Понятно почему, подумал Джеймс. В общем, если он, Джеймс, намерен приготовить настой или отвар из datura, надо поторапливаться. Он, как можно незаметнее, прошел в дом и, не обращая внимания на сестру Розамунду, которая сидела за кухонным столом и самозабвенно изучала путеводитель по Лондону для иностранцев, направился к себе в спальню, чтобы поставить на место энциклопедию.

В комнате у него было полным-полно интересных вещей. Просто пещера Али-Бабы, как говорила его мать. Он был коллекционером и экспериментатором, умом обладал пытливым, аналитическим, и любознательности ему было не занимать. Аквариум с рыбками, снабженный воздушным насосом, стеклянный ящичек с гусеницами бражника, белые мыши в клетке, на стенах таблицы строения ракообразных, схемы жизненного цикла лягушек и карта звездного неба; книги — с несколько сотен, раковины, сухие травы, змеиная шкура и пара оленьих рогов (обладатель которых лишился их естественным путем), а на верхней полке книжного шкафа выстроились его склянки с ядами. Джеймс поставил на место энциклопедию дикорастущей британской флоры и, забравшись на табурет, с удовлетворением оглядел свои бутылочки.

Содержимое оных он готовил собственноручно: вываривал листья, цветы и ягоды, после чего сцеживал образовавшуюся жидкость. К разочарованию Джеймса, отвары у него получались зеленовато-бурые и красно-багряные — темные, а не ярко-зеленые или шафраново-желтые, как ему бы желалось, потому что именно такие цвета ассоциировались у него с чем-то зловещим и опасным. Бутылочки были снабжены наклейками: conium maculatum и hyoscyamus niger, а не обычными английскими названиями, потому что мать Джеймса, приходившая убирать *пещеру*, отлично знала, что такое болиголов и белена. Только одна склянка, в которой содержался

его лучший трофей — красавка, осталась без наклейки. Наклейка бы ничего не исправила: и без знания латыни было понятно, что такое atropa belladonna.

Разумеется, Джеймсу и в голову не приходило, что он может когда-нибудь воспользоваться своими ядами. Подобное совершенно не входило в его намерения. Он и поставил их повыше, на верхнюю полку, чтобы они не попались кому-нибудь под руку случайно, а, кроме того, если в гости приходил какой-нибудь малыш, Джеймс не забывал запереть свою комнату на ключ. Он готовил яды из глубоко научного, так сказать, академического интереса — чтобы убедиться, что *приготовить их он может*. Соблюдая осторожность и не теряя все того же бесстрастия, он даже позволил себе попробовать сначала каплю-другую, а потом и полчайной ложки белены. В результате чего расхворался: его тошнило, сильно сводило живот, пришлось вызвать доктора, который определил гастрит. Но Джеймс остался доволен: зелье действовало.

Готовить яды приходилось в обстановке строжайшей секретности. Сначала следовало удостовериться, что мать ушла из дому, да и Розамунда тоже. Розамунде все это было безразлично: она не могла отличить одно растение от другого, вскрикивала при виде гусеницы бражника и вообще больше всего на свете хотела уехать навсегда в Лондон. Но наябедничать — очень даже могла. И хотя ни мать, ни отец не рассердились бы на него, не стали бы его наказывать и уж тем более собственноручно уничтожать его сокровища: люди они были разумные и уравновешенные — но, безусловно, убедили бы его выбросить бутылочки, воззвав к его благородству и здравому смыслу. В общем, если он хочет добавить в свою коллекцию настой datura, лучше всего сделать это в среду, когда мать уйдет на заседание Женского института[1] и к его услугам будут и кухня, и духовка, и кастрюлька, и сито.

Приняв решение, Джеймс вернулся в сад с бумажным пакетом, положил туда пять колючих яблок — больше не удалось найти, и, на всякий случай, добавил два цветка и несколько листьев. Едва он залепил пакет скотчем, как на дорожке появилась Розамунда.

— Ты, наверное, забыл, что мы собирались к тете Джулии, хотели отнести малину.

1. Женский институт — общественная женская организация, возникшая в Великобритании в годы Первой мировой войны и исторически связанная с движением суфражисток. Институт проводит разные кампании — экологические, охраноприродные, связанные со здоровым питанием и т. п. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

Да, верно. Но сейчас он жаждал только одного: приняться за содержимое пакета, а это все равно придется отложить до среды, поэтому он бросил на Розамунду рассеянный профессорский взгляд, пожал плечами и заявил, что *он* не может забыть ничего из того, что помнит *даже она*.

— Отнесу эту штуку наверх, — сказал он, — и догоню тебя.

Семья Файфилдов жила в Суффолке в деревне Грейт-Синдон, как говорили, на протяжении долгих столетий, переезжая из одного фермерского или деревенского дома в другой, пока в начале девятнадцатого века кое-кто из них не выбился в средний класс. Отец Джеймса, сын учителя, преподавал в Эссекском университите в Уивенхо — примерно в двадцати милях от дома. У Джеймса были все основания получить рекомендацию в Оксфорд. Тем не менее их семья составляла неотъемлемую часть деревни: они были те самые Файфилды с фермы Юз-Филд, чьи праотцы лежали на местном погосте, чьи предки значились на военном мемориале, стоявшем на деревенской площади.

Еще одним членом семьи Файфилдов, и сейчас живущим в Грейт-Синдон, была тетя Джулия, на самом деле не родная их тетка, а породнившаяся с ними через брак: ее муж приходился им троюродным дядей или чем-то подобным. Джеймс не мог припомнить, чтобы бывал к ней как-то особенно внимателен (в отличие от Розамунды), но, тем не менее, тетя Джулия всем остальным родственникам предпочитала его. Пожалуй, за исключением Мирабель. А раз уж предпочитала, то ожидала, что он часто будет навещать ее. И если бы все шло по ее желанию, ему бы приходилось бывать у нее еженедельно, но Джеймс не собирался идти у нее на поводу, да и родители на этом не настаивали.

— Не хочу, чтобы люди думали, будто Джеймс рассчитывает на ее деньги, — говорила его мать.

— Всем известно, что они перейдут к Мирабель.

— Тем более. И думать не хочу, будто кто-нибудь скажет, что Джеймсу досталось то, что по закону принадлежит Мирабель.

Розамунда, не таясь, рассчитывала на наследство или хотя бы на некую его долю, хотя всем родственникам без исключения это казалось несбыточной фантазией. Она призналась Джеймсу, что несколько тысяч тети Джулии очень бы ее выручили: она бы осуществила мечту жизни и купила квартиру в Лондоне — для чего копила деньги с семилетнего возраста. Но квартиры все время росли в цене (она неотступно следила за сводками цен на недвижимость, размещаемыми в “Обсерверe”), ее двадцать восемь с половиной фунтов ничего не зна-

чили, и без наследства, свалившегося с неба, шансы ее были равны нулю. Но она была такая целеустремленная, эта Розамунда, ничто не могло заставить ее свернуть с намеченного пути. Джеймс догадывался, что это она сама собрала ягоды и "мы хотели отнести малину" было ее собственным желанием, а не просьбой матери. Но он не возражал против похода к тетке. В саду там росла шелковица, и он был рад случаю присмотреться к ней получше. Подумывал завести шелкопряда.

Лето было в разгаре, стоял жаркий душный день с застывшим воздухом, с тонущим в слабой дымке солнцем, со шмелями, которые вились над отцветающими, но все еще благоухающими розами. По склонам холмов, как сизые дымчатые тени, стелились леса, а лоскуты сжатых полей напоминали цветом волосы Розамунды. Как принято в Суффолке, деревенская улица в Грейт-Синдон, была очень длинной и прямой. Тетя Джулия жила в самом ее конце в простом, основательном доме из серого кирпича, с парадным входом и двумя окнами по бокам, с покатой шиферной крышей и двумя высокими дымовыми трубами. В середине девятнадцатого века, в пору, когда его построили, он не считался "джентльменским", потому что там было всего четыре спальни и одна кухня, низкие потолки и крутая лестница, но сегодня любой джентльмен был бы счастлив жить в таком; по мнению деревенских, он стоил очень больших денег. Синдон-Лодж стоял на участке в два акра, с яблочным садом, прудом, заросшим лилиями, и широкой лужайкой, где и раскинулось шелковичное дерево.

Джеймс и его сестра шли, почти не нарушая молчания. Общего у них было мало, к тому же их донимал зной, в воздухе толпилась мошкара, переместившаяся с убранных полей. Джеймс понимал, что сестра позвала его только потому, что, приди она одна, тетка стала бы приставать, куда он подевался, дулась бы и, скорее всего, гостье не обрадовалась. Еще он подумал, заметила ли сестра, что корзинка, которую она застелила белой бумажной салфеткой, прежде чем насыпать малину, на самом деле была предназначена для вина, заканчиваясь с одной стороны петлей для бутылочного горлышка. Он заметил, что сестра переоделась: сменила джинсы на хлопчатобумажную юбку от Лоры Эшли — в мелкий цветочек, расчесала свои пшеничные волосы и повязала их черной бархатной лентой. Очень это ей поможет, усмехнулся про себя Джеймс, но решил не говорить про корзинку, ну только если Розамунда выкинет что-нибудь такое, чего уж никак не вынести.

Но когда они миновали церковь, Розамунда вдруг повернулась к нему и спросила, известно ли ему, что тетя Джулия наняла какую -то женщину, которая будет жить в доме и ухажи-

вать за ней. Компаньонку — так это называется, сказала Розамунда. Джеймс не знал — наверное, задумался о чем-то своем, когда об этом говорили дома, — и был немного раздосадован.

— Ну и что?

— И ничего. Надеюсь, она нам откроет. А ты не знал! Неправда, что ты знаешь больше! Часто я знаю, а ты нет! *Часто-часто!*

Джеймс не снизошел до ответа.

— Она раньше говорила, что, если ей придется пригласить кого-нибудь, она позовет Мирабель. Мирабель тоже очень этого хотела, обрадовалась, что поживет в деревне. Но тетя Джулия позвала не ее, а эту женщину. Я слышала, как мама сказала, что тетя Джулия больше не хочет видеть Мирабель. Не знаю почему. Мама сказала, что теперь Мирабель, может, и не достанутся деньги тети Джулии.

Джеймс просвистел несколько тактов из увертюры к "Севильскому цирюльнику".

— Я знаю почему.

— Спорим, не знаешь.

— Хорошо, не знаю.

— Нет, скажи почему?

— Мала еще, не поймешь. И, кстати, малину ты положила не в ту корзинку — эта винная.

Дверь им открыла тучная женщина в ситцевом платье и повязанном поверх переднике. Она вроде бы знала, кто они такие, сказала, что ее зовут миссис Кроули, но они могут звать ее тетя Элси, если пожелают. Джеймс и Розамунда молча решили, что не пожелают, и спустились в длинный коридор, где было прохладно даже в самые жаркие дни.

Тетя Джулия сидела в кресле у балконной двери, выходившей в сад, на коленях у нее возлежал серый кот Палмерстон. Волосы у тетки были точно такого же цвета, как шкурка Палмерстона, и даже такие же пушистые. Она была маленькая, сморщенная, очень старая, всегда упрятанная в свитер и брюки, из-за чего, заметил про себя Джеймс, напоминала обезьянку. Артрит, изуродовавший и согнувший ее, постепенно усиливался, из-за чего она, скорее всего, и наняла миссис Кроули.

Призвав к ответу Розамунду, зачем она положила малину в винную корзинку — пусть не забудет вернуть ее матери, тетя Джулия сосредоточила все свое внимание на Джеймсе, стала расспрашивать, чем он пополнил свою коллекцию в последнее время, как поживают гусеницы бражника и что он напишет в отчете о каникулах для школы. В следующие десять минут Джеймс, обычно не слишком сочувственно относившийся к сестре, не мог не сжалиться над ней и заставил себя сообщить

тетке, что сестра сдала экзамен по музыке на “пять с плюсом”, а он, если можно, хотел бы пойти в сад осмотреть шелковицу.

Сад, как и огород, выглядел запущенным, и крохотные яблочки, так называемая июньская падалица, гнили в высокой траве. Рыба в пруду не водилась уже долгие годы. Шелковица была густо усыпана мясистыми, липкими, с виду пунцовыми ягодами, но Джеймс напомнил себе, что шелкопряд питается листьями. Будет ли ему позволено пользоваться этими листьями? Раздумывая над тем, как много ему еще нужно узнать о разведении шелковичных червей, он медленно обошел дерево и напомнил себе, что это Мирабель первая распознала в нем шелковицу и обратила на него внимание Джеймса, заметив, как было бы замечательно производить собственный шелк.

Ему казалось несправедливым, что Мирабель можно лишить всего этого только потому, что она завела ребенка. Потому что “все это”, то есть дом, сад, огород и неизвестно какая, но, должно быть, немалая сумма, которую заработал на строительстве и оставил тете Джулии дядя Уолтер, безусловно, были жизненно важны для Мирабель: она совсем мало выручала как дизайнер на вольных хлебах и наверняка рассчитывала на наследство.

Приди он сегодня один, он бы попробовал заговорить об этом с тетей Джулией, которая готова была вытерпеть от него что угодно, хотя и называла его enfant terrible. Иногда она жаловалась, что он веревки из нее вьет, что обещало благой исход в деле о листьях шелковицы. Но говорить о Мирабель в присутствии Розамунды он не собирался. Зато он осторожно осведомился об этом у матери, как только Розамунду, несмотря на ее горячие протесты, отправили спать.

— Понимаешь, милый, Мирабель взяла и родила ребенка, не обзаведясь при этом мужем. В ту пору, когда тетя Джулия была молодой, это был немыслимый проступок. Теперь мы и представить себе этого не можем, все так изменилось. Но у тети Джулии очень строгие взгляды, и она, должно быть, считает Мирабель пропащей женщиной.

— Понятно, — сказал Джеймс, который, правду сказать, не совсем понимал, из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор. — То есть, когда она умрет, в ее завещании Мирабель упомянута не будет, так, что ли?

— Полагаю, нам не стоит говорить об этом в таком тоне.

— Наверняка, — подхватил отец Джеймса.

— Но я хочу знать. Вы же сами всегда говорите, что от детей не нужно заводить секреты! Что, тетя Джулия составила новое завещание и Мирабель там нет?

— Она вообще не составила завещания, вот в чем беда. А по закону внучатая племянница не получает наследство авто-

матически, если человек не оставил распоряже... в общем, согласно порядку наследования...

— Я знаю, что такое порядок наследования, — перебил ее Джеймс.

— В общем, думаю, Мирабель считала, что сумеет уговорить ее, и она составит завещание. Звучит не очень приятно, когда говоришь это так в лоб, но в самом деле почему бедной Мирабель не получить наследство? Если не она, то найдется ли другой родственник, достаточно близкий, чтобы получить... не вижу такого, все просто отойдет государству.

— Нельзя ли, наконец, переменить тему? — не вытерпел отец Джеймса.

— Ладно, — согласился Джеймс. — Ты собираешься в Женский институт в этот четверг?

— Конечно, милый. Почему ты спрашиваешь?

— Просто так, интересуюсь.

У отца Джеймса был отпуск — университет не работал, и на следующее утро он вышел в сад с корзинкой и пололькником и выкопал дурман, тот, что между кустами крыжовника. Джеймс, сидевший в кровати и читавший "Естественную историю Селборна"[1], наблюдал за ним через окно. Отец положил дурман на компостную кучу и пошел искать его сотоварищей, которых нашел всех до одного, и пяти минут не прошло. Джеймс вздохнул, но отнесся к карательной операции философски. Того, что у него хранилось в бумажном пакете, для его потребностей было более чем достаточно.

Как и предполагалось, дом остался в полном его распоряжении, можно было готовить новый отвар. За ленчем отец сказал, что днем поедет на машине в Бери-Сент-Эдмундс и дети могут присоединиться, если захотят. Розамунда поехала. Бери, конечно, не Лондон, но какой-никакой, а город, где немало такого, что ей очень нравится, то есть магазины, рестораны, кинотеатры, люди на улицах. Оставшись один, Джеймс выбрал эмалированную кастрюлю, которую нетрудно будет отмыть от остатков datura, влил туда с пинту воды и поставил закипать. Тем временем он вскрыл зеленые колючие плоды, так что стали видны черные семена, прятавшиеся внутри. Когда вода закипела, он бросил туда кусочки колючих яблок, семена, листья, цветы и с полчаса держал их на огне, время от времени помешивая ее вертелом. Как он и предполагал, ярко-зеленый цвет жидкости не сохранился, она стала защитно-бурой. Ситом Джеймс не решался вос-

1. Деревня в графстве Гемпшир (Южная Англия).

пользоваться — боялся, что не сумеет отмыть его как следует, поэтому он вычерпывал жидкость, пока на дне осталась только влажная гуща.

Ее он вынес в мусорный бак, а жидкость, которой теперь было не больше, чем полпинты, перелил в приготовленную заранее медицинскую склянку, завернул крышечку и сделал надпись: “datura stramonium”. Кастрюльку он тщательно выскреб, но, когда через несколько дней заметил, что мать варит в ней зеленый горошек на ужин в качестве гарнира к рыбе, то испугался, что у всех начнутся рези в животе и даже столбнячные спазмы. Но ничего не случилось, никаких неприятностей с пищеварением ни у кого не возникло.

К началу нового осеннего семестра Джеймс приготовил субстанцию, которая, как он надеялся, была мускарином, вываренным из красного мухомора, а также некоторое количество довольно сомнительного цианида из абрикосовых косточек. Теперь на верхней полке его книжного шкафа красовались десять бутылочек с ядом. Но опасность отравиться никому не грозила, даже теперь, когда к семейству Файфилдов прибавились еще два человека, Джеймсу все равно не приходилось запирать свою комнату на ключ, потому что маленькому сыну Мирабель было всего шесть месяцев и, понятное дело, ходить он еще был не в состоянии.

Приезд Мирабель был как гром среди ясного неба. Что за нелепая манера вести себя, заметил отец Джеймса. Истекал срок аренды ее квартиры в Кенсингтоне, и, вместо того чтобы озаботиться этим и найти какое-нибудь другое жилье, она дождалась, пока до конца аренды осталась неделя и заявилась в Грейт-Синдон, чтобы воззвать к милосердию тети Джулии. От вокзала в Ипсвиче она прибыла на такси, в одной руке тащила чемодан, в другой держала малютку Оливера.

Дверь открыла миссис Кроули, но увидеть тетю Джулию Мирабель так и не довелось. Ей было передано, что ей не рады в Грейт-Синдон и, как полагает тетя Джулия, ей это дали понять вполне недвусмысленно и по телефону, и письменно. Мирабель, которая надеялась, что при виде нее тетка смягчится, оставалось сделать выбор между возвращением в Лондон, номером в отеле в Ипсвиче и Файфилдами. Она сказала шоферу, чтобы вез ее на ферму Юз-Холл.

— Не могла же я отправить ее обратно, — Джеймс слышал, как мать сказала это отцу. (Мирабель была наверху: укладывала Оливера спать). — Она появилась на пороге с огромным чемоданом и вопящим во всю мочь младенцем. Бедный малютка! Да она и сама такая малюсенькая.

Отец Джеймса помрачнел, едва переступил порог:

— Мирабель из тех людей, что приезжают на уик-энд и остаются на десять лет, — сказал он.

— Ну кто захочет жить тут десять лет, если он может жить в Лондоне! — вмешалась Розамунда.

Так или иначе, на десять лет Мирабель не задержалась, но спустя десять недель все еще была на ферме. И чуть ли не каждый божий день пыталась предпринять что-нибудь, что помогло бы ей попасть в Синдон-Лодж, но тщетно. Кто бы ни оказался вечером в гостиной фермы Юз-Холл, а в разгар зимы там обычно собирались все обитатели дома, Мирабель щедро потчевала всех жалобами на жизнь и обвинениями в адрес ее обидчиков, а именно родителя Оливера и тети Джулии. Мать Джеймса порой сетовала на то, что Оливеру предстоит расти без отца, но поскольку Мирабель никогда не вспоминала его, не отметив при этом, какой это эгоистичный, предельно инфантильный, бессердечный, подлый, ленивый и самый жестокий человек в Лондоне, Джеймс подумал, что Оливеру будет без него лучше. Ну а тетя Джулия, говорила Мирабель, уже стара и, наверное, выжила из ума.

— Вы знаете кого-нибудь, кто придерживается таких же взглядов, Элизабет, в наше время, в нашем веке? Она в прямом смысле слова не хочет меня пускать в дом, потому что я родила Оливера, не выйдя замуж за Фрэнсиса. И слава Богу, что не вышла, вот и все, что я могу сказать. А вам не кажется, что от ее образа мыслей веет средневековьем?

— Она со временем одумается, — ответила мать Джеймса.

— Со временем! И сколько его потребуется? Я хочу сказать, достаточно ли времени у нее осталось для этого? А я между тем злоупотребляю вашим гостеприимством. Вы не представляете, какое у меня чувство вины, но мне и в самом деле больше некуда деться. Я и правда не могу себе позволить снять квартиру такую, как раньше, честно, не могу на нее заработать. Я уже не могу заключать договоры, как до рождения Оливера, и уж конечно не возьму и пенни у этого мерзкого, эгоистичного скота, а не человека.

Родители Джеймса очень уставали от всего этого, но не могли себе позволить просто повернуться и уйти из комнаты. Джеймс и Розамунда — уходили, но через некоторое время Мирабель завела привычку отправляться вслед за Джеймсом в его “пещеру”, усаживаться там на кровать и множить свои бесконечные, нудные, однообразные жалобы, словно он был ее ровесником.

Сначала это его немного стесняло, но потом он привык. Мирабель было около тридцати, но и он, и его сестра воспринимали ее как ровесницу родителей — как человека сред-

него возраста: старую, как и все, кому перевалило, скажем, за двадцать два.

Она была маленького роста, Джеймс уже перерос ее. У нее было мелкое, остренькое личико с крупными, выпуклыми темными глазами, длинные волосы она носила распущенными, как Розамунда. Файфилды были ширококостной породы, светловолосые, румяные, а Мирабель была темноволосая, очень хрупкая, с тонкими, узкими запястьями, лодыжками, кистями, ступнями. Кровных связей между ними, конечно, не было: Мирабель была внучкой родной сестры тети Джулии.

При крещении ее назвали не Мирабель, а Бренда Маргарет, но было признано, что имя, которое она себе выбрала, подходит ей больше, больше подходит ее улыбчивости и печальной задумчивости, ее облегающим платьям и длинным, легко драпирующимся муслиновым шалям. В деревне она всегда появлялась в накидке или в плаще с капюшоном, и мать Джеймса сказала даже, что не уверена, есть ли у Мирабель пальто.

Джеймса всегда подспудно влекло к ней, он сам не знал почему. Но теперь, когда он повзрослел и виделся с ней ежедневно, до него дошло то, чего он не понимал раньше. Мирабель ему нравилась, и с этим ничего было не поделать, потому что, видимо, и он очень нравился ей и потому что она льстила ему. Забавно, он слушал ее лесть и понимал, что это лесть и ничто иное, но понимание ни на йоту не уменьшало удовольствия от услышанного.

— Для своего возраста ты совершенно невероятный мальчик, Джеймс, понимаешь? — говорила Мирабель. — Ты когда-нибудь станешь профессором. Получишь Нобелевскую премию.

Она просила учить ее разным вещам: пользоваться теоремой Пифагора, превращать температуру по Фаренгейту в градусы по Цельсию, переводить унции в граммы, чинить испорченный штепсель от ее фена для волос.

— Хочется надеяться, что у Оливера будут твои мозги, ну хотя бы наполовину, тогда я буду довольна и счастлива. Фрэнсис вообще-то умный, но такая незрелая личность, и ему лень что-нибудь с этим делать. Я в самом деле думаю, что ты взрослее его.

Тетя Джулия, наверное, давным-давно знала, что Мирабель живет у Файфилдов, ибо ничто нельзя было сохранить в тайне в такой маленькой деревне, как Грейт-Синдон, но стоял уже декабрь, когда она заговорила об этом с Джеймсом впервые. Они сидели у камелька в гостиной в Синдон-Лодж и ели пышки, которые испекла миссис Кроули, запивая чаем

"Эрл Грей", а Палмерстон нежился на каминном коврике. Снаружи в оконные стекла постукивал слабый дождик.

— Надеюсь, Элизабет знает, что делает. Как минимум. Если вы не проявите осторожность, вы никогда не отделаетесь от этой особы.

Джеймс ничего не ответил.

— Ты в твоем возрасте еще не понимаешь подоплеку таких вещей, но, по моему мнению, твоим родителям следовало хорошенько подумать, прежде чем пускать в дом эту особу с ее незаконнорожденным ребенком. — Тетя Джулия посмотрела на него хмуро, пожалуй, даже сердито. — Это может оказать очень дурное влияние на Розамунду, понимаешь. Розамунда решит, что в аморальном поведении нет ничего особенного, когда увидит, что люди вроде Мирабель живут себе припеваючи, даже извлекают выгоду.

— Нельзя сказать, что она извлекает *выгоду,* — не согласился Джеймс, глядя на пышки и сливовое варенье. — Мы не даем ей ничего, кроме еды и ночлега, причем спит она в одной комнате с Оливером. — Ему казалось, что это самое трудное для Мирабель.

Тетя Джулия ничего не ответила. Но потом сказала, глядя на огонь:

— Как ты думаешь, что бы ты чувствовал, если бы знал, что люди приходят к тебе только потому, что надеются заполучить твои деньги? Это все, что интересует мадам Мирабель. Сама я совершенно ее не интересую, ни в малейшей степени. Она приходит, мило разговаривает с миссис Кроули, потому что рассчитывает, что когда-нибудь я не выдержу и разрешу ей ко мне вселиться, а также напишу завещание, в котором все, что у меня есть, оставлю ей и этому ее незаконному ребенку. Как ты считаешь, тебе бы это понравилось? Может, ты когда-нибудь сам испытаешь это на своей шкуре: твои внуки будут подлизываться к тебе из-за того, что у тебя кое-что имеется!

— Неизвестно, приходят ли люди из-за этого, — сказал Джеймс неуверенно, думая о Розамунде.

Тетя Джулия издала звук, означавший издевку: мг! — и стукнула искривленной артритом рукой, словно отталкивая что-то невидимое.

— Я же не вчера родилась, правда? И я не слабоумная. Я бы сама себя презирала, скажу тебе, если бы делала вид, что не понимаю, зачем вы все сюда ходите.

Огонь в камине затрещал, Палмерстон вздрогнул во сне.

— Только не я, — возразил Джеймс.

— Значит, не ты, мистер Белый-Пушистый?

Джеймс улыбнулся.

— Это нетрудно проверить. Напишите завещание, оставьте свои деньги, кому хотите, и сообщите, что я не получу ничего — тогда посмотрим, буду я приходить, как приходил, или нет.

— Можно проверить, почему бы и нет? У тебя такой острый ум, Джеймс Файфилд, что в один прекрасный день ты им не на шутку порежешься.

Ее пророчество странным образом исполнилось в тот же вечер. Джеймс, рывшийся на верхней полке своего книжного шкафа, опрокинул склянку с мускарином и порезался осколками стекла. Дело было не в небольшом порезе, а в том, что жидкость, вытекшая из склянки, попала на ранку, поэтому ближайший час оказался для Джеймса не самым приятным в жизни. Но ничего не случилось, рука не распухла, не посинела, ничего такого не произошло, но этот случай заставил его всерьез задуматься об остальных девяти бутылочках. Не глупо ли хранить их? Этот его особый интерес к ядам, когда-то всепоглощающий, стал ему казаться детским. Кроме того, в доме был Оливер, Оливер, который сейчас ползал, вскоре начнет ходить, и хранение ядов может стать делом не просто опасным, а преступным.

Решение было принято, он спустил все пузырьки вниз без дальнейших раздумий и один за другим вылил их содержимое в умывальник в своей спальне. Иные из них пахли ужасающе. Белена издавала не меньший смрад, чем клетка с мышами, когда ее не чистишь целый день.

Он опорожнил все бутылочки, кроме одной. Просто не мог заставить себя расстаться с datura. Она была предметом его гордости, даже больше, чем паслен. Иногда он сидел за письменным столом, делал уроки, поглядывая наверх на бутылочку с datura, и спрашивал себя, что́ бы подумали люди, если бы узнали, что у него в спальне хранится средство, которым можно извести полдеревни. Он поглядел на нее и, вспомнив, как быстро собрал колючие зеленые яблоки, прежде чем отец успел выкопать все прекрасные и зловещие растения, — поглядел на склянку и поставил ее на место, на верхнюю полку. А потом сел за стол и сделал с листа перевод латыни.

На Рождество Мирабель все еще была у них. В Сочельник она привезла в Синдон-Лодж бледно-голубой свитер, завернутый в бумагу с узором остролиста, двухфунтовую коробку шоколадных конфет и пуансеттию в золоченом горшке — подарки тете Джулии. С собой она взяла Розамунду. Та надела ярко-красное пальто, отделанное белым мехом — рождественским подарком, полученным загодя, и шарф с изображениями Букингемского дворца и лондонского Тауэра, другим

преждевременным подарком, а на Мирабель была темно-синяя накидка, шапка из ангоры и серые замшевые ботинки на очень высоком каблуке, которые опасно скользили на льду. Оливер был оставлен дома с матерью Джеймса.

Но если Мирабель рассчитывала, что присутствие Розамунды обеспечит ей доступ в дом, она ошиблась. Миссис Кроули со скорбным выражением лица вернулась, чтобы сказать, что тетя Джулия никого не принимает. У нее очередное обострение гастрита, она очень плохо себя чувствует, да и вообще она не принимает подарки, когда не может ответить тем же. Мирабель извлекла из этой отповеди больше, чем в нее было вложено:

— Она хочет сказать, что никогда ничего мне не даст, — сказала она, садясь к Джеймсу на кровать.

Это было как-то — Джеймс не сразу нашел нужное слово — *постыдно:* человек цепляется за деньги, которые он не заработал и на которые у него, по сути, нет ни малейшего права. Но Джеймс был не так глуп, чтобы произносить вслух нечто столь резкое и осуждающее. Он осторожно сказал, что Мирабель, возможно, почувствовала бы себя гораздо лучше, если бы вернулась к своей росписи ткани и забыла о тете Джулии и ее завещании. Та гневно повернулась к нему.

— Что ты в этом понимаешь?Ты сам еще дитя!Ты не знаешь, что я вытерпела из-за этого эгоистичного мерзавца! Когда я ждала ребенка, я была совсем одна, во всем нуждалась, у меня не было для Оливера самого необходимого. Мне нужно растить Оливера в одиночку и без крыши над головой. Как я могу работать? А с Оливером что мне делать, как ты думаешь? Ох, до чего это несправедливо! Почему мне не получить ее деньги? Я же их ни у кого не отнимаю, это не то, что она их кому-то оставила, а я пытаюсь давить на нее, чтобы она изменила решение. Если они не достанутся мне, они просто достанутся государству.

Мирабель уже почти рыдала. Но она вытерла глаза и шмыгнула носом.

— Прости, Джеймс, я не должна была обрушивать все это на тебя. Видимо, я уже дошла до точки.

Днем ровно те же слова она произнесла отцу Джеймса. В отношении Мирабель он уже дошел до точки. Вот пройдет Рождество, а потом, если мать Джеймса не скажет ей, что она превысила пределы гостеприимства, он это сделает сам. Пусть выяснит отношения с этим своим кавалером, отцом Оливера, или снимет где-нибудь жилье, или поселится у кого-нибудь из своих богемно-артистических друзей в Лондоне. Она им даже не родственница, она никогда не была ему сим-

патична, и, тем не менее, она обретается у них почти три месяца.

— Я знаю, что не могу больше задерживаться здесь, — сказала Мирабель Джеймсу, — но куда мне уехать?

Она возвела очи к небесам или, точнее, к верхней полке книжного шкафа, где они остановились на бутылочке с зеленовато-бурой жидкостью и надписью: datura stramonium.

— Что это такое, скажи на милость? — спросила Мирабель. — Что там в этой склянке? Datura как-ее-там, я даже выговорить не могу. Это не микстура от кашля, верно? Тако-ого цвета.

Полгода назад, услышав подобный вопрос, Джеймс постарался бы уклониться от ответа или соврал бы. Но сейчас на эти свои эксперименты он смотрел иначе. И потом, у него было смутное чувство, что, если он скажет Мирабель правду, она перескажет его слова матери, и он вынужден будет совершить то, на что ему самому не хватает духу, и выбросит пузырек.

— Яд, — бросил он коротко.

— *Яд!*

— Я приготовил его из того, что называется дурья трава или колючие яблоки. Он довольно концентрированный. Думаю, что соответствующая доза его смертельна.

— Ты что, собирался травить мышей или кого-то подобного?

Джеймс и в мыслях не имел убивать ни мышь, ни, само собой, какое-либо другое живое существо. Его рассердило, что Мирабель, которая, казалось бы, уже должна была его знать, жила с ним в одном доме, ежедневно с ним общалась, так мало понимала его, так мало интересовалась истинным его характером, чтобы не осознавать этого.

— Я никого не собирался убивать. Это просто был эксперимент.

Мирабель рассмеялась звенящим деланым смехом.

— А меня он может убить? Вдруг я проберусь сюда, пока ты сидишь в школе на занятиях, достану эту бутылочку и сведу счеты с жизнью. Вот был бы благой исход, правда? Кто обо мне пожалеет? Да никто. Ни Фрэнсис, ни тетя Джулия. Наоборот, все обрадуются. Ни одна живая душа не пожалеет обо мне на всем белом свете.

— По крайней мере, Оливер пожалеет.

— Да, мой дорогой малютка пожалеет, моему Оливеру будет не все равно. Люди просто не понимают, что я хочу денег тети Джулии для Оливера. Не для себя. Они нужны, чтобы у него был шанс в жизни. — Мирабель посмотрела на Оливера, глаза ее сузились. — Иногда мне кажется, что ты единствен-

ный человек на свете, к которому тетя Джулия не равнодушна. Даю голову на отсечение, если бы ты сказал ей, что пора забыть прошлое и помириться со мной, она бы так и сделала. Ей-богу, она бы согласилась. Она бы даже составила завещание, если бы ты ей посоветовал. Наверное, это потому, что ты умный. Она обожает умных, семи пядей во лбу.

— Если бы я посоветовал, может, она и составила бы завещание в пользу Оливера. Думаю, могла бы. Он же ее правнучатый племянник, так? Хорошая мысль, пожалуй, она способна пойти на такое.

Он не мог понять, почему Мирабель вдруг так разгневалась и с криком: ты невыносим, ты такой же, как все они! — выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

Подумала ли она, что он говорил с насмешкой? Ясно, что она хотела, чтобы он замолвил за нее словечко перед тетей Джулией; он задумался, не подольщалась ли она к нему именно с этой целью. Очень может быть. И все же в ее словах был резон. Она была хорошей племянницей, вернее, внучатой племянницей тете Джулии, до истории с Фрэнсисом она часто бывала в Синдон-Лодж, аккуратно посылала поздравительные открытки — рождественские и ко дню рождения, — по крайней мере, так говорила его мать, была очень внимательна, когда тетя Джулия болела. А если посмотреть на дело с практической или, иначе говоря, с эгоистической точки зрения, когда Мирабель пустят в Синдон-Лодж, она покинет наконец ферму Юз-Холл, где ее присутствие раздражает отца, изматывает мать, заставляет дуться Розамунду и начинает утомлять даже его. Так что в следующий раз он, пожалуй, коснется этой темы в разговоре с тетей Джулией. Тут же он начал разрабатывать нечто вроде стратегического плана: он предложит тете Джулии поглядеть на Оливера — пожилые люди вроде бы любят малышей, — сопроводив это всякими увещевающими словами о том, что Оливеру нужен дом, и средства, и много всего другого, чтобы возместить отсутствие отца. Но так случилось, что говорить ему ничего не пришлось. Потому что миссис Кроули предложили более заманчивое место в каком-то более жизнерадостном доме, и она вмиг снялась с места и уехала, оставив тетю Джулию с ее не гнущимися от артрита суставами и в разгар очередного обострения гастрита.

Она кое-как доковыляла до двери, чтобы впустить Джеймса, — нелепая фигура в красных вельветовых брюках, зеленом свитере и с лицом старой ведьмы, обрамленным легким пухом седых волос, — а за ней, осторожно ступая, шел Палмерстон, задрав хвост трубой.

— Можешь передать этой девице, что, если она хочет, пусть переезжает сюда сегодня же вечером. И пусть прихватит с собой своего незаконнорожденного младенца — не думаю, что твоя мать хочет оставить его у себя.

Тетя Джулия была из тех, кто грозен на словах, а не на деле. Когда Джеймс недели три спустя снова появился в Синдон-Лодж, Мирабель чувствовала себя там, как рыба в воде. Оливер сидел на каминном коврике, выкурив с законного места Палмерстона, а тетя Джулия облачилась в рождественские дары Мирабель.

Она не обменялась с Джеймсом ни единым словом, пока в комнате находилась ее внучатая племянница. Тетка лежала, откинувшись в кресле и полуприкрыв глаза; молодежная одежда поневоле придавала ей вид пугала, подчеркивая ее старость; казалось, лицо ее было словно вырезано из мятой упаковочной бумаги. Но когда Мирабель вышла, уступив настойчивому требованию Оливера напоить его чаем, тетя Джулия, казалось, ожила. Она открыла глаза и обратилась к Джеймсу на редкость резким голосом и в самой беспардонной манере:

— Ну что, полагаю, это последнее твое посещение.

— Почему вы так считаете?

— Потому что я составила завещание, и ты в нем не значишься, вот почему. — Она подняла скрюченный большой палец и указала на дверь. — Я оставила дом, обстановку и все, что у меня есть, *ей*. И некую малость еще кое-кому, нам обоим известному.

— Кому же? — спросил Джеймс.

— Не твое дело. Не тебе — значит, тебя это не касается.

Странное выражение мелькнуло в глазах у тети Джулии.

— Вот что я сделала — оставила свои деньги двум персонам, которых терпеть не могу и которые терпеть не могут меня. Думаешь, какая глупость, верно? Они подлизываются, ходят на задних лапках и говорят кучу глупостей о том, как любят меня. И я устала, меня тошнит от этого. Они получат то, чего хотят, и мне больше не придется лицезреть это выражение на их лицах.

— Какое выражение?

— Что-то вроде молящей жадности. Такой взгляд, должно быть, бывает у тех, что умирают с голоду. Ты не понимаешь, о чем это я, верно? Ты уж никак не глупее их, но не знаешь, что такое жизнь, нет, пока не знаешь. Да и откуда бы?

Старушка закрыла глаза, повисло молчание, нарушенное треском верхнего полена, рассыпавшегося на части и выпустившего фейерверк искр, утонувших в самом сердце огня. Палмерстон поднялся с места, где он спасался от Оливера,

потерся о ноги Джеймса, улегся, освещенный красными отблесками, и стал умываться. Вдруг тетя Джулия заговорила:

— Я не хотела тебя испортить, ты можешь это понять? Не хотела *испортить* единственного человека, который что-то для меня значит. Но не знаю... Если бы я не была так стара, если бы я могла выдержать всю эту шумиху, которую они поднимут, я бы отменила сделанное и оставила дом тебе. Или твоей матери, она хорошая женщина.

— У нее есть дом.

— Дом можно продать, глупыш ты эдакий. Ты же не думаешь, что мадам Мирабель будет жить *тут*, а? — Мирабель, должно быть, это слышала, подумал Джеймс, так как дверь открылась, и Мирабель вкатила сервировочный столик с чаем, но это не заставило тетю Джулию перевести на нее взгляд. — И все же я могу составить другое завещание. Говорят, непостоянство — женская черта.

Мирабель водворилась в комнате, и почти никакой надежды на продолжение разговора не осталось, ибо Оливер, после того как был накормлен, выкупан и обласкан, царил повсеместно. Он был крупным младенцем с рыжеватыми волосами, ничуть не похожий на Мирабель, а пошедший, видимо, в "подлого и бессердечного" Фрэнсиса. Ему исполнилось десять месяцев, он "был способен на все", как шутила мать Джеймса, и было совершенно ясно, что он утомляет тетю Джулию, у которой делалось совершенно несчастное лицо, когда он начинал вопить в ответ на отказ Мирабель выдать ему шоколадный торт. Личико и ручки Оливера были чисто вымыты, он был усажен на пол, где пытался полакомиться кусочками угля из ведерка, а когда ему помешали это сделать, принялся терзать кота. Джеймс поднялся, собираясь уходить, и тетя Джулия, когда он проходил мимо нее, сжала ему руку и прошептала, многозначительно глядя на него, что добродетель — сама себе награда.

Очень скоро он узнал, кто имелся в виду под "кое-кем, обоим известным". Родители Джеймса получили письмо от тети Джулии, в котором она сообщала, что оставляет Розамунде некую сумму. Элизабет Файфилд сказала, что, как ей кажется, в письме есть что-то очень недоброе, похоже, тетка намекала на то, что Розамунда навещала Синдон-Лодж, питая в душе "большие надежды". Мать огорчилась, но Розамунда ликовала. Тетя Джулия не назвала сумму, но Розамунда не сомневалась, что это тысячи и тысячи фунтов — полмиллиона составлял максимумом ее ожиданий, поэтому на деньги, подаренные ей на день рождения (первого марта ей должно было стукнуть одиннадцать), она купит себе альбом Лондона, в основном, таких

улиц, как Мейфэр, Белгравия и Найтсбридж. Чтобы легче было выбрать, в каком районе лучше купить себе квартиру.

— Думаю, мы совершили большую ошибку, когда сказали ей, — посетовал отец Джеймса. Потому что Розамунда повадилась наносить в Синдон-Лодж еженедельные визиты, почти всегда заранее запасшись каким-нибудь маленьким сувениром для тети Джулии: букетиком подснежников, кривобоким горшком, вылепленным ею в школе, пакетиком мятных пастилок.

— Завещания порой меняют, не забывай, — предупредил ее Джеймс.

— А я не потому хожу. Не смей так говорить! Я хожу потому, что люблю ее.Ты просто ревнуешь, а сам не был там уже сто лет.

Это была правда. Он видел, что Розамунда испорчена, сомнений нет, а сам он подвергся испытанию и провалился. И все-таки дело было не только в утрате иллюзий или в досаде — не это заставляло его держаться подальше от Синдон-Лодж, скорее, это было чувство, что недопустимо так манипулировать людьми. Он слышал, как его отец употреблял иногда выражение "изображать из себя бога", и теперь он понимал, что́ тот имел в виду. Тетя Джулия изображала из себя бога и по отношению к нему, и к Розамунде, и к Мирабель. Наверное, она и сейчас это делает, намекая всякий раз, когда Мирабель досаждает ей, что изменит завещание. Поэтому он пойдет туда в порядке протеста против этого манипулирования, он не согласен быть марионеткой, которую дергают за ниточки, он пойдет туда завтра же на обратном пути из школы.

Но хотя он, как и обещал себе, зашел туда, чтобы показать, что его посещения бескорыстны и что он умеет держать слово, ему уже не случилось увидеть тетю Джулию. Когда он повернул к калитке, то увидел, что у дома стоит машина доктора. Мирабель пустила его в дом лишь после того, как он позвонил трижды, — измученная, бледная Мирабель с капризничающим Оливером на руках. У тети Джулии в очередной раз разыгрался гастрит, приступ длился всю ночь. Мирабель не знала, что делать: тетя Джулия запретила ей вызывать "скорую", ложиться в больницу она не желала. Утром первым делом вызвали доктора, тот вернулся еще раз позже, сейчас он снова был у нее.

Ей пришлось отмывать всю комнату, а простыни *сжечь* в буквальном смысле слова, заговорила Мирабель со злобой. Беспорядок был ужасный, Джеймс ничего подобного и представить себе не может, но не могла же она допустить, чтобы доктор застал тетку в таком виде. Мирабель сказала, что, на-

до надеяться, худшее позади, но уверенности в ее словах не было, и выглядела она совершенно потерянной. Джеймс все время оставался в холле. Он попросил передать тете Джулии, что заходил — *пожалуйста, не забудь это сказать*. Мирабель пообещала, что не забудет, и он медленно удалился. В воздухе все дышало весной, и в аккуратном, симметричном палисаднике Синдон-Лодж было полно желтых нарциссов, клонивших головки и подрагивавших на ветру. У калитки ему встретился направлявшийся к дому Палмерстон с дохлой мышью, торчавшей из пасти. Не выпуская из зубов добычи, Палмерстон потерся о ноги Джеймса, и тот, хотя и был в подавленном настроении, погладил его.

Два дня спустя приступ у тетки повторился, и это убило ее. А может, убил инсульт, случившийся следом. В свидетельстве о смерти в качестве причины смерти было указано: *пищевое отравление и кровоизлияние в мозг* — как сказала миссис Ходжес, уборщица тети Джулии, встретив в деревне мать Джеймса. Очевидно, в свидетельстве доктору пришлось указать и основную причину, и сопутствующую, что стало для Джеймса еще одной крупицей полезной информации, которую он прибавил к уже имевшейся.

Родители Джеймса присутствовали на похоронах, и Мирабель, конечно, была тоже. Джеймс не захотел пойти, и ему и в голову не пришло, что ему бы позволили пропустить школу, но Розамунда рыдала, когда ей запретили идти. Она жаждала перекрасить свое красное с белым пальто в черный цвет и держать в руках букетик фиалок. Условия завещания стали известны в ближайшие дни, но никакого театрального чтения его сразу после похорон, как об этом пишут в романах, не было.

Синдон-Лодж отходил к Мирабель, как и все деньги тети Джулии, за исключением "малости", оставленной Розамунде, и "малостью" это и оказалось в буквальном смысле слова. Пятьсот фунтов. Розамунда сначала рыдала (и говорила, что рыдает, потому что горюет по тете Джулии), затем впала в мрачность. Но когда завещание было утверждено и она в самом деле получила деньги, когда ей был предъявлен чек, а деньги были перечислены на ее счет в Почтовом банке, она приободрилась и почти пришла в себя. Она даже призналась Джеймсу без слез и истерики, что полмиллиона фунтов — слишком большая ответственность: она бы испытывала постоянный страх, что люди только из-за денег стараются дружить с ней.

Джеймс забрал Палмерстона, что и было оговорено в завещании, где кот был поименован, охарактеризован и передан

на попечение, *в случае если животное переживет меня, Джеймсу Александру Файфилду, проживающему на ферме Юз-Холл в Грейт-Синдон, единственному известному мне человеку, к которому я испытываю доверие...*

— Как можно говорить такие жуткие вещи! — сказала Мирабель. — Подумать только, написать черным по белому подобное... Джеймс заслуживает всяческого доверия. Мне бы это было не по силам: невозможно держать кота в доме, где есть маленький ребенок.

Палмерстон так долго жил в Синдон-холле, что частенько возвращался туда, инстинктивно стараясь не попадаться на глаза Мирабель. Ибо, вопреки предсказаниям тети Джулии, дом она не продала. И не пустилась все менять, как ожидали в деревне, когда узнали, что продажи не будет. Синдон-Лодж не был перекрашен в белое, а входные двери — в голубое, в нем не поменяли полы, а кухню не оборудовали всеми мыслимыми и немыслимыми новинками. Мирабель не делала ничего вызывающего, не позволяла себе никакой показухи и не купила ничего, кроме небольшого скромного автомобиля. Казалось, что она на время залегла на дно, предпочитала одиночество, носила траур, и мать Джеймса даже сказала, что, наверное, все они были к ней несправедливы и, может статься, она и в самом деле была привязана к тете Джулии.

Положение изменилось, когда на сцене появился Гилберт Колридж. Никто не знал, где Мирабель с ним познакомилась, но в один прекрасный день его массивная машина "вольво" с кузовом универсал припарковалась у Синдон-Лодж, а на следующий день Мирабель заметили на пассажирском сидении, и через несколько часов вся деревня уже судачила о том, что у Мирабель появился ухажер.

— Он держится, как здравый, подходящий человек, — сказала мать Джеймса: местный беспроволочный телеграф никогда не обходил ее вниманием. — Двумя-тремя годами старше ее, женат не был — впрочем, в наши дни это никогда нельзя знать наверняка, — уже стал партнером в своей фирме. То, что необходимо Оливеру. Мальчику нужно, чтобы в доме был мужчина.

— Будем надеяться, что на этот раз ей хватит ума выйти замуж, — сказал отец Джеймса.

Но в целом, если не считать этого события, семейство Файфилдов потеряло интерес к Мирабель. Их не могло не задевать, что Мирабель, получившая все, чего жаждала: сначала доступ в Синдон-Лодж, а затем и сам Синдон-Лодж, *утратила всякий интерес к ним.* Джеймс слышал, как мать сказала, что все это выглядит так, словно Мирабель наговорила лиш-

него, живя у них: слишком открыто демонстрировала истинные свои желания — а теперь, когда они удовлетворены, старается как можно меньше общаться с теми, кто слышал ее излияния. Но Файфилдов это вполне устраивало, ибо любое появление Мирабель неминуемо влекло за собой неприятности и домогательства.

Лето выдалось более сухим и жарким, чем прошлое, и урожай ягод и фруктов был исключительно богат. Но в этом году не было тети Джулии и некому было бросать саркастические взгляды на корзинки с малиной. Дурман обыкновенный — datura, колючие яблоки — тоже не объявился в саду у Файфилдов, да, надо думать, и нигде в Грейт-Синдон. "Случайный гость", как было сказано о дурмане в справочнике дикорастущих растений Британии, он таинственным образом ушел в землю или перебрался в какой-то укромный уголок в дальних лугах.

Но если бы дурман и появился, для Джеймса он уже утратил всякое очарование. В июне ему исполнилось тринадцать, и он чувствовал себя безмерно повзрослевшим — не просто на один год, как прошлым летом. Прежде всего, он вырос на шесть дюймов, "вымахал", как выразилась его мать, так сильно, что порой малознакомая, высившаяся в зеркале фигура внушала ему чуть ли не тревогу. С невероятным удивлением оглядывался он назад, на ребенка, каким был недавно, ребенка, который готовил в кастрюльках отвары из ядовитых плодов и листьев, держал в клетке белых мышей и разводил гусениц в коробке́. Он перешел в подростковый возраст и больше ребенком не был.

Может быть, его рост и стал непосредственной причиной драмы, — "худшего дня моей жизни", как выражалась Розамунда, — а может, дело было в том, что миссис Ходжес попала к хирургу под нож, а может, то обстоятельство, что Женский институт, вопреки заведенному порядку, перенес встречу со вторника на среду. Причиной могло стать любое их этих обстоятельств, хотя, главным образом, случилось это со всей неотвратимостью потому, что Мирабель была тем, что она есть.

Обитатели фермы Юз-Холл очень мало знали о ее образе жизни, поскольку почти никогда с ней не виделись. Для Элизабет Файфилд известие, что миссис Ходжес подолгу сидит с Оливером или же берет его к себе домой, стало полной неожиданностью. Сообщила ей об этом дочь миссис Ходжес, которая тогда же сказала, что ближайшие три недели ее мать проведет в больнице в связи с операцией гистерэктомии, да и потом бог знает сколько времени еще будет приходить в се-

бя. Мирабель предстоит поискать себе няню в каком-нибудь другом месте.

Значит, искать она ее будет, ясное дело, у Файфилдов.

Возникнув у них на пороге с Оливером в одной руке и тяжелой корзиной с покупками в другой, она приветствовала Элизабет обворожительной, но неуверенной улыбкой. Все было, как в прошлом году, вот только Оливер стал маленьким мальчиком — перестал быть младенцем. У Джеймса начались долгие летние каникулы, поэтому он был дома и слышал, как гостья горестно вздохнула и пустилась извиняться за то, что надолго их "забыла". Дело в том, что она обручена, собирается замуж. Элизабет, наверное, не знала?

— Надеюсь, ты будешь очень счастлива.

— Из Гилберта получится прекрасный отец, — сказала Мирабель. — Когда я сравниваю его с этим инфантильным олухом, с этим безмозглым Фрэнсисом, меня просто смех разбирает... да ладно, что было, то прошло... В общем, Элизабет, дорогая, я пришла просить вас вот о чем... Как вы думаете, Джеймс и Розамунда могут понянчить Оливера и выручить меня? Я уплачу, сколько положено, буду платить, как платила миссис Ходжес. Потому что это такой ужас... я никуда не могу пойти со своим женихом, и как раз завтра у меня знакомство с его родителями. Не могу же я взять ребенка возраста Оливера на званый обед, верно?

— О Розамунде и речи быть не может быть, — сказала мать Джеймса без всякой теплоты в голосе. — Ей всего одиннадцать, и я не могу допустить, чтобы она отвечала за Оливера.

— Но Джеймс вполне справится, правда? Джеймс теперь такой высокий, он выглядит как взрослый. И Джеймс, в любом случае, всегда был потрясающе ответственным.

Его мать оставила эту реплику без внимания. И издала один из тех вздохов, которые у кого-кого, а у Джеймса напрочь отбивали охоту просить о чем-то еще. Но не такова была Мирабель.

— Ну только один разок — завтра! Начиная с послезатра, я буду сидеть дома, как примерная мамочка, а через месяц миссис Ходжес вернется. Только с семи... до, скажем, одиннадцати самое позднее.

— Я сама побуду с Оливером, — сказала мать Джеймса.

Заверения Мирабель ничего не стоили, и, вместо того чтобы сидеть дома с Оливером, она появилась на ферме Юз-Холл три дня спустя, чтобы подбросить им мальчика — на этот раз чтобы отправиться за покупками с матерью Гилберта. Отсутствовала она четыре часа. Оливера стошнило — он объелся ирисками, которые нашел в комнате у Розамунды,

вырвал с корнем шесть комнатных растений и оборвал с них все листья, прежде чем Джеймс застал его за этим занятием.

В следующий раз, сказала мать Джеймса, она всего этого ни за что не допустит. Она уже обещала Мирабель посидеть с Оливером в ближайший субботний вечер. И сделает это, а потом — все, конец истории. Решимость ее лишь укрепилась после того, как Мирабель в субботу соизволила вернуться лишь в полпервого ночи. Она бы выложила это Мирабель прямо в лицо, без обиняков, заявила Элизабет Файфилд своим домочадцам за завтраком, но при всем этом присутствовал Гилберт Колридж, и ей не хотелось срамить Мирабель в его присутствии.

Во вторник, на который было перенесено заседание Женского института, отличная погода сменилась грозой, к полудню уступившей место затяжному дождю. Джеймс посвятил день уборке и разборке *пещеры*. Его столько раз просили об этом, и он в самом деле собирался это сделать, но кто захочет сидеть в душной комнате, когда сияет солнце, а температура за окном больше 26 градусов по Цельсию? А вот нынешний вторник в высшей степени подходил для того, чтобы отобрать книги, которые ты перерос, освободить комнату от аквариумов, клеток и сосудов, которые уже пустовали, коллекций, которые превратились в ящики со всякой дребеденью, в общем, вымести и расчистить дорожку — во взрослую жизнь.

Снимая с верхней полки книжки, он наткнулся на вещь, о существовании которой почти забыл, — на склянку с надписью datura stramonium. Тут раздумывать было нечего — это точно на выброс. Он с любопытством глянул на пузырек, на заполнявшую его зеленовато-коричневую жидкость, которая за минувшее время осела и посветлела. Зачем он ее приготовил, с какой целью? В другие времена он мог бы стать алхимиком или колдуном, и он сокрушенно покачал головой над Джеймсом-ребенком, которого больше не существовало.

Как много книг больше не представляло для него интереса! Детское чтение. Он стал раскладывать их на полу на две кучки: “нужные” и “ненужные”. Палмерстон сидел на подоконнике и следил за ним не мигающими желто-золотыми глазами, блестевшими на круглой, серой, довольно крупной мордочке. Как хорошо, подумал Джеймс, что он избавился от мышей до появления Палмерстона. А клетку для мышей можно и продать. Один из мальчиков у него в классе держал хомячков и что-то говорил о том, что ему бы не помешала запасная клетка. Нет ничего зазорного в том, чтобы позвонить и поинтересоваться.

Джеймс спустился в гостиную и снял трубку, чтобы набрать номер Тимоти Гордона, но телефон молчал. Гудка не

было, а тишина в трубке нарушалась только потрескиванием и щелчками. Придется идти на дорогу к телефону-автомату и звонить инженерам-ремонтникам, но не сейчас, попозже. Льет, как из ведра.

Он уже пересек вестибюль и почти дошел до подножья лестницы, когда прогремел звонок. Мать что-то говорила о том, что могут прийти из прачечной. Джеймс бездумно открыл дверь, готовый кивнуть посыльному и сунуть ему в руки короб с бельем, но за дверью вместо посыльного стояла Мирабель.

Машину она припарковала на дорожке, в переднем окне виднелась рожица жевавшего что-то Оливера, который елозил по стеклу липкими пальчиками, оставляя следы. Мирабель, как сказала бы тетя Джулия, разоделась в пух и прах, и уж никак не по погоде: на ней было что-то из кремового шифона с плиссированной юбкой и шлейфом, на шее, кроме нитки бус, красовались два или три шифоновых шарфа, бледно-розовые чулки и кремового цвета туфельки из кожаных полосок, каждая шириной с бечевочку, дополняли туалет.

— О Джеймс, будь ангелом! Выручишь меня и посидишь с Оливером сегодня днем? Ты не один дома, Розамунда тоже на месте, я заметила, она выглядывала из окна своей спальни. Я пыталась дозвониться тебе, но у вас не работает телефон.

Мирабель произнесла это с укором, как будто Джеймс поломал телефон намеренно. Она едва переводила дыхание и явно спешила.

— Почему ты не возьмешь его с собой?

— Потому что, если хочешь знать, Гилберт собирается купить мне что-то совершенно особенное и очень важное, и я не могу взять с собой ребенка.

Розамунда, почуяв, что внизу происходит что-то необычное, появилась в изгибе лестницы.

— Это всего-навсего Мирабель, — бросил ей Джеймс.

Но Мирабель, воспользовавшись тем, что внимание Джеймса отвлеклось на мгновение, рванула к машине — ее наряд запестрел мокрыми дождевыми пятнами, и выхватила из машины липкого Оливера.

— Ты же побудешь с Джеймсом и Розамундой, правда, солнышко?

— А мы что, обязаны? — спросила Розамунда, спускаясь вниз и окинув Оливера взглядом, исполненным такого неприкрытого отвращения, что даже Мирабель содрогнулась. Тем не менее она всучила Джеймсу Оливера, стараясь держать перепачканный рот сына подальше от своего платья, и Джеймсу ничего не оставалось, как подхватить того на руки. Оливер тотчас же начал рыдать и тянуть руки к матери.

— Нет, миленький, мама вернется позже. Теперь послушай, Джеймс, дочь миссис Ходжес должна прийти за ним в половине шестого, в это время она кончает работу. Она обещала забрать его к себе, а я заеду к ней на обратном пути. А теперь мне пора бежать, мы с Гилбертом встречаемся в три.

— Ничего себе! — выпалила Розамунда, когда машина отъехала от фермы. — Достала уже! Подумать только, *торчать с ним*! Я собиралась сделать задание по изо.

— А я — разобрать свою комнату, но что теперь толку жаловаться! Он свалился нам на голову, и все тут!

После того как входная дверь захлопнулась, Оливер хныкал не переставая.

— Если бы не было дождя, можно было бы пойти с ним в сад. Вывезти его на прогулку.

— Если бы, но дождь *идет*, — парировал Джеймс. — Да и в чем бы мы его вывезли? В маминой сумке на колесиках? В тачке? На случай если ты не заметила, сообщаю: драгоценная Мирабель не позаботилась прихватить с собой прогулочную коляску. Лучшее, что можно придумать, — это покормить его. Когда он ест, он хотя бы не орет.

Джеймс отыскал в кладовке коробку шоколадного печенья "Пингуин" и дал одно печенье Оливеру. Оливер уселся на пол и стал уплетать лакомство, разбрасывая вокруг мелкие кусочки красно-золотой обертки. Затем он открыл кухонный шкафчик с утварью и стал швырять кастрюли, сковородки, дуршлаг, сито на пол — одну вещь за другой, оставляя шоколадные разводы на белом пластиковом покрытии дверец. Розамунда их обтерла, потом попыталась вытереть рожицу и ладошки Оливера, в ответ он раскричался и стал колотить ее кулачками. Когда весь пол покрылся кастрюлями, Оливер приступил к остальным дверцам, стал последовательно их отворять и выбрасывать все подряд: столовые приборы, терки для сыра, картофелечистки, кухонные полотенца, тряпки для пыли.

Джеймс мрачно наблюдал за ним

— Я где-то читал, что двухлетний ребенок, даже с очень высоким ай-кью, не может сосредоточиться на чем-либо больше, чем на девятнадцать минут.

— Оливеру еще нет двух, и вряд ли у него такой уж высокий ай-кью.

— Вот именно, — отозвался Джеймс.

— *Ички*, — потребовал Оливер. Расшвыривая ножи и вилки, лежавшие у него на пути, он направился к Джеймсу и стукнул его деревянной ложкой. — *Ички.*

— Тут только спичек не хватает, представь, что бы он устроил.

— Наверное, это не “спички”. Он просит что-то свое, мы просто не понимаем.

— *Ички, ички, ички*!

— Живи мы в Лондоне, покатали бы его на автобусе. Или повели в зоопарк.

— Живи мы в Лондоне, мы бы не караулили его. Пожалуй, надо ему включить телевизор. У Мирабель ведь нет телевизора.

Он поднял Оливера и отнес в гостиную. Мебель там была кожаная, темно-коричневая, немаркая, поэтому еще одно печенье “Пингуин” не представляло опасности. Джеймс включил телевизор. В это время дня ничего особо интересного не показывали, шел только какой-то сериал о служащих аэропорта. Но Оливер был заворожен цветом и мельканием фигур на экране, поэтому Джеймс засунул его поглубже в кресло и с чувством невероятного облегчения удалился.

В кухне его ждал непочатый край работы. Оливер оставил грязные следы на двух скатертях, кроме того, Джеймсу пришлось перемыть все ножи и вилки. Розамунды и след простыл (обычная история, подумал он). Наверное, вернулась к своему заданию по изо — пошла делать коллаж из сухих цветов. Он вернул на место все кастрюли и прибрал в шкафчиках, чтобы все выглядело примерно так, как до атаки Оливера. Пора, подумал, пойти взглянуть, что он там поделывает.

В гостиной никого не было. Джеймс быстро сообразил, в чем дело. Сериал кончился, яркие движущиеся фигурки, звучные голоса и музыку сменила на экране голова очкастого старика, проводившего беседу о молекулярной физике. Внизу Оливера тоже не было. Джеймс не мог поверить, что тот способен одолеть лестницу. Но, конечно, он был способен. Это был крупный сильный малыш, который научился ходить много месяцев назад.

Джеймс стал подниматься по лестнице, окликая Оливера по имени. Было всего четверть четвертого, и мать Джеймса не вернется из Института раньше половины пятого. Дождь припустил еще сильнее, и в доме стоял полумрак. Джеймсу впервые за все время пришло в голову, что он оставил дверь в свою комнату открытой. Он оставил ее открытой, потому что там был Палмерстон, он спустился вниз, чтобы позвонить Тимоти Гордону насчет клетки для мышей, а тут как раз явилась Мирабель. Казалось, это было вечность назад, но на самом деле прошло минут сорок.

Оливер был в комнате у Джеймса. Он сидел на полу, зажав в кулачке пустой пузырек из-под datura, и из уголка рта стекала струйка бурой жидкости.

Джеймс читал в книжках, что бывает, у людей ноги прирастают к полу, и сейчас именно это с ним и случилось. Он буквально окаменел. Он смотрел на Оливера, и где-то внутри у него рос и поднимался ком, который стал биться у него в горле. Это было его собственное сердце, стучавшее с такой силой, что он испытывал боль.

Он заставил себя стронуться с места. Забрал у Оливера пузырек и автоматически, не соображая, что делает, прополоскал его в умывальнике. Оливер молча глядел на него. Джеймс вышел в коридор и постучал к Розамунде.

— Выйди, пожалуйста, Оливер выпил яд. Примерно полпинты.

— *Что?*

Она вышла. Поглядела на Джеймса, от ужаса у нее широко открылся рот. Он все объяснил ей, быстро, кратко, в двух словах.

— Что будем делать?

— Позвоним в "скорую".

Она остановилась в дверях спальни Джеймса и смотрела, не отрываясь, на Оливера. Тот сжал кулаки и стал тереть глаза и канючить.

— Как ты думаешь, нам нужно сделать что-то, чтобы его вытошнило?

— Нет. Пойду позвоню. Это моя вина. Я, наверное, был не в себе, когда готовил эту штуку, не говоря уж о том, что я хранил ее. Если он умрет... Господи, Роз, мы же не можем позвонить! У нас не работает телефон. Я же пытался позвонить Тиму Гордону, но соединения не было, и я пошел к телефонной будке, хотел сообщить ремонтникам.

— Ты и сейчас можешь это сделать.

— Это значит, что он останется на тебе.

У Розамунды задрожали губы. Она поглядела на маленького мальчика, который лежал сейчас на полу, широко открыв глаза и засунув в рот палец.

— Не хочу. А вдруг он умрет?

— Тогда иди ты, — сказал Джеймс. — А я останусь с ним. Спускайся, наберешь 9-9-9, вызовешь "скорую", а потом пойдешь в деревню и приведешь маму. Ладно?

— Ладно, — сказала Розамунда и двинулась к выходу, по лицу у нее текли слезы.

Джеймс взял Оливера на руки и бережно положил на кровать. На лице ребенка блестели капельки пота, но пот мог выступить просто оттого, что ему стало жарко. Мирабель слишком сильно его укутала для этого времени года — в шерстяную кофточку поверх свитера и футболки. Он явно хотел

пить. Вот почему он твердил *ички*. *Ички* значило "водички". Существовала ли хоть малейшая вероятность того, что за год, истекший с тех пор, как он, Джеймс, приготовил datura, яд выветрился? Если по-честному, он в это не верил. Ему припомнилось, что он где-то читал, будто на яд не действует ни жара, ни сухость воздуха и, наверное, время на него не действует тоже.

Глаза у Оливера закрылись, а румянец, игравший на лице, пока он смотрел телевизор, сбежал с пухлых щечек, которые приобрели восковой оттенок. По крайней мере, он вроде бы не испытывал боли, но бисеринки пота все еще блестели на лбу. Джеймс снова спросил себя, почему он был таким дураком, что хранил яд. Час тому назад он уже было почти совсем его выбросил, но нет, не выбросил. Что толку было сейчас рвать на себе волосы — его отец говорил в таких случаях: "Задним умом крепок".

Но Джеймс думал о будущем, не о прошлом. Ему вдруг пришло в голову, что если Оливер умрет, то это он, Джеймс, убьет его, и это, в общем, так же верно, как если бы он выстрелил в него из отцовского дробовика. Пропадет жизнь, пропадет вся его будущность. Потому что он никогда себе этого не сможет простить и навсегда останется сломленным человеком. Ему придется укрыться в какой-нибудь глухомани, учиться в другой школе, а когда он эту школу закончит, устроиться на какую-нибудь бессмысленную работу и влачить жалкое, неполноценное существование, исполненное угрызений совести. Придется забыть навсегда об Оксфорде, о работе в исследовательской лаборатории, о счастье, самореализации, успехе. И ничего он не преувеличивает. Именно так все и будет. А Мирабель?.. Если его жизнь будет разбита вдребезги, то что станется с ней?

Он услышал, как стукнула входная дверь, и на лестнице зазвучали торопливые шаги матери. Он сидел на кровати, глядя на Оливера, а потом медленно обернулся к двери.

— О, Джеймс!

Джеймс ответил, как совершенно сложившийся человек, как ответил бы кто-то втрое его старше:

— Ты не можешь сказать мне ничего такого, чего не сказал бы себе я сам.

Она коснулась его плеча.

— Я знаю, — ответила она. — Я тебя знаю.

Лицо и губы у нее были цвета мела, и в выражении лица читались страх и в такой же мере гнев. Как она смела принести его сюда и бросить на двух *детей*!

Джеймсу было сейчас не до обид.

— Он... он умирает?

— Он спит, — ответила мать и положила ладонь Джеймса на лоб Оливеру. Лоб был прохладный, пот высох. — По крайней мере, мне так кажется. А может, он в коме.

— Мне конец, если он умрет.

— Джеймс, ну, Джеймс, — она сделала то, чего уже не делала давным-давно: обняла сына за плечи и прижала к себе, хоть он и был на полголовы выше.

— "Скорая" приехала, — сказал Джеймс. — Я слышал звонок.

Двое мужчин подымались по лестнице. Один из них завернул Оливера в одеяло, взял на руки и понес вниз. Розамунда сидела в вестибюле, на коленях у нее лежал Палмерстон, и она тихо роняла слезы прямо в его шерстку. Не хотелось оставлять ее дома одну, но кто-то ведь должен был дождаться прихода дочери миссис Ходжес. Джеймс с матерью сели в "скорую" и поехали с Оливером в больницу.

Они долго сидели в приемной, пока врачи производили какие-то манипуляции с Оливером — наверное, промывали желудок. Потом вышли два доктора — молодой чернокожий и старик белый — и осыпали Джеймса градом вопросов. Какую именно жидкость выпил Оливер? Когда она была изготовлена? Какое количество было в склянке? Ну и кучу других в том же роде. Врачи были не слишком любезны с Джеймсом, и его подмывало отговориться. Ничего ведь не стоило сказать, что он понятия не имеет, что это за жидкость, что он выпаривал дурман, чтобы получить зеленую краску или что-нибудь такое. Но когда разговор зашел о дурмане, он просто не мог соврать. Он должен был сказать горькую правду, должен был сказать, что приготовил яд и знал, что это смертельно опасно.

После того как доктора удалились, последовало долгое ожидание, во время которого ровным счетом ничего не происходило. Дочь миссис Ходжес, должно быть, уже приходила, и отец Джеймса тоже уже вернулся домой с летнего семинара. Пробило 5.30, потом 6, сестра принесла им по чашке чая, и снова потянулось пустое время ожидания. Было уже почти семь, когда вышел молодой врач. Видимо, он принял мать Джеймса за мать Оливера, а когда понял свою ошибку, пожал плечами и сказал, словно у них не было причин для волнений и происшедшее вообще не слишком их касалось:

— Все у него будет в порядке. Нечего вам тут мучиться

Мать Джеймса вскочила на ноги и вскрикнула:

— Он вне опасности? Он правда хорошо себя чувствует?

— Превосходно, насколько мы можем судить. Содержимое желудка отправлено в лабораторию. Ночь мы подержим его у себя, понаблюдаем — на всякий случай.

Вся семья Файфилдов уселась ждать Мирабель. Они собирались сидеть до победного конца — даже если она появится в два часа ночи. В записке, опущенной в почтовый ящик в Синдон-Лодж, излагалось происшедшее и предлагалось позвонить в больницу.

Джеймс крепился. По пути из больницы мать сказала ему, что он должен быть готов к тому, что Мирабель набросится на него с упреками. Женщины, которые готовы навязать своего ребенка первому встречному, обычно впадают в истерику, когда их ребенку грозит опасность. Наверное, из-за чувства вины, предположила она. Но Джеймс решил, что, даже если Мирабель будет неистовствовать, у нее есть на это право, потому что, если Оливер и не умер и не умрет, а это легко могло случиться, то лишь потому, что они очень быстро приняли меры, чтобы вывести из него эту смертельную пакость. Позвонить на ферму в Юз-Холл Мирабель не могла, потому что телефон еще не заработал. Около десяти вечера все они выпили кофе. И отец Джеймса, который тщательно осмотрел комнату сына, чтобы убедиться, что там больше нет никаких бутылочек со смертоносным зельем, прочел сыну нотацию, немногословную, но справедливую, на тему ответственности, после чего налил себе большую порцию виски.

"Вольво" желтого цвета появилась на дорожке без двадцати двенадцать. Джеймс неподвижно сидел на стуле, сохраняя спокойствие, как и собирался. Дверь пошел открывать отец. Джеймс готовился услышать вскрик или рыдание. Розамунда заткнула пальцами уши.

Входная дверь захлопнулась, на лестнице послышались шаги. Вошла улыбающаяся Мирабель. На среднем пальце ее левой руки переливался большой брильянт. Мать Джеймса поднялась и пошла к ней, протянув руки, заглянула в лицо и спросила:

— Ты нашла нашу записку? Конечно, раз ты тут. Мирабель, не знаю, что и сказать...

Мирабель не успела ответить, как в комнате появился отец Джеймса вместе с человеком, за которого та собиралась замуж, — эдаким большим плюшевым медведем с закрученными вверх усами. Джеймс поймал себя на том, что пожимает ему руку, — все было совсем иначе, чем он себе представлял. Мирабель, рассеянная, счастливая, лучилась улыбками, предлагая всем полюбоваться ее тонкой маленькой рукой с обручальным кольцом.

— Ты звонила в больницу? Что тебе сказали?

— Я не звонила.

— Не звонила? Но как же...

— Я и так знаю, что он в порядке, Элизабет. Зачем мне, спрашивается, строить из себя дуру из-за того, что он выпил полбутылочки подкрашенной водицы?

Джеймс пристально посмотрел на нее. Веселье разом схлынуло с нее: она поняла, что́ сейчас сболтнула. Рука метнулась вверх, чтобы прикрыть рот, густая краска залила лицо. Она сделала шаг назад и потянула Гилберта Колриджа за руку.

— Боюсь, вы недооцениваете моего сына как токсиколога, — сказал отец Джеймса, а Мирабель отняла руку от лица, сделала серьезную мину и сказала, что им пора — надо поскорее дозвониться.

Теперь Джеймс все понял. Комната медленно снялась с места, пошла кругом и никак не могла остановиться. Он знал, что сделала Мирабель, и, хотя это не станет концом его жизни, не испортит его будущности, случившееся останется с ним навсегда. По глазам Мирабель он понял: она знает, что он знает.

Гости и хозяева сейчас двигались в сторону вестибюля, со всех сторон сыпались извинения, благодарности, пожелания спокойной ночи. Окружающее пространство постепенно приняло свои обычные размеры и форму. Джеймс заговорил с Мирабель впервые за день, и голос у него осекся:

— Спокойной ночи. Жаль, что я был таким дураком.

Она поняла, что́ он хотел сказать.

Джон Ле Карре
Неразлучные

Вступление к новому изданию “Шерлока Холмса”

Перевод Т. Казавчинской

Доктор Ватсон не записывает истории, он с нами разговаривает. С эдвардианской учтивостью, у тлеющего камелька. Голос у него ровный — без взлетов и падений. Ясный, энергичный, как и подобает случаю. Голос далеко не глупого колониального британца — в твидовом костюме, пребывающего в мире с собственной особой. Обладатель костюма вволю попутешествовал. Поколесил по свету, что называется, понюхал пороху. Но за границей так и не прижился. Он *отличный малый, верный до самозабвения, храбрый, как лев, на таких, как он, земля держится*... Подходят все трюизмы, но сам он вовсе не банален.

Тонкие чувства приводят доктора Ватсона в смущение. В искусстве он не силен. Зато, как и его создатель, он один из лучших рассказчиков, каких только знал мир. В тех редких случаях, когда он уступает сцену Холмсу, мы ждем, когда он вернется. Холмса, сложного, блестящего, стремительного, неуемного, небезопасно оставлять одного. О нет, он в полном порядке. Отлично маскируется, умеет залегать на дно, гримироваться так, что мать родная не узнает, притворяться мертвым или умирающим, прочесывать опиумные притоны, вступать с Мориарти в рукопашную на краю уступа, обводить вокруг пальца кайзеровского шпиона. Но все это не меняет главного — того, что сам по себе он лишь половина личности, а полной становится, лишь когда верный Ватсон вновь берет повествование в свои руки.

Слава богу, ни кипы ученых трудов, ни глубокомысленные диссертации чиновников от литературы не могут объяснить, почему один авторский голос нам слаще другого. Отчасти это вопрос доверия, отчасти — вопрос хороших или дурных манер рассказчика, отчасти — его авторитета или отсутствия такового. И отчасти — вопрос красоты, но в очень малой степени, совсем не в той, в какой бы нам хотелось. Я жажду, чтобы меня очаровали как читателя, причем с первых же строк или уж никогда, из-за чего на моих полках теснятся ряды книг, бог весть почему брошенных на двадцатой странице. Но если уж я поддался авторским чарам, дело сделано. С самого детства Конан Дойл приобрел надо мной власть. Я люблю его бригадира Жерара, и его свире-

© John Le Carré, 2004
© Т. Казавчинская, 2018

пого пирата Шарки, и его профессора Челленджера, но больше всего я люблю Холмса и Ватсона. Такую же власть он обрел над моими сыновьями, и я с удовольствием наблюдаю, как мои внуки один за другим подпадают под его обаяние.

Загляните ненароком в творческую лабораторию писателя, и поначалу вы испытаете разочарование: ни изысканных оборотов, ни редкостных прилагательных, разбросанных по странице, ни завораживающих психологических откровений. Но зато перед вами своего рода совершенство: совершенный баланс диалогов и описаний, совершенный выбор характеров, совершенное распределение действия по времени. Немудрено, что Конан Дойла, в отличие от других великих повествователей девятнадцатого и начала двадцатого веков, практически без потерь переводят на любой язык.

Профессиональные критики никогда не могли разгромить Дойла и никогда не смогут. Можно было глумиться над его спиритизмом, над его неразборчивой любовью ко всем научным открытиям подряд, можно было хулить позднего Холмса: он-де выродился и уже совсем не тот, что раньше. Но никто не обращал внимания на критиков ни в его время, ни сегодня. Сейчас, как и тогда, водители такси, государственные мужи, ученые и уличные мальчишки сидят у его ног, как зачарованные, — что доказывает, если бы требовались доказательства, что за скупостью языка скрывается великая терпимость — приятие человека во всей его сложности. Даже в его времена у Дойла было множество подражателей, неизменно и во всем уступавших ему, но преуспевающих. Если по какой-то невероятной случайности кто-нибудь из них сподобился бы придумать ужасного профессора Мориарти, готов поспорить, что Мориарти превратился бы в коварного еврея. Придумай его Джозеф Конрад, он был бы озлобленным балканским радикалом, зацикленным на уничтожении индустриального общества. Но у Конан Дойла не было на душе подобного бремени. Он знал, что зло способно жить ради самого себя. И не нуждался в ненависти и предрассудках — был достаточно умудрен жизнью, чтобы не клеить ярлыки на дьявола.

Задумайтесь, как искусно помещает он читателя между двумя своими протагонистами. Холмс — гений, бесконечно нас опережающий, и мы знаем, что никогда нам не догнать его. Да и зачем? Это и не нужно. Но не падайте духом: мы на милю опережаем еле ковыляющего простоватого доктора Ватсона! И что же в результате? Читатель, к своей радости, располагается между двумя главными героями. Есть ли в популярной литературе лучшее соответствие тому, что Томас Манн звучно окрестил противостоянием художника и обывателя?! В Холмсе, о чем нам никогда не дают забыть, воплощено стремление художника к саморазрушению. Ватсон же постоянно напоминает о присущей нам любви к социальной стабильности.

Неудивительно, что пара Холмс—Ватсон вызвала к жиз-

ни больше подражаний, чем любой другой литературный дуэт. Современная полицейская драма прибегает к нему снова и снова. Они, и только они, ответственны за кинофильмы, где действуют напарники. Нынешние триллеры тоже много потеряли бы без них. Не будь Шерлока Холмса, мог ли бы я придумать Джорджа Смайли? И без Ватсона мог ли бы я дать ему в сотоварищи Питера Гиллема? Хотелось бы верить, но вряд ли.

Мне было девять лет, когда в моей второй школе-интернате брат директора, святой человек с дивным голосом, раз в неделю в общей комнате читал нам, младшеклассникам, "Приключения Шерлока Холмса" на сон грядущий. В следующем семестре он перешел к "Собаке Баскервилей": я и сейчас слышу его голос, вижу его мощную фигуру, лысину, на которой играют блики горящих в камине углей.

— *Следы?*

Это Холмс расспрашивает Мортимера.

— *Следы.*

— *Мужские или женские?*

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

— *Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!*[1]

А теперь читайте. У вас в руках окончательная разгадка всех тайн Шерлока Холмса, собранных воедино и щедро дополненных обстоятельным научным вступлением и комментариями[2]. И не волнуйтесь: о Холмсе и Ватсоне не пишут иначе, как с любовью.

24 октября 2003

1. Перевод Н. Волжиной. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Sir Arthur Conan Doyle. The New Annotated Sherlock Holmes. Volume I: The Adventures of Sherlock Holmes. The Memoirs of Sherlock Holmes. Volume II: The Return of Sherlock Holmes. His Last Bow. The Case-Book of Sherlock Holmes / Ed. with a Foreword and Notes of Leslie S. Klinger. — NY—London: "W. W. Norton & Company", 2004.

Уистен Хью Оден
В *убийстве подозревается священник*

Эссе

Перевод Ксении Атаровой и Анны Курт

Я не иначе узнал грех, как посредством закона.

Послание к римлянам 7:7

П*ризнание*

Для меня, как и для многих других, чтение детективов сродни никотиновой или алкогольной зависимости. Симптомы таковы: во-первых, непреодолимая тяга. Если я что-то делаю, мне следует держаться подальше от детектива: ведь, начав его читать, я не могу ни работать, ни спать, пока не прочту до конца.

Во-вторых, избирательность: сюжет должен соответствовать определенным требованиям (скажем, мне трудно читать историю, которая происходит за пределами сельской Англии).

И в-третьих, однократность: прочитав детектив, я тут же его забываю и не хочу перечитывать. Если после нескольких страниц, а так иногда бывает, я вижу, что уже читал эту книгу, я прерываю чтение.

Все это убеждает в том, что для меня, во всяком случае, детективы не имеют ничего общего с произведениями искусства. Однако, возможно, анализ детектива (такого, какой доставляет удовольствие мне самому) может пролить свет не только на его магическое воздействие, но и — по контрасту — на воздействие произведения искусства.

О*пределение*

Грубо говоря, определение "Кто это сделал?" является правильным. Основная формула такова: произошло убийство, подозревают многих; все, кроме одного (убийцы), постепенно исключаются из числа подозреваемых, убийца арестован или умирает.

Это определение исключает:

1. Изучение убийц, чья вина заранее известна (например, "Злое предумышление"[1]). Есть пограничные случаи, когда убийца известен и нет неспра-

© 1948 by W. H. Auden. Reprinted by permission of Curtis Brown, Ltd. All rights reserved.
© Ксения Атарова, Анна Курт. Перевод, 2018

1. Криминальный роман (1931) Энтони Беркли Кокса (1893–1971), автора психологических детективов, пишущего под псевдонимом Фрэнсис Айлс. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

ведливо подозреваемых, но доказательство отсутствует, как, например, во многих рассказах Фримена Уиллса Крофтса[1]. Почти все они приемлемы.

2. Триллеры, шпионские рассказы, рассказы о профессиональных мошенниках, где обнаружение преступника вторично, а главное — провал преступного замысла.

В триллере интерес заключен в конфликте между добром и злом, между "мы" и "они". Интерес в наблюдении множества невиновных за страданиями одного виновного. Интерес в детективе заключен в диалектике невиновности и вины.

Подобно аристотелевскому описанию трагедии, здесь есть Сокрытие (невинный кажется виновным, а виновный — невинным) и Раскрытие (настоящий виновник обнаружен). Но возможна и загвоздка: не один поворот фортуны, а два — от кажущейся вины к невиновности и от кажущейся невиновности к вине. Формулу детектива можно изобразить так:

мирная жизнь до убийства — мнимая невиновность

ложные улики, второе убийство и т. д. — обнаружение факта вины

разрешение загадки — ложное местонахождение вины

арест убийцы — истинное местонахождение вины

восстановление мира после ареста — катарсис

истинная невиновность.

В греческой трагедии зрители знают правду, действующие лица не знают ее, но по ходу развития сюжета открывают для себя эту правду либо дают свершиться неизбежному. В трагедии Нового времени, скажем, елизаветинской, зрители знают не меньше и не больше самых сведущих исполнителей. В детективе читатели не знают правды, а один из персонажей (убийца) знает ее; сыщик по своей воле направляет все усилия, чтобы открыть и обнародовать то, что убийца по своей воле старается скрыть.

В греческой трагедии и детективе есть одна общая черта, отличающая их от современной трагедии, а именно: характеры персонажей не меняются за время действия и в результате того, что с ними происходит, — в греческой трагедии потому, что все предопределено, в детективе потому, что главное событие — убийство — уже произошло. Поэтому время и место — это просто когда и где произойдет решающее событие или просто что должно случиться и что уже случилось. Вследствие этого детектив должен (и обычно так и бывает) подчиняться классическим единствам, тогда как в современной трагедии, где характеры развиваются во времени, следование единствам выглядит как tour de force. А триллер, как плутовской роман, даже требует частой смены времени и места.

Почему убийство?

Есть три вида преступлений: (A) грехи против Бога и ближнего (или ближних); (B) грехи против Бога и общества; (C) грехи против Бога. (Разумеет-

1. Фримен Уиллс Крофтс (1879—1957) — англо-ирландский автор детективов.

ся, любое преступление есть грех против самого себя.)

Убийство (и только оно) относится к классу В. Персонаж, обычный для любого преступления, в классе А может (во всяком случае теоретически) либо возместить ущерб потерпевшей стороне (например, украденные вещи возвращены), либо потерпевшая сторона может простить преступника (скажем, в случае изнасилования). Следовательно, общество в целом затронуто лишь косвенно; его представители (полиция и т. д.) действуют в интересах потерпевшей стороны.

Убийство отличается от других преступлений тем, что устраняет потерпевшего, поэтому общество должно занять место жертвы и от ее лица требовать возмещения ущерба или даровать прощение; это единственное преступление, в расследовании которого напрямую заинтересовано общество.

Многие детективные романы начинаются со смерти, которая сначала представляется самоубийством, но позднее оборачивается убийством. Самоубийство — это преступление, относящееся к классу С, в котором не заинтересованы (прямо или косвенно) ни ближние преступника, ни общество. Пока не опровергнута версия самоубийства, никто не вправе проявлять любопытство к подробностям дела. Как только доказано, что произошло убийство, официальное расследование становится обязанностью общества.

В детективе, как правило, пять групп участников: окружение, жертва, убийца, подозреваемые, сыщики.

Окружение (люди)

Требование детектива:

1. Замкнутое общество, при котором появление чужака-убийцы (а тогда общество было бы совершенно невиновно) исключено, при этом все представители этой группы тесно связаны между собой, так что подозревают всех (сравните с триллером, который требует открытого общества, где любой чужак может оказаться как другом, так и замаскированным врагом).

Этим условиям отвечает: a) группа близких родственников (рождественский обед в загородном доме); b) соседи, живущие недалеко друг от друга (деревня в Старом Свете); c) группа коллег (театральная труппа); d) группа людей, оказавшихся в замкнутом пространстве (пассажиры в пульмановском вагоне).

В последнем случае принцип “сокрытие—раскрытие” соблюдается не только по отношению к убийце, но и ко всем членам группы, которые поначалу кажутся никак не связанными друг с другом, но позднее выяснится, что связаны.

2. Окружение должно казаться в высшей степени невинным обществом, находящимся в состоянии благодати, то есть обществом, где нет нужды в законе, нет противоречия между эстетическим индивидуумом и этическим универсумом и где убийство — неслыханный акт, бросающий в пучину кризиса (так как оно обнаруживает, что один из членов общества пал и не пребывает более в благодати). Тогда закон становится реальностью, и на какое-

то время все должны пребывать в его тени, пока падший не выявлен. С его арестом невинность восстановлена, и закон удаляется навсегда.

Поэтому персонажи детектива должны быть эксцентричными (эстетически привлекательными) и добрыми (с врожденным этическим чутьем) — во всяком случае, добрыми, согласно первому впечатлению, которое на поверку оказывается ложным, либо они действительно поборники добра, которое вначале скрывалось под маской зла.

Многие авторы детективов, руководствуясь здоровым инстинктом, выбирают в качестве места действия колледж. Господствующая страсть идеального профессора — погоня за знаниями как таковыми, поэтому с другими людьми он связан лишь косвенно — их связывает лишь стремление к истине; такие страсти, как вожделение, алчность, зависть, которые напрямую связывают людей и могут привести к убийству, в его случае полностью исключены. Если убийство происходит в колледже, значит, один из коллег не только плохой человек, но и плохой преподаватель. Базовая предпосылка академической науки, что истина универсальна и распространяется на всех, предполагает, что знание (gnosis) о конкретном преступлении сродни познанию абстрактных идей, хотя такой параллелизм несколько пародиен.

(Еще более неподходящей ситуацией является убийство в монастыре; оно исключено, так как монахи регулярно исповедуются, и, хотя убийца может не признаться в преступлении, другие подозреваемые, виновные в мелких грехах, не станут их скрывать, иначе само их пребывание в монастыре было бы абсурдным. Кстати, можно ли считать случайностью, что детективный жанр расцвел преимущественно в протестантских странах?)

Кроме того, автор детективов достаточно опытен — он выбирает общество с устоявшимися обычаями и традициями и подробно его описывает. Обычаи указывают на гармонию между эстетикой и этикой, при которой тело и ум, индивидуальная воля и всеобщие законы не противоречат друг другу. Знание местных обычаев помогает убийце совершить преступление, и поймать его может лишь тот, кто знает их столь же хорошо или даже лучше.

О*кружающая обстановка (природа)*

В детективе, как и в его зеркальном отражении — повествовании о поиске чаши Грааля, желательно, чтобы был соблюден ритуал места и ритуал времени.

Природа должна быть отражением населяющих ее людей, то есть она должна быть Великим Местом Добра, потому что, чем больше это место походит на Эдем, тем сильней ему противоречит убийство. Сельская местность предпочтительней города, богатый район (но не слишком роскошный, иначе возникнет подозрение в неправедном богатстве) лучше трущоб. Труп должен шокировать не только потому, что это труп,

но и потому, что он здесь шокирующе неуместен, словно оставленная собакой куча на ковре в гостиной.

Мистер Раймонд Чандлер написал, что собирается убрать тело из сада приходского священника и вернуть убийство тем, кто знает в этом толк. Если он хочет писать детективы, то есть истории, где главный интерес читателя заключается в том, кто убил, то он жестоко ошибается, потому что в среде профессиональных преступников единственно возможным мотивом для желания обнаружить убийцу являются шантаж и месть, которые направлены на отдельных лиц, а не на общество в целом, но в равной мере могут повлечь за собой убийство. Что бы ни говорил мистер Чандлер, думаю, что он заинтересован в создании не детектива, а серьезного исследования преступного мира — Великого Места Зла, и его мощные, но чрезвычайно гнетущие книги нужно читать и оценивать не как развлекательную литературу, а как произведения искусства.

Жертва

Жертва должна удовлетворять двум противоречивым требованиям. Она должна вовлекать всех в круг подозреваемых — тогда требуется, чтобы это был отрицательный персонаж, и она должна вызывать у всех чувство вины — тогда это положительный персонаж. Жертва не может быть преступником, потому что тогда его судили бы по закону и убивать его было бы незачем. (Единственное преступление, в котором он может быть повинен, — шантаж.) Чем большему числу людей хотелось бы его убить, тем лучше; жажда свободы — предпочтительнее, чем только деньги или только секс. Наилучшие жертвы — плохой отец или плохая мать.

Если происходит более одного убийства, то вторая жертва должна быть более невиновной, чем первая, то есть убийца, столкнувшись с действительной несправедливостью и начав бороться с ней незаконными средствами, в дальнейшем, против своей воли и усугубляя свою вину, вынужден убить еще одного ни в чем не провинившегося перед ним человека.

Убийца

Убийца — отрицательный персонаж, бунтарь, претендующий на право быть всемогущим. Его пафос в том, что он не согласен страдать. Задача писателя постараться скрыть его дьявольскую гордыню от других персонажей и читателей, ведь если человеку присуща гордыня, она проявляется во всем, что он говорит и делает. Поразить читателя, когда убийца разоблачен, и в то же время убедить читателя, что все, что говорилось об убийце раньше, соответствует его преступной натуре, — вот тест на качество детектива.

Из трех вариантов возмездия — казнь, самоубийство, безумие — первый предпочтительней. Если убийца кончает с собой, он отказывается от раскаяния, если сходит с ума, он не может раскаяться, а если он не

раскаивается, общество не может его простить. С другой стороны, казнь — искупление, благодаря которому общество прощает убийцу. В жизни я противник смертной казни, но в детективе у убийцы не должно быть будущего...

Подозреваемые

Общество в детективе состоит из внешне невинных личностей, это значит, что их эстетические пристрастия не противоречат их этическим обязательствам перед миром. Убийство — разрушительное действие, в результате которого невинность утеряна, теперь личность и закон противостоят друг другу. В отношении убийцы эта оппозиция вполне реальная, в отношении подозреваемых — по большей части мнимая.

Но чтобы существовало это кажущееся противоречие, в нем должно быть и что-то от реальности, то есть неправильно, если подозрения будут основаны просто на случайности или вызваны лишь ухищрениями убийцы. Подозреваемые должны быть в чем-то виновны, так как теперь эстетика и этика противостоят друг другу, и, если подозреваемые полностью невиновны (не нарушают законов этики), они утрачивают эстетический интерес для читателя.

Подозреваемые могут быть виновны в следующем:

1. желании или даже намерении убить;

2. преступлениях из класса А или пороках из класса С (незаконная любовная связь), которые подозреваемый боится или стыдится открыть;

3. интеллектуальной гордыне (hubris), когда человек сам пытается раскрыть преступление и презирает полицию (уверенность в превосходстве эстетики над этикой). Если эта гордыня достаточно сильна, человек погибает;

4. гордыне невиновности, не позволяющей помогать расследованию;

5. отсутствии веры в любимого человека, которого тоже подозревают, заставляющем подозреваемого скрывать или путать следы.

Сыщик

Безупречные сыщики чрезвычайно редки. Я знаю только троих: Шерлок Холмс (Конан Дойл), инспектор Френч (Фримен Уиллс Крофтс) и отец Браун (Честертон).

Задача сыщика — восстановить состояние благодати, в котором эстетика и этика едины. Поскольку убийца, нарушивший это единство, не повинуется эстетическому чувству, его оппонент — сыщик должен быть либо официальным представителем этического начала, либо исключительной личностью, исполненной благодати. В первом случае он — профессионал, во втором — любитель. В любом случае сыщик должен быть совершенно посторонним человеком, непричастным к преступлению, за исключением местной полиции или, как я полагаю, случаев, когда сыщик — друг одного из подозреваемых. Профессиональный сыщик обладает преимуществом: по-

скольку он не частное лицо, а защитник общественной этики, у него нет личных мотивов для расследования преступления, но в силу тех же причин он не может смотреть сквозь пальцы на мелкие этические прегрешения подозреваемых, поэтому ему труднее завоевать их доверие.

С другой стороны, большинство сыщиков-любителей небезупречны: они либо самодовольные супермены, как лорд Питер Уимзи[1] и Филон Вэнс[2], для которых расследования не более чем прихоть, либо, подобно сыщикам школы "крутого детектива"[3], ими движет алчность или честолюбие, то есть они и сами могли бы быть убийцами.

Гениальный сыщик-любитель может иметь слабости, вызывающие к нему эстетический интерес, но они не должны оскорблять этическое чувство. Самые простительные слабости — вкусная еда и выпивка или мальчишеское бахвальство. В отношении секса сыщик должен либо сохранять целибат, либо состоять в счастливом браке.

1. Сыщик из романов Дороти Ли Сэйерс (1893–1957) "Труп в оранжерее", "Неприятное происшествие в Беллонском клубе, или Наперегонки со смертью", "Пять отвлекающих маневров", "Почерк убийцы, или Девять ударов за упокой" и др.
2. Сыщик из знаменитого фильма 1930 г. "Дело об убийстве епископа".
3. Школа "крутого детектива" — разновидность более жесткого, несентиментального, даже циничного детектива, возникшая в середине 20-х гг. прошлого века в творчестве Кэрролла Джона Дейли, Дэшила Хэммета и, позднее, Рэймонда Чандлера.

Между сыщиком-любителем и профессиональным полицейским стоит адвокат по уголовным делам, чья цель (telos) не раскрыть преступление, а доказать, что его клиент невиновен. Его этическое оправдание в том, что человеческий закон этически несовершенен, то есть не является абсолютной манифестацией универсального и божеского, а подвержен случайным эстетическим ограничениям, значит, зависит от ума или глупости конкретного полисмена или присяжных (вследствие чего невинный человек может быть иногда несправедливо осужден).

Чтобы исправить это несовершенство, решение принимается в эстетической схватке: интеллект защиты против интеллекта обвинения, подобно тому как в былые времена спорные случаи решались в бою между обвиняемым и обвиняющим.

Поэтому адвокат (например, Джошуа Кланк[1]) никогда не бывает полностью прав, так как предан своему клиенту, которого не может оставить, не нарушив своих обязанностей адвоката, даже если его клиент действительно виновен.

Ш*ерлок* Х*олмс*

Холмс — исключительная личность, которая пребывает в благодати, так как является гением, у которого научная любозна-

1. "Адвокат с елейными манерами и сомнительной репутацией" из романа Генри Бейли "Тайна Гарстонов".

тельность доведена до статуса героической страсти. Он — эрудит, но в узко профессиональной области (скажем, он имеет смутное представление о гелиоцентрической системе Коперника); во всем, что не относится к его деятельности, он беспомощен, как ребенок (вспомним его неопрятность). За свою приверженность науке (пренебрежение чувствами) он расплачивается меланхолией, которая накатывает на него каждый раз, когда он не занимается очередным расследованием (отсюда его игра на скрипке и увлечение кокаином).

Его желание стать сыщиком (позитивный мотив) — любовь к истине (чувства виновных или невиновных его не интересуют), а также (негативный момент) стремление уйти от меланхолии. Его отношение к людям, а также способ наблюдения и дедукции такие же, как у химика или физика.

Он выбирает людей, а не бездушную материю, потому что изучать неодушевленные предметы легче, в этом нет ничего героического: в отличие от людей они не могут лгать; общаясь с людьми, нужно обладать куда более острой наблюдательностью и железной логикой.

Инспектор Френч

По своему происхождению и культурному уровню он — типичный инспектор Скотланд-Ярда. (Тип старого инспектора, выпускника Оксфорда, непереносим.) Им движет долг. Холмс расследует преступления из любви к искусству и равнодушен ко всем проявлениям чувств, кроме чувства самосохранения. Френч расследует преступления ради невиновных представителей общества и безразличен только к собственным чувствам и чувствам убийцы. (Он предпочел бы оставаться дома с женой.) Он исключителен лишь в своей исключительной преданности долгу, которая делает его исключительно скрупулезным; он делает не более того, что могли бы делать и другие, обладай они его исключительным терпением (находит малейшие просчеты в алиби, которые в спешке были упущены). Он может перехитрить убийцу отчасти потому, что тот не столь скрупулезен, а отчасти потому, что убийца действует в одиночку, тогда как Френчу помогают все честные люди, исполняющие свой долг: почтальоны, железнодорожные служащие, молочники и т. д., которые случайно оказались свидетелями.

Отец Браун

Он, подобно Холмсу, любитель; однако, подобно Френчу, не одинокий гений. Расследования преступлений — лишь часть его миссии пастыря, пекущегося о людских душах. Им прежде всего движет сострадание, в котором более всего нуждается виновный, а не невинные. Он расследует убийство не из интереса как такового и даже не ради невиновного, а ради убийцы, который может спасти свою душу, признавшись и раскаявшись. Он распутывает преступления, подходя

к ним не объективно, как ученый или полицейский, а субъективно, воображая себя убийцей, и этот способ полезен не только убийце, но и самому отцу Брауну: ведь, по его словам, это позволяет человеку раскаяться заблаговременно.

Холмс и Френч могут помочь убийце лишь как учителя: они могут объяснить, что его преступление будет раскрыто и за ним последует расплата. Ничего большего они сделать не в силах, поскольку убийство их не вводит в соблазн: Холмс слишком одаренный человек, Френч слишком добродетельный. Отец Браун может сделать нечто большее и быть живым примером человека, которого тоже соблазняет убийство, но который, благодаря своей вере, может устоять перед искушением.

Ч*итатель*

Самое любопытное в детективе то, что чаще всего им увлекаются люди, равнодушные к другим видам развлекательной литературы. Типичный любитель детективов — врач, священник, ученый, художник, то есть вполне успешный профессионал, мыслящий и начитанный в своей области, который не переваривает “Сатердей ивнинг пост”, “Правдивые признания”[1], киножурналы и комиксы. Если я спрашиваю себя, почему меня оставляют равнодушным истории о сильных молчаливых мужчинах и прелестных девушках, которые предаются любви на лоне природы и получают в финале миллион долларов, то я не могу сказать, что никогда не представляю себя красивым, любимым и богатым, потому что — да, представляю (хотя, возможно, я достаточно преуспел в жизни, чтобы не быть столь наивным или завистливым, как некоторые). Но могу сказать, что я слишком хорошо осознаю нелепость подобных желаний, чтобы получать удовольствие от чтения таких сюжетов в печатной продукции.

Я могу сопротивляться подобным желаниям и искушениям, но не могу не иметь их, и то, что они у меня есть, вызывает у меня угрызения совести, поэтому вместо того чтобы позволить себе подобные удовольствия хотя бы в мыслях, я думаю о том, как избавиться от искушений и чувства вины. Это происходит все время и это неизбежно, потому что вина — субъективное чувство, и всякий следующий шаг ее удваивает: вина за то, что чувствую себя виноватым. Подозреваю, что типичный читатель детективов, как и я, страдает от ощущения греха.

С точки зрения этики, желания и поступки бывают хорошими и дурными, и я должен выбрать добро и отринуть зло, но “я”, которое делает этот выбор, — само по себе нейтрально, оно становится добрым или злым только из-за своего выбора. Испытывать чувство греха — значит чувствовать себя виноватым за то,

1. Журнал, рассчитанный в основном на молодых женщин, основан в Миннесоте в 1922 г., первый редактор Джек Смолли.

что нужно сделать этический выбор, и эта вина, каким бы "добрым" я ни стал, никуда не исчезает. Иногда говорят, что детективы читают почтенные, законопослушные граждане, чтобы в своем воображении утолить жажду убийства или насилия, которую они не осмеливаются или стыдятся осуществить на деле. Возможно, это относится к читателям триллеров (которые мне редко доставляют удовольствие), но не имеет никакого отношения к читателям детективов.

Наоборот, магическое удовольствие, которое доставляют детективы (которое и делает их развлекательным чтивом, а не произведением искусства), заключается в иллюзии нашей отстраненности от убийцы.

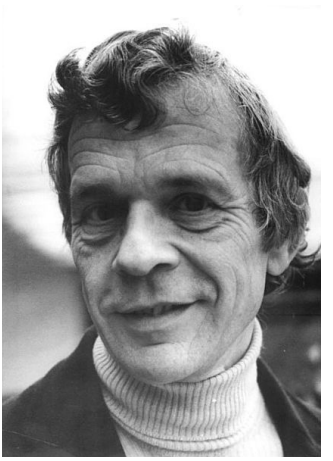
Магическая формула, скорее, в том, что невинность содержит вину, а не в подозрении в вине другого, которое с него снято; исцеление происходит не благодаря мне или моим ближним, а благодаря чудесному вмешательству гения извне, который устраняет вину тем, что дарует знание об этой вине. (Таким образом детектив подтверждает фантазию Сократа: "Грех — это невежество".)

Если говорить о произведении искусства, рассказывающем об убийстве ("Преступление и наказание", к примеру), то его цель — заставить читателя идентифицировать себя с убийцей, чего читатель предпочел бы не признавать. Идентификация в фантазийном жанре — всегда попытка избежать собственных страданий, идентификация в произведении искусства есть разделение с другим его страданий. "Процесс" Кафки — другой пример разницы между произведением искусства и детективом. В детективе точно известно, что преступление совершено, но до поры до времени неясно, кто в нем виновен; как только преступник найден, невиновность всех остальных становится очевидной. (Если бы вдруг обнаружилось, что никакого преступления не было, тогда все были бы невиновны.) В "Процессе", наоборот, вина очевидна, а в отношении преступления все неясно; цель расследования, которое ведет герой, — не доказать свою невиновность (это было бы невозможно, ведь он знает, что виновен), а обнаружить, что́ он сделал, и сделал ли что-либо, чтобы стать виновным. По существу, главный герой Йозеф К. — это портрет человека, который читает детективы, чтобы уйти от реальности.

Таким образом, фантазия, которой предается любитель детективов, — это мечта о возвращении в сад Эдема, в состояние невинности, где он может познать любовь как любовь, а не как закон. Движущей силой этой мечты является ощущение вины, причина которой неизвестна мечтателю. Стремление уйти от реальности будет все тем же, как бы эту вину ни объясняли — в христианских, фрейдистских или других терминах. С другой стороны, то, как человек встречает реальность, конечно зависит, в значительной степени, от его веры.

1948

Саул О'Хара



Последнее дело инспектора Кемпбелла, или Женитьба – всегда риск

Пьеса-пародия

Перевод Э. Венгеровой

Действующие лица:

Инспектор Кемпбелл
Полковник Джон Броклсби
Лидия Барбент
Гонория Додд
Ланс Флетчер
Дженнифер
Полл
Перкинс, Дворецкий

© Peter Hacks
© Э. Венгерова. Перевод, 2018

Место действия:

Пролог: променад на набережной.
Акт первый: холл в доме Броклсби.
Акт второй: там же.
Акт третий: там же.

Пролог

Променад на набережной. Солнечный день. Полковник и Инспектор прогуливаются, ведя непринужденную беседу.

Инспектор. Нужно состариться, полковник. Состариться, чтобы понять: жизнь начинается в старости. Именно тогда, когда, по мнению зеленых юнцов, она уже прошла. Только старость располагает нас к безделью. Безделье — это искусство, полковник. Единственное искусство, которым не владеют вундеркинды.

Полковник. Значит, отставка вас устраивает?

Инспектор. Отставка — состояние мудрости. Все становится не важным. Важно только кресло, в котором вы живете; библиотека, где вы роетесь в книгах; трубка, которую вы курите. Видел я одну трубку, полковник, в антикварной лавке, недалеко отсюда. Настоящая пасторская пенковая трубка, такие курили лет двести тому назад. С резной головкой и изогнутым чубуком длиной в пятнадцать дюймов. Вот уж полвека я курю этот огрызок, и только теперь понял, что табачный дым должен остывать. Все удовольствия должны остыть. Лишь глупая молодежь заменяет вкус накалом страстей... Ах, эта трубка, полковник... Так я представляю себе счастье.

Полковник. Почему же вы ее не купили?

Инспектор. Не имею права. Я не на пенсии.

Полковник (*поражен*). Не на пенсии?

Инспектор. Нет.

Полковник. Уж не хотите ли вы намекнуть, что приехали в Брайтон по долгу службы?

Инспектор. По долгу службы.

Полковник. Полагаю, вы ошибаетесь. Я собственными глазами читал в газетах, что вы вышли в отставку. Вот смотрите сами, я собрал все вырезки.

Инспектор. Помилуйте, полковник. Уж не настолько вы молоды, чтобы верить газетам.

Полковник. Возмутительно.

Инспектор. Что именно? Что я еще на службе?

Полковник. Состояние нашей прессы.

Инспектор. Я искренне надеюсь, что вы не имеете ничего против моей профессии.

Полковник. Я? Против полиции? Ровно ничего. Я джентльмен, живу на свои доходы. Что значат доходы без полиции? Деньги нуждаются в полицейском обеспечении даже больше, чем в обеспечении золотом. Если воры и алчные элементы будут отбирать у нас все, что им понадобится, кто их остановит? И до чего мы докатимся?

Инспектор. Приятно слышать. Ваша точка зрения мне импонирует.

Полковник. Моя? Просто британская. Могу я узнать, когда вы уйдете в отставку?

Инспектор. Через месяц.

Полковник. И вы еще хотите работать?

Инспектор. Я должен, полковник. Должен.

Полковник. Выдвигать такие требования... Ваше начальство не слишком гуманно.

Инспектор. Видите ли, собственно говоря, это, скорее, мое требование. Я готовлюсь к своей смерти.

Полковник. К своей смерти?

Инспектор. Да, полковник. Видите ли, молодежь безгранично невежественна. Она считает смерть чем-то ужасным. Невообразимым. Но природа использует последние десятилетия нашей жизни, чтобы подготовить нас к смерти. Кровь замедляет бег. Инстинкты перестают возбуждать нашу плоть. Цели ускользают из поля зрения. Так что смерть — это тихое погружение в забытье. Ничего ужасного. Но что железными кандалами приковывает нас к жизни? Нерешенные задачи. Удачная смерть человека зависит от того, была ли удачной его жизнь.

Полковник. А вы, значит, не удовлетворены своей жизнью, инспектор?

Инспектор. Моя жизнь, как сказали бы скульпторы, — это торс.

Полковник. Торс? Ах, вы имеете в виду эти человеческие фигуры, которым не хватает головы?

Инспектор. В моем случае, конечно, речь идет о тех, которым пока еще не хватает головы. Короче говоря, полковник, быть может, я когда-нибудь заменю свою обгрызанную трубку на пасторскую пенковую. Но это

зависит от того, удастся ли мне за месяц закончить те два дела, расследованием которых я занимаюсь несколько десятилетий.

Полковник. Вы возбуждаете мое любопытство. Неужто один из самых успешных криминалистов Англии десятилетиями безрезультатно расследует дела?

Инспектор. Речь идет о двух самых успешных убийцах Англии.

Полковник. Вас не затруднит рассказать мне об этом? Я старый солдат, инспектор. Я еще никогда не имел дела с убийцами.

Инспектор. Одно дело могло бы вас заинтересовать. Представьте себе мужчину, который был женат шесть раз.

Полковник. Но это не преступление, инспектор. Это наказание.

Инспектор. Выгодно женат.

Полковник. Ах, так.

Инспектор. Все его жены были богаты. Ему досталось наследство. Всех шестерых. Его состояние огромно. Он уважаемый гражданин Британии. С ним общаются священники, чиновники, политики. Поразительно, не правда ли?

Полковник. Простите мою непонятливость, инспектор. Я такой тугодум. Не улавливаю криминальной стороны этого казуса.

Инспектор. Неужели я забыл упомянуть, что он убивал своих жен? Ну, конечно, убивал. Он их умертвил, всех шестерых.

Полковник. Просто Синяя Борода.

Инспектор. Просто хладнокровный бизнесмен, извлекающий максимальную выгоду из минимального капитала — молотка, пилы, нескольких бутылок яда.

Полковник. Чудовище.

Инспектор. Джентльмен.

Полковник. Почему вы его не арестуете?

Инспектор. Дорогой полковник, у меня нет доказательств. Ни малейших.

Полковник хихикает.

Все шесть убийств могли быть и несчастными случаями. Конечно, такое скопление несчастий — дело редкое, но ведь бывают люди, которым не везет.

Полковник (*с пониманием*). Неудачники.

Инспектор. Мне известно каждое из его злодеяний, но я не в силах что-либо доказать.

Полковник. Поразительный человек.

Инспектор. Бесспорно. Хотя я никогда не понимал, что, черт возьми, находили в нем эти женщины. Так-то, полковник Броклсби.

Полковник. Вы обо мне, дорогой инспектор?

Инспектор. Вы немолоды и, судя по фотографиям, никогда не были красавчиком. Вы не блещете ни интеллектом, ни обаянием, ни знаниями. Вы — идеал заурядности. В чем секрет ваших успехов? Или именно это и есть ваш секрет?

Полковник. А, понимаю. Вы шутите. Нет ничего более забавного, чем добрый, старый, истинно английский юмор. Увы, я не понял, в чем соль вашей отличной шутки, инспектор. Прошу приписать мою непонятливость к числу моих пороков. (*Раскланивается.*)

Инспектор. Увы, это мой просчет. Вас не затруднит забрать утренние газеты, дорогой Полковник?

Полковник. Ничуть не затруднит, дорогой Инспектор. (*Уходит.*)

Инспектор читает газету. Появляются Барбент и Додд.

Додд. Человек добр, миссис Барбент. Можете поверить мне на слово.

Барбент. Придется поверить вам на слово, мисс Додд, ибо у меня нет иного доказательства вашей правоты.

Додд. В наших головах полно заблуждений. Они попадают туда необъяснимым образом, и самое худшее из них называется преступлением. Бывают же на свете невежественные мозги. Но дурных сердец не бывает. Просто не бывает.

Барбент. И это говорите вы, начальница исправительного заведения для юных негодяек?

Додд. Миссис Барбент, не следует называть так моих воспитанниц. Вы их не знаете. Разумеется, кое-кто из них не имеет четкого понятия о неприкосновенности частной собственности, а кое-кто дурно воспитан и не признает авторитетов. Но это милые девочки. И у каждой есть сердце.

Барбент. Все они рецидивистки.

Додд. Что было, то прошло. Человек — вчера один, сегодня другой. Мои подопечные — дети из плоти и крови, и, с

тех пор как я их знаю, ни одна из девочек не совершила деяния, способного омрачить ее сердце.

Барбент. Ваша доверчивость неизлечима.

Додд. Необоснованное недоверие — серьезная ошибка, миссис Барбент. Надеюсь, вы говорите все эти циничные и пессимистичные вещи не только из опасения, что я попрошу у вас денег для моего приюта, где содержатся девушки, несведущие в вопросах морали.

Барбент. Дорогая мисс Додд, я не испытываю ни малейшего уважения к вашим противным девчонкам, но тем большее уважение вызывают у меня ваши взгляды.

Додд. Это очень любезно с вашей стороны. Я была бы весьма вам признательна, если бы вы предоставили в наше распоряжение определенную сумму. Хорошо бы крупную. Откровенно говоря, я на грани разорения. Вы знаете, что мне пришлось уволить эконома?

Барбент. Перкинса?

Додд. Вы обратили на него внимание, не так ли? Он самый безупречный эконом Британии. Он все умеет, все знает, все находит.

Барбент. А он умеет хранить секреты?

Додд. Он — сама скромность. Расстаться с ним — огромная жертва с моей стороны. Я решилась на нее ради моих девочек. И даже это не принесло мне существенного финансового облегчения. Но не могу же я снова выставить их на улицу. Обстоятельства жизни не позволят им руководствоваться принципами, которые я им внушила.

Входит Флетчер.

Флетчер. Прошу прощения. Вы мисс Додд, не так ли? Одна из ваших очаровательных учениц сказала, что я могу найти вас здесь. Она описала мне вас как даму в самой замечательной шляпе с самыми добрыми глазами. Удачная дефиниция, как говорят философы. Меня зовут Флетчер.

Додд. Вы — тот самый мистер Флетчер?

Флетчер. Тот самый.

Додд. Рада знакомству, мистер Флетчер. Как поживает мистер Бомонт?

Флетчер. К сожалению, должен сообщить вам, что он умер, мадам. Но он умер счастливым.

Додд. Мистер Флетчер, вы — тот молодой человек, который должен был преподавать в моей школе? Господи, да это же катастрофа.

Флетчер. Отнюдь, мадам.

Додд. Во всем виноват телеграф. Почта ужасно ненадежна. Видите ли, мистер Флетчер, вам не следовало приезжать, я уведомила вас об этом телеграммой. Неужели я забыла ее отправить? Терпеть не могу телеграмм. Ненавижу эти печатные буквы, эти наклеенные подписи. Они такие безликие, вы не находите? Короче говоря, мистер Флетчер, со времени нашей первой корреспонденции, моя ситуация, к сожалению, очень изменилась. Я не смогу вас оплачивать. И вы приехали напрасно.

Флетчер. Понятно, мисс Додд. Если вы меня не возьмете, значит, я зря сюда явился.

Додд. Не повезло вам. Мне очень жаль. Пожалуйста, дайте мне прийти в себя, я все вам объясню. Но прежде... Дорогая миссис Барбент, это мистер Флетчер, молодой педагог, подающий большие надежды. Миссис Барбент — дама, чья доброта сделала ее последним оплотом нашего маленького предприятия.

Флетчер. Добрый день, миссис Барбент.

Барбент. Прошу вас, мистер Флетчер, не питать иллюзий относительно моих добродетелей. Только симпатия к нашей милой Гонории, которой трудно в чем-либо отказать, и суетное желание придать некоторый вес моему скромному положению в свете, побуждают меня время от времени приходить на помощь приюту.

Додд. Мистер Флетчер, я открою вам всю правду. Я не могу себе позволить взять на работу еще одного учителя. Мои средства исчерпаны. Даже если я буду очень экономной, то продержусь на плаву лишь несколько месяцев. Я рассчитывала на получение скромной ссуды от государства, но мне написали, что в настоящий момент не располагают деньгами. У них, дескать, снова появилась возможность выгодно купить подводную лодку или что-то вроде. Так-то, дорогой мистер Флетчер...

Флетчер. Но мисс Додд, все это вы сообщили мне в телеграмме.

Додд. В телеграмме?

Флетчер. Да.

Додд. Разве вы не сказали, что не получали телеграмму?

Флетчер. Конечно, нет. Ведь в той телеграмме вы мне отказали.

Додд. Но тогда зачем же вы приехали?

Флетчер. Работать, мисс Додд. И раз вы не можете платить, я для начала поработаю бесплатно.

Додд. Мистер Флетчер, решительно заявляю вам: так дело не пойдет.

Флетчер. Пойдет.

Додд. Молодой человек должен зарабатывать деньги.

Флетчер. Он должен жить, и жить в свое удовольствие. Работа — главное удовольствие моей жизни, мисс Додд. И мне это нравится. Немного денег у меня найдется.

Додд. Сколько у вас денег?

Флетчер. На жизнь хватает.

Додд. Значит, денег нет.

Флетчер. Есть, мисс Додд.

Додд. Сколько?

Флетчер. Сто фунтов в год.

Додд. Этого не хватит даже на содержание памятника, не говоря уж о живом молодом человеке. Будь у вас много денег, мистер Флетчер, я бы взяла вас, не раздумывая. Я считаю, что мое заведение изменяет к лучшему судьбы людей. Но я не стану никого разорять, даже во имя гуманности.

Флетчер. Только себя, не так ли?

Додд. Мистер Флетчер, будьте любезны, не переходите на личности. У нас с вами чисто деловой разговор.

Флетчер. Хорошо. Уверяю вас, меня привел к вам научный интерес. Хочу повысить свою квалификацию. Ваше учреждение имеет прекрасную репутацию в профессиональных кругах.

Додд. Да, у нас благие намерения. И никакой я не профессионал, а просто люблю свое дело. Я хочу сказать... Мистер Флетчер, своими комплиментами вы пытаетесь заговорить мне зубы.

Флетчер. Конечно. Когда приступаем к работе?

Додд. А вы упрямый.

Флетчер. То есть самый подходящий кадр для трудновоспитуемых детей.

Додд. Боюсь, что так оно и есть.

Флетчер. По рукам, мисс Додд.

Барбент. Очаровательный юношеский пыл! Наш мир был бы намного лучше, если бы все молодые люди проявляли подобную самоотверженность. А не приверженность мотогонкам или большевизму. Сегодня же пришлю вам ваш чек, дорогая Гонория.

Додд. Вы святая, вы ангел, миссис Барбент.

Флетчер. Миссис Барбент.

Додд и Флетчер уходят. Инспектор откладывает газету.

Инспектор. Доброе утро, миссис Барбент

Барбент. Вы?

Инспектор. Собственной персоной.

Барбент. Какого черта вы сюда явились?

Инспектор. Ради вас, миссис Барбент.

Барбент. Я думала, вы на пенсии.

Инспектор. Вы не думаете, вы читаете газеты. К сожалению, вас неточно информировали. Я буду наслаждаться досугом и чистым созерцанием только через месяц. А до тех пор мне предстоит тяжелая работа. Скажу вам по секрету, мне нужно расследовать еще два дела.

Барбент. Интересно, чем я заслужила такое доверие со стороны полицейского?

Инспектор. Шестью убийствами, миссис Барбент.

Барбент. Что это значит?

Инспектор. Это значит, что в течение вашей, правда, довольно долгой жизни вы шесть раз выходили замуж. Ваши мужья, а именно мистер Инглторп, мистер Масгрейв, мистер Клитеринг, мистер Нокс, мистер Мередит и мистер Барбент, были вами убиты, и вы унаследовали их состояния. Так что вы — одно из упомянутых мною дел.

Барбент. Я говорила вам, что вы ошиблись, инспектор. И не один раз.

Инспектор. Шесть. Шесть раз.

Барбент. И Скотланд-Ярд может ошибаться.

Инспектор. Да, но не шесть раз.

Барбент. В таком случае, я требую, чтобы вы меня арестовали.

Инспектор. Рад бы, но не могу, миссис Барбент. К моему величайшему сожалению, у меня нет доказательств.

Барбент. И вы имеете дерзость говорить об этом?

Инспектор. Только с вами, миссис Барбент. Вы же не станете трубить направо и налево о нашей беседе.

Барбент. Вы всерьез полагаете, что я стану беседовать с вами о ваших фантазиях?

Инспектор. Миссис Барбент, человеку нужен не только успех, ему нужно признание. Самый возвышенный гений хочет видеть отражение своего деяния в восхищенных взорах людей. Надеюсь, вам будет приятно поболтать со знатоком о вашем мастерстве.

Барбент. Бесцеремонность британской полиции превосходит даже ее бездарность. Прощайте, инспектор, не смею вас задерживать.

Инспектор (*делая вид, что не услышал намека*). Позвольте мне продолжить прогулку. Вон идет полковник Броклсби. (*Окликает его.*) Полковник!

Барбент. Кто этот жалкий коротышка? Еще один полицейский?

Инспектор. Увы, всем известно, что я работаю один. Это полковник Броклсби, как говорят, богатый бездельник. Но позвольте мне...

Барбент. Останьтесь, мистер Кемпбелл. Не думаю, что джентльмен может оставить даму одну посреди дороги. Это дурной тон, не правда ли?

Инспектор. Однако же я... (*Машет полковнику рукой.*)

Барбент. Полковник Броклсби непременно подойдет.

Полковник (*подходит*). Вот ваши газеты.

Инспектор. Большое спасибо, полковник.

Барбент. Вы не считаете уместным представить мне этого джентльмена?

Инспектор делает вид, что рассержен.

Полковник. Окажите любезность, инспектор, познакомьте меня с дамой.

Инспектор (*с неохотой*). Полковник Броклсби, миссис Барбент.

Полковник. Позвольте выразить вам мое безмерное восхищение.

Барбент. Кажется, я видела вас вчера на концерте в курзале.

Полковник. Польщен. Вам тоже не удалось ускользнуть от моего внимания.

Инспектор. Хотя здесь ужасно много публики.

Полковник. Признаюсь, я отдыхаю лишь на тех курортах, где встречаю людей моего круга. С тем поговоришь, с этим выпьешь по кружке эля. Любуешься красотами природы и наслаждаешься ими вдвойне, обмениваясь впечатлениями с другой чувствительной душой. Иногда я дерзаю устремить взор на очаровательный цветник наших дам. Люди, которые прячутся на болотах, на островах, в пустынях, пустошах и прочих необитаемых местах, не вызывают у меня доверия. Берусь утверждать, что они там смертельно скучают. Но самыми большими притворщиками представляются мне те, кто говорят: “Боже, Брайтон? Да там всегда полно народу!”. И где они это говорят? В Брайтоне.

Барбент. Очень тонко подмечено. А как на вас действует морской воздух?

Полковник. Омолаживает. Надеюсь, мистеру Барбенту он также идет на пользу?

Барбент. Я вдова, полковник.

Полковник. Простите.

Барбент. Надеюсь, я буду иметь удовольствие познакомиться с вашей супругой?

Полковник. К сожалению, миссис Броклсби скончалась прошлой весной. Пала жертвой несчастного случая.

Барбент. Значит, мы товарищи по несчастью.

Полковник. Не могу выразить, как меня растрогала эта встреча с вами. Бывают совпадения, миссис Барбент, ускользающие от материалистического объяснения. Те, кто называют их случайными, не видят, что участников свел высший разум согласно своим высоким целям.

Барбент. Инспектор.

Инспектор. Слушаю вас.

Барбент. Вы, кажется, собирались продолжить прогулку?

Полковник. Для поддержания тонуса необходимо регулярно совершать моцион, не так ли?

Инспектор. Вы так внимательны, полковник. Да, наши проблемы надо решать радикально. Иначе не стоит и начинать. С вашего позволения, я удаляюсь. (*Уходит.*)

Барбент. Должна сказать, вы очаровательный собеседник, господин Полковник. Но от проницательного взгляда не утаить, что вы, в сущности, очень одиноки.

Полковник. У мужчины есть лишь один верный товарищ — одиночество.

Барбент. Неужели у вас нет никакой родни? Ни сестер, ни братьев, ни детей, ни племянников?

Полковник. Никого. Я один на свете, как черный дуб посреди пустоши.

Барбент. Как я вас понимаю.

Полковник. Раз вы так хорошо меня понимаете, я должен предположить, что и вам не чужд горький удел одиночества.

Барбент. Так и есть.

Полковник. Ни сестер, ни братьев, ни детей, ни племянников?

Барбент. И даже ни одной подруги.

Полковник (*великодушно*). Подруга вовсе не помешает.

Барбент. Я из числа людей, обреченных на одиночество.

Полковник. Не говорите так, миссис Барбент. Красивая одинокая женщина — это как генерал без армии.

Барбент. Вы восхитительно шутите, полковник.

Полковник. Соль в том, что под армией я понимаю британских мужчин. Они только и ждут команды, чтобы все, как один, умереть...

Барбент. Как это — умереть?

Полковник. ...от восторга, при виде вашей красоты.

Барбент. Вы так считаете?

Полковник. Совершенно искренне.

Барбент. Чтобы вынести все тяготы жизни, нужно уметь улыбаться. Сквозь слезы, быть может. Но улыбаться. Признаюсь, вот уже четверть часа я радуюсь, что решила провести лето в Брайтоне.

Полковник. Здесь чудесно. Хотя дороговато, не так ли?

Барбент. Не для меня. Я не стеснена в средствах. Судьба избавила меня от бедности, в которой прозябает элита среднего сословия. Но я слышала, что государство — не слишком благодарный отец для своих офицеров.

Полковник (*возмущенно*). Не слишком! Тоже мне отец! Вы слишком вежливо отзываетесь о подлом государстве. Оно любит кричать о всеобщем благоденствии, но окружает заботой лишь низшие классы. Выбрасывает огромные средства на их убогие потребности. А те, кто проливали кровь, создавая прежнее богатство и утраченное величие Англии, умирают в нужде и забвении. Эти герои повергли к своим ногам земной шар, а ныне не имеют подушки, чтобы приклонить голову. Они с боями прошли миллионы миль, а у них за душой — ни гроша. Простите, что я так возмущаюсь. Но неблагодарность возмутительна. Мои друзья называют меня гневливым стариком.

Барбент. Да, досадно. Что ж, полковник Броклсби, была рада знакомству. (*Хочет уйти.*)

Полковник. К счастью, лично я избежал столь печальной участи. Могу сказать, что имею значительное состояние. Было бы бестактностью сообщать вам, какой доход...

Барбент. Больше ста тысяч?

Полковник. Намного.

Барбент. Достаточно, полковник. Не желаю этого знать.

Полковник. Но разве земные блага восполняют отсутствие понимания? Заменяют душевную близость?

Барбент. У каждого человека есть душа.

Полковник. Мое любимое изречение. Сударыня, я счастлив слышать его из ваших уст. Миссис Барбент, у меня к вам просьба, дерзкая просьба. Но я старый солдат. Солдат того времени, когда Англия еще имела обыкновение побеждать. Назовите мне ваше имя!

Барбент. Полковник!
Полковник. Ваше имя!
Барбент. Ну... Лидия.
Полковник. Лидия. (*Целует ей руку.*)
Барбент. Полковник, вы знаете, что способны убить женщину?
Полковник. Разумеется, знаю. (*Пугается.*) На что вы намекаете?
Барбент. Le mort douce. Вечное блаженство. А теперь уходите!
Полковник. Мы еще увидимся, Лидия?
Барбент. Возможно.

Полковник целует ей руку, раскланивается.

Барбент (*про себя*). Олух царя небесного.
Полковник (*про себя*). Непроходимая дура. Глупее всех прочих.

Они машут друг другу на прощанье, расходятся в разные стороны.

Инспектор (*входит с длинной трубкой, раскуривает ее*). Какая прелесть.

Акт первый

Холл в доме Броклсби. Двери в прихожую, в кухню, в сад и под лестницей в подвал и винный погреб. Галерея с двумя дверями. Занавес поднимается. Пауза. Люстра падает. Пауза. Додд и Перкинс.

Додд. Перкинс, люстра упала.
Перкинс. Так точно, мадам. Кажется, она упала с потолка.
Додд. Вы правы, Перкинс. Как всегда. Унесите ее.
Перкинс. Слушаюсь. (*Рассматривает шнур. Недоумевает.*)
Додд. В чем дело, Перкинс?
Перкинс. Ни в чем, мадам. Шнур протерся.
Додд. Какое легкомыслие. Люстра могла упасть кому-то на голову.

Перкинс уносит люстру, возвращается.

Я убеждена, Перкинс, вам понравится служить у полковника Броклсби. Место хорошее. Полковник — человек светский. Я никогда не отдала бы вас хозяину, не способному оценить ваши достоинства.

Перкинс. Я вам очень благодарен, мадам. И все же позвольте заметить, что я предпочел бы остаться на прежней службе.

Додд. Нет, Перкинс, не позволю.

Перкинс. Я не сопротивляюсь неизбежности, мадам. Но, осмелюсь сказать, эта неизбежность мне как острый нож. Мне у вас хорошо было.

Додд. Ваши чувства делают мне честь. Но не следует говорить, что вам жаль покидать меня. Тем самым вы косвенно критикуете своих новых хозяев, Перкинс. Возможно, дворецкий иногда вправе ценить своих хозяев, но он никогда не имеет права оценивать их.

Перкинс. Простите мой промах, мадам. Эти хозяева... Не то чтобы я не имел к ним уважения. Я только выразился в том смысле, что чисто по-человечески мне грустно.

Додд. Вам здесь понравится, Перкинс.

Перкинс. Я бы лучше у вас остался.

Додд. Разве тот факт, что наш контракт расторгнут, дает вам право разбивать мне сердце? Как вы считаете, Перкинс?

Перкинс. Прошу прощения, мадам. Конечно, нет.

Додд. Хорошо. Оставим этот разговор.

Броклсби и Лидия входят через садовую дверь.

Лидия. Проходи, Джон, я поздороваюсь с мисс Додд.

Он проходит вперед. Она захлопывает дверь, смотрит на потолок.

А где же люстра?

Додд. Представляете, она упала, когда мы вошли.

Лидия. Как неприятно. Нынче так трудно найти настоящий готический светильник; обычно вам пытаются всучить подделку. Как поживаете, мисс Додд?

Додд. Спасибо, прекрасно. Как поживаете, дорогой полковник? Я пришла, чтобы представить вам Перкинса.

Перкинс кланяется.

И как чувствуют себя молодожены?

Лидия. О Гонория, какое блаженство снова вступить в брак. Не правда ли, Джон?

Полковник. В самом деле, мисс Додд. Две старые ивы у реки, омытые утренней росой новой любви. Это омолаживает. Возможно, наше решение назовут скоропалительным, но я еще ни на секунду не пожалел о нем.

Додд. Внезапные браки всегда самые лучшие.

Лидия. Мне кажется, мы живем вместе целую вечность.

Полковник. И вечно будем обретать счастье друг в друге.

Додд. Аминь. У меня в этом деле мало опыта, но я слышала, что счастливые браки нынче стали большой редкостью. Мистер Карнеги, выдающийся американский философ, сравнивает брак с фирмой, вероятность банкротства которой равняется восьмидесяти процентам.

Лидия. Вот это и отличает американцев от нас, цивилизованных людей. Они во всем видят коммерческую сторону.

Полковник. Нужно петь в унисон, мисс Додд. В этом весь секрет счастливого брака. Когда муж и жена понимают друг друга без слов. Когда в беседу вступают их души. Когда вопросы не задаются, и в ответах нет надобности. Сегодня утром стояла отличная погода, и я подумал: Нужно сходить за грибами, после дождя будет полно грибов. И тут моя дорогая Лидия вдруг говорит...

Лидия. А не пойти ли нам по грибы, Джон? — говорю я.

Полковник. Вот что значит петь в унисон.

Лидия. Очаровательная была прогулка. В одной руке камышовая корзинка, как у какой-нибудь пастушки, а с другой стороны меня ведет под руку Джон, мой силач-пастух. Представьте себе, у водопада я чуть не свалилась с моста. Я споткнулась, а Джон меня спас. Да, слабый мы пол. Что сталось бы с нами без мужчин? Но действовал он так неуклюже, что я чуть не угодила в воду.

Полковник. Что ты такое говоришь?

Лидия. Да ты не столько держал, сколько толкал меня.

Додд. Все мужчины неуклюжи. И оттого их тирания так забавна.

Полковник. Дорогая мисс Додд, вообразите себе мое волнение, когда я увидел мою любимую Лидию склоненной над бездной. Я чуть не умер от разрыва сердца. И едва ли соображал, что делаю. Ах, страстное чувство так безрассудно, что легко может лишить нас предмета страсти. (*Целует Лидии руку.*) Мы набрали великолепных грибов.

Додд. Предоставьте их Перкинсу. Перкинс отлично разбирается в грибах.

Полковник, Лидия. Вот как?

Додд. У меня, правда, не было случая в этом убедиться, ведь сама я грибов не ем. Но Перкинс отлично разбирается во всем. Перкинс!

Перкинс. Мадам?

Додд. Перкинс, я передаю вас своим лучшим друзьям. Ведь вы не ударите в грязь лицом, правда?

Перкинс. Я свою службу знаю. Все исполню к вашему удовольствию, мадам.

Полковник. Ну-с, Перкинс, надеюсь, мы с вами поладим. Вот ключи: от дома, от сада, от подвала, от вашей комнаты. Если вам понадобится ключ от винного погреба, то он у меня. Его я из рук не выпускаю, я служил в Индии. Полагаю, вы не пьете?

Перкинс. Нет, сэр.

Полковник. Мои индийские слуги клялись, как говорится, всеми своими святыми, что не берут в рот ни капли спиртного. С тех пор я завел привычку держать этот ключ всегда при себе. Понятно?

Перкинс. Так точно, сэр.

Лидия. Отнесите грибы на кухню. Пусть Люси сварит на ленч грибной суп. И пусть ничего не выбрасывает. Смесь хорошая.

Полковник. Но сначала уберите с ковра осколки люстры.

Лидия. А теперь, дражайшая Гонория, вы должны непременно осмотреть наш домик. Из моей комнаты открывается такой прелестный вид. На холмы, на море, прямо как в песне поется.

Они поднимаются наверх в комнату Лидии.

Перкинс (*рассматривает грибы*). Все съедобные. (*Уходит.*)

Лидия (*прохаживаясь с Додд по галерее*). А это комната Джона. Да, это место притягивает, не отпускает от себя. Мы решили, что проживем здесь до самой смерти.

Уходят в комнату Броклсби.
Полковник, который вышел вместе с ними из комнаты Лидии, сбегает вниз по лестнице, сует в корзину горсть грибов, после чего догоняет дам.

Перкинс (*входит с совком и веником, начинает сгребать осколки, заглядывает в корзину*). Ну и ну! Едкая сыроежка? (*Вынимает сыроежку, исследует содержимое корзины, недоумевает.*) Веретенник. Ложный подосиновик. Странно. (*Бросает грибы в совок, уходит.*)

Полковник (*спускается по лестнице с Додд*). Мы сняли этот дом на полгода. А здесь у нас сад.

Оба уходят. Лидия немного отстает, бросает в корзину горсть грибов, после чего догоняет Полковника и Додд.

Перкинс (*входит, берет корзину, недоумевает*). Что такое? Волнушка? И дрожалка. И серая лисичка. (*Сует грибы в карман, уходит с корзиной.*) В высшей степени странно.

Полл, Дженнифер, Флетчер. Полл демонстративно разваливается в кресле.

Полл (*орет*). Эй, Перкинс, как вам служится у этой старой грымзы, нашей благодетельницы? Вы счастливы?

Перкинс (*входя*). Доброе утро, мисс Полл.

Дженнифер. Перкинс у нас джентльмен, Полл, не то бы отшлепал тебя. Будь я на месте Перкинса...

Полл. И что?

Дженнифер. А ничего. Мы с Перкинсом люди порядочные, умеем себя вести.

Перкинс. Добрый день, мисс Дженнифер.

Флетчер. Как дела, Перкинс. Мы зашли за мисс Додд.

Перкинс. Как поживаете, сэр? Мисс Додд в саду. Я доложу о вас.

Дженнифер. Перкинс.

Перкинс. Мисс Дженнифер?

Дженнифер. Перкинс, нам вас очень не хватает.

Перкинс. Как это любезно с вашей стороны, мисс Дженнифер.

Дженнифер. Вы были единственным благовоспитанным человеком в этом доме, полном беспризорных созданий.

Полл. А ты, лапочка, ничем не лучше.

Дженнифер. Вот именно. Я нуждаюсь в благотворном влиянии. А его всегда оказывал Перкинс. Впрочем, на тебя он никогда не влиял.

Полл. На меня не действует никакое влияние. Я уже морально разложилась.

Флетчер. Вы еще слишком молоды, Полл, чтобы рассуждать о морали.

Полл. Хотите сказать, что я слишком молода для морального разложения? Прежде чем утверждать нечто подобное, мистер Флетчер, взглянули бы на мои сопроводительные документы.

Дженнифер. Нашла чем хвастаться. Что за вульгарная манера.

Полл. Зато ты у нас — сама утонченность.

Дженнифер. Я не говорю, что я утонченная. Я говорю, что поддаюсь влиянию, и Перкинс может это подтвердить.

Перкинс. Безусловно, мисс Дженнифер. Влиять на вас — одно удовольствие. Но не стоит хвалить художника за превосходное качество материала.

Дженнифер. О Перкинс, вы это говорите только из вежливости. Вы всегда очень любезны.

Перкинс. Любезность у меня профессиональная, мисс Дженнифер.

Дженнифер. Неправда, Перкинс. Вы по натуре вежливый.

Флетчер. Просто нужно выбирать профессию соответственно своим наклонностям.

Полл. Эта доктрина в корне порочна.

Флетчер. Почему порочна?

Полл. Получать удовольствие, а потом еще и деньги за это удовольствие? Как это называется, мистер Флетчер? Меня, например, в бордель нипочем не заманишь.

Дженнифер. Перкинс, я вижу вас насквозь. Признайтесь, что вы и в душе точно такой, каким кажетесь.

Перкинс. Не всегда. И не со всеми.

Дженнифер. Но в глубине души? Очень это удобно и очень нечестно — носить маску, похожую на тебя самого. Ну, как мне вас разоблачить? Как узнать, что Перкинсу кто-то нравится?

Перкинс. Во всяком случае, я позволил бы себе намекнуть на это.

Дженнифер. Так намекните.

Перкинс. Заверяю вас, мисс Дженнифер, что испытываю к вам особую симпатию.

Дженнифер. Да?

Перкинс. Как и ко всем ученицам мисс Додд. Позвольте мне теперь удалиться, чтобы доложить о вас мисс Додд. (*Уходит.*)

Дженнифер. Если б только он не был таким джентльменом! Но тогда он не был бы Перкинсом. (*Идет за ним.*)

Полл. А здешняя тетка сильно крутая, да?

Флетчер. Говорите по-английски. Или не со мной.

Полл. Когда вы меня начинаете воспитывать, я сразу плыву.

Флетчер. Меня не интересуют побочные продукты моего труда.

Полл. Типичная для ученого безответственность. (*Садится так, чтобы ему были видны ее ноги.*)

Флетчер. То, что я вижу ваши бедра, мне ничуть не мешает. Не стесняйтесь. Будьте как дома.

Полл (*принимает пристойную позу*). Я видела один фильм про садиста. Горбун, маленький и бледный, в пурпурном халате и пурпурном ночном колпаке, с огромными

нафабренными усами. Жил в комнате, обитой черным бархатом. А на стенах развешаны плети и бичи. И всегда у него были женщины. А под кроватью он держал змею и заставлял женщин ее целовать. Они поцелуют и сразу умрут, ни от чего, чисто психологически. Это было шикарно.

Флетчер. А я тут причем?

Полл. Прошу прощения, мистер Флетчер, вы тут ни при чем. У вас нет усов. Но никто не смог бы помешать вам отрастить их, не так ли?

Флетчер. Милая Полл, у меня такое чувство, что вы так и не уяснили себе пользу хорошего воспитания.

Полл. Если это единственное чувство, на которое вы...

Флетчер. Однажды я не исполнил приказания моей матери, и это непослушание сделало меня сиротой.

Полл. Вы ее любили?

Флетчер. Упаси бог.

Полл. А как она выглядела?

Флетчер. Я забыл. Мы не любим вспоминать о неприятном. Помню только, что она была огромная и постоянно отдавала мне приказания громким низким голосом.

Полл. Я похожа на нее?

Флетчер. Ничуть.

Полл. Мужчины всегда женятся на своих матерях, правда?

Флетчер. Строго говоря, она была моя приемная мать. Моя мама была совсем другая. Вы бы напомнили мне ее, если бы имели привычку причесываться каждый день.

Полл. А что за приказания были у вашей матери?

Флетчер. Мы с приемной матерью жили у моря. У меня была маленькая складная байдарка, но мне запрещалось плавать даже вдоль берега. Там было сильное течение, каждый день оно затягивало людей в открытое море. Однажды я с ней поссорился, она уехала в город, оставив на столе записку. Вот эту. (*Вынимает записку из кармана.*)

Полл (*читает*). “Посмей только взять байдарку, Ланселот. Ты меня еще не знаешь”. И что?

Флетчер. Что бы вы сделали?

Полл. Я бы взяла байдарку.

Флетчер. Вы очень неразумны, Полл, и очень дурно воспитаны.

Полл. А вы что сделали?

Флетчер. Взял байдарку, меня унесло в море. Я бы утонул, но меня подобрала команда ирландского грузового суденышка.

Полл. И отослала домой?

Флетчер. Они не сумели. Я им наплел, что забыл свое имя и что у меня нет родителей. У капитана была рыжая борода, она мне страшно понравилась. Он был из Дублина, его звали Френсис Флетчер.

Полл. Он взял вас с собой?

Флетчер. На Мадейру, а потом в Сингапур и Гонконг и в кругосветку. А когда он научил меня всему, что знал, отправил в школу и в университет. А потом он умер и оставил мне сто фунтов в год.

Полл. А у вашей приемной матери было много денег?

Флетчер. Думаю, да. Мой отец умер незадолго до той истории, а он происходил из очень богатой семьи. Но можете мне поверить: я никогда в жизни не думал об этом. А почему, собственно, я все это вам рассказываю?

Полл. Чтобы доказать, что нужно быть последовательным.

Флетчер. Верно, верно.

Из сада выходят Лидия, Полковник, Додд, Дженнифер.

Додд. Как это замечательно, мистер Флетчер, что вы зашли за мной. Такая, как я, сморщенная старушонка, этого не заслуживает.

Лидия. Джон, это мистер Флетчер. Тот очаровательный молодой человек, которого мисс Додд взяла в свой приют для беспризорных девушек.

Полковник. Понимаю. Совместное обучение.

Флетчер. Добрый день, миссис Броклсби. Добрый день, мистер Броклсби.

Полл. Здрасссти.

Додд. Полл, милочка, принятые в обществе правила поведения имеют целью облегчить людям жизнь. Они избавляют от необходимости постоянно решать вопросы этики. К примеру, ты так недолго знакома с миссис и мистером Броклсби, но считаешь уместным разговаривать с ними в развязном тоне. Почему, спрашивается?

Полл (*не желая ее сердить*). Добрый день. Как вы поживаете?

Лидия. Ваш метод изумителен, Гонория. Он творит чудеса.

Додд. Я откланиваюсь, дорогая моя миссис Броклсби. Ваш дом очарователен, а ваш брак — большая удача. Не могу сказать, как я рада за вас. Вам пришлось так нелегко. Вы держались так героически. Однако, я всегда чувствовала, в какое глубокое отчаяние повергли вас, должно быть, все эти ужасные удары судьбы. Но теперь все, наконец, устроилось. Я уверена, полковник Броклсби —

мужчина, способный возместить вам потерю шестерых достойных мужей. Всего наилучшего. (*Уходит со своей свитой.*)

Полковник. Так ты уже побывала замужем?

Лидия. Да, Джон.

Полковник. Шесть раз?

Лидия. Да, Джон.

Полковник. Почему ты об этом умолчала?

Лидия. Не хотела обременять тебя своим горем, дорогой.

Полковник. Плевал я на твое горе. Я говорю о своем. Я женат на шестикратно разведенной женщине. Проклятье.

Лидия. Джон, твое подозрение оскорбительно. Я не позволила бы себе столь предосудительного шага, как развод. Да, некоторые весьма современные люди считают развод шагом назад — от заблуждения к исходному пункту. Но для меня это шаг от порядочности к развращенности. В глазах света он непростителен.

Полковник. Но что же, черт возьми, случилось с целой ротой твоих мужей?

Лидия. Господь их прибрал, дорогой мой.

Полковник. Ты хочешь сказать...

Лидия. Они умерли.

Полковник. Странно. Вдруг сразу шестеро.

Лидия. Это произошло, конечно, по очереди, дорогой.

Перкинс (*входя*). Разрешите подавать?

Лидия. Ленч, Джон. Подавайте. Мы не позволим прошлому бросить свою мрачную тень на наш суп. Пахнет восхитительно, правда?

Они усаживаются за стол.

Полковник. Взбуждающий аромат, в самом деле. Этот суп способен оживить мертвых.

Лидия. Приятного аппетита.

Полковник. Приятного аппетита.

Лидия. Вот когда я по-настоящему проголодалась.

Полковник. Я не смог бы вытерпеть больше ни секунды.

Лидия. Что я хотела сказать...

Полковник. Да?

Лидия. Суп вкусный. Тебе понравится.

Полковник. Спасибо.

Лидия. Но ты не ешь.

Полковник. Жду, когда ты начнешь.

Лидия. Жена царит в кухне, муж — за столом.

Полковник. Суп еще слишком горячий.

Лидия. А ты ешь осторожно, с края.

Полковник. Прошу тебя, приступай. Мне будет приятно смотреть, как ты его смакуешь.

Лидия. А где перец? (*Встает, задерживается у буфета.*)

Полковник. Ведь почему я так люблю грибы? Ощущаешь их близость к почве. Каждый человек — в чем-то Антей, ему хочется съесть землю. Конечно, земля несъедобна, но гриб вытягивает из земного лона самую сильную влагу и самую глубинную пряность, и во рту у тебя оказываются такие вещи, как лес, гумус, черная почва. Да.

Лидия. Джон, ты на что намекаешь? Думаешь, Люси небрежно их почистила?

Полковник. Исключено, дорогая.

Лидия. Тогда ешь. Суп уже, наверное, остыл.

Полковник. А я жду перец.

Лидия. Прости. (*Приносит перец.*)

Полковник (*сыплет в тарелку перец*). Ах, я, кажется, переперчил. Как глупо. Теперь, детка, тебе одной придется съесть этот вкуснейший суп.

Лидия. Ну нет, Джон. Вот, возьми мой. (*Пододвигает ему свою тарелку.*)

Полковник (*отодвигает тарелку назад*). Ни за что.

Лидия (*пододвигает ему тарелку*). Без тебя я не сделаю ни глоточка.

Полковник. Прошу тебя, ешь. К чему эти церемонии. Противно, ей-богу.

Лидия. Скажи, ты тоже уже был женат?

Полковник. В общем, да, любовь моя.

Лидия. Неоднократно?

Полковник. Шесть раз.

Лидия. Надеюсь, ты все же не разводился?

Полковник. Лидия! Мои супруги, разумеется, умерли.

Лидия. Все?

Полковник. Все.

Лидия. Странно.

Полковник. Ну да. Как твои мужья.

Лидия. Как мои мужья?

Полковник. Точно так.

Лидия. В самом деле? (*Пауза.*) Честно говоря, Джон, я не люблю грибы.

Полковник. Я тоже. Собираю их с восторгом, но ненавижу их есть. Не хотел об этом говорить, чтобы не портить тебе удовольствие.

Лидия. Джон, ты прелесть. Жертвуешь собой ради меня. Я промолчала по той же причине, Джон.

Полковник. Восхитительно. (*Целует ей руку.*) Мы чудесно подходим друг другу. Могла бы ты представить себе наш развод, любимая?

Лидия. Развод? (*Задумывается.*) Я очень надеюсь, Джон, что ты позволишь мне считать это замечание неудачной шуткой. Я изложила тебе свое мнение относительно развода. Оно полностью совпадает с тем, что сказал нам у алтаря тот восхитительный священник. Мы будем вместе, пока смерть нас не разлучит.

Полковник. Пока смерть нас не разлучит? Как тебе будет угодно, моя дорогая.

Акт второй

Та же декорация. Перкинс занимается уборкой. Находит поваренную книгу.

Перкинс. "Готовить с любовью"? (*Из книги выпадают выписки, он подбирает их с пола.*) А, секреты домашней хозяйки. (*Читает.*) Свадебные клецки. Топленое масло и три-четыре яйца взбить до образования пышной пены. Добавить мелко нарубленное подкопченное мясо, тертый пармезан, белокочанную капусту, сухарики. Тесто сдобрить щепоткой муската, щепоткой мышьяка, щепоткой соли... (*Недоумевает.*) Свадебные клецки? Весьма изысканно. (*Читает другую выписку.*) Марципаны à la Бренвилье. Растереть миндальные орехи в розовой воде, посыпать сахарным песком, размешать на слабом огне. Синильная кислота добавляется только после охлаждения. Неотразимое лакомство для мужчин, которые любят сладкое (*Вздыхает, бросает выписки в камин. Берет стремянку, ставит книгу на полку. Стремянка ломается. Он успевает спрыгнуть, вздыхает).*

Входит Лидия в сопровождении Полковника и Инспектора.

Лидия. Вы не видели мою поваренную книгу, Перкинс?

Перкинс. Да, мадам, я поставил ее на место.

Полковник. Что вы собираетесь делать со стремянкой?

Перкинс. Она нуждается в починке, сэр. (*Уходит.*)

Полковник. Дурень. (*Инспектору.*) Он все ломает.

Инспектор (*снимает с полки поваренную книгу, перелистывает ее*). Я первый гость, не правда ли? Весьма сожалею. При-

ходить раньше времени — верх непунктуальности. Но мне было ужасно интересно, застану ли я вас обоих в добром здравии. У вас действительно все в порядке?

Полковник. А что должно быть не в порядке?

Инспектор. Ваш брак.

Полковник. Не понимаю, куда вы клоните, инспектор.

Инспектор. Судя по моему опыту, брак — это соглашение двух людей противоположного пола. Цель соглашения — создавать друг другу проблемы. Как говорится, один человек уместится и в рыбьем пузыре, а для двоих не хватит места и в раю. Как только двое цивилизованных индивидов затевают этот безумный эксперимент — совместную жизнь, малейшее расхождение во вкусах создает почву для военных действий.

Полковник. Уверяю вас, инспектор, никогда ни один брак не заключался на основе более схожих интересов.

Инспектор. Вы прямо сняли у меня камень с души, полковник Броклсби. Откровенно говоря, я был глубоко озабочен.

Полковник. Вот как?

Инспектор. Да. Ведь это я вас свел.

Полковник. Вы? Ах, черт побери.

Инспектор. Я хочу сказать, случай воспользовался мною. Но будучи всего лишь невольным пособником Гименея, я все же чувствую ответственность за свое дело.

Полковник. Не волнуйтесь.

Инспектор. Простите занудного старого холостяка. Куда мне, профану, поучать настоящих специалистов в вопросах брака. Ведь брак — это же совсем не то, что убийство, не так ли? Два мира. (*Внезапно.*) А вы, миссис Броклсби, к сожалению, выглядите усталой.

Лидия. Я не высыпалась в последнее время.

Инспектор. Ну да, ну да, медовый месяц. Но я вам искренне желаю не дожить до его конца. Вы, кажется, похудели, полковник?

Полковник. Что-то аппетит пропал.

Инспектор. Мои комплименты миссис Броклсби. Против любви не устоит никакая кулинария.

К большому удивлению Лидии он возвращает поваренную книгу на полку.

Лидия. Скоро на пенсию?

Инспектор. Как только закончу те два дела. Кажется, я рассказывал вам о них.

Лидия. Только об одном.
Полковник. И мне только об одном.
Инспектор. Вот видите, получается ровно два.
Полковник. И далеко вы продвинулись, инспектор?
Инспектор. Далеко и недалеко. С вашего позволения, я бы сказал, есть успехи.
Лидия. Приятно слышать.
Инспектор. Такой уж у меня характер. Хочу подбить бабки, прежде чем подам в отставку.
Лидия. И когда вы подаете в отставку?
Инспектор. Завтра.
Полковник. Не хотите ли взглянуть на подсветку розария, инспектор?

Все уходят. Входят Перкинс и Додд.

Додд. Ну, как вы тут, Перкинс?
Перкинс. Спасибо, мадам.
Додд. Спасибо? Что значит "спасибо", Перкинс? Спасибо — это не ответ.
Перкинс. Хозяйство в порядке, мадам. Жалованье удовлетворительное.
Додд. Вы очень хорошо знаете, что я спросила вас не об этом.
Перкинс. Прошу прощенья, мадам. Я, наверное, вас не понял.
Додд. Перкинс. Что вы чувствуете? О чем думаете?
Перкинс. Я чувствую суетность всего на свете, мадам. Я думаю о смерти, как предписывают мудрые люди.
Додд. Вы несчастливы?
Перкинс. Не имею права высказываться на сей счет.
Додд. Это очень благоразумно, Перкинс, очень благоразумно. Кто сохраняет величие Англии? Не власти, знаю я их. Не коммерсанты, которых я, естественно, не знаю. Не драматурги, все они безумцы. Значит, кто, Перкинс? Английские служащие. Вот кто составляет и поддерживает величие Англии. Сколько скандалов каждый день сотрясало бы наше общество, если б их не предотвращала скрытность персонала. Тактичность взяла на себя миссию добродетели. Полагаю, всемирная история безошибочно чует дурной запах, когда какой-то класс начинает разлагаться. Британскому дворецкому выпала удача обмануть всемирную историю. Британский дворецкий — кариатида империи. Вы понимаете меня, Перкинс?
Перкинс. Так точно, мадам.

Додд. Хорошо. А теперь доложите обо мне.

Перкинс уходит.

Какая я бессердечная. Надеялась обойтись без Перкинса и никогда не задавалась вопросом, способен ли Перкинс обойтись без меня. Придется продать мамины жемчуга. Некоторое время они удержат меня на плаву. Ты должна кое-что исправить, Гонория. (*Уходит в сад.*)

Перкинс и Флетчер.

Флетчер. Добрый вечер, Перкинс. За мной гонятся.
Перкинс. К вашим услугам, сэр. Речь идет о звере или о существе, одаренном высшим разумом?
Флетчер. Ни то ни другое, Перкинс.

Полл, потом Дженнифер.

Флетчер. Поглядите на это создание. Анатомически оно устроено как Шекспир или Мильтон, но — разум? Порабощен плотью.
Полл. Разве у Мильтона была моя фигура? Очень сомневаюсь.
Флетчер. Она не понимает ни слова.
Полл. Очень хорошо понимаю, что вы опять противный.
Флетчер. Не противный, а объективный
Полл. Вот именно. Как же вы смеете быть объективным, если я вас люблю?
Флетчер. Хотите кусочек шоколада?
Полл. Всегда хочу.
Флетчер. Прелестно. А почему вы здесь?
Полл. Я прибежала сюда за вами. Я теперь все время бегаю за вами, ведь я же вас люблю.
Флетчер. Еще кусочек?
Полл. Конечно. Неужели у вас еще что-то осталось? Для меня?
Флетчер. Психологи говорят, что сласти — хороший эрзац любви.
Полл. Мне это не подходит. При моей потребности в любви я растолстею за один день.
Перкинс (*твердо*). Мисс Полл, мисс Дженнифер, боюсь, я не смогу о вас доложить.
Дженнифер. Вы умница, Перкинс. Я тоже предпочитаю беседовать с вами.

Входит Лидия.

Перкинс. Мистер Флетчер, мадам.

Лидия. Как мило, что вы пришли, мистер Флетчер.

Флетчер. Благодарю за приглашение.

Лидия. Всего лишь на маленький коктейль, мистер Флетчер. Так приятно видеть вокруг себя молодых людей. Будь вы моим сыном, мистер Флетчер, я бы гордилась вами. Ваша мать, должно быть, очень любила вас.

Флетчер. Не знаю, миссис Броклсби. Я был, что называется, трудным ребенком.

Лидия. Тем более, мистер Флетчер, тем более. Матери, они такие.

Полковник, Инспектор, Додд.

Мистер Флетчер пришел, Джон.

Полковник. Рад, рад. Делаете успехи, молодой человек? Ну-с, что вы, собственно, натворили?

Лидия. Мистер Флетчер — педагог, Джон. Он очень знаменит, о нем уже писали в газетах.

Полковник. Прошу прощения, мистер Флетчер. Я никогда не читаю полицейской хроники.

Лидия. Что за вздор.

Полковник. Да, я и сам не нахожу этому разумного объяснения. Просто какое-то отторжение.

Лидия. Кого же вы к нам привели?

Флетчер. Это мои образцовые ученицы, миссис Броклсби. Полл и Дженнифер — две весьма старательные юные особы. Пример для подражания всем дочерям нашего острова.

Полл. И все неправда. Мистер Флетчер говорит так, чтобы пристыдить нас. Трюк, понимаете? Он всегда использует трюки. На самом деле, мы распущенные, и он нас с собой не приводил.

Додд. Полл — очень смышленая девочка. Я учила ее всегда говорить правду и дружелюбно относиться ко всем людям. И она всегда следует тому из этих двух правил, которое ей больше подходит в данный момент. Это я позволила обеим моим любимицам прийти сюда. Надеюсь, вы ничего не имеете против?

Полл. Но... (*Зажимает себе рот.*)

Лидия. Вовсе нет, дорогая Гонория. Я убеждена, что они и вполовину не так плохи, как выглядят со стороны. Что вам может предложить Перкинс?

Додд. Шерри, пожалуйста. И девочки тоже получат по рюмке шерри.

Полл. Мне, пожалуйста, виски.
Дженнифер. Но Полл!
Полл. Перестань меня воспитывать. Ты тоже предпочитаешь джин.
Дженнифер (*показывает*). С вот таким лимоном.
Полл. Да, на целую бутылку.
Перкинс. Шерри для мисс Полл.
Инспектор. Мне попрошу коньяку, тут уж ничего не случится.
Лидия. А что должно бы случиться?
Инспектор. Головная боль.
Лидия. Что верно, то верно. Полковник тоже предпочитает коньяк.
Инспектор. Тогда, если вас не затруднит, я предпочту виски.
Перкинс. Виски, так точно.
Лидия. Мне бокал ангостуры, Перкинс.
Полковник. Мне тоже.
Лидия. Тебе? Я думала, ты терпеть не можешь коктейлей.
Полковник. Не могу. А сегодня могу.
Лидия. Джон, я терпеть не могу мужчин, которые не знают, чего хотят.
Полковник. Но я-то знаю, Лидия.
Лидия. Стоит мне понять, что́ тебе по вкусу, как твой вкус меняется. В тот же момент. Это непостоянство. А я-то надеялась встретить в тебе цельную натуру.
Полковник. Съешь сэндвич, дорогая. Белый хлеб успокаивает.
Лидия. Убери это с глаз моих, Джон.
Полл. Выглядит аппетитно. Вы возьмете себе сэндвич, полковник Броклсби?
Полковник. Спасибо, детка. Спасибо. Я думаю, мне не следует есть то, чего не ест моя жена.
Полл (*забирается с ногами на кресло, встает на колени, отвешивает поклон*). Хотите сэндвич, мистер Флетчер?
Додд. Подумай, Полл, как ты сидишь?
Полл. Я только об этом и думаю. Надеюсь возбудить сексуальность мистера Флетчера.
Додд. Полл, нельзя же так.
Полл. Это и впрямь почти невозможно, мисс Додд. Этот мужчина холоден как лед. (*Садится к нему на колени.*) Вот видите, он даже не обнял меня. Я для него не женщина, а подопытная лягушка.
Флетчер. Да, но у лягушки, конечно, более высокая способность к обучению.

Полл. Я видела один фильм, про вивисектора. У него был белый кабинет с кафельным полом, а посредине желоб для крови. Он брал лягушек живьем, взрезал им живот и трогал их сердце никелированным пинцетом. Вроде бы ради науки. А на самом деле ему нравилось их мучить. Это его возбуждало. Глаза у него были узкие и холодные, и он сводил женщин с ума.

Флетчер. Вы не понимаете, Полл. О вивисекторе нельзя сказать, что он действует в интересах лягушки. Тогда как я прилагаю титанические усилия исключительно ради вас.

Полл. Ради меня! Он даже не коснулся моей груди! У вас, мистер Флетчер, не только нет никаких чувств, у вас нет даже рефлексов.

Додд. Полл, прекрати.

Лидия. Пусть девочка выговорится, Гонория. Она и в самом деле оригинальна.

Полл (*слезает с колен Флетчера*). Вы хотите, чтобы я продолжала, чтобы потом рассказывать всем подряд, как восхитительно развратно я себя вела.

Инспектор. Дети так сообразительны.

Полковник. С возрастом это проходит.

Додд. Полл, ты обижаешь миссис Броклсби. Мне это очень больно.

Полл (*сразу*). Извините, пожалуйста, миссис Броклсби, я нечаянно. Не сердитесь на меня. Я просто жертва социального окружения, я происхожу из благополучного буржуазного семейства. (*Пересаживается к Додд.*) Мне ужасно жаль, мисс Додд. Теперь мы будем сидеть совсем тихо и вообще никогда больше не шалить.

Лидия. Где моя коробка с конфетами?

Полковник. Какая коробка с конфетами?

Лидия. Серебряная плоская коробка. Джон, где она?

Полковник. Почему ты спрашиваешь?

Лидия. Она стояла на столике, что рядом с тобой. Я ее там видела.

Полковник. Ну, возьми конфету из моей жестянки.

Лидия. Из твоей? Ха! Где мои конфеты? Я к ним привыкла. Это марципановые шарики.

Полковник. У меня тоже марципановые шарики. Ну, бери же и не спорь.

Лидия. Не приставай ко мне с твоими жуткими марципанами. Говори немедленно, где моя коробка.

Полковник. Лидия. Теперь это совершенно неважно.

Лидия. Вот как?

Додд. Боже мой, мне так неприятно, миссис Броклсби.

Инспектор. Почему? Вы ее взяли?

Додд. Нет, конечно нет.

Флетчер. Вы проводите следственный эксперимент, инспектор?

Инспектор. Я? Это вы недавно ставили здесь психологические опыты, не так ли?

Флетчер. Наблюдательность — залог педагогического успеха.

Полл. Вот умора. Можно помереть со смеху. (*Хохочет. Все серьезно смотрят на нее.*) Не брала я ее. Пусть мистер Флетчер меня обыщет.

Лидия. Я знаю, у кого она. Джон, в последний раз убедительно прошу тебя...

Полковник. Что вы все так волнуетесь? Жестянка пропала, потерялась. Она найдется.

Лидия. Не волноваться? У меня есть все основания для волнения. Господи, какое мучение, я больше не выдержу. (*Кричит.*)

Перкинс. Прошу прощения, мадам. Позволительно ли мне будет намекнуть, что коробка снова обнаружится.

Лидия. Каким образом, Перкинс, коробка оказалась у вас?

Перкинс. Я бы не взялся с уверенностью утверждать, что она у меня, мадам.

Лидия. Но вы что-то заметили. Перкинс? Ведь так? О, Джон, Джон.

Перкинс. Позвольте, мисс Дженнифер. (*Вынимает жестянку из ее сумочки.*)

Дженнифер. О, Перкинс, вы и впрямь чудо. (*Поясняет.*) Стоит мне что-то украсть, как Перкинс пронзает меня взглядом. А потом говорит своим мужским голосом: "Позвольте, мисс Дженнифер". И я уж сама не своя. До дрожи в коленках.

Додд. Дженнифер, ты меня огорчаешь. Я же объясняла тебе цивилизаторское значение частной собственности. Я думала, ты усвоила мои объяснения.

Дженнифер. Но мисс Додд, мое чувство собственности развито очень сильно. Я прямо помешана на нем. Но с тех пор, как попала к вам, я краду только бесполезные вещи.

Инспектор. Зачем же вы тогда вообще крадете?

Дженнифер. А вы, что ли, никогда не воровали?

Инспектор. Нет, насколько мне известно.

Дженнифер. Значит, вы — первый такой человек в мире.

Инспектор. Я выбрал другую профессию.

Дженнифер. Инспектора, да? Удовольствие ниже среднего. Чтобы словить настоящий кайф, надо родиться в Уайтчепле и довести свое мастерство до совершенства. Вот вы, миссис Броклсби, решились бы средь бела дня вынести платье от Толбриджа?

Лидия. О Господи, нет.

Дженнифер (*гордо*). До меня это считалось невозможным. Я была первой, кому это удалось. Или, например, сумели бы вы, когда вас целует джентльмен, вытащить кошелек из заднего кармана его брюк?

Лидия. Нет, на это я неспособна.

Дженнифер. Мой коронный номер. Но, попав в руки мисс Додд, я имела случай испытать еще большее наслаждение. Когда Перкинс изымал у меня вещи. Перкинс — единственный джентльмен, которого я знаю.

Полковник. Ого, а разве я — не джентльмен?

Дженнифер. Вы? Даже мистер Флетчер — не джентльмен. Честное слово, с тех пор как Перкинс от нас ушел, я не знаю, для чего живу. Посмотрели бы вы, в какой чулан превратилась моя комната: перчатки, ключи, щипцы для снятия нагара, солонки, портмоне мистера Броклсби...

Полковник. Что?

Дженнифер. Да, как-то раз было такое дело, не припоминаете?

Лидия. Ты хочешь сказать, что полковник тебя поцеловал?

Дженнифер. Ну, что вы. Я девушка со вкусом. И все-таки, мисс Додд, с нашей стороны было ошибкой не понять, что без Перкинса дело не пойдет.

Додд. Похоже на то. Миссис Броклсби, когда я сегодня приняла ваше любезное приглашение, у меня возникла тайная мысль обратиться к вам с одной просьбой.

Полковник. Вы опять за свое? Как долго мы должны бросать в вашу ненасытную пасть наши кровные, заработанные тяжким трудом деньги? Какой в этом толк? Разве в городе больше некому заняться малолетними уголовниками?

Додд. Я хотела просить вас вернуть мне Перкинса. Вы видите, насколько он нам необходим.

Полковник. Вернуть Перкинса? С удовольствием, мисс Додд. С превеликим удовольствием.

Лидия. Мы, конечно, очень довольны Перкинсом. Но у вас на него более старые права, дорогая Гонория.

Додд. Значит, договорились. И сердечное спасибо. Перкинс, со следующей недели вы снова у меня.

Перкинс. К вашим услугам, мадам.

Полковник. Э... Скажите... Ведь вы отпускали Перкинса, потому что... Я хочу сказать...

Додд (*лжет*). У меня изменились обстоятельства, полковник Броклсби. Неожиданное наследство, да. Совершенно неожиданное.

Полковник. Рад за вас, мисс Додд. Страшно рад, клянусь честью. По правде говоря, хотелось бы перекинуться с вами парой слов.

Додд. Как-нибудь в другой раз, полковник. А сейчас нам пора. Детям нужно вовремя ложиться спать.

Полковник. Всего на пару слов.

Додд. Ну, девочки, попрощайтесь. И извинитесь перед миссис Броклсби. Поблагодарите за необычайно приятный вечер.

Все уходят, кроме Полковника, Додд, Перкинса.

Инспектор (*уходя*). В самом деле, миссис Броклсби, я рад, что побывал у вас. Кажется, здесь все идет, как надо. Просто оазис в мире, полном разочарований.

Полковник. Ваша заинтересованность в этом служащем, мисс Додд, снова навела меня на мысль о вашей судьбе. Одинокая жизнь, без мужа. Плохо, не так ли?

Додд. Но лучше, чем одинокая жизнь с мужем. Это утешает.

Полковник. Перкинс, приберетесь потом.

Перкинс. Слушаюсь, сэр. (*Уходит с неохотой.*)

Полковник. Я уже давно восхищаюсь вами, дорогая мисс Додд. Маленькая, хрупкая, достойная любви женщина героически служит своему призванию. Жизнь так сурова, а вы совсем одна. Ведь у вас нет родных? Ни брата, ни сестры, ни детей, ни племянников, да? Дорогая мисс Додд, я считаю вас таким же великим английским воспитателем, как Сесил Родс и лорд Китченер. Надеюсь, вас не шокирует мое восхищение?

Додд. Ничуть, полковник. Я сказала, что лучше вообще не иметь мужа, чем иметь мужа-дурака. Но самый глупый флирт, конечно, лучше, чем отсутствие флирта.

Полковник. Потерпеть поражение от превосходящих сил противника — это ли не почетно? (*Перкинсу, проскользнувшему в комнату.*) Перкинс, извольте перенести уборку на другое время.

Перкинс. Слушаюсь, сэр. (*Уходит.*)

Полковник. Взять хотя бы любовь и заботу, которую вы дарите бедным беспризорным детям. Увы, моя Лидия не

столь добродетельна. А я нуждаюсь в любви и заботе. Хоть многие и считают меня человеком суровым, но я все же очень раним. Да, краткое заблуждение часто влечет за собой долгое несчастье. Но оставим это. Я только хотел сказать вам, Гонория, что, с тех пор как я узнал вас, я снова уверовал в женский пол.

Додд. Что за вздор, полковник. У вас чудесная жена. Сегодня она немного нервничала. Возможно, ей нездоровится.

Полковник. Нездоровится, именно так. Вы весьма проницательны, дорогая моя мисс Додд. Состояние здоровья Лидии внушает мне серьезные опасения. (*Перкинсу.*) Перкинс, вы здесь лишний. Кажется, я достаточно ясно выразился?

Перкинс. Так точно, сэр.

Додд. Ваше поведение разочаровывает меня, Перкинс.

Перкинс. Прошу прощенья, мадам. (*Уходит.*)

Полковник. Она отказывается идти к врачу. Но меня не проведешь. У нас, старых солдат, шестое чувство, нюх на то, кого поманит старуха с косой. Гонория, если мне когда-нибудь потребуется утешение, найду ли я его у вас?

Додд. То, что вы говорите, очень странно, полковник. Спокойной ночи.

Полковник. Я чувствую, чую, что найду. (*Целует ей руку.*)

Входит Лидия.

Дорогая, я дал мисс Додд несколько советов, как ей распорядиться своим состоянием.

Лидия (*дружелюбно*). Вы можете вполне положиться на Джона, дорогая. В денежных делах он гений.

Лидия и Додд уходят.

Полковник (*потирая руки, повторяет несколько раз*). Эта никого не угробит.

Лидия возвращается. Он пугается.

На помощь!

Лидия. С каких это пор ты стал таким пугливым?

Полковник. Шпионство отвратительно. Как это мерзко — шнырять по дому.

Лидия. Возьми себя в руки.

Полковник. Я полагал, что женюсь на женщине, которая обеспечит мне спокойную старость в уютном доме. А она оказалась Медузой горгоной.

Лидия. Броклсби, будь мужчиной.

Полковник. Я мужчина.

Лидия. Ты уверен?

Полковник. Я мужчина. Мужчина стремится совершить нечто неслыханное. Строит грандиозные планы, действует в масштабах целого мира. Значит, он нуждается в особой заботе. Ледяной холод его интеллекта требует благотворного домашнего тепла. Я хочу покоя, понимаешь? Оставь меня в покое.

Лидия (*презрительно*). Тебя в покое?

Полковник. В покое, черт возьми. В покое, в покое, в покое, а не в аду.

Лидия. Что это значит, Джон? Ты мне не доверяешь?

Полковник. Напротив. Считаю, что ты способна на все.

Лидия. Доверие, Джон, — основа удачного брака.

Полковник. И ты смеешь говорить о доверии?

Лидия. Взгляни на мир трезво. Перестань хоть на минуту разводить сантименты. Ведь ты пытаешься убить меня, не правда ли?

Полковник (*шокирован*). Нет, нет. Я бы так не выразился.

Лидия. Я пытаюсь убить тебя.

Полковник. Ох.

Лидия. Так что можешь мне доверять.

Полковник. Говорить вслух о столь интимных отношениях... Это не по-британски.

Лидия. Может, откровенность неделикатна, но иногда полезна и практична. Выяснилось, что наши силы равны, Джон. Продолжая борьбу, мы сотрем друг друга в порошок. Но, насколько я понимаю, нам нет смысла убивать друг друга. Я имею в виду, ради наследства.

Полковник. И что нам делать?

Лидия. Давай заключим мир, Джон.

Полковник. Могла бы сказать об этом чуть раньше.

Лидия. Сдаваться раньше времени — малодушие. У меня еще оставались кое-какие шансы справиться с тобой, дорогой.

Полковник. Это ты так думала.

Лидия. Но выяснилось, что ты — первый из моих мужей, кто не уступает мне на поле боя. Честно, Джон, ты первый из моих мужей, кто мне симпатичен. Если б я могла убить тебя прямо сейчас... не уверена, что сделала бы это.

Полковник. Лидия, ты сногсшибательна. (*Целует ей руку.*)
Лидия. Значит, мир?
Полковник. Мир.
Лидия. Дружба?
Полковник. Дружба. Но, Лидия, меня терзает еще один вопрос.
Лидия. Не терзайся, дорогой. Выкладывай.
Полковник. Бутербродики с сардинками в порядке?
Лидия. Что касается меня, то да.
Полковник. Ливерная колбаса хорошая. Сыр тоже.
Лидия. Знать бы об этом раньше.

Они с жадностью набрасываются на еду.

Полковник. Лидия, это надо отметить. Шампанским. (*Уходит в винный погреб.*)

Входит тигр. Перкинс, скрывшись под тигровой шкурой, прокрадывается в комнату и ложится к ногам Лидии. Хлопок. Входит Полковник с шампанским.

За единственную в мире женщину, которую я уважаю.
Лидия. За доверие.
Полковник. Скажи, Лидия, как ты, собственно, пришла к нашей профессии?
Лидия. Самым естественным путем. Вышла замуж в семнадцать лет. За господина с толстым животом и лысиной. Ему было пятьдесят, мне он казался омерзительным, но мой отец сказал: “Ты выходишь замуж за деньги, а не за этого типа”. Хорошо, подумала я. Если я выхожу за деньги, то зачем мне муж?
Полковник. Жениться на деньгах — хороший принцип.
Лидия. Да. В этом смысле я никогда не вдовела. (*Полковник хихикает.*) К несчастью, у Инглторпа был сын.
Полковник. У кого?
Лидия. У моего первого мужа, Инглторпа. Ты разве знал его?
Полковник. Рассказывай дальше.
Лидия. У него был маленький сын, которому могла бы достаться большая часть наследства. Пришлось усыновить это строптивое чудовище.
Полковник. Это было просто.
Лидия. Не так-то было просто увезти Инглторпа в Калифорнию.
Полковник. Почему в Калифорнию?

Лидия. Наследовать приемному ребенку можно только по калифорнийскому праву. Так что Инглторп лежит в могиле под пальмами неподалеку от Сан-Сити.

Полковник. А ребенок?

Лидия. Утонул в холодном море. Передай мне еще один сэндвич, Джон. Да, это была элегантная смерть.

Полковник. Как ты это устроила?

Лидия. После несчастного случая с Ингторпом мы вернулись в Англию и поселились на побережье. В Америке мальчик научился грести на байдарке. Я при свидетелях запретила ему выходить на байдарке в море. В письменном виде, если не ошибаюсь.

Полковник. И что?

Лидия. Я же говорила, мальчишка был строптивый. Он утонул.

Полковник. Ты знала, что он поступит тебе назло. Очень ловко и элегантно с твоей стороны. Вот видишь, Лидия, элегантность тебе идет. Люблю женственных женщин.

Лидия. Вот и все, Джон. Я поняла, как делаются такие дела. Потом я выходила замуж за мистера Масгрейва, мистера Клитеринга, мистера Нокса, мистера Мередита, мистера Барбента, мистера Броклсби.

Полковник. Не будь бестактной, дорогая. Знаешь, кто я?

Лидия. Нет. А ты важная птица?

Полковник. Да. Ни больше ни меньше, как кузен твоего первого мужа.

Лидия. Не может быть. Ты кузен Джон? Скотина Джон? Скелет в семейном шкафу Инглторпов? Неужели?

Полковник. Так ты слышала обо мне?

Лидия. Только хорошее.

Полковник. Вижу. А ты, моя дорогая, — непосредственная причина моей карьеры. (*Целует ей руку.*) У меня были долги. Огромные долги. Что ж, ничего бесчестного, тем более постыдного, в этом нет. Долги джентльмену не в укор, особенно в Индии. Но там был один замшелый генерал... Короче, дело приняло неприятный оборот. Спасением был, конечно, кузен Инглторп в Калифорнии. Но он умер с твоей, дорогая моя, помощью. И все, что я получил, было нелюбезное, действительно чрезвычайно нелюбезное, письмо от его вдовы. Как я тебя возненавидел. Тогда.

Лидия. Извини, Джон. Если б я только могла предвидеть...

Полковник. Я был совершенно разорен. Другие в моем положении пустили бы себе пулю в лоб, а я женился. Ма-

тильда была действительно очень богата. Однако, мы с ней не спелись.

Лидия. Она была недостаточно богата?

Полковник. Поверь мне, Лидия, я никогда не гнался за деньгами. Но жена отняла у меня высшее благо, которым обладает мужчина. Свободу. Я был женат всего три недели, когда предо мною явилась она. Огромная, темная. Загадочная...

Лидия. Кто? О ком ты говоришь, Джон?

Полковник. Каракум.

Лидия. Кара кто?

Полковник. Пустыня, дорогая. С тех пор каждый раз, когда кончался мой медовый месяц, меня брала тоска по неизведанной, бесконечной дали. Каракум покорила меня, овладела моими мыслями и мечтами.

Лидия. Какие вы, мужчины, лицемеры. Не рассказывай мне, что ты угробил своих жен из-за этой Кары-как-ее-там, а не из-за их состояния.

Полковник. Не из-за денег, Лидия. В глубине души я желал не денег.

Лидия. Ну-ну.

Полковник. Лидия, ты так чудесно женственна. И совершенно бесчувственна. Я нахожу тебя сногсшибательной. Что ты на это скажешь?

Лидия. Я считаю тебя просто совершенством, Джон. Давай разведемся.

Полковник. Развод? Но ты же отвергла мое предложение о разводе?

Лидия. Тогда я тебя не знала, как знаю теперь, Джон.

Полковник. Конечно, идея несколько неожиданная.

Лидия. Позволь мне надеяться, Джон.

Полковник. Лидия, я согласен.

Лидия. Когда?

Полковник. Когда тебе угодно, любовь моя.

Лидия. Как можно скорее.

Полковник. И навек, и навсегда.

Обнимаются.

Лидия. А теперь я устала. Ах, я засну, как сурок.

Полковник. И я. Вот уже шесть ночей, как я не смыкаю глаз.

Лидия. Бедняжка.

Полковник. Я всегда был высокого мнения о твоих способностях.

Лидия. Ты очаровательный льстец.

Тесно обнявшись, они поднимаются вверх по лестнице и расходятся по своим комнатам.

Полковник. Доброй ночи и сладких снов.
Лидия. Доброй ночи, единственный мой.
Полковник. Доброй ночи.
Лидия. Доброй ночи.

Оба уходят.

Перкинс (*вылезая из тигра*). В этот достопамятный вечер из одного тигра вылезает человек, а из двух людей вылезает целая республика тигров. О, что ты натворил, Создатель!

Наливает себе бокал шампанского, выпивает залпом. Один из двух телефонов жужжит. Берет трубку.

Слушаю, сэр, соединяю. (*Набирает номер.*) Это адвокат Сеймор? С вами желает говорить полковник Броклсби. Разумеется, прямо сейчас. (*Берет другой телефон.*)

Слушаю, мадам, соединяю. (*Набирает номер.*) Прошу пригласить к аппарату сэра Артура Хоггса. Сэр Артур? Миссис Броклсби желает говорить с вами, милорд. Разумеется, это срочно. (*Следит за обоими разговорами.*) Он уславливается со своим адвокатом. Она уславливается со своим адвокатом. Ах, он хочет изменить свое завещание. Она хочет изменить свое завещание. Лишить наследства? Целиком. И полностью. В десять утра. (*Вешает трубки.*) Да, доверие — неодолимая сила, пока не сталкиваются противоположные интересы. Если нет наследства, не за что убивать. Значит, с завтрашнего дня, с десяти утра, они будут застрахованы. Бесчисленные ловушки, превратившие этот дом в одну сплошную западню, все яды, волчьи ямы и катапульты исчезнут. И сюда вселится гармония. И они, как ни в чем не бывало, разведутся. Неужто две раздувшиеся гадины расстанутся, обнаружив, что не по зубам друг другу? Неужто они выберутся из своего мерзкого замкнутого круга и расползутся в разные стороны по зеленой травке, чтобы вонзить свое ядовитое жало в беззащитную жертву? О, мисс Додд! Кто спасет вас, мадам? Кто убережет вашу праведную жизнь? Ну что ж, пора действовать. (*Задумывается, подходит к телефону, звонит.*) Перкинс, сэр.

Простите, что потревожил. Вам звонят. Этот господин не представился, сэр. Говорит, что из конторы сэра Артура. Так точно, соединяю. (*Измененным голосом.*) Алло, полковник? Полковник Броклсби? Ваша жена намеревается лишить вас наследства. Завтра, в десять. Да. У вас еще есть время. Для чего? Хе-хе-хе. (*Вешает трубку, звонит.*) Перкинс, мадам. Срочный звонок от Сеймора. "Сеймор, Филби и Сеймор". Я знаю, адвокатская контора полковника Броклсби. Но этот господин настаивает. Он желает говорить именно с вами. Так точно, мадам, соединяю. (*Измененным голосом.*) Миссис Броклсби? Вам интересно узнать, что завтра вас лишат наследства, но до тех пор у вас еще есть время. Что вы сказали? Не относится к делу. Благожелатель. (*Вешает трубку.*) Болтливость для дворецкого — последнее дело. Но я полагаю, что как человек обязан положить конец этому безобразию.

Пауза. Лидия и Полковник в ночных сорочках выскальзывают из своих комнат, сталкиваются. Лидия издает истошный вопль.

Акт третий

Вечер того же дня. Та же декорация. Портьеры на окнах задвинуты. Гроб.
Инспектор входит с венком, возлагает его на гроб. На ленте надпись: "В знак верности". Становится у гроба. Входит Полковник.

Инспектор (*не оборачиваясь*). Между покойницей и вами бывали недоразумения?

Полковник. Нет.

Инспектор. Никогда?

Полковник. Вчера за ужином мы выпили две бутылки шампанского. Как вы думаете, за что мы поднимали бокалы? За недоразумения?

Инспектор. Эти бутылки найдены. И бокалы тоже. Значит, вы жили в совершенном согласии?

Полковник. Мы не ангелы. У всех у нас свои капризы, свои интересы, свои властные притязания. Смею утверждать, что мы были счастливой буржуазной четой.

Инспектор. Сколько раз вы были женаты, полковник?

Полковник. Шесть раз. То есть семь. Не могу привыкнуть к ее смерти.

Инспектор. Ваши прежние браки были счастливыми?

Полковник. Все.

Инспектор. Я не всегда делал то, что умел. И не всегда знал, что делал. Но в одном я остался верен себе: я никогда не женился. Полковник Броклсби вы считаете брак несчастливым, если оба супруга остаются в живых?

Полковник. Отнюдь.

Инспектор. Семь счастливых браков со смертельным исходом?

Полковник. Супружество — всегда риск.

Инспектор. Для ваших жен.

Полковник. Для меня, инспектор. Умереть легко. Трудно остаться без жены. Не хочу сказать, что со временем не привыкаешь. Человек привыкает ко всему, не так ли? Но горести накапливаются в душе, как многолетняя сажа в старом доме.

Инспектор. Полковник Броклсби...

Полковник. Вы допрашиваете меня целое утро. С какой стати?

Инспектор. Таков порядок, полковник.

Полковник. Понимаю. Чистая формальность.

Инспектор. Да.

Полковник. Говорю вам, виновато шампанское.

Инспектор. Расскажите по порядку о событиях вчерашнего вечера.

Полковник. Мы отправились спать в прекрасном настроении. Спустя некоторое время я понял, что не могу уснуть.

Инспектор. Почему?

Полковник. Из-за шампанского. Я встал с постели...

Инспектор. Почему?

Полковник. Почему...

Инспектор. Отвечайте на мой вопрос.

Полковник. Так как лежать в постели не имело смысла, естественно было снова встать. Я вышел из спальни, столкнулся с Лидией, которой тоже не спалось. Увидев меня, она расхохоталась, ведь мы только что торжественно распрощались.

Инспектор. Дальше.

Полковник. Мы обнаружили, что у обоих разыгрался аппетит, решили отведать анчоусов, и Лидия спустилась за ними в подвал. Время шло, а Лидия все не возвращалась.

Инспектор. А вы что делали в это время?

Полковник. Читал передовицу в “Таймс”.

Инспектор. И что еще делали?

Полковник. Больше ничего.

Инспектор. Как долго миссис Броклсби оставалась в подвале?

Полковник. Долго. Слишком долго.

Инспектор. А вы все это время читали передовицу?

Полковник. Минимум десять раз, инспектор, что можно считать великой новостью в истории отношений "Таймс" с ее подписчиками.

Инспектор. И о чем говорилось в передовице?

Полковник. Я выучил ее наизусть (*Цитирует по памяти.*) "Наш старый остров напоминает корабль между двумя встречными штормами. Мы прокладываем курс, а тем временем ураган с востока и западный торнадо мечут друг в друга молнии. Для нас возможен только один курс, решительный курс на национальную самостоятельность. Британцы — все, как один, — должны держаться своих западных союзников, но при этом слышать голоса тех, кто выдвигает резоны в пользу всемирных торговых связей".

Инспектор. Достаточно. А что вы делали потом?

Полковник. Потом я встревожился и пошел поглядеть. И нашел ее там.

Инспектор. Где?

Полковник. Внизу подвальной лестницы. Мертвую среди анчоусов. Должно быть, возвращаясь, она свалилась с лестницы и упала навзничь.

Инспектор. Свалилась? Кто ее свалил?

Полковник. Шампанское.

Инспектор. Понятно, полковник Броклсби. Припомните, пожалуйста, как долго вы ее ждали.

Полковник. Четверть часа.

Инспектор. Будь это правдой, полковник, мы бы поверили в вашу историю.

Полковник (*удивлен*). Да?

Инспектор. Мы, разумеется, установили, сколько понадобится времени, чтобы спуститься в подвал, открыть дверь, снять с полки банку и вернуться. Со всеми допустимыми задержками. На это потребуется максимум шесть минут. Если ваша жена не вернулась через пятнадцать минут, это может означать только одно.

Полковник. Что она была мертва.

Инспектор. Да. (*Звонит в колокольчик.*) Если же, паче чаяния, выяснится, что вы последовали за ней через пять минут...

Перкинс (*входит*). Вы звонили, сэр?
Инспектор. Перкинс, что вы сделали вчера в самом конце вечера?
Перкинс. Заснул, сэр.
Инспектор. Я имею в виду — прежде чем заснуть. Вы приносили шампанское мистеру и миссис Броклсби?
Перкинс. Нет, сэр. Посещение винного погреба — исключительная прерогатива мистера Броклсби. Я подождал, пока господа удалятся на покой, а потом и сам пошел спать.
Инспектор. И больше ничего не знаете?
Перкинс. Знаю, сэр.
Инспектор. Что?
Перкинс. Я слышал крик.
Инспектор. Крик?
Перкинс. Крик, сэр. А именно в тридцать две минуты двадцать секунд первого ночи. Я определил время по будильнику и сразу же записал.
Инспектор. Почему вы это сделали?
Перкинс. Я веду дневник, сэр.
Инспектор. Крик из подвала, не так ли?
Перкинс. Сожалею, сэр, но на ваш вопрос я должен ответить отрицательно. Крик донесся с галереи.
Инспектор. Ваша жена кричала, полковник?
Полковник. Да, когда внезапно увидела меня.
Инспектор. Но вы сказали, что она расхохоталась?
Полковник. Сперва вскрикнула, потом расхохоталась.
Инспектор. Почему вскрикнула?
Полковник. Наверное, не узнала меня.
Инспектор. А если бы узнала, не вскрикнула бы? Вы это имеете в виду?
Полковник. Конечно.
Инспектор. Перкинс, я очень надеюсь, что вы слышали что-то еще.
Перкинс. Конечно, сэр. Я слышал, как господа разговаривали.
Инспектор. После крика?
Перкинс. Так точно, сэр.
Инспектор. А потом?
Перкинс. Потом миссис Броклсби спустилась в подвал.
Инспектор. Когда это было?
Перкинс. В ноль часов сорок четыре минуты, сэр. После чего мистер Броклсби спустился в подвал.
Инспектор. Сразу же?

Перкинс. Не сразу, сэр. До часу оставалось пять секунд.

Инспектор. Значит, через четверть часа?

Перкинс. Так точно, сэр. А затем мистер Броклсби пришел ко мне и сказал, что с миссис Броклсби случилось нсчастье. Я поставил в известность полицию и врача.

Инспектор. Да. Ваши сведения оказались очень ценными, Перкинс. Вы можете идти.

Перкинс. Слушаюсь, сэр. (*Уходит.*)

Инспектор. С таким загадочным стечением обстоятельств я не сталкивался ни разу в жизни. Убийство в доме добропорядочных, благонадежных людей — дело обычное. Но настоящий несчастный случай в доме убийцы?! С ума сойти.

Полковник. Ваша деликатность должна бы удержать вас от подобных определений, раз у вас нет доказательств.

Инспектор. Да есть у меня доказательства. Вашей невиновности. Что случилось, Броклсби? Стареем, а? Ну да, ну да. Буду вам признателен, если вы предоставите мне помещение, где я смогу написать свой протокол. Мое последнее служебное расследование.

Полковник. Не растравляйте себя, инспектор. Деяния человеческие несовершенны. Никто не заканчивает жизнь, уплатив по всем счетам. Угодно вам пройти в библиотеку?

Инспектор уходит. Полковник стучит по гробу.

Эй, ты все слышала? Злишься? Старая коварная крыса. Хотела меня перехитрить? Действовать напролом — это не метод. Маленький удар — и что остается? Труп — и ни единой улики. (*Уходит.*)

Входят Перкинс и Дженнифер. Она несет венок с надписью "Нашей благодетельнице", возлагает его на гроб.

Дженнифер. Бедная миссис Броклсби. Как это ужасно — быть мертвой. Вы согласны?

Перкинс. На сей предмет трудно сказать что-то определенное, мисс Дженнифер.

Дженнифер. Но, если честно, никому этого не хочется. А что за медальон лежит на гробе?

Перкинс. Мадам говорила, это талисман. Если не ошибаюсь, в нем имеется портрет ее первого мужа.

Дженнифер. И теперь они встретятся?

Перкинс. В хорошем обществе принято в это верить.

Дженнифер. Но у нее было несколько мужей! Правда?

Перкинс. Шесть, мисс Дженнифер.

Дженнифер. Я так огорчена, Перкинс. Не потому, что я так уж сильно любила миссис Броклсби, хотя она, конечно, восхитительно обделывала дела. Просто потому, что она скончалась. Ах, это чувство необратимой разлуки, расставания навсегда. С вами, Перкинс, я не смогла бы расстаться. Никогда.

Перкинс. Я также весьма сожалел бы об этом, мисс Дженнифер.

Дженнифер. А знаете, Перкинс, почему я продолжаю воровать?

Перкинс. Полагаю, вами движет некое артистическое тщеславие.

Дженнифер. Вздор. Какой смысл в искусстве, если оно тебя не обогащает? Я ворую, чтобы не расставаться с вами, Перкинс. Если я перестану красть, мисс Додд объявит мое перевоспитание законченным и сразу порекомендует меня на должность секретарши какому-нибудь вульгарному министру или члену парламента. Так что мне приходится иногда разыгрывать рецидивы моего прежнего порока. Если б я вас потеряла, Перкинс, я бы покончила с собой как индийская вдова. Разумеется, я вовсе не считаю, что эти индийцы хоть в чем-то превосходят нас. Но если бы вы меня покинули, я бы поступила, как они.

Перкинс. Не думаю, что вам следует так поступать, мисс Дженнифер.

Дженнифер. Вы не сможете мне помешать.

Перкинс. Возможно, я сумел бы предотвратить наше мучительное расставание, мисс Дженнифер. Позвольте спросить, могли бы вы представить себе свою жизнь в качестве миссис Перкинс?

Дженнифер. Что вы имеете в виду?

Перкинс. Мисс Дженнифер, у меня к вам просьба. Окажите мне великую честь — протяните вашу руку. На всю жизнь.

Дженнифер. Я весьма рада вашему предложению, мистер Перкинс, но вы застали меня врасплох. Вы никогда не выказывали ко мне особых чувств.

Перкинс. Я считал неуместным проявлять свои чувства — кроме как в те моменты, когда это требуется согласно общепринятой традиции. Теперь, по всей вероятности, наступил такой момент. Дорогая мисс Дженнифер, со дня вашего поступления я был очарован вашими

изящными манерами и покладистым характером, нежностью вашей кожи, темнотой ваших глаз и ловкостью ваших пальцев. Со временем я научился ценить ваше обаяние и прелесть ваших суждений. И вот я дерзаю выразиться в том смысле, что, исходя из вышеназванных и ряда других причин, я люблю вас всей душой.

Дженнифер. Я чрезвычайно счастлива, узнать об этом, мистер Перкинс. Вы знаете, что я вас уважаю и восхищаюсь вами. Может быть, вы не знаете, как сильно я вас люблю. Но это так. Я люблю вас со страшной силой.

Перкинс. Милая моя Дженнифер.

Дженнифер. Мой супруг.

Перкинс целует ее в лоб.

Сюда идут.

Оба уходят. Входят Флетчер и Полл. Он несет венок "От благодарного учительского состава". Прислоняет его к гробу.

Полл. Никак не пойму, почему люди так носятся с мертвецами. Мертвецам-то от этого какой прок?

Флетчер. Носятся, потому что совесть нечиста. При жизни не удосужились проявить симпатию и успокаивают себя, оказывая любезность задним числом.

Полл. А к ней никогда никто не испытывал симпатии. Конечно, пока из нее выжимали деньги, приходилось притворяться. Но глупо лицемерить, если больше уж ничего не выжмешь.

Флетчер. Я думаю, ей оказывают уважение просто потому, что она мертва.

Полл. Это не причина.

Флетчер. В каждом человеке есть что-то, достойное уважения, Полл. Об этом вспоминают в тот момент, когда уже нет шанса ничего исправить.

Полл. Считаю, он поступил разумно, что ее угробил.

Флетчер. Кто?

Полл. Полковник. Разве не ясно?

Флетчер. С какой стати ему ее убивать?

Полл. Это было на седьмой день.

Флетчер. На седьмой день — чего?

Полл. Их женитьбы. Седьмой день — критический в любом браке.

Флетчер. Ага.

Полл. А вам доставило бы удовольствие угробить меня? Можете это представить?

Флетчер. Вообще-то не могу.

Полл. А ведь я хорошенькая.

Флетчер. Я имел возможность видеть большую часть ваших прелестей.

Полл. И не хотите меня угробить?

Флетчер. Нет.

Полл. Ничуть?

Флетчер. Ничуть.

Полл. Какой вы противный. Я вас люблю, а у вас даже нет желания меня угробить. Как, по-вашему, вы себя ведете, мистер Флетчер?

Флетчер. Надеюсь, сдержанно.

Полл. Вы ведете себя как грубиян. Как грубиян и как дурак. Будете сдерживать себя до тех пор, мистер Флетчер, пока нечего станет сдерживать. Будете носиться с вашими чувствами и рассматривать их со всех сторон, пока они не сотрутся, как старый грош, который никому больше не нужен. Тупица вы этакий. И сами вы сто́ите не больше, чем траченый молью новый с иголочки костюм десятилетней давности.

Флетчер. Полл, я люблю тебя.

Полл. Что вы сказали?

Флетчер. Сказал, что люблю тебя.

Полл. Не имеете права это говорить. Я же не только шутила. Собственно говоря, я вовсе не шутила, мистер Флетчер.

Флетчер. Я тоже не шучу, Полл.

Полл. Ох.

Флетчер. А ты ничего не сказала.

Полл. У меня нет слов, мистер Флетчер.

Флетчер. У меня тоже. (*Целует ее.*)

Полл. Мистер Флетчер... Ланс, почему я не знаю, что сказать?

Флетчер. Потому что любовь — серьезное взрослое дело. А ты к этому не привыкла.

Полл. Ты думаешь? (*Целует его.*) Я тебя люблю. Я тебя люблю. Ланс, я видела один фильм, там у двоих родилась двойня. У одного мужа и одной жены.

Флетчер. Наверное, превосходный был фильм.

Целуются.
Входит Перкинс.

Перкинс. Прошу прощения, сэр. Я только возвращаю предмет, который нечаянно захватила с собой мисс Дженнифер. (*Кладет на гроб медальон.*)

Флетчер (*изумлен*). Что это?

Перкинс. Медальон миссис Броклсби, сэр.

Флетчер. В высшей степени странно. Моя жуткая приемная мать имела обыкновение носить в точности такой. Она там хранила моего папу.

Перкинс. Говоря о вашем батюшке, вы имеете в виду мистера Инглторпа?

Флетчер. Да.

Перкинс. В таком случае, сэр, ваша идентичность не вызывает сомнений. (*Открывает медальон.*) Вы — приемный сын покойной.

Флетчер. Черт возьми.

Полл. Ты ее не узнал?

Флетчер. Узнал, конечно. Только не понял что к чему. Теперь понимаю, почему с самого начала терпеть ее не мог.

Входит Полковник.

Полл. Я страшно рада, что сделала тебе предложение, еще не зная, какой ты богач.

Флетчер. Богач?

Полл. Она же была твоей приемной матерью. Старая грымза имела огромную кучу денег.

Флетчер. Господи. Я же получу наследство.

Полковник. Вы намереваетесь получить наследство миссис Броклсби, молодой человек?

Флетчер. Мне вас так жаль, полковник. Я вам так сочувствую. Но тут уж ничего не поделаешь.

Полковник. Я подскажу вам, что делать. Дитя мое, будьте добры, оставьте нас наедине с мистером Флетчером.

Флетчер. Беги, встречай мисс Додд, Полл. Скажи ей, что у нас есть деньги, дорогая.

Полл и Перкинс уходят.

Полковник. Молодой человек, вы, конечно, понимаете, что я оказался в неприятном положении.

Флетчер. Вполне понимаю, полковник.

Полковник. Вполне не понимаете. Так как еще не представляете, как велико состояние, о котором речь. На эти деньги рассчитывал я, не так ли? Кто не успел, тот опоздал. Да, я беру на себя смелость утверждать, что честно заслужил эти деньги. А чего ради, по-вашему, я женился на этой женщине?

Флетчер. Я никогда раньше не задумывался об этом, полковник. А если бы задумался, вероятно, пришел бы к выводу, что только из жульнических соображений.

Полковник. Послушай, как ты говоришь со своим единственным кровным родственником?

Флетчер. Муж моей матери никакой мне не родственник.

Полковник. Ланселот Инглторп...

Флетчер. Боже, что за фамилия!

Полковник. Ланселот Инглторп, ты помнишь своего дорогого дядю Джона?

Флетчер. Нет.

Полковник. Нет? Разве у тебя не было дяди в Индии?

Флетчер. Дядя Джон? Индия? Ах, этот! О да, сэр. Теперь я все понимаю.

Полковник. Я знал, что мое имя мгновенно восстановит все узы крови и оживит все нежные детские чувства. Мой дорогой племянник. Мой мальчик. Я уверен, что ты не способен лишить своего заново обретенного дядю всех его надежд. Оставь мне эти деньги до моей смерти, Ланселот. О тебе я, разумеется, позабочусь.

Флетчер. Сэр. Деньги принадлежат мне, не так ли? И мне они нужны.

Полковник. Для чего?

Флетчер. Для приюта, сэр.

Полковник. Предоставь приют мисс Додд. Она сама получила наследство.

Флетчер. Ни единого пенни, сэр.

Полковник. Я слышал об этом из ее собственных уст.

Флетчер. Она солгала вам собственными устами, сэр, чтобы под благовидным предлогом вызволить Перкинса из ада вашей семейной жизни. На самом деле, у нее нет средств, чтобы прокормить даже церковную мышь.

Полковник. Это второй удар, поразивший меня за последние десять минут. Увы. Мой дорогой мальчик, должен тебя огорчить. Ты не мог бы истратить эти деньги на приют, даже если б ты их имел.

Флетчер. Вы о чем, сэр?

Полковник. Ты знаешь, откуда взялось состояние твоей матери? Твоя мать была замужем шесть раз и унаследовала состояние шести мужей. Они умерли следующим образом. Один свалился со своей наблюдательной вышки, у другого во время скачек ослабла подпруга, еще один умер, отравившись рыбой, один утонул в ванне, один был убит упавшим на него бюстом Генриха VIII,

один попал в аварию, потому что в его автомобиле отказали тормоза. Это был Арчи Инглторп.

Флетчер. Господи, уж не хотите ли вы сказать, что она всех их угробила?

Полковник. Каждого из них. Как, впрочем, и тебя.

Флетчер. Меня?

Полковник. Конечно. Она знала, какой ты своенравный ребенок. Она запретила тебе выходить в море и во время опаснейшего прилива оставила тебя одного. Разве не так?

Флетчер. Да, так оно и было!

Полковник. Все наследство, мой милый, нажито убийством. Кровавые деньги. Греховные. Грязные. Ты не осмелишься вложить их в такое высоконравственное учреждение, как приют мисс Додд.

Флетчер. Если не в такой приют, то куда же?

Полковник. Вопрос, достойный философа, племянник. Неужели ты полагаешь, что общество любой страны состоит из философов? А что скажет городская администрация? Церковный совет? Педагогический совет? Кто вообще перемолвится хоть словом с твоей доброй мисс Додд, когда станет известно происхождение ее финансовых средств?

Флетчер. А вы, возможно, возьмете на себя заботу об их инвестиции?

Полковник. Возможно.

Флетчер. Шантаж, сэр?

Полковник. Упаси бог, нет. Бизнес. Ты упустил из виду, дорогой племянник, что ты — мой единственный родственник, а значит, и мой единственный наследник. В случае, если ты откажешься передать мне в управление наследство миссис Броклсби, я, естественно, лишу тебя наследства.

Флетчер. Естественно.

Полковник. В противном случае ты наследуешь оба состояния и станешь одним из богатейших людей Англии. Так-то. Ты можешь немедленно получить деньги, которые не сможешь использовать. Или через некоторое время — вдвое большую сумму, честно и безупречно. Выбирай.

Флетчер. Добрый дядюшка, я принимаю ваше предложение. Чтоб вам завтра помереть на месте.

Полковник. Благодарю тебя, мой мальчик. (*Уходит.*)

Входят Полл и Додд с венком. Надпись: “Достойнейшей”.

Додд (*пожимает руку Флетчеру*). Мои сердечные, искренние соболезнования, дорогой мистер Флетчер.

Флетчер. Не понял.

Додд. Ваша мать была выдающейся женщиной. Бедная Лидия. Пока она была жива, я ни разу не решилась обратиться к ней по имени. Мое почтение было даже больше, чем моя любовь. У нее было то, что нынче почти не встречается вместе: сила и доброта.

Флетчер. Вы ее знали лучше всех нас, мисс Додд. Но не обременяйте себя печальными мыслями.

Додд. Я отнюдь не опечалена, мистер Флетчер. Лидия прожила большую жизнь и умерла мгновенно. Ей можно позавидовать. И, кроме того, я очень рада перемене ваших обстоятельств, Ланселот. Конечно, я уповаю, что вы не бросите наш приют на произвол судьбы. Но я действительно беспокоилась за вас; вы не могли жить на такие маленькие деньги.

Флетчер. Мисс Додд, у меня все еще нет денег.

Полл. Что?

Флетчер. Потом, Полл. (*Мисс Додд.*) Состояние миссис Броклсби вложено в бизнес, и я, к сожалению, смогу распорядиться им только после смерти полковника.

Додд. Ох. Это тяжкий удар для меня, мистер Флетчер. Я знаю, с моей стороны, очень эгоистично думать сейчас о себе, но жизнь научила меня: если хочешь помочь людям, делай вид, что стараешься для себя лично. Я все же верю, что помогала людям. Пусть хоть немного, да?

Флетчер. Не отчаивайтесь, мисс Додд. Как-нибудь пробьемся.

Полл (*шепотом*). Ты позволишь старому мошеннику обвести себя вокруг пальца?

Флетчер. Он меня шантажировал.

Полл. Как мило. А где твои уязвимые точки?

Додд. Полл, я думаю, тебе не следует шептаться с мистером Флетчером.

Полл. Я знаю, мисс Додд. Шепот дает человеку возможность сказать нечто неподобающее, а из этой возможности проистекает половина всех неподобающих поступков.

Додд. Хорошее наблюдение.

Полл. Неподобающее состоит в том, что мы с мистером Флетчером хотим пожениться.

Додд. Какая прекрасная педагогическая идея, дитя мое! Ты очень благотворно повлияешь на мистера Флетчера. Не могу сказать, как я рада этому браку.

Дженнифер (*входя*). Откуда вам опять все известно?

Полл. Что известно?

Дженнифер. Что он на мне женится.

Полл. Ланс, если ты сделал и ей предложение, то мог хотя бы упомянуть об этом, делая предложение мне.

Дженнифер. Причем здесь мистер Флетчер? Мисс Додд, мистер Перкинс сделал мне честь, согласившись стать моим супругом.

Додд. Нет, сегодня воистину чудесный день, а начинался, казалось, так неприятно. Теперь вы оба больше меня не покинете.

Входит Полковник.

Полковник, я так счастлива.

Полковник. Я тоже, мисс Додд. То есть я удручен, глубоко удручен.

Додд. Ох, что я болтаю. Простите мою бестактность, полковник. Поверьте, я сочувствую вам всей душой. Это был такой ужасный удар. И такой неожиданный. К счастью, нельзя сказать, что вы не были к нему готовы.

Полковник. Нельзя сказать, хи-хи. (*Спохватывается.*) Как так — нельзя?

Додд. Только вчера вы мне сказали, что вашей жене нездоровится.

Полковник. Я это предвидел, не правда ли? Она уже долгое время очень страдала.

Флетчер. И наконец-то по-настоящему свалилась с лестницы.

Додд. Признаюсь, полковник, хоть и почти стыжусь признаться, что меня обуревают и радостные чувства. Эти две милые девочки вступают в брак.

Полковник. Друг с другом?

Додд. Намного лучше. Полл выходит за мистера Флетчера, а Дженнифер — за Перкинса.

Полковник. Приятная новость. Мои поздравления, мои поздравления. И я надеюсь, что вы, мисс Додд, настолько повлияли на мистера Флетчера, что он с полной ответственностью вступит в должность отца семейства... Да, вспомнил, у меня в подвале еще найдется очень хороший выдержанный коньяк. Окажите любезность выпить со мной, чтобы отметить этот день. У нас ведь есть повод для радости, не так ли? (*Уходит.*)

Полл. Бедняга. Похоже, удары судьбы производят на него обратное действие.

Додд. Человек устроен просто, Полл. Он действует наперекор судьбе.

В комнату врывается Инспектор.

Инспектор. Несчастный тупица, болван, олух, как я не догадался.

Додд. Добрый день, инспектор.

Инспектор. Я дурак. Я болван. Я совершенный, готовый к отставке идиот!

Додд. Ведь мы уже знакомы, не правда ли?

Инспектор. Говорю же вам, этого не могло быть. Как так — не могло? Как, как? Конечно, это было. На четверть часа раньше или позже, все равно. Решение должно найтись в подвале. Понимаете? Вопрос: что она там делала? Что делала Лидия Броклсби в подвале целых четверть часа?

Свет гаснет. Пауза. Перкинс с подсвечником в руке поднимается по лестнице из подвала.

Перкинс. Имею сообщить вам печальную новость. На полковника Броклсби больше нельзя рассчитывать.

Флетчер. Что?

Перкинс. Кажется, электрическая проводка из-за необъяснимого повреждения была приведена в соединение со стальной дверью. Из-за этого и умер полковник Броклсби.

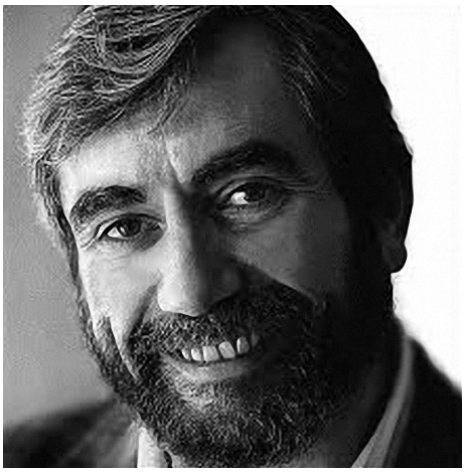
Дженнифер обнимает его, Полл и Флетчер.

Додд. Ужасно.

Инспектор. Не так уж и ужасно, мисс Додд. Женитьба — всегда риск.

Конец

Антонио Муньос Молина



Вежливость незнакомцев

Рассказ

Перевод Татьяны Родименко

СЕНЬОР Вальберг вызывал жалость своей неприспособленностью к жизни. Вот ведь ученый человек, — с восхищением и отчасти даже страхом думал Кинтана, чувствуя, что его подавляют начитанность и обширные познания сеньора Вальберга как в древних и современных языках, так и прочих областях знаний, — а при этом настолько беспомощный. И такой невзрачный, непрактичный, с белыми руками и ухоженными ногтями. Его руки абсолютно ни с чем не могли управиться — разве что с книгами, тут не поспоришь, — ни тебе лампочку ввернуть, не вызвав при этом замыкания, ни консервную банку открыть, ни поворачивать куда следует дверные ручки в доме, в который Кинтана за осень и большую часть зимы уже привык наведываться. Ту зиму в Мадриде запомнят надолго: мало того что она выдалась одной из самых холодных за все столетие — так тут еще эта серия преступлений, из которых телевидение, как водится, раздуло целую историю.

© Antonio Muños Molina
© Татьяна Родименко. Перевод, 2017

Все никак не привыкну, — признался сеньор Вальберг как раз в тот последний день, когда решился показать ему не только старые журналы, обнаруженные под раковиной, но и пузырек со спиртом, который так и стоит в холодильнике, — с какими-то плавающими внутри комками, вроде раздувшихся слизняков фиолетового цвета, двигающимися, будто живые. — Никак не привыкну, что двери этого дома открываются не так, как все прочие двери на свете, и вечно тяну ручку вниз, а дверь — к себе и, пока не вспомню, что поворачивать-то надо влево и вверх, а дверь толкать от себя, прихожу в отчаяние и думаю, что попал в ловушку, из которой мне не выбраться.

В этом был весь сеньор Вальберг, он изо всех сил старался замаскировать собственную исключительность и остаться незамеченным, подвизался то ли письмоводителем, то ли бухгалтером в какой-то захудалой конторе, где пишущей машинки и той не было, а жалованье наверняка платили совсем мизерное, и замалчивал не только позор, пережитый в недавнем прошлом, но и свое происхождение и заслуги (у Кинтаны ушло несколько месяцев, чтобы выяснить, что он был сыном видного берлинского врача, в тридцатые годы эмигрировавшего во Францию, а затем в Мадрид), подобно отшельнику, который при поступлении в монашеский орден, отрекаясь от мирской суеты, одновременно отрекается от собственного имени. Для него были простыми самые сложные вещи, такие, как склонение в немецком языке или правовое устройство Римской республики — это были два его конька, — и бесконечно сложными и даже невозможными самые простые, и он придавал гораздо меньше значения своим знаниям латыни и греческого, чем сноровистости Кинтаны или ловкости, с которой тот водил “опель-рекорд”, приобретенный в январе, как только его назначили старшим группы. Спеша опробовать машину сразу по выезде из магазина, он прокатил на ней сеньора Вальберга и, не в силах сдержать распирающую его гордость, вовсю давил на газ на шоссе М-30, намного превышая дозволенную скорость, а на самых узких улочках в центре так резко жал на тормоз, что, если бы не ремень безопасности, сеньор Вальберг не раз мог врезаться в ветровое стекло. У него на лбу выступил пот, и он вцепился в колени обеими руками, маленькими и белыми, пальцы к ногтю становились тоньше — типичные руки профессора, ученого человека, которые несколько лет назад, вероятно, были перепачканы мелом и по прошествии года жизни в этой квартире так и не обрели нужного навыка, чтобы сразу поворачивать дверные ручки куда надо. Только представить себе, как эти руки касались кожи совсем юной женщины, как же они, должно быть, дрожали при этом. Когда же Кинта-

на, наконец, остановил "опель" около дома, сеньор Вальберг не пошевелился и продолжал сжимать губы, чтобы унять дрожание подбородка, сконфуженно улыбаясь Кинтане, не глядя при этом ему в глаза, — признательно и как бы подобострастно, словно благодаря его за то, что тот вовремя затормозил и тем самым спас ему жизнь. Эта благодарность схожа с той, которую выказывают подверженные *Стокгольмскому синдрому*, подумал Кинтана, который узнал, что это значит, именно от Вальберга, своего учителя во всем, говорил он, — а сеньор Вальберг в знак протеста махал рукой у него перед носом, чтобы развеять звучание этих слов, которые в глубине души ему льстили, и, так как ему нечасто случалось выказывать чувства перед Кинтаной и ему хотелось бы их скрыть, он снимал очки и протирал стекла краешком белого платка, при этом открывались взгляду его покрасневшие веки, лишенные ресниц, и водянисто-голубые глаза — косящие, близорукие, такие же бесцветные, как его кожа и жидкие волосы, которые все еще у него оставались. Как-то раз, листая киноэнциклопедию, Кинтана обнаружил, что формой лица и глаз и выражением рта, будто бы говорившим об отчаянии и малодушии, сеньор Вальберг здорово походил на Эдварда Г. Робинсона — американского актера из гангстерских фильмов.

В определенный момент, в самом начале знакомства с Кинтаной, сеньор Вальберг как-то безотчетно решил заняться его воспитанием и обучением, уверенный в том, что, обладая многолетним учительским опытом, открыл в нем талант, который упустила — в силу чего он почти сошел на нет и был растрачен по мелочам — никудышная, поверхностная система школьного образования, к которой сеньор Вальберг испытывал устойчивую неприязнь, разумеется, не только сейчас, но начиная с того давнего времени, когда был уважаемым учителем и никто не мог бы даже заподозрить в нем и тени недовольства. Ему настолько была по душе его работа, — он был просто убежден в том, что средняя школа играет важную роль в воспитании молодежи, — что он перестал обращать внимание на придирки администрации и интриги преподавателей-франкистов, которые в течение двух десятков лет не давали ему стать преподавателем университета, притом что он был одним из самых авторитетных испанских латинистов. Он гордился тем, что он преподаватель старших классов, вернее, когда-то им был, — с грустью поправлял он себя, бормоча при этом: вечно я употребляю не то время, никак не привыкну к глаголу "преподавать" в прошедшем времени.

Что его больше всего угнетало теперь, признался он однажды вечером Кинтане, когда оба расположились в тесной сто-

ловой, чтобы выпить по бокалу шампанского (они отмечали первый значительный успех в профессиональной карьере Кинтаны), — так это сознание того, что в глубине души он сильно обижен, а значит, болен, потому что обида есть не что иное, как моральный недуг, причем весьма серьезный, сродни опухоли, которую не имеет смысла удалять, когда она распространилась по всему здоровому организму. Он употребил при этом слово "метастаз", и Кинтане оно так понравилось, что он взял его на заметку, решив, что как-нибудь ввернет его в разговор, желательно когда сеньор Вальберг сможет это услышать. Посмотрите, какая несправедливость, — говорил он, глядя на Кинтану суровым взглядом судьи, пристальность которого поначалу того испугала, потому что показалась провидческой, хотя на самом деле была всего лишь результатом близорукости, — от рождения у меня было все, а в пятьдесят пять лет я остался ни с чем, и стоит мне только дать себе послабление, как начинаю винить весь свет в несчастье, в котором виноват я один. Я все имел и все потерял. Я тот человек, о котором говорится в Евангелии, — я плохо распорядился богатством. А вот вы, напротив, начали с нуля, можно сказать, вам судьбой было предопределено стать преступником, у вас имелось гораздо больше оснований, чем у меня, винить всех и вся в череде лишений и страданий (*череда лишений*, постарался запомнить Кинтана), но вы смогли преодолеть неблагоприятные обстоятельства без чьей бы то ни было помощи, и сейчас вы — полноценный человек, способный приносить пользу и себе, и окружающим, и семье, когда она у вас появится, и мне — уже сейчас, в эти трудные времена...

Сеньор Вальберг, как это не раз с ним случалось, задумался о чем-то своем — голова опущена, бокал наполовину все еще наполнен шампанским, большие губы сами собой сжались, приобретя привычно горестное выражение, точь-в-точь как у Эдварда Г. Робинсона. Кинтана хотел было встать с дивана и ободряюще похлопать сеньора Вальберга по плечу, но это было бы смешно, — вовремя спохватился он, — смешно и унизительно для бедолаги, который, впрочем, тут же и вышел из своего оцепенения, словно очнувшись, улыбнулся, как бы извиняясь за свою рассеянность, и, взглянув на бокал, обнаружил, что у него еще недопито шампанское.

В те зимние вечера они оба, как правило, пили чай. Кинтана его терпеть не мог, но каждый раз выпивал по целой чашке, чтобы не обижать отказом сеньора Вальберга, и к тому же полагая, что чаепитие — это норма светского общения. Однажды вечером, в декабре, в один из тех унылых, промозглых вечеров, какие обычно бывают перед Рождеством, он отва-

жился заявиться к сеньору Вальбергу с бутылкой коньяка и, достав ее из-за пазухи как раз в тот момент, когда его друг разливал по чашкам чай, спросил, не возражает ли тот, если он подольет в чай коньяку. Сеньор Вальберг, которого Кинтана никогда не видел употребляющим спиртные напитки, какое-то мгновение смотрел на бутылку с молчаливым неодобрением учителя, однако так и не проронил ни слова. Он еще не успел поведать Кинтане, что когда-то — два года назад — сильно пил и чуть не превратился в алкоголика. Сейчас он был таким опрятным, таким деликатным в словах и жестах, таким твердым в своих привычках, что казалось невозможным представить его нетрезвым, небритым, а к вечеру уже еле стоящим на ногах, — там, в том городе, где он преподавал в старших классах гимназии и где все видели, как его в наручниках отвели в полицейский участок, а он при этом прикрывал лицо газетой, дабы защититься от назойливости фотографов. Рассказывая об этом через несколько дней после того, как они распили на двоих бутылку шампанского, сеньор Вальберг, нервничая и запинаясь, спросил у Кинтаны, с собой ли у него еще та бутылка *бренди* — он никогда не называл это коньяком, — и, сделав глоток, минуту сидел с закрытыми глазами, уже успокоившись, дыша через нос. В тот вечер он поведал ему обо всем — очень тихим голосом, почти на него не глядя. На следующее утро он проснулся мучимый похмельем и раскаянием: ему было жаль, что он все испортил. Он вышел в столовую, на столе, между двумя стаканами, от которых все еще пахло коньяком, так и лежала фотография, которую он накануне показывал Кинтане. Он почувствовал прилив нежности и отчаяния, глядя на фотографию девочки, на размытые черты ее лица, запечатленные в неярком свете зимнего дня. Он вспомнил, каким был на ощупь ее свитер цвета морской волны и ее волосы, словно только что их коснулся. Это была самая лучшая ученица из всех, которые у него когда-либо были, — сказал он Кинтане, а тот согласно кивал головой, будто что-то понимал. Девочка пятнадцати лет, почти шестнадцати, не сказать чтобы красавица, и, разумеется, ничего вызывающего, совсем не из числа тех подростков, что носят обтягивающие маечки с глубоким вырезом, а в девять часов утра в понедельник заявляются в класс размалеванные, как будто явились в ночной клуб. Обычная девочка, скорее даже застенчивая, со светлыми волосами и глазами. Он вспомнил, как постепенно привык ее видеть, каждый день отыскивать ее взглядом всегда на той же парте, слышать ее голос, когда она читала текст. И вдруг что-то произошло, внезапно, неожиданно, когда их бросило друг к другу в полумраке пустой библиотеки в пятницу вечером.

Взаимное восхищение, осторожность и страх в течение нескольких месяцев связывали их вместе крепче, чем желание. В небольшом городке их неизбежно должны были поймать с поличным. Когда Кинтана услышал финал истории, у него выступили на глазах слезы. Посягательство на честь, дружище Кинтана, — сказал сеньор Вальберг. — Посягательство на честь, изнасилование и развращение малолетних. Как будто я был насильником. Я боялся выходить на улицу. Женщины в меня плевали. Отец девочки разбил мне нос ударом кулака прямо на пороге гимназии в присутствии других преподавателей. Тюрьма оказалась чуть ли не спасением. — Бывает, что тюрьма не является пятном, сеньор Вальберг, — сказал Кинтана. — Это я вам точно говорю, я, конечно, в университетах не обучался, зато прошел школу жизни. — Она хотела дать показания в мою пользу, но ей не позволили, — сеньор Вальберг громко высморкался в бумажный платок, затем медленно поднял голову и вновь взглянул в лицо Кинтане, у него были покрасневшие, мокрые от слез глаза. — Вы не знаете, что это такое, дружище Кинтана, — вот так сразу превратиться в объект ненависти всего города. Но хуже всего была перемена в тех, кто хорошо меня знал, в тех, кого принято называть близкими. До сих пор не могу понять, почему я тогда не покончил с собой. — Об этом даже в шутку нельзя, сеньор Вальберг, — сказал Кинтана и протянул своему другу бутылку с коньяком. — Я твердо убежден: пока живешь, надо надеяться.

Они познакомились в октябре, когда Кинтана, продавец энциклопедий и компакт-дисков классической музыки, однажды днем позвонил в дверь квартиры сеньора Вальберга — крохотной темной квартирки, правда с высокими потолками, в старинном доме в районе Чуэка, на узкой улочке, населенной, главным образом, людьми пожилыми, где появление автомобиля было большой редкостью. Кинтана, рослый, улыбчивый молодой человек, на левой руке носил перстень с печаткой и серебряный браслет, а на правой, в основании большого пальца, у него была вытатуирована синяя точка, он тоже не сразу признался сеньору Вальбергу в том, что не всегда был праведником и во времена бурной юности чуть было не покатился по наклонной дорожке. Он родился в Карабанчеле и с двенадцати лет подрабатывал, чем только мог. Сеньор Вальберг уговаривал его сдать экзамены за курс средней школы. Но Кинтана, один из ведущих продавцов фирмы, о чем он говорил с большой гордостью, совсем недавно, без всякой, по его словам, учебы, и так получил повышение. Узнав об этом, он первым делом купил бутылку шампанского и, перепрыгивая через несколько ступенек, по деревянной ле-

стнице поднялся на этаж, где жил сеньор Вальберг, его указательный палец не отпускал кнопку звонка до тех пор, пока бывший преподаватель латыни не открыл дверь.

В тот вечер они пили шампанское и вспоминали подробности первого визита Кинтаны, случившегося четыре месяца назад, тогда Кинтана, после того как сеньор Вальберг деликатно, явно испытывая неловкость, отверг его предложение приобрести энциклопедию илм компакт-диск, попросил у него стакан воды. Вы были бледны в тот день, вспомнил сеньор Вальберг, как будто силы оставили вас. Когда он вернулся из кухни со стаканом воды, Кинтана сидел на стуле в прихожей, закрыв глаза и прислонившись затылком к стене. Я и правда был без сил, мне сильно не везло в те дни, это была какая-то черная полоса, а вы принесли мне удачу, — сказал Кинтана и хотел подлить еще шампанского, уже теплого и без пузырьков, в стакан сеньора Вальберга, но тот накрыл стакан ладонью, маленькой, бледной, словно все еще хранящей следы въевшегося в нее мела.

В тот первый раз, выпив два стакана воды, Кинтана попросил у сеньора Вальберга разрешение позвонить по телефону. Сеньор Вальберг провел его по темному коридору к столовой и там стал возиться с ручкой двери, которая, как оказалось, открывалась наружу: он объяснил, что поселился в квартире недавно и не успел привыкнуть к не стандартно открывающимся дверям. Пока Кинтана торопливо переговаривался с центральным отделом продаж своей фирмы, сеньор Вальберг с величайшей осторожностью перелистывал атласные страницы “Истории античного мира” с красочными иллюстрациями, в то время Кинтана уже окончательно потерял надежду продать ее кому бы то ни было. Когда Кинтана повесил трубку, сеньор Вальберг стоял с открытой книгой у окна и, медленно шевеля губами, читал надпись на латыни на надгробной плите, фотография которой занимала всю страницу. Он читал вполголоса торжественным тоном, каким священники произносят слова литургии.

В этой профессии приходится быть прямо-таки психологом, сеньор Вальберг, — сказал Кинтана, — как только вы открыли дверь, я сразу смекнул, что человек вы ученый. — Но ведь я был не в состоянии что-либо у вас приобрести, дорогой Кинтана, — возразил сеньор Вальберг. — Вы не представляете, как мне неловко оттого, что я до сих пор ничего не смог у вас купить.

Заметив интерес сеньора Вальберга к энциклопедии, Кинтана подробно описал ему достоинства издания, объяснив при этом, как удобна оплата в рассрочку. В его настойчи-

вости был лишенный всякой жалости расчет: бедняки, как правило, отличаются слабым характером и скорее дадут уговорить себя, чем богачи и хитрецы, — они будут потеть и кусать губы, не осмеливаясь сказать "нет", и не исключено, что по уши влезут в долги, чтобы купить двадцати-, а то и тридцатитомную энциклопедию, убеждая себя, что ради будущего детей оправдана любая жертва.

Я очень расстроился из-за вас, Кинтана, — сказал сеньор Вальберг. — Я видел, как вы устали, каких усилий вам стоило в тот вечер подняться сюда и позвонить, будучи готовым к тому, что вам не захотят открыть или, открыв, тут же перед самым носом захлопнут дверь.

Кинтана вернулся через неделю, на этот раз с томом великолепной энциклопедии "История человечества", от древности до наших дней. Сам сеньор Вальберг показался ему более старым и бедным, чем в прошлый раз, а квартира еще более пустой. Он вежливо полистал глянцевые страницы тома, который Кинтана положил перед ним, но на этот раз слушал объяснения, не скрывая нетерпения, не приглашая гостя присесть, под вельветовой домашней курткой на нем был пиджак и галстук. Вечер был туманный, похолодало, однако сеньор Вальберг не зажигал света, квартира не обогревалась, если не считать небольшой газовой печки, которую Кинтана помнил еще по черно-белой рекламе на телевидении. Он уже собрался было уходить, но в этот момент сильно запахло кофе и раздался свист кофеварки, он повернул голову в сторону кухни одновременно с сеньором Вальбергом, и ему показалось, что тот покраснел, будто застигнутый за чем-то неприличным, и встал между ним и закрытой дверью кухни — инстинктивное движение одинокого и необщительного человека, не привыкшего к присутствию посторонних в своем доме. Кинтана нахально улыбнулся сеньору Вальбергу и поставил портфель на стул. Сеньор Вальберг спросил его, не хотел бы он выпить кофе, и вежливой скороговоркой предложил присесть.

Кто бы мог подумать, что мы станем друзьями, сеньор Вальберг, — сказал Кинтана. — Кто бы мог подумать, что черная полоса для меня так быстро закончится, что я столькому у вас научусь. — Это вы меня учили, дорогой Кинтана, — вероятно, от шампанского, из-за непривычки, у сеньора Вальберга слезились глаза. — Если бы не ваши визиты, я бы этой зимой умер от одиночества. Знаете, что мне приходит на память — фильм, который я видел много лет назад, черно-белый, наверняка вас тогда на свете не было. В нем кто-то говорил: "Я всегда зависел от любезности незнакомцев". То же самое происходит сейчас

и со мной: люди, которых я знал, стали мне чужими. Только незнакомые не отворачиваются от меня. Женщина, у которой я покупаю хлеб и молоко, каждое утро продлевает мне жизнь всего лишь двумя словами "добрый день". И вы тоже, сеньор Кинтана, вы меня буквально спасли.

В самом начале, во время первых встреч, сеньор Вальберг говорил очень мало, но Кинтану непреодолимо тянуло расспрашивать его обо всем. Во время второго визита он узнал, что сеньор Вальберг поселился в Мадриде лишь недавно, что он много лет прожил в небольшом провинциальном центре в Андалусии, что работал там заведующим канцелярией в какой-то академии, располагавшейся на улице Фуэнкаррал. Странно, — сказал Кинтана, — меня трудно сбить с толку, а я-то был убежден, что вы преподаватель. — Вы не ошиблись, — заверил его сеньор Вальберг, не глядя в глаза Кинтане, — я преподаватель, — и тут же поправился: — был преподавателем латыни, в старших классах. Он объяснил, что его до срока отправили на пенсию по причине нездоровья, а когда Кинтана спросил, есть ли у него семья, он то ли не расслышал, то ли пропустил вопрос мимо ушей: низко склонив голову над столом, он читал статью в газете, принесенной Кинтаной, что-то об убийствах, которые пресса окрестила "отрезанные губы". Это дело широко освещалось, и вокруг него был нездоровый ажиотаж, поскольку газеты и телевидение не упускали ни одной кровавой подробности. Начиная с лета три женщины примерно одного возраста — тридцати с небольшим лет, — одинокие, достаточно успешные, сами зарабатывавшие себе на жизнь, были обнаружены убитыми у себя дома, украдено ничего не было, убийца отрезал жертвам губы и уносил их с собой в качестве единственного трофея. В квартире сеньора Вальберга не было ни радио, ни телевизора, к тому же он никогда не покупал газет, наверно, он был единственным на всю страну человеком, который ничего не слыхал об убийствах. Здесь сказано, что у полиции есть какая-то надежная зацепка, — сказал сеньор Вальберг. — Ну, допустим, его схватят, что из этого? — Кинтана пожал плечами. — Сегодня такие вот входят в одну дверь тюрьмы и выходят в другую. Прикинется сумасшедшим — и через каких-нибудь два года его выпустят.

Спустя несколько месяцев, вспоминая этот разговор за бутылкой шампанского, Кинтана попросил у сеньора Вальберга прощения, но тот пожал плечами и ответил, что ему не о чем беспокоиться, он не почувствовал себя ни обиженным, ни уязвленным из-за этого невинного комментария Кинтаны — не мог же Кинтана в тот момент подозревать, что его новый друг на самом деле побывал в тюрьме и что между тем

днем, когда он туда вошел и когда оттуда вышел, прошло как раз два года. При этом ему вовсе не хотелось напрашиваться на сочувствие, признался он. Если честно, у него не было права сетовать на несправедливость: он нарушил закон, моральные нормы, установленные для его профессии, не говоря уже о приличиях, — его судили и приговорили к наказанию. В греческих городах, рассказал он Кинтане, совершивших особо тяжкий проступок в качестве наказания ожидала не тюрьма, не смерть, а остракизм, изгнание. За пределами города мировой простор оборачивался тюрьмой, а изгнание — медленной смертью. Отбыв срок, сеньор Вальберг чувствовал себя приговоренным к заключению, которому не будет конца, доколе он жив.

Однако несмотря на это, — с поразительным спокойствием сказал он Кинтане в тот вечер, когда разрешил ему пройти на кухню и продемонстрировал то, что там оказалось спрятано еще до того, как он успел снять эту квартиру, — несмотря на это, должен вам признаться, дорогой Кинтана, что хоть меня и гложет стыд, мне неведомо раскаяние. — Вы виделись с ней после тюрьмы? — спросил Кинтана и нерешительно, словно не был уверен, что у него есть право задавать определенные вопросы, добавил: — С той своей подругой, девушкой. — Нет, единственное, что мне известно наверняка — ей не сегодня-завтра исполняется восемнадцать лет. — Проговорив это, он отхлебнул коньяка, и на какое-то мгновенье в нем проглянул другой человек — или же он когда-то и был таким: самоуверенным, молодым, с более прямой спиной, а его взгляд, обычно безучастный, почти всегда трусливый и такой осторожный, что его почти невозможно было уловить, сверкнул гордостью и проницательностью. Вернув бутылку Кинтане, он опять стал сеньором Вальбергом, каким был всегда: вытирал губы платком и не глядел в глаза.

Сейчас он уставился в пустоту, с побледневшим до крайности лицом и перекошенным ртом и с тем же самым выражением, с каким он, вероятно, смотрел сегодня вечером, открыв холодильник, на пузырек со спиртом, в котором плавало нечто, напоминающее пару слизняков. Не глупите, сеньор Вальберг, — сказал Кинтана тоном, каким обычно дают совет больному, — вам надо пойти в полицию. Я вас провожу и, если хотите, сам позвоню им. — Мне никогда не поверят, дорогой Кинтана, — глаза сеньора Вальберга за стеклами очков увлажнились и стали более ясными. — Представляю, как на меня будут смотреть, как только заглянут в свои архивы и узнают, кто я такой и что совершил. — Вы не сделали ничего плохого, сеньор Вальберг, — с жаром сказал Кинтана. —

Вы совершили самый что ни на есть человеческий поступок: позволили себе увлечься.

Сеньор Вальберг медленно поднял голову и взглянул на Кинтану с благодарностью, почти с умилением: у него буквально больше никого не было в целом мире, никому больше он не мог доверять. Не то чтобы он надеялся, что Кинтана спасет его от какой-нибудь опасности или же вечно будет выказывать ему все ту же преданность, — он сам был свидетелем того, как преданность улетучивается в считанные минуты, не оставив места даже сочувствию, — однако регулярные посещения, щедрая, даже не знающая меры, заботливость, практические услуги, которые тот постоянно ему оказывал, приучили его рассчитывать на Кинтану, незаметно для него самого подточили сопротивление, питаемое неизбывным стыдом и робостью, и в результате в тот последний вечер он доверил ему то, что, как казалось, не отважится рассказать никому на свете: он уверен в том, что автор преступлений, в которых фигурировали отрезанные губы, жил до него в этой самой квартире, которую он теперь занимает, что у преступника остались ключи и, воспользовавшись отсутствием сеньора Вальберга, он вошел в дом и оставил в холодильнике пузырек, наполненный спиртом, с плавающими в нем губами последней жертвы.

Впервые сеньор Вальберг позвонил Кинтане по телефону. Он позвонил ему из автомата, испытывая некоторые трудности, поскольку еще не успел освоиться с новыми моделями уличных телефонов; впрочем, он вообще не освоился, как он признавался сам себе, с реальной жизнью, будто провел в тюрьме не два года, а все двадцать. Для того чтобы его соединили с кабинетом Кинтаны, ему пришлось преодолеть заслон из двух секретарш, и это внушило ему весьма лестное представление о служебном положении своего юного друга. Кинтана же, услышав его голос, не сразу понял, кто с ним говорит, скорее всего потому, что, соединяя его, секретарша невнятно произнесла фамилию Вальберг. Где-то далеко слышался шум голосов и телефонных звонков, и сеньор Вальберг представил себе офис, в который ворвался его звонок: белые стены, лампы дневного света и экраны компьютеров, — и внезапно почувствовал, что поступает глупо и по-детски. Он с трудом удержался, чтобы не повесить трубку, пока Кинтана еще не узнал его и спрашивает, кто звонит. Не повредит ли его репутации дружба с бывшим осужденным? Однако сеньор Вальберг был настолько напуган, что сумел преодолеть стыдливость. Ради всего святого, дорогой Кинтана, приходите поскорее.

Это было в понедельник в начале марта, было облачно и дул ледяной ветер, но уже темнело с каждым днем все позже,

и фасады зданий еще отражали свет дня, приглушенный грязно-серым цветом неба и выхлопными газами. В газетном киоске сеньор Вальберг краем глаза прочитал заголовок о преступлении, совершенном накануне ночью, но не отважился повернуть голову и даже не остановился. В небольших магазинчиках уже зажгли свет, а по ступеням рыночной лестницы спускались женщины в пальто с продуктовыми сумками, из которых торчал батон хлеба или широкие зеленые листья салата. По дороге домой сеньор Вальберг ощутил, что где-то рядом течет нормальная жизнь, согретая теплом, где по утрам царит привычное оживление, а по вечерам — и это видно через балконные двери — работает телевизор и кто-то накрывает стол к ужину. Этот мир находился прямо перед его взором, и стороннему наблюдателю могло бы показаться, что сеньор Вальберг тоже является его частью, однако на самом деле он был для него столь же недостижим, как северный полюс или вчерашний день.

Он подумал, что до скончания века будет жить в подполье и что ему одному — и никому другому — предназначена столь неисчерпаемая порция несчастья. Он смотрел на ставшие привычными лица людей своего квартала и с горечью думал, что за приветливостью незнакомцев тоже может скрываться враждебность и страх: возможно, сегодня он, например, прошел мимо убийцы, который отрезает губы женщинам, не исключено даже, что его лицо показалось ему дружелюбным и знакомым. В подъезде своего дома он немного помедлил в темноте, прежде чем нажать кнопку выключателя. Движимый какой-то суеверной осторожностью, он не стал подниматься на лифте и постарался, чтобы ступеньки не скрипели у него под ногами. Он провозился с дверью в квартиру, несколько секунд пребывая в смятении при мысли о том, что кто-то вновь вошел туда в его отсутствие и задвинул щеколду, чтобы не быть застигнутым врасплох. На самом же деле он, как обычно, поворачивал ключ вправо, а дверь толкал внутрь. В коридоре пахло сыростью и газом. Сеньору Вальбергу не захотелось входить в кухню, он войдет туда только после того, как появится Кинтана. Однако Кинтана сказал, что будет не раньше чем через час. Сеньор Вальберг зажег небольшую газовую горелку и, не включая света и не снимая пальто, опустился в кресло в столовой, где в последние месяцы он столько часов провел за чтением. Внезапно он почувствовал ностальгию по тому времени, которое даже пару часов назад казалось самым ужасным и одиноким в его жизни. Часы молчания и абсолютного покоя, проведенные за чтением Тацита или Монтеня, когда, оторвавшись от книги, вдруг обнаруживаешь, что уже ночь, а ты

весь окоченел от холода; изредка разговоры с Кинтаной, в которых он не раз сбивался, сам не знает как, на чрезмерно самоуверенный или менторский тон. Но он чувствовал себя моложе оттого, что Кинтана без конца задавал вопросы и был готов учиться, его поражала способность Кинтаны решать практические вопросы: тот чинил моечные машины, знал, где можно раздобыть, несмотря на воскресенье, баллон с газом, был способен обнаружить неисправность в электропроводке, разыскать единственную на весь Мадрид лавчонку, где все еще продавались штепсели старого образца. И вот теперь, в этот вечер, уже зная о пузырьке со спиртом в холодильнике, сеньор Вальберг ждал Кинтану так, словно волей судьбы оказался преступником, которому только и осталось, что ждать приговора.

Была уже поздняя ночь, когда Кинтана, наконец, заявился, извинившись за опоздание, решительно скинул новое пальто и отставил в сторону огромный портфель из черной кожи с позолоченными пряжками, и, потирая руки, вошел в столовую, словно человек, настроенный совершить благое дело. Ну, рассказывайте, сеньор Вальберг, — сказал он чуть ли не шутливым тоном, — что за пожар, что тут на этот раз вышло из строя. До сих пор сеньор Вальберг не произнес ни слова. Ничто его так не пугало, как фамильярность, особенно со стороны физически сильного человека с отменным здоровьем. Тогда Кинтана обратил внимание на его молчание и бледность и тотчас же обрушил на сеньора Вальберга прямо-таки лавину заботливости: не пытайтесь меня обмануть, сеньор Вальберг, вы знаете, что у меня нюх на такие дела, с вами что-то стряслось, опять вы у меня совсем пали духом, ведь так? Ну, выкладывайте все как есть.

Сеньор Вальберг, так и не проронив ни слова, повел его на кухню. До сих пор он не позволял Кинтане проходить дальше столовой. Для одинокого мужчины на кухне сеньора Вальберга было слишком чисто и прибрано. Мебель и посуда были весьма невысокого качества и каких-то незапамятных времен, однако благодаря опрятности сеньора Вальберга, выглядели почти как новые. Кинтана представил себе, как тот в старом переднике, завязанном на спине, не сняв галстук, в войлочных тапочках каждый вечер готовит себе скудный и немудреный ужин, а также обед на следующий день или как тщательно вытирает стакан, выпив немного воды, или стеклянную плошку, в которой разводил суповой концентрат. Ну, проходите же, Кинтана, не стойте там, — сеньор Вальберг пригласил его пройти на крохотную террасу, где стояла мойка. — Я хочу, чтобы вы кое на что взглянули.

Под мойкой было пустое пространство, отгороженное полиэтиленовой занавеской, сеньор Вальберг отодвинул ее и сделал знак Кинтане, чтобы тот присел на корточки рядом с ним. Все пространство под раковиной было завалено кипами старых журналов, они лежали здесь, в темноте и сырости, уже столько времени, что многие из них покоробились. Сеньор Вальберг вытащил охапку и положил на кухонный стол. Это были порнографические журналы, но мало того, на всех фотографиях у женщин были вырезаны губы. Вместо накрашенных красных ртов, искаженных желанием или застывших в сладострастных стонах, на лицах этих женщин зияли дыры, и казалось, что в их глазах застыло изумление, вызванное подобной ампутацией. Пока Кинтана рассматривал журналы, сеньор Вальберг стоял отвернувшись, словно опасаясь, что его друг заподозрит, уж не получает ли он какое-то удовольствие от этого зрелища. Не говорите пока ничего, дорогой Кинтана, — сказал сеньор Вальберг. — Прежде я должен показать вам еще кое-что. На этот раз он пригласил его пройти в спальню. Кинтане пришло в голову, что келья средневекового монаха наверняка выглядела такой же мрачной, пустой и холодной. Напротив кровати стоял встроенный шкаф. Сеньор Вальберг открыл его и стал раздвигать одежду, развешанную на немногочисленных проволочных плечиках, попросив Кинтану тем временем зажечь свет, а затем подал знак рукой, чтобы тот тихонько подошел, словно боялся, что они могут кого-то спугнуть. Вначале, из-за слабого освещения, было трудно разглядеть, чем это так тщательно, без единого свободного участка, обклеены изнутри стенки шкафа. Что-то вроде дешевых обоев в цветочек, которыми раньше обклеивали кухонные шкафчики в бедных домах, и действительно сеньор Вальберг, который был не только близорук, но к тому же и весьма рассеян, далеко не сразу после своего переезда сюда разглядел в тусклом свете спальни, что это вовсе не цветы с сочными и красными лепестками. Это были губы, вырезанные рты, сотни разинутых ртов с влажными и накрашенными губами. Те же самые руки, которые вырезали рты женщин в журналах, хранящихся под мойкой, затем тщательно приклеивали их к внутренним стенкам шкафа, это продолжалось неделями, месяцами, до тех пор, пока неизвестный, занимавший квартиру, не съехал. Кто знает, может, бежал, — сказал сеньор Вальберг, или решил приискать себе более надежное убежище, или он просто устал от лощеной бумаги и фотографий и решил резать губы настоящим женщинам. Однако часа три назад, пока сеньор Вальберг был на работе, он вернулся: сначала кружил по улице,

ожидая, когда тот выйдет, пряча в кармане пальто, или в портфеле, или в полиэтиленовом пакете пузырек со спиртом, в котором хранились отрезанные губы, затем поднялся по той же самой лестнице и прошел через ту же самую столовую в ту же самую кухню, где сейчас стояли сеньор Вальберг и Кинтана. Какой-то сумасшедший, — сказал смертельно побледневший Кинтана, взглянув при свете открытого холодильника на губы, плавающие в пузырьке, который сеньор Вальберг держал прямо перед ним. — И притом опасный. — Он не сумасшедший, — печально сказал сеньор Вальберг. — Это меня он хочет свести с ума. Вы понимаете, дорогой Кинтана? Он хочет, чтобы в его преступлениях обвинили меня. Наверняка он меня узнал, моя фотография появлялась в газетах. — Надо действовать, — Кинтана кружил по столовой, опустив голову и крепко сцепив руки. — Мы должны его упредить. Первым делом, наведем справки в агентстве, которое сдало вам квартиру. Завтра, прямо с утра, я этим займусь. И вы, разумеется, не останетесь здесь один сегодня ночью... — Я уже был в агентстве, — ответил сеньор Вальберг. — Когда у меня появились подозрения, в тот самый раз, когда вы принесли газету с сообщением о преступлениях. Мне ничего не могли сказать. Квартира поступила в их распоряжение прошлым летом, незадолго до того, как я ее снял. — Разыщем владельца, — не сдавался Кинтана. — Найдем его, где бы он ни находился. — Я разыскал владельца, — сеньор Вальберг говорил все тише и тише. — Ему девяносто лет и он выжил из ума. Живет в доме престарелых. — Просто невероятно, — сказал Кинтана. — Почему вы, сеньор Вальберг, ничего не рассказали мне об этом раньше, неужели вы мне не доверяете?

Сеньор Вальберг пожал плечами, и вид у него был пристыженный, будто его в чем-то уличили. Он вытер нос бумажным платком, затем сделал глоток из бутылки, которую Кинтана оставил на столе. Затем вновь уселся в кресло и обмяк, испытывая полный упадок сил. Дорогой Кинтана, — сказал он, и на этот раз посмотрел ему в глаза снизу вверх, поскольку Кинтана, который был очень высок, стоял перед ним, опираясь на стол обеими руками. — Мне не хотелось злоупотреблять вашей верностью. Я не хотел, чтобы вы чувствовали себя обязанным мне верить. Мне и так слишком часто приходилось видеть, как лица людей, которые мне полностью доверяли, изменялись в тот момент, когда у них возникало даже не подозрение, а всего лишь тень подозрения. Я больше ни за что не хочу оказаться в полицейском участке. Не желаю, чтобы на меня глазели, а потом переглядывались между собой. Не желаю вдыхать запах подобных мест. Поймите меня, если

можете. Наверно, этот тип, который убивает женщин и отрезает им губы, все про меня понял. Он знает, что я буду молчать и что вот-вот сойду с ума. — Не говорите так, сеньор Вальберг, — Кинтана склонился над ним, словно над изголовьем больного, который упорствует в своем нежелании жить. — Никто вам ничего не сделает, покуда есть я. Я дам в морду любому, кто вас в чем-либо обвинит, клянусь вам.

Есть что-то театральное в жестах Кинтаны, в приверженности необразованного человека к громким словам, к пафосным заявлениям, с печалью и благодарностью подумал сеньор Вальберг. Он показался ему моложе, чем был на самом деле, — с этой его бесполезной смелостью и преданностью, влюбленностью в историю любви, которая не имела к нему отношения и теперь уже существовала только в памяти сеньора Вальберга да в пылком воображении Кинтаны. Сеньор Вальберг хотел было встать, чтобы налить в стакан воды, но Кинтана ему не позволил: он был не только его охранником, но и сиделкой. Он открыл дверь в кухню, исчез там, послышался звук льющейся из крана воды и звяканье стаканов в шкафчике над раковиной, затем несколько секунд было тихо, и Кинтана вновь появился в дверях кухни, уже со стаканом в руке, — и в этот момент он встретился взглядом с сеньором Вальбергом, тот стоял, и глаза у него были расширены, словно он увидел нечто, что всегда было перед ним, а он никогда этого не замечал.

Кинтана улыбнулся с неожиданной робостью, ставя стакан с водой на стол. Сеньор Вальберг к нему не притронулся, он попросил принести ему из ванной пузырек с таблетками. Кинтана сходил за ними и положил их рядом со стаканом с водой. Оба медленно сели в неловком молчании, под аккомпанемент старых пружин кресла, в котором обычно сидел сеньор Вальберг. Кинтана провел рукой по волосам, сцепил ладони между коленями и хрустнул суставами пальцев. Сеньор Вальберг заговорил так тихо, что Кинтане пришлось наклониться к нему, чтобы разобрать его слова. Это ведь вы, правда? — сказал сеньор Вальберг. — Что вы сказали? — Кинтана покраснел, словно неопытный лгун. — Это ведь вы убили этих женщин, дорогой Кинтана, это вы жили здесь, вы пришли сюда сегодня днем и оставили губы в холодильнике. — Сеньор Вальберг, — начал было Кинтана, но, по-видимому, у него комок подкатил к горлу, и он не смог больше ничего выговорить. Он выгнул ладони, уставился в пол, потом медленно поднял глаза, пока не встретился с глазами сеньора Вальберга, и тотчас же отвел взгляд. Теперь, когда я знаю, кто все это совершил, я не боюсь, — голос сеньора Вальберга

звучал немного громче, не требовательно, не испуганно, а спокойно. — Я не чувствую к вам ненависти, потому что я вас не боюсь. Но отвечайте же мне, Кинтана, взгляните на меня, скажите, что я ошибаюсь.

Кинтана учащенно дышал, опустив голову, сцепив руки под подбородком. Казалось, он весь съежился, стал неуклюжим, беззащитным. Судя по тому, как он дышит, он вот-вот расплачется, подумал сеньор Вальберг. Его удивляло не внезапное прозрение, а быстрота, с которой все менялось: нормальное становилось чудовищным, привычное — незнакомым. Он был уверен, что Кинтана будет все отрицать, сделает недоуменное, а затем обиженное лицо. Однако глаза у него были полны слез, и он неотрывно смотрел на сеньора Вальберга из-за сложенных, словно для молитвы, ладоней. Вы могли бы и дальше осуществлять свой план, дорогой Кинтана, — продолжил сеньор Вальберг. — Подталкивать меня к сумасшествию еще и еще, в какой-нибудь день оставить очередной пузырек с губами в любом другом месте, где бы я обнаружил его не сразу, например, в тумбочке у кровати. Но вы только что пошли на кухню за стаканом воды, и я внезапно все понял. По чистой случайности, конечно, потому что, как вам известно, я плохо вижу и обычно мало что замечаю. И я не был вполне уверен и повторил опыт — попросил вас принести мне из ванной пузырек с лекарством...

Кинтана поднялся, кажется, он начинал все понимать... Сеньор Вальберг некоторое время молча смотрел на него и затем продолжил: я обратил внимание на то, как вы открыли дверь. Ведь до сегодняшнего дня вы ни разу не заходили на кухню, не поворачивали дверные ручки в этом доме. Я хочу сказать — в моем присутствии. Ручки следует поворачивать влево, а двери открывать на себя, а не от себя. Открывание дверей — одно из тех действий, которые мы в жизни повторяем чаще всего, дорогой Кинтана, и проделываем это бессознательно. Поэтому-то я все время ошибаюсь в этом доме, хотя и живу здесь не один месяц. А вот вы не ошиблись и ни на секунду не задумались — ни в случае с кухонной дверью, ни с дверью ванной. Ваши руки еще не утратили привычки поворачивать ручки в противоположную сторону. вам не стыдно, что вы мучили и убивали этих женщин? Я не испытываю к вам ненависти, но не испытываю и жалости.

Сеньор Вальберг не пошевелился, когда Кинтана стал медленно приближаться к нему. Он лишь вздрогнул, услышав щелчок раскрываемого ножа, но продолжал смотреть в глаза Кинтаны, пока правая рука того подносила к нему зажатое в кулаке кривое и блестящее лезвие. Когда нож вонзился в живот и под-

нялся, рассекая его, выше и остановился в основании грудной клетки, раздался протяжный стон, неприятный и пронзительный, но издал его вовсе не сеньор Вальберг, а Кинтана, который, отведя в сторону руку с ножом, уселся на то же место, где сидел раньше, — напротив сеньора Вальберга, на лице которого уже не было очков, свалившихся на пол. За креслом, на тумбочке с лампой лежал бумажник сеньора Вальберга. Кинтана кое-как вытер пальцы о собственный пиджак и раскрыл бумажник. Он несколько минут рассматривал фотографию светловолосой девочки с нежным лицом в водолазке с высоким воротником цвета морской волны, она улыбалась в свете зимнего утра. Мертвый сеньор Вальберг выглядел так, будто он задремал или заснул, сидя напротив Кинтаны, — подбородок уткнулся в грудь, рот растянулся, веки были большие и тяжелые, как у того американского киноактера.

Кинтана одним глотком допил коньяк, еще остававшийся в бутылке. Он сходил за портфелем с позолоченными пряжками, в котором у него была точно такая же бутылка, опорожнил и ее, горло ему обожгло, на глазах выступили слезы. Шатаясь, с ножом в руке, как будто опасаясь появления возможного врага, он вошел в спальню сеньора Вальберга, повалился на кровать, широко разбросав ноги, и мгновенно уснул.

Он открыл глаза и увидел слабый свет в окне — сероватый, а затем голубоватый. До него не сразу дошло, что он проснулся от звонка в дверь. Вмиг протрезвев и обретя ловкость и осторожность, он скинул ботинки и тихонько подкрался к двери, сжимая рукоятку ножа правой рукой и поглаживая пружину. Кончиком указательного пальца левой руки он отодвинул медную пластинку, которая прикрывала глазок. Вновь зазвенел звонок и зажегся свет на лестничной площадке. Там, напротив Кинтаны, отделенная от него всего лишь несколькими сантиметрами старой деревянной двери, устремив взгляд как раз в направлении его глаз, стояла девушка с фотографии, которую сеньор Вальберг на протяжении двух последних лет хранил в своем бумажнике, лишь изредка осмеливаясь вообразить себе то, что он считал невозможным: как она приезжает в Мадрид, чтобы разыскать его, как только ей исполнится восемнадцать.

Катажина Писажевская

Шоу лжецов

Повесть

Перевод Елены Барзовой и Гаянэ Мурадян

Глава 1. Жемчужина с шипами

Когда глаза привыкли к дневному свету и стали что-то различать сквозь клубы пыли, я обнаружил, что не один. Причиной этой странности была женщина, что я определил с немалым трудом — во-первых, потому что сквозь клубы пыли плохо ее видел и, во-вторых, потому что одета она была в стиле унисекс, а лицо прикрывала бумажным платочком. Платочек она придерживала рукой: кисть тонкая, ногти красные, на безымянном пальце что-то поблескивает — наверное, камушек в перстеньке.

Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что, если бы она явилась на длинных загорелых ногах, в туфлях на шпильках и миниюбке, интуиция мгновенно и, как всегда, безошибочно подсказала бы мне, что столь удачное начало предвещает не-

© by Katarzyna Wideńska, 2009
© Елена Барзова, Гаянэ Мурадян. Перевод, 2018
Журнальный вариант.

приятности. Проблемы являются на длинных ногах. Это мне, к сожалению, известно не из собственного опыта, а по книгам и фильмам — могу навскидку привести минимум четыре названия.

Тем временем мы выжидали, пока уляжется пыль, поднявшаяся из-за того, что она слишком резко отдернула шторы. Одна, наполовину сорванная, тоскливо повисла, частично закрывая окно и маячащий вдали силуэт Дворца науки и культуры — пресловутой сталинской высотки. Предложить незваной гостье мне было нечего, и посему я ждал ее реакции. Я мог бы попробовать себя в роли гостеприимного хозяина, но тот факт, что я ее не приглашал, несколько усложнял наши взаимоотношения. Откуда она взялась? Чего ищет? Зачем отдернула шторы и почему глядит на меня, прищурившись, в щель между бумажным платочком и челкой, — эти вопросы роились у меня в голове среди прочих типа: "зачем мы существуем?", "куда оно все катится?" и "что случилось с моим последним пивом?".

— Невероятно, — изрекла наконец девица, открывая лицо, чьи приятные черты искажала брезгливая мина. — Твой дядюшка не соврал. Я-то думала, он преувеличивает, а оказывается, смотрит на тебя сквозь розовые очки. Думала, он осыпает тебя бранью, но теперь вижу, что это были ласковые слова.

— Я на него не в обиде. А как ты здесь оказалась?

— Твой дядя дал мне ключи.

— Ловко, — поразился я и неопределенно повел рукой в сторону пустых бутылок: — Выпить хочешь?

Проигнорировав мое предложение, девица сообщила:

— Есть задание. Встречаемся через двадцать минут в парке на первой свободной лавочке. Если не придешь, ты исключен из команды. Ждать не буду ни секунды. И еще: ты должен выглядеть по-другому. — Повернулась и ушла.

Она явно не шутила, и я понял: лучше сделать все, как она говорит, хотя я представления не имею, кто она такая и о чем вообще речь: я ведь давно уже исключен отовсюду, откуда можно исключать, кроме, разве что, избирательных списков (если только в этой сфере еще не усовершенствовали законодательство).

Я мгновенно вскочил со стула, в два прыжка влетел в ванную и схватил карманное зеркальце, лежавшее на умывальнике на случай, если мне захочется побриться и аккурат будет чем. Чем побриться аккурат не было, поэтому я просто подрезал ножничками бороду и погрыз кусочки засохшей пасты, чтобы освежить дыхание, а в ванну тем временем лилась благоухающая хлоркой вода. Время подгоняло. Я быстренько окунулся в ванну, как в крестильную купель, и, стягивая на ходу мокрые подштанники, рванул к шкафу.

Девица явно имела в виду маскировку. Меня это не удивило: ремесло частного детектива (которое я практикую не слишком прилежно) подобно ремеслу актера с той лишь разницей, что синяки чаще всего настоящие. Возможно, следовало бы упомянуть про открытые переломы, кровь из носа и сотрясения мозга, но, честно говоря, ничего такого со мной не случалось с тех самых пор, как я перестал играть с ребятами во дворе. Сменив футболку с добрым разбойником Румцайсом на футболку с его сыночком Циписеком[1], я обернул чресла килтом, который мне подарила когда-то на День мундира тетушка Дзержищав. На самом деле, это была ее старая юбка в шотландскую клетку... но сейчас не время вспоминать старые обиды. Сунув ноги в потрепанные сандалии, я выбежал из дому, не забыв запереть квартиру (моих соседей или их гостей вряд ли остановят угрызения совести и нравственные нормы — вынесут все, что пролезет в дверь). Кстати, должен сказать сразу, что, помимо скромной утвари, безнадежно отставшей не только от самых современных трендов, но и от каких-либо трендов вообще, у меня имеются два предмета, всецело подчинившие себе мой разум и все органы чувств: это компьютер и модем, чья бесперебойная работа при полном игнорировании телефонных счетов — тайна, неизвестная никому.

Когда я выскочил на улицу, движение, свет и звуки, не говоря уже о смраде выхлопных газов, полностью парализовали мои органы чувств, привыкшие к минимуму внешних раздражителей. Впрочем, я скоро заметил мокрые голые стволы, вспомнил, что живу напротив парка, и бросился через дорогу, нарушив все правила движения и создав пробку от Жолибожа до Урсынова, после чего со всех ног рванул на поиски лавочки с девицей, навестившей меня семнадцать с половиной минут назад. Когда я обнаружил мою гостью, укрытую темно-синим зонтом, на скамейке, притаившейся в зарослях облетевшего кустарника, она уже собиралась уходить. Мой вид не вызвал у нее энтузиазма, скорее наоборот. Сначала на лице ее отразилось потрясение, а затем нечто, что я назвал бы омерзением, если б относился к себе чуть менее благосклонно.

— Твой дядя забыл добавить, что ты идиот, — прошипела она. — Какого дьявола ты напялил юбку?

— Я думал, речь идет о маскировке, — ответил я, и это была чистая правда: я вообще никогда не лгу без необходимости.

1. Персонажи книги чешского писателя Вацлава Чтвртека “О добром разбойнике Румцайсе, Мане и сыночке их Циписеке”. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

— У тебя не иначе как с головкой плохо. По-твоему, за нами кто-то следит? Если не способен отличить реальность от бредовых фантазий, лучше так сразу и скажи.

И откуда она так хорошо меня знает? Я понял, что, если хочу исправить свой имидж, надо срочно начинать лгать.

— Спокойно, женщина, без нервов! Нет у меня никаких бредовых фантазий. Мы просто друг друга не поняли. Если хочешь, я могу снять этот килт, но предупреждаю: согласно шотландским традициям, у меня под ним ничего нет.

Девица намека не уловила.

— Послушай, болван! — прошипела она с плохо скрываемой злостью. — Я сюда не по своей воле пришла, кончай испытывать мое терпение.

— Послушай, девчонка! — ответил я, стараясь попасть ей в тон (как известно, в переговорах мимикрия — половина успеха). — Это ты испытываешь мое терпение. Я не знаю, зачем ты ко мне заявилась, и вообще не понимаю, что тебе нужно. Объясни все спокойно и обстоятельно, и, может, я сумею тебе помочь. Сообщи для начала, как тебя зовут, а потом перейдем к сути.

Наверное, я что-то не то сказал, поскольку девица ничуть не успокоилась и не сменила гнев на милость.

— Мы с тобой уже как минимум полгода знакомы, — процедила она.

— Как это? — ошеломленно вопросил я. — Разве между нами?.. Смотри-ка ты, не помню...

— Я Розалия Айк, секретарша твоего дяди. Мы с тобой виделись раза два или три. И каждый раз ты спрашивал, как меня зовут, и пытался меня снять.

— Правда, что ли? На лица у меня память плохая, но ножки дядиной секретарши я узнаю сразу, как только увижу.

— Доказывать не собираюсь — придется поверить на слово. А теперь кончай валять дурака и слушай меня внимательно. Есть задание.

— Уф! — облегченно вздохнул я. — Наконец дошли до сути. И что за задание?

Розалия, чуть помешкав, уклончиво ответила:

— Вроде бы надо выкрасть какую-то рукопись. Мы должны этим заняться вместе.

— Как вместе? Ты же всего-навсего секретарша.

— Вот именно, "всего-навсего секретарша", — с горечью сказала она. — Самое время доказать, что я способна на большее. Хочу быть детективом, как ты... да нет, что я говорю — лучше тебя! Уж это-то точно большого труда не составит. — И она одарила меня уничижительным взглядом. — Но твой чертов дядюшка — отсталый и упертый старый хрен. Его не убедишь, что

женщина способна не только отвечать на звонки и подавать чай. Три дня его обрабатывала, чтобы разрешил мне подключиться к делу, и то при условии, что всю работу выполняешь ты, а я только представляю фирму в переговорах с заказчиком. Надеюсь, ты с блеском провалишь это паршивое задание. А я все исправлю, и тогда твой дядя увидит, кто тут на что способен.

— Дорогая Розалита, — миролюбиво проговорил я, — поверь, твои справедливые требования мне понятны. Дядя Дзержищав не способен распознать у себя под носом драгоценную жемчужину, зато с маниакальным упорством продвигает посредственностей вроде меня, если это члены семьи. Ты, Розалена, неотшлифованная жемчужина, а я могу тебя отшлифовать и продемонстрировать дядюшке твою ценность, хотя и не ручаюсь, что из этого что-то выйдет. Мои помыслы чисты. Я хочу помочь тебе. Давай заключим дружеское соглашение, шовинистически именуемое gentleman's agreement[1]. Полагаю, нам надо работать в команде, хотя для такой примитивной задачки вполне хватило бы одного человека. Я с такими делами сто раз справлялся. Дядя знает, в чем я хорош, а может, ему просто нравится, когда я вместо него получаю по морде. — Тут я задумался. — А знаешь, по зрелом размышлении, я готов передать всю работу тебе. Взамен беру половину денег и обещаю ни во что не вмешиваться. Это, пожалуй, честная плата за боевое крещение?

Розалия безуспешно попыталась проглотить ругательство.

— Ты со мной не согласна? — поинтересовался я.

— На девяносто процентов не согласна, — ответила она. — К примеру, твоя новаторская теория шлифовки жемчужин мне не нравится. Одно верно: формально мы должны работать в команде. Детали обсудим позже. А пока возвращайся в свою берлогу и сними этот идиотский наряд. Если будет, что тебе сообщить, забегу вечером и выстучу в дверь "оле-оле-оле-оле". Не трудись прибираться, я все равно порога не переступлю, пока не проведешь дезинфекцию. У меня всё. Пока. — Розалия поднялась со скамейки и собралась уходить, но в самый последний момент я схватил ее за руку.

— Погоди, погоди, не так быстро. Что-то мне тут не нравится. По сути, ты не сказала ничего, кроме того, что профессионально не реализуешься. В чем состоит задание? От кого мы его получили? Что за рукопись? Кому понадобилось ее похищать? И главное — сколько мы за это получим?

Моя любознательность Розалию не порадовала. Она высвободила руку и ответила холодно официальным тоном:

1. Джентльменское соглашение (*англ.*).

— Я мало что могу прояснить. Кто заказчик, мне неизвестно: он к нам с визиткой не приходил. Он вообще не приходил, я с ним по телефону говорила. Сказал, что его интересует машинопись романа какой-то писательницы. За ее похищение мы получим... — тут Розалия склонилась к моему уху и прошептала цену — до смешного низкую, однако полностью меня устраивавшую, хоть я и сделал вид, будто это не так. — Больше я ничего не знаю.

— А почему вечером будешь знать что-то еще? — спросил я, не теряя бдительности.

— Я разве такое говорила? — удивилась Розалия. — А, ну да, забыла сказать: сегодня я встречаюсь с заказчиком. Собственно, тебя это не касается. Для пользы дела ты не должен участвовать в переговорах.

— Ошибаешься, Розалечка, и еще как ошибаешься, — уверенно заявил я. — Во-первых, я бы хотел собственными ушами услышать, чть этот тип имеет нам сказать, а во-вторых, намерен задать ему несколько метких и умных вопросов — в этом я как раз очень силен. Когда мы встречаемся с заказчиком?

Если честно, мне это было по барабану, просто захотелось выпендриться. Я редко имею дело с такими девицами. Я вообще почти ни с кем никаких дел не имею.

Розалия помедлила, но в конце концов нехотя сообщила:

— В семнадцать ноль-ноль, раз уже тебе непременно это нужно. Можем встретиться на пару минут раньше на углу Тарговой и Зомбковской[1]. Но если решу, что ты выглядишь непрофессионально, никуда со мной не пойдешь, ясно? А теперь — до свидания.

— До вечера, — миролюбиво сказал я, вспомнив ее ножки, запечатлевшиеся на негативах моей памяти. Что касается нашей странноватой беседы, из нее я понял одно: Розалия придает слишком большое значение категориям “порядок” и “хаос”, а это свойственно человеку, который взбирается в гору опасными тропами социального роста, предпочитая не оглядываться.

Глава 2. Племянник *старого коммуняки*

На углу Тарговой и Зомбковской я появился ровно без пяти пять. На мне был облегающий полиэстровый костюм (подарок тетки Дзержищав на ее несостоявшиеся похороны) и зе-

1. Одно из самых криминальных мест Праги (правобережного района Варшавы), прозванное “Бермудским треугольником”.

леный галстук, купленный в магазине “Самый Шик. Одежда из Западной Европы на вес” всего за пятьдесят грошей. Наряд дополняли уже упомянутые мной сандалии.

Может показаться странным, что, потратив столько сил и изобретательности ради своего внешнего вида, я стал похож то ли на среднего госслужащего, то ли на подопечного соцзащиты, но мне хотелось выглядеть скромно, не огорчая Розалию своим мачизмом. Мое мнение о ней уже несколько изменилось: хоть я и не разделял ее энтузиазма и жажды деятельности, но мог ее понять. Дядины бесплодные попытки удержать на плаву в бурных водах мелкого бизнеса агентство “А. А. Ковальский и детективы” привели бы в отчаяние и не столь энергичную особу.

Пытливый читатель (а в таких никогда нет недостатка) тотчас же поинтересуется, кто такой А. А. Ковальский и почему он нас опекает. Некогда я свято верил, что этот человек существует в действительности, что он мозг нашей фирмы и его провиденциальное вмешательство не требует физического присутствия. Но постепенно самоуправство дяди и множество его полукриминальных-полупровальных начинаний, которые навлекли на нас неприятности, материализовавшиеся в неоднократном нанесении побоев и трех попытках поджога, сформировали у меня убеждение, что А. А. Ковальский не реальный человек, а всего лишь ширма, которая позволяет дяде скрывать свое истинное имя от людей, уже успевших с ним познакомиться, и заодно дает нам преимущество по части алфавитного порядка в перечне детективных агентств, поскольку ни на какое иное рассчитывать не приходилось.

Но вернемся на Зомбковскую. Эстетические требования Розалии оказались завышенными. Подойдя ко мне, она заявила резко и безжалостно:

— Побрился. Больше ничего позитивного о тебе сказать нельзя.

Сама Розалия облачилась в профессиональную секретарскую форму, демонстрирующую длинные ноги на высоких каблуках. Только сейчас я и впрямь убедился, что она — та, за кого себя выдавала. Мы вошли в провонявшую мочой подворотню, откуда Розалия провела меня в еще более вонючий подъезд. Мы вскарабкались на четвертый этаж — Розалия впереди, я за ней, не спуская глаз с ее неправдоподобно стройных голеней. Путешествие было приятным, но коротким. Завершилось оно у двери с табличкой “Хенрик Щупачидло”. Розалия нажала кнопку звонка, и минуту спустя мы уже были в квартире.

Прихожая оказалась темной, низкой и довольно затхлой, отчего я сразу почувствовал себя как дома. Я тактично снял сандалии и босиком последовал за Розалией и человеком, который

нас впустил. Это был мужчина лет шестидесяти, худощавый, среднего роста, без особых примет, если не считать высокомерной гримасы, застывшей на гладко выбритом лице. В общем и целом выглядел он прилично и не смердел, не в пример дому, в котором обитал. Мы вошли в большую комнату, уставленную старой мебелью, а также бюстами и творениями отцов и дедов марксизма, и здесь состоялось знакомство.

— Робаль Сякий, — представился я. — А вы, наверное, Хенрик Щупачидло? — Я хотел блеснуть проницательностью, но... не вышло.

— Хенрик Щупачидло скончался. Я Лонгин Пальмистер, — ответил мужчина.

— Нам следует заняться останками пана Щупачидло? — спросил я. — Это существенно повысит стоимость услуги, хотя и не составит для нас особого труда. Мы выполняем самые оригинальные требования клиентов в соответствии с девизом фирмы: "Тысяча услуг, никаких вопросов".

— Хенрик Щупачидло с восьмидесятых годов прошлого века пребывает в уютной квартирке на Брудновском кладбище, и я никого не принуждаю заниматься его останками. Этот неизлечимо идейный старый коммуняка был кретином, каких мало. Мне он приходился родней — двоюродным дедом со стороны отца, так что я унаследовал эти несчастные сто метров почти законно. Знали бы вы, сколько меня осаждает желающих их приобрести! Чем больше человек зарабатывает, тем сильнее жаждет поселиться рядом с алкашами и ворьем. Однако мы встретились не для того, чтобы рассуждать о стиле жизни.

— Разумеется, — сказала Розалия, улыбаясь Пальмистеру и вонзая мне в ногу каблук. Я и не предполагал, что моя коллега столь неуклюжа. Видимо, нервозность частично лишила ее врожденного обаяния. Я подавил вопль и без чувств рухнул на диван, а очнувшись, обнаружил, что меня не посчитали при подаче напитков. Однако ничего не сказал и стал внимательно слушать то, что говорил Пальмистер.

А Пальмистер говорил вот что:

— Я открыл вам свое настоящее имя, но это не означает, что я позволю безнаказанно на меня ссылаться. Я директор процветающей типографии и престижного издательства "Утренняя звезда". Таково официальное положение вещей. А неофициально... у нас те же проблемы, что и у всех предпринимателей в этой бездарной, безумной стране. Тут даже сам епископ бессилен: не помогают ни молитвы, ни пожертвования прихожан. Епископа я упомянул неспроста — он номинальный владелец фирмы "Утренняя звезда", мой друг и духовник. Не самая удачная ситуация на рынке заставляет нас

действовать, я бы сказал, рискованно. Я вынужден отмывать грязные деньги людей, которые мне далеко не симпатичны. Хорошо хоть, я не знаю, где они эти деньги испачкали. Приходится мириться с тем, что у нас в типографии печатают порнографию и левацкую прессу. Одна радость — мне об этом ничего не известно. Мы как-то еще существуем лишь благодаря тому, что занимаемся тем, чем заниматься не должны. Вы даже себе не представляете, какая это фрустрация: пускать в оборот деньги, принадлежащие кому-то другому! Говорю это, чтобы вы поняли: я разрываюсь между жаждой созидать великое и трагической нехваткой нала. И надеюсь, что с вашей помощью смогу всецело посвятить себя первому вопреки второму. — К этому моменту я уже слегка запутался; больше всего меня смущало, что я избран орудием для достижения великих целей. Пальмистер, однако, не обратил внимания на душевный разлад, отразившийся на моем лице, и беззаботно продолжал: — Я гость в этом городе и в этой квартире. Будем рассматривать ее как место наших встреч. В этой засранной трущобе я, естественно, не ночую. Остановился в хорошем отеле, но вас туда приглашать не намерен: всему свое место. В Варшаву я приехал по очень важной причине — она-то и послужила поводом нашей сегодняшней встречи. — Обрадовавшись, что трепло Пальмистер наконец-то переходит к делу, я подался к нему, изобразив, будто я — весь внимание; такое выражение я долго отрабатывал перед зеркалом. Пальмистер с минуту ошеломленно на меня смотрел, после чего вернулся к своему повествованию: — Какое-то время назад я получил почтовую бандероль, в которой находилось семнадцать машинописных страниц. Шестнадцать из них были фрагментом романа, одна — письмом. Отправителем бандероли и автором текста оказалась моя подруга Халина Ментиросо, а письмо содержало просьбу честно отрецензировать присланный отрывок. Халина Ментиросо, как вы, пани Розалия, конечно же, знаете, пишет никчемные романы для недалеких женщин. Весьма популярные, к моему великому сожалению. Их публикует издательство "Гарцовник-эдиторс", которым руководит ее муж, Славомир Гарцовник. Благодаря этим бездарным романчикам процветает вся фирма и семья Халины — как, увы, и она сама! Однако новая книга Халины совсем иная. Я быстро сориентировался, насколько ценно это сочинение. Оно полностью вписывается в течение нового брутализма. Но при этом ведет с ним интеллектуальные игры. Поднимает важные вопросы. И дает смелые ответы. Но высшая ценность текста — язык. Аутентичный. Мощный. Меткий. Сочный. Шокирующий. Пробивающий панцирь цинизма современного человека и, как ни банально это звучит, поражающий прямо в сердце. Впрочем, не только в сердце. Но и в мозг. Потому

что это произведение непростое. Рассчитанное на думающего читателя. Оно многое дает — и многого требует. — Заметив, что оба мы зеваем уже почти в открытую, Пальмистер закончил: — Суммируя вышесказанное: я был бы не прочь это издать.

— Почему пани Ментиросо обратилась с просьбой о рецензировании именно к вам, если у нее под рукой собственный муж-издатель? — спросил я.

— Потому что не полагается на его мнение — и правильно делает. Славомир Гарцовник сшибает бабки, отравляя женские умы миазмами великой любви. Он годами пытается убить в Халине амбиции, его интересует лишь коммерческий успех. Он не поймет, что имеет дело с хорошей книгой, если не прочитает об этом в своей любимой газете. Однако если пронюхает, что я заинтересовался Халининой книгой, и смекнет, что на ней можно заработать, наверняка тут же предложит ей лучшие условия. Я уже упоминал, что у моего издательства имеются определенные проблемы?

— А как же, — поспешно ответил я, чтобы пан Пальмистер избавил нас от повторной иеремиады.

Пальмистер скорбно покачал головой.

— При надлежащей рекламе книга Халины принесет нам недурную прибыль — разумеется, если я скрою от нее количество проданных экземпляров. Короче говоря, я вынужден действовать крайне осмотрительно, ставя на первое место собственные интересы. Сюда я приехал, чтобы сделать моей дорогой подруге довольно привлекательное предложение. Позвонил ей сегодня утром и сказал, что от присланного фрагмента я, честно говоря, не в восторге, но, памятуя нашу многолетнюю дружбу, готов прочесть всю книгу целиком и даже ее опубликовать. Понимаете?

— Типа да, — неопределенно ответил я.

— Я рад. А теперь — внимание. Прежде чем предлагать Халине что-либо конкретное, я должен получить информацию. Во-первых, мне необходимо знать, показывала ли Халина свою книжку Гарцовнику и не догадался ли каким-то чудом этот придурок, что материал тянет на бестселлер. Человек разумный ведет себя согласно логическим схемам, но придурок, дорогие мои, существо непредсказуемое, а потому опасное. Итак, юноша, я хотел бы, чтобы ты сегодня же выведал у Халины, знает ли Гарцовник про книгу и не собирается ли ее издавать. Если да, я буду вынужден предпринять определенные шаги, чтобы этому помешать. Ясно я выражаюсь?

— Яснее не бывает, — заверил я. — Меня интересует только одно: каким образом я должен вытянуть из пани Ментиросо то, что вам нужно? Хотите, чтобы я ее похитил и силой склонил к сотрудничеству?

— Для начала попробуем мирные методы. Прикинься журналистом или поклонником ее творчества и договорись о встрече. Халина тщеславна, она наверняка согласится, особенно если ты пригласишь ее на ужин. Халина, откровенно говоря, нарциссист, прагматик и макиавеллист, но если ты проявишь дьявольскую ловкость, то, очень надеюсь, вызовешь ее на откровенность. Люди, не доверяющие самым близким, охотно раскрываются перед чужими.

Выслушав эту краткую лекцию о природе Халины в частности и женщин вообще, я надолго задумался. Не стану скрывать, речи Пальмистера меня встревожили. Наконец я выразил свое мнение простыми и скромными словами:

— Не хочу ставить под сомнение свои коммуникативные способности, однако лично я предпочитаю задания, требующие физической ловкости. В связи с этим позволю себе заметить, что для данной миссии лучше подойдет Розалия.

— Розалия, увы, не подойдет по самой простой причине: Халина Ментиросо женщинами не интересуется. Ты же, будучи мужчиной, можешь показаться ей привлекательным — по телефону, разумеется. А когда она тебя увидит, бежать будет уже поздно.

Пальмистер вручил мне листок с номером телефона и указал на старый аппарат, стоявший в углу под толстым слоем пыли, которую я поначалу принял за шаль из тончайшей пряжи. Я вытер трубку полой пиджака и набрал номер, нарушив покой множества неизвестных мне насекомых, целые колонии которых располагались под цифрами “шесть”, “восемь” и “ноль”.

— Слушаю! — с яростью отозвалась женщина на том конце провода.

— Говорит Блажей Попидреску, — представился я низким, бархатным, глубоким и чувственным голосом. — Могу ли я поговорить с госпожой Ментиросо?

— Я у телефона.

— Я переводчик из Румынии, представляю издательство “Абракоптуль”. Хотел бы с вами встретиться по поводу перевода нескольких романов. К сожалению, обстоятельства сложились так, что завтра утром я должен вернуться на родину. Не могли бы мы увидеться сегодня вечером в отеле “Бристоль”? Приглашаю вас на ужин.

— Ужин? Ну что ж... вы меня немножко застигли врасплох, но, к счастью, я сегодня еще ничего не ела. — Голос сделался сладким и тягучим, как патока. — Встретимся через час?

— Яволь! — отозвался я и повесил трубку.

Пальмистер одобрительно на меня посмотрел:

— Уважаю, Робаль! Врешь отменно, причем сходу. Видно, что ты на своем месте. Ну ладно, не будем больше об этом. У нас есть еще немного времени, чтобы поработать над твоей внешностью и ознакомиться с бездарной литературой. Для начала ты должен переодеться. Прошу за мной, дорогие друзья.

Пальмистер провел нас во вторую комнату, которая оказалась бывшей спальней Хенрика Щупачидло. Я догадался об этом по огромной кровати, которую не перестилали с тех самых пор, как на ней скончался хозяин. Нам это сообщил Пальмистер, добавив, что усопшего обнаружили лишь через две недели и что, если я подниму стеганое одеяло, то увижу на простыне вторую Туринскую плащаницу. Услышав это, Розалия позеленела и выскочила из комнаты, зажав рот ладонью. Когда мы остались одни, Лонгин Пальмистер указал на массивный дубовый шкаф, украшенный резьбой, и предложил что-нибудь себе оттуда выбрать. В шкафу висело десятка два старомодных костюмов. Я не в состоянии был оценить их элегантность, а потому вытянул первый попавшийся. Пальмистер похвалил мое решение:

— Хороший выбор, Робаль. В этом костюме Хенрик пожимал руку одному из генсеков. Даже фотография памятная сохранилась, может, я ее как-нибудь тебе покажу. Этот твой галстук цвета детской неожиданности малость экстравагантен, но не беда. В конце концов, ты представился иностранцем. Надень ботинки Хенрика. Сильно жмут? Ну и прекрасно, зато не свалятся. Возьми диктофон. Избавь меня от выслушивания твоего доклада. Вот краткое изложение последних семнадцати романов Халины Ментиросо, подготовленное моей секретаршей, а вот ее самая последняя книжонка. Сзади, на обложке, фотография моей дорогой подруги. Если прибавишь двадцать лет и неудачную подтяжку, узнаешь ее без труда. Ça ira[1] и до свидания, приятель!

С этими словами Лонгин Пальмистер выставил нас с Розалией во тьму лестничной клетки. Мысленно пообещав себе, что завтра же заберу свой костюм и сандалии, я последовал за Розалией на улицу, где нас встретил проливенный ливень.

Глава 3. Paperback writer[2]

Оказалось, что Розалия, чью помощь я уже успел оценить как исключительно тактичную и ненавязчивую, располагает еще

1. Все будет хорошо (*франц.*).
2. Бульварный писатель (*англ.*) — отсылка к известной в России под таким названием песне группы “Битлз”.

и собственным автомобилем — желтым "горбунком". Я угнездился в его чреве, приняв позу, соответствующую народному названию. И с облегчением вздохнул. Пальмистер забыл снабдить меня наличкой, а я с присущей мне деликатностью "забыл" его об этом попросить. Честно говоря, я позаимствовал одну из его кредиток, но попытка поймать такси в этом районе да еще при таких атмосферных условиях могла закончиться весьма плачевно. Пока мы с угрюмо молчавшей Розалией добирались до "Бристоля" под безжалостно барабанящими по крыше струями дождя, у меня как раз было время проглядеть выданные Пальмистером конспекты.

Действие романа "Георгина в дебрях" происходило где-то в семнадцатом веке. Юная шестнадцатилетняя героиня обитала в счастливом безоблачном мире, пока семья не отправилась странствовать в поисках лучшей жизни. В глухом лесу на них напали разбойники, прикончив наповал всех, кроме героини, которой удалось укрыться в чаще. Она блуждала много недель, замерзшая и голодная, унижаемая селянами — жителями окрестных хуторов, пока о ней не позаботился некий дворянин-нелюдим (стоит ли говорить — молодой и красивый). Этот чудик покинул человеческое общество и засел среди болот, после того как накануне венчания открыл двойное предательство — невесты и собственного брата. Они с Георгиной полюбили друг друга — на это ушло добрых несколько лет и куда как больше книжных страниц (что отметила на полях добросовестная секретарша Пальмистера). На венчание прибыл дядя девушки и, на радостях, что отыскал единственную представительницу своего рода, одарил племянницу прямо-таки неприличным богатством. Не знаю, как читателя, а меня в этой истории пленил жизненный, пусть и литературно обработанный мотив вмешательства дядюшки.

"Тайный плод Линды" не был, несмотря на название, романом о подпольной садовнице. Героиня — исключительно красивая и при этом еще и умная представительница высших кругов современного американского городка, несмотря на массу объективно благоприятных условий (вилла с бассейном, личный массажист), не чувствовала себя счастливой. Муж, чрезмерно посвящая себя работе, пренебрегал бедняжкой, а моральные проблемы, связанные с появлением третьего любовника, не позволяли Линде наслаждаться горными лыжами в Аспене или беседами с отцом, крупным специалистом по Кьеркегору. Напротив, это вгоняло ее в меланхолию. Когда я уже готов был возненавидеть Линду, судьба ее резко переменилась: отец умер от старости, а муж сбежал с лучшей подругой (своей или героини, неизвестно), оставив Линду в долгах, кото-

рые отпугнули всех трех любовников вкупе с немереным количеством знакомых, тусовавшихся прежде в ее огромном особняке, вместе с которым они отошли к новому владельцу. Неожиданно Линде протянул руку помощи бывший ассистент ее отца (стоит ли говорить — молодой и красивый), которого она всегда считала асоциальным психом, одержимым навязчивой идеей столкновения культур. Пока Линда потихоньку начинала ценить человечность — и даже мужественность — своего спасителя, его теории приобретали огромную популярность, не без содействия Линды, которая высылала отрывки из его работ, краткие рефераты и рецензии друзьям своего отца, в том числе представителям высших эшелонов власти, всегда жадным до пророчеств, способных вызвать у обывателей ощущение угрозы и готовность безропотно принять новые методы ограничения свободы личности. Когда конференции на самых престижных курортах мира, интервью в самых популярных журналах и миллионные тиражи книг стали обыденностью, Линда с изумлением обнаружила, что влюблена, и объект этой любви — вчерашний псих, а ныне герой массмедиа — скромно признался, что уже много лет испытывает к ней аналогичные чувства.

Я был приятно удивлен, что Халина Ментиросо поднимает в своем творчестве социальные проблемы, которые близки каждому (я имею в виду столкновение культур), но тут Розалия затормозила так резко, что я врезался головой в приборную панель с фатальными для нее (панели, не головы) последствиями.

— Вылезай, растяпа! — рявкнула Розалия.

Массируя лоб, я собрал рассыпавшиеся бумаги, которые в конце концов решил оставить в машине. В один карман сунул диктофон, в другой — роман “Жребий Аурелии” и вылез из “горбунка”, бросив Розалии мрачно-загадочный взгляд. К сожалению, она не дала себе труда его поймать. Промельк белой руки, захлопнувшей дверцу, и грязный фонтанчик из-под колес прямо на костюм Хенрика Щупачидло — вот и все, чем она удостоила меня на прощание.

Полагаю, каждый читатель, потратившийся на покупку этой книги, не раз ужинал в “Бристоле”, а потому избавлю себя от описания зала, в который я вошел, предварительно поиграв в гляделки со стоявшим на входе мужиком в уморительном прикиде. В полном соответствии с двумя правилами, которыми всегда руководствуюсь — действовать быстро и без размышлений, — я занял первый же столик с краю. Вытащил из кармана “Жребий Аурелии” и, периодически отмахиваясь от настырных официантов, погрузился в чтение. Мир, в котором я ока-

зался, был не особо экзотический — просто мрачный и дождливый, вдобавок населенный неприветливыми, подозрительными людьми, один из которых, а конкретно — главный герой (что я угадал без труда, поскольку он был молод и красив), как раз возвращался с конюшни домой. Век это, вероятно, был девятнадцатый, поскольку мужчина нес керосиновую лампу, освещавшую мокрый и грязный двор. Когда он поднялся на крыльцо, свет лампы выхватил из темноты нечто неожиданное: тоненькую и, несомненно, женскую фигурку, закутанную в платок. Не успел мужчина, движимый скорее раздражением, нежели любопытством, спросить девушку, что она делает на пороге его дома, как громоподобное "кхе-кхе!" заставило меня подскочить на стуле. В первый момент я подумал, что официанты запирают зал и выпроваживают всех, кто до сих пор не наелся. Я хотел уже было выразить решительный протест против такого зверства, но тут сообразил, что кашлянула тощая дама в красной блузке и черном костюме. Лицо у нее было несимпатичное, недоверчивое и недовольное. Я быстренько глянул на обложку "Жребия Аурелии" и понял, что передо мной Халина Ментиросо. Желая покорить ее любезностью и присущей мне высокой культурой, я произнес, указывая на фотографию:

— А вы за эти десять лет нисколько не изменились.

— Фотография сделана три года назад, — парировала она, брезгливо присев на краешек стула.

Несколько растерявшись из-за столь неудачного начала, я уткнулся носом в меню и сделал вид, будто внимательно его изучаю, незаметно поглядывая на Халину Ментиросо. По-моему, она либо села на кнопку, либо страдала несварением желудка — точно сказать не могу, ибо выражение лица с равной вероятностью указывало на обе причины. Чтобы улучшить ей настроение, я предложил выбрать закуски и все прочее. Ориентировался я при этом на самые высокие цены — подход оказался абсолютно верным: Халина сменила гнев на милость и ринулась покорять ценовые восьмитысячники.

— Прошу прощения, что организовал нашу встречу в такой спешке, — произнес я вступительное слово, — но я не хотел уезжать, не познакомившись с вами. Ваши произведения — то, что нужно нам: мне и моему издательству "Абракоптуль". Я прочитал несколько ваших книг. Их необычная популярность меня впечатлила.

— Меня тоже, — ответила Халина Ментиросо с ноткой горечи. — Быть может, объяснение следует искать во врожденной наивности женщин, связанной с бесспорным вероломством мужчин. А может, все решает высокий тираж и низкая цена. В этом вы должны разбираться лучше меня. Я согласи-

лась сюда прийти, чтобы поесть, так что давайте не будем о том, что портит мне аппетит. Меня сегодня и без того расстроил разговор с моей несносной дочерью Анеткой. А если вас интересуют переводы, пожалуйста, позвоните в "Гарцовник-эдиторс". Всем этим занимаются они.

Я, с одной стороны, обрадовался открытию, что кроме меня на свете есть еще люди, которые знают себе цену, твердо стоят на земле и понимают, что находится как над, так и под ними, если под ними найдется что-нибудь, кроме дна. Но, с другой стороны, я ведь пришел сюда именно затем, чтобы поговорить о том, о чем она говорить не хотела. Разработка темы несносной дочери вряд ли продвинула бы дело, а потому я судорожно ухватился за прежнюю провальную тактику, вернувшись на полосу препятствий, где не далее как минуту назад потерпел фиаско.

— Видите ли, — упрямо побрел я дальше, — мне просто любопытно, как это у вас получается: вы столько пишете, и всегда об одном и том же, а, тем не менее, постоянно находите новые слова, новые фразы, не повторяетесь, и каждая история написана совсем по-другому... Ваш неизменный профессионализм, ваше уважение к читателю покорили меня с первой же страницы...

Я видел, как Халина Ментиросо пугается, впадает в замешательство, хмурит брови и смотрит на меня исподлобья. В конце концов она сказала:

— Я вам отвечу с полной откровенностью. Могу я говорить начистоту?

— Буду польщен, — выдохнул я.

— Я всегда была честолюбива и имела большой потенциал. Я хотела писать. Расти. Завоевывать признание критиков и любовь читателей. И так далее. Далее и далее. Вы понимаете?

— Ну конечно, — соврал я.

— Идею писать романы я поначалу считала удачной шуткой. Раньше я, мой муж и один из наших друзей занимались издательской деятельностью совсем иного рода: настоящей, нужной и запрещенной. Когда времена изменились — не без нашего героического участия, — мы решили и дальше издавать книги. Увы, появился свободный рынок, а вместе с ним такие неприятные вещи, как авторские права, маркетинг и конкуренция. Еще какое-то время мы неплохо с этим справлялись, издавая без лицензии иностранные бестселлеры, и тут вдруг выяснилось, что это незаконно. Издательство оказалось на грани банкротства. Эти омерзительные романчики избавили нас от катастрофы, но из-за них мы угодили в беличье колесо зарабатывания денег. Вам это знакомо?

Я честно ответил, что такой способ зарабатывания денег мне неизвестен. Халина Ментиросо с завистью вздохнула и сказала:

— Но хуже всего, господин Попидреску, было то, что из-за этих романов ко мне пристал гадкий ярлык. Это страшный жребий, признаюсь. Никто тебя не уважает, никто не делает о тебе репортажей в воскресных приложениях, никто не приглашает на программы, в которых подобострастные редакторши лижут тебе задницу. Борзописцы из самых поганых бульварных газетенок имеют наглость спрашивать, почему ты зарабатываешь на жизнь таким недостойным способом. Даже собственные читательницы не хотят тебя признавать, а если и признают, то ты не хочешь признавать их. Но, по счастью, я не сломалась, господин Попидреску. Я написала нечто такое... О, они все падут предо мною ниц! Наконец-то я продемонстрирую истинное лицо Халины Сопелькундель. Наконец-то меня будут показывать в высококультурных программах после полуночи, где можно произносить вслух "педик", "гомик" и даже такие слова, как... — И она продемонстрировала виртуозное владение ненормативной лексикой. За соседними столиками стали удивленно на нас оглядываться, но некоторые последовали примеру Халины. И все же, несмотря на свойскую атмосферу, я решил сменить тему.

— Вы сказали "Сопелькундель"? — спросил я.

— Это моя настоящая фамилия. Муж решил, что для любовных романов она чересчур немецкая. Это он придумал псевдоним "Ментиросо". Впрочем, я сама на этом настаивала. Понимаете, я вовсе не собиралась открывать, что пишу романы. Но когда внезапно, без всякой рекламы, эти историйки стали популярны, когда читатели начали домогаться встреч с автором, я уступила и явила миру свое лицо... Но не фамилию. Только сейчас, как Сопелькундель, я докажу, кто я на самом деле. Никогда не поздно начать жить по максимуму и заговорить собственным голосом, господин Попидреску. Я как раз заканчиваю переговоры с издателями, которые аж ножками сучат от нетерпения издать мой новый роман. Один из них — мой муж, который наконец-то образумился и понял, что не должен мешать мне расти, а он это делал систематически без малого тридцать лет.

— Я рад, что ваш муж не идиот. Благодаря этому я смогу, не откладывая, взяться за перевод вашей новой книги, — сказал я. — Издательство "Абракоптуль" ищет не только легкую, бездумную и приятную литературу, госпожа Ментиросо. Мы ищем также и нелегкое, небездумное и неприятное чтение. Не такова разве истина о человеке?

— Вы очень метко это определили, — ответила она, глядя на меня уже более благосклонно.

— А о чем конкретно ваша книга?

— Это исповедь дочери века, — призналась она с лукавой улыбкой. Я не понял, на что она намекает, но заподозрил, что хочет ввести читателей в заблуждение относительно своего возраста. — Людям нужна правда или кое-что похуже, и они это получат.

— Насколько я понимаю, по вопросам перевода я буду контактировать с вашим мужем?

— Вы, господин Попидреску, либо меня не слушали, либо просто недоумок. Я же сказала, что еще не знаю, будет ли Гарцовник моим издателем. Скоро я решу, кому дам этот шанс: ему или кому-нибудь другому. Так или иначе, я планирую выпустить книгу не позже чем через четыре месяца, и тогда вы сможете обратиться непосредственно ко мне. Обещаю: если вы предложите мне достойные условия, я сразу подпишу контракт на перевод.

— В таком случае — выпьем за ваш успех! — Я был счастлив, что мое обаяние и ум столь быстро смягчили Халину Ментиросо и принесли ответы на вопросы Пальмистера. И тут же заказал шампанское, цена которого превосходила все, что мы выпили до сих пор, а уж на спиртном я и раньше не экономил. Когда мы допивали первую бутылку, Халина признала, что я куда привлекательнее, чем ей показалось вначале, а я поклялся, что, на мой взгляд, она за последний час помолодела, по меньшей мере, лет на десять. Она утверждала, что у меня совсем не такой жалкий вид, а я категорически не соглашался с тем, что она якобы напоминает марабу. Она оценила, какой я умный и забавный, а я отметил, какая она симпатичная и чуткая. Она призналась, что была дурой, принимая меня за голодранца и мошенника, а я заявил, что меня умиляет ее вспыльчивый нрав. Вот так, без зазрения совести, без удержу отвешивая друг другу комплименты, мы прикончили вторую бутылку. Я воспользовался кредиткой Пальмистера и недрогнувшей рукой подписал чек его фамилией. Я вообще с детства обладаю удивительной особенностью: если собственная фамилия закрывает передо мной все двери, то чужая придает сил, решимости и отваги, избавляя от трудновыполнимых обязательств.

Из ресторана мы вышли друзьями. Небо разъяснилось, и вечер сделался почти приятным. В этих необычных обстоятельствах я вдруг понял, что хочу прогуляться до Вислы, а потом угнать лодку и поплыть на ней до самого Гданьска. Халина ответила, что как иностранец (хоть и говорящий по-польски почти без акцента) я имею право питать романтические иллюзии насчет вечерних прогулок по Варшаве и возможности угнать плавсредство, которое доплывет до самого моря. Однако сама

не разделила моего оптимизма, граничащего с безумием, и посоветовала вернуться в отель и улечься в постельку, положив на голову холодный компресс. С этими словами она села в такси и уехала, подарив мне воздушный поцелуй. Когда машина увезла ее по улице Новый Свят, я снял ботинки, выбросил их в урну и направился в сторону Краковского Предместья.

Лодку угоню как-нибудь в другой раз.

Глава 4. *Планы резко меняются*

На следующий день я проснулся в Варшаве.

Уже больше двадцати лет я каждый день просыпался в Варшаве, и ничего необычного или удивительного в этом не было, однако, констатируя факт, что я проснулся в Варшаве, я тем самым констатировал, что все так же, будто в грязном, битком набитом зале ожидания, торчу в преддверии настоящей жизни, что, увы, уже проснулся, что у меня похмелье, что от вчерашнего настроения не осталось и следа и что опять, как каждое утро, я иррационально раздражен, настроен одновременно и агрессивно, и пассивно и чувствую, как жизнь утекает без смысла и радости среди загаженных парков, затоптанных газонов, перерытых улиц, сумбурной архитектуры и обозленных людей.

Встав с постели, я наткнулся на небрежно брошенный костюм Хенрика Щупачидло. Из кармана пиджака выпал "Жребий Аурелии", оскорбляя мой вкус малиновой с золотом обложкой. Я нехотя поднял книжку, нерешительно полистал и случайно выхватил взглядом фразу: "Меня зовут Аурелия, — молвила девушка, и в ее огромных карих глазах заблестели слезы". И впрямь жуткое имечко, подумал я, напрягая эмпатию. Однако в следующей фразе Аурелия объяснила, что имя тут вовсе ни при чем: беда в том, что она не знает ни своих родителей, ни даже фамилии, и пришла сюда, чтобы за крышу над головой предоставить свои скромные услуги, как-то: мытье горшков и полов и приготовление нехитрой пищи. Я растрогался. Халина Ментиросо вплетала нити моей жизни в фабулу своих повествований, которые вдобавок называла убогими. Я тоже не знал своей настоящей фамилии. Дядя Дзержищав считал ее дурацкой и по доброте душевной придумал мне другую. И родителей своих, которые уехали, чтобы выковать мне лучшее завтра в трущобах Нового Света, я тоже не помнил. Трагедия моя была тем трагичнее, что никаких вестей от них с тех пор не было. Прошло добрых двадцать лет, и я уже начинал за них беспокоиться. Вдруг они по врожденной дурости перепутали направление и пода-

лись на восток. А может, добились неприличных успехов и боятся, что это вскружит мне голову. Или в хаосе новых впечатлений, переживаний и похождений забыли о том, что произвели меня на свет. Я лично считал наиболее правдоподобной вторую версию, тогда как тетка Дзержищав проталкивала первую, а дядя упорно настаивал на третьей. Однако тайна моего происхождения особо не отравляла мне жизнь: я был слишком занят, чтобы тратить время на подобные размышления. Только порой по какой-нибудь неудачной ассоциации возникала мысль, что раз я детектив, то, быть может, должен разобраться и с собственной проблемой.

Не успела мысль выкристаллизоваться в решение, как до меня донесся характерный ритм пароля "оле-оле-оле-оле". Я нехотя засунул книгу в духовку и пошел открывать. За порогом стоял Пальмистер, благоухающий одеколоном и вырядившийся, как на свидание, и Розалия в костюме, обеспечивающем полную анонимность: грязные балетки, потертые джинсы и футболка с принтом манго. Мы сдержанно поздоровались, после чего гости вошли в квартиру, а я приклеился к стенке, освобождая им место в прихожей. Пользуясь случаем, обращаю ваше внимание: Розалия нарушила слово и переступила мой порог, хоть я и не провел дезинфекцию. Я даже решил блеснуть гостеприимством и пригласил их пройти дальше, но она ловко отговорилась:

— Я сказала пану Пальмистеру, что у тебя меняют трубы. Жаль только, что здесь так темно.

— Лампочка перегорела. Это еще от прежних хозяев, — пояснил я.

— Не беда, что темно. Я все равно не собирался вступать с тобой в зрительный контакт, — перебил Пальмистер. — Перейдем к делу. Через час я встречаюсь с Халиной Ментиросо. Ты выпытал что-нибудь у моей дорогой подруги?

— Само собой, — небрежно бросил я. — Гарцовник про книгу знает и в ней заинтересован. Халина намерена сегодня решить, кто станет ее издателем. Полагает, что книга появится на рынке самое позднее через четыре месяца.

— Однако же!.. Ничего себе!.. — воскликнул Пальмистер. — Можешь дать мне запись вашего разговора? Я хотел бы послушать ее по дороге на встречу.

— Вынужден вас разочаровать: вы не вставили батарейки.

— О батарейках забыл! — воскликнул Пальмистер, хлопнув себя по лбу. — Это потому, что я гуманист... Ничего не поделаешь, придется выслушать твой отчет. Халина сказала что-нибудь еще, заслуживающее внимания?

— Сказала, что ее недооценивают и что у нее несносная дочь.

— Знаю-знаю. Я спрашиваю: по поводу книги она что-нибудь говорила?

— К сожалению, нет.

Пальмистер долго молчал.

— Ситуация осложняется, дорогие друзья, — изрек он наконец. — Придется приступить к плану Б — вы должны вломиться к Халине, выкрасть все имеющиеся в наличии экземпляры романа, а если их не найдете, поджечь дом.

— Поджечь дом? — переспросил я.

— Устроить пожар. Предать огню. Запустить красного петуха. Спалить дотла. Испепелить. Или я непонятно выражаюсь?

Я кивнул.

— Есть ли у вас какие-нибудь пожелания относительно способа выполнения задания?

— Да, дорогие мои, — кивнул Пальмистер. — Пусть выглядит так, будто в доме забыли закрыть газ или оставили включенным утюг... с женщинами такое частенько случается. Надеюсь, я могу на вас рассчитывать?

— Ну конечно, сделаем все в лучшем виде, — произнес я. — Наша фирма для того и существует, чтобы выполнять самые бесчеловечные пожелания. Должен, однако, заметить, что в случае возможной опасности для домашних животных, домочадцев или соседей мы не сумеем выполнить задание. Цена не играет роли. Мокруха — не наша специфика.

В дядиной фирме много сотрудников, и я уже собрался порекомендовать Пальмистеру обратиться к кому-нибудь другому, но тут он сказал:

— Я рад, Робаль, что ты человек с принципами. Совсем как я. Люди с принципами — прошлое и будущее этой страны. Люди без принципов — ее настоящее. Но не будем об этом. Могу тебя успокоить. Халина живет одна в большом пустом доме, окруженном живой изгородью. Уборщица приходит два раза в неделю, по понедельникам и пятницам.

— А муж? А дочка?

— У них у каждого своя квартира. Я развеял твои сомнения?

— Да-да. И еще одно.

— Ну что еще? — нетерпеливо спросил он.

— Как я пойму, что нашел нужную рукопись? И не следует ли позаботиться о компьютере?

— Сейчас объясню. Ищите “Шоу лжецов”. О компьютере можете не беспокоиться. Халина работает на древнем пишмаше. Считает, что так более литературно.

— В таком случае мне остается только спросить адрес вашей дорогой подруги, — сказал я. — У меня плохая память — если б вы его записали, это облегчило бы мне работу.

— Получишь Халинину визитку. Странно, что она сама тебе ее не всучила. Хотя, с другой стороны... — Пальмистер вздохнул, достал бумажник и принялся на ощупь там рыться. Я бросился к порогу, делая вид, будто хочу впустить свет с лестничной клетки, и выбил бумажник из рук Пальмистера. Тут же сам за ним нагнулся и сунул на место кредитку, которой воспользовался вчера вечером. После чего распахнул дверь, впустив в квартиру вонь кошачьей мочи и смрад тушеной капусты. Светлее от этого не стало.

— Ради бога простите! — воскликнул я, отдавая кошелек. — Я такой неуклюжий...

— Ты и правда, производишь впечатление жуткого растяпы, но не будем об этом. Вот визитка Халины. Моя дорогая подруга живет в Анине[1], а с учетом пробок можно сделать вывод, что она должна вот-вот выйти из дома, чтобы опоздать на встречу со мной на полчаса. Постараюсь задержать ее как можно дольше и, едва она уйдет, сразу позвоню Розалии. С этой минуты у вас остается час на то, чтобы мирно поджечь дом и покинуть место преступления.

— Летим, только кроссовки надену.

Пожелав нам удачи, Пальмистер поспешно сбежал по лестнице. Я посмотрел на Розалию: под глазами темные круги, явно нервничает.

— Не дрейфь, крошка, — я похлопал ее по плечу, — нас ждут удивительные приключения!

Пять минут спустя мы уже сидели в желтом “горбунке” и тащились навстречу удивительным приключениям, подскакивая на ухабах и рытвинах, проваливаясь в ямы, то и дело застревая в пробках и на светофорах, нарушая ограничения скорости до двадцати километров в час и проклиная пешеходов, водителей, полицию, отсутствие полиции, погоду, город, страну, министра транспорта, а также пару-тройку других лиц и организаций, которые спонтанно пришли нам в голову, хоть и не имели ничего общего с этим бардаком.

— Часто с тобой такое случается? — спросила Розалия.

— Я вечно странствую, — ответил я. — Больше всего люблю трамваи...

— Я о задании спрашиваю, придурок, а не о твоих экскурсиях по Варшаве! — раздраженно перебила она. — Этот тип велел нам поджечь дом, а тебе по фигу? Ни тени сомнений?

1. Ближайший пригород Варшавы.

Я порадовался, что произвел на Розалию впечатление крутого, но, зная, сколь запутаны и противоречивы требования современных женщин, решил еще чуток обогатить свой образ.

— Сказать по правде, не люблю играть со спичками — запросто можно спалиться. Но ты не дрейфь, крошка, у меня все схвачено.

— А ты не думаешь, что все это немножечко странно? — не унималась она.

Я сосредоточенно обдумывал ответ, пока не понял, что это не очередная попытка выставить меня идиотом, а всего лишь риторическая фраза.

— Розанетта, ты ровным счетом ничего не смыслишь в мужской психологии. У нас тут состязание самцов. Мужику жутко хочется издать эту книгу, но еще больше не хочется, чтобы ее издал Гарцовник. Он готов даже уничтожить этот шедевр, а заодно и все Халинино имущество, лишь бы конкуренту не досталось, — ответил я, приглядываясь к обгоняющему нас инвалиду в коляске и обещая себе в следующий раз воспользоваться аналогичным средством передвижения. — Ну как, успокоилась? — добавил я покровительственно. Скорее всего, так оно и было, потому что она ничего не ответила.

Через какие-то четверть часа мы приехали на место. Дом Халины — довоенный, хорошо сохранившийся — был отгорожен от улицы густым кустарником, уже почти облетевшим по осени. Мы объехали дом и припарковались на соседней улице. Когда, не без потерь в одежде, мы продрались сквозь живую изгородь, Розалия заявила, что я должен стоять на стрёме, а она обыщет дом. Я ответил, что лучший способ избежать опасности — максимально быстрый, то есть совместный, обыск, если вообще можно говорить об опасности в столь банальном деле. Розалия попыталась подвергнуть сомнению мою компетенцию, доказывая, что я не отличу рукопись от настенного календаря или избранных произведений Элизы Ожешко.

— Если возникнут сомнения, я с тобой проконсультируюсь, — сдержанно ответил я. Достал отмычку, которой меня научил работать дядюшка. С минуту поковырялся в замке. Наткнулся на сопротивление. Очень сильное сопротивление. В попытке его преодолеть я чуть было не сломал древний инструмент, но тут случайно надавил на ручку и потянул дверь на себя. Она оказалась открытой. Я отпустил шутливое замечание на тему женской рассеянности, и мы вошли внутрь.

Глава 5. Жизнь по максимуму

Я предложил для начала поискать рукопись, а дом поджечь после. Розалия — если я правильно понял ее странный взгляд — со мной согласилась. Вручив мне пару хирургических перчаток, она надела вторую пару на свои тонкие ручки и принялась методично осматривать все, начиная со шкафчика для обуви и шкафа для верхней одежды. Я уже собрался с присущим мне блеском и бестактностью это откомментировать, как вдруг сообразил, что, если один из нас станет руководствоваться женской логикой, а другой — просто логикой, никакого вреда не будет. В конце концов, Халина ведь тоже женщина. С этой мыслью я отправился на поиски кабинета: места, где Халина третировала своих невинных героинь и подкладывала им в постель угрюмых красавцев. Нашел я его без труда. Это была большая комната, обставленная на удивление сдержанно (за единственным исключением). Вдоль стен стояли стеллажи с макулатурой: по одну сторону с книгами, по другую — с папками-скоросшивателями, обозначенными датами; посредине красовался письменный стол размером больше моей квартиры. Рядом, на низеньком столике, расположились факс и принтер. Исключение находилось у окна: это был нелепый секретер, напоминающий бульдога на широко расставленных кривых лапах, с квадратной плоской мордой надставки и выступающей челюстью ящиков. Небольшая машинка в темном чехле могла сойти за бесформенный нос. Однако мое внимание привлекло нечто другое.

Ящики письменного стола были выдвинуты, сам стол усыпан листами рукописей, а на полу лежала куча бумаг, будто для жертвенного костра. Мысленно посочувствовав Халининой уборщице, я взялся за письменный стол. Быстро оглядел полный ассортимент всего, что может предложить бумажная промышленность: конверты, открытки, блоки клеящихся желтых листочков, почтовые марки, блокноты, тетради, ежедневники, пара альбомов с фотографиями, папки и скоросшиватели — плюс одну серебряную рамку без фотографии. Перелистав самый последний ежедневник, я обнаружил, что 17 октября Халина Ментиросо записала: “Румын, ‘Бристоль’”. На свете вряд ли существовало слишком много румын, приглашавших Халину в “Бристоль”, из чего я заключил, что речь шла обо мне, и наконец-то выяснил, какое сегодня число, избавившись от необходимости спрашивать Розалию и выставлять себя психом. Я отложил ежедневник и перешел к вороху на полу. Взял в руки почтовую карточку с интригующим началом (“по вопросу ответа от числа по вопросу запроса от числа по вопросу жалобы от

числа по вопросу ном. C89/342/58002"), и тут взгляд мой упал на нечто еще более интересное. Прямо под окном, слева из вороха бумаг торчала дамская кисть с покрытыми красным лаком ногтями и колечком белого золота, которое я хорошо помнил по вчерашнему ужину. Я довольно долго созерцал эту загадочную картину, затем обошел кучу бумаг и взял руку за запястье, там, где у живых обычно бывает пульс. Пульс не прощупывался, хотя кисть была еще теплая и мягкая. Я потянул за нее, чтобы удостовериться, не является ли она фрагментом, оторванным от целого. Ворох не дрогнул, рука — тоже. Тогда я опустил кисть на место и невольно вытер ладонь о штаны.

С трудом подавив крик и порыв броситься наутек, я оглядел кабинет уже совсем другими глазами. Похоже, кто-то здесь основательно все перетряс: быть может, Халина застала злоумышленника за этим занятием, а может, наоборот, — как раз сопротивление Халины и привело к тому, что мирный обыватель, не получив желаемого, грохнул ее по голове, а потом завалил кипой бумаг. Впрочем, возможно, это была вовсе и не Халина, а другая женщина с тем же колечком, хотя повод для такой мистификации я бы посчитал психологической загадкой. Халина ждала дня своего триумфа, а стало быть, не имела причин прикидываться трупом или бежать на край света, переодевшись, к примеру, монахом-капуцином.

Я произвел беглый осмотр Халининого могильного кургана и пришел к выводу, что он сложен из запутанной переписки с налоговиками. Все скоросшиватели на ближайшем стеллаже были пусты — кому-то понадобилось немало потрудиться, чтобы вытащить оттуда почтовые карточки и завалить ими Халину. Оставалось надеяться, что "Шоу лжецов" не сокрыто в глубинных слоях — я отнюдь не собирался раскапывать курган до самого тела. Содержимое остальных папок осталось нетронутым: об этом свидетельствовал заметный невооруженным глазом слой пыли. Наконец я добрался до кошмарического секретера. В ящиках обнаружились машинописные рукописи с красноречивыми названиями: "Кровь и слюна", "Родимое болото", "Шиза", "Кобель и течка", обозначенные датой и местом их создания (второе в противоположность первому было всегда одно и то же). За этим нелепым предметом мебели, соответствовавшим представлению массового читателя о творце мелодрам, Халина изливала на бумагу желчь жизни, а пламенные романы строчила на здоровенном письменном столе, который больше подошел бы епископу или министру. Она вела двойную литературную жизнь: одну для прилавка, другую — в стол. Имела две фамилии. Может, и жизни у нее тоже было две? Интересно, которая из них послужила причиной ее смерти?

Я как раз держал в руках “Кобеля и течку”, когда до меня донесся отчаянный вопль Розалии. Не успел я сделать и шага, как она опять завопила: “Робаль, поди сюда, быстро!” Раз уж она способна проорать связное предложение, то я не обязан впадать в панику. Я начал складывать “Кобеля и течку” и тут заметил под секретером обрывок черно-белой фотографии. С нее доверчиво улыбалась девушка лет шестнадцати, похожая на Халину, только очень красивая. Позади белел анонимный ряд берез. Подпись на обороте мало что проясняла: “...*н* (или *м*) 1985”. Эта фотография могла не иметь никакого значения, и так оно, скорее всего, и было, но я, на всякий случай, спрятал ее в карман. Потом, немного подумав, сунул туда же ежедневник, решив, что запись насчет вчерашнего ужина свидетельствует против меня. Наверняка я был последним, кто видел жертву живой. Полиция почему-то любит цепляться к таким неудачникам.

Розалию я обнаружил в ванной комнате, над ванной, полной воды. Под водой покоился ноутбук. Мало того что его утопили, так еще вдобавок расквасили молотком для отбивания мяса. Молоток лежал рядом в целости и сохранности.

— Ну и как тебе это? — спросила Розалия. — Пальмистер утверждал, что Халина писала на печатной машинке. Думаешь, она училась пользоваться компьютером и что-то у нее не сложилось?

— Думаю, Халина прекрасно умела пользоваться компьютером. — Я погрузился в размышления. — Возможно, это проливает какой-то свет на труп в кабинете...

— Что? — Розалия от изумления широко раскрыла глаза.

— Не хочу тебя пугать, но Халина Ментиросо больше не живет по максимуму. То есть, по всей вероятности, это Халина. В любом случае женщина. Определенно мертвая.

— Изуродованная до неузнаваемости?

— Возможно. Я опознал ее по руке...

— Ты не шутишь! — догадалась Розалия, и на нее напала истерическая икота. — Когда эт-то могло сл-лучиться? — с трудом выдавила она.

— Судя по тому, что рука еще не остыла, где-то с час назад... Сейчас у нас десять семнадцать. — Я указал на стоящие на шкафу электронные часы с радиоприемником. — А значит... — В этот момент в ванной заржала лошадь. Я хотел уже было утечь в унитаз, но тут Розалия продемонстрировала свои ягодицы.

— Мой мобильник, — объяснила она, вынимая телефон из заднего кармана джинсов. — Это Пальмистер. Алло? Да, мы... Да, она здесь, с нами. Мертвая... Это значит — неживая... Нет,

это не мы... Не нашли... Вы меня никогда не видели? Отбой! — Последнее было адресовано мне.

— Именно этого я и ожидал, — произнес я с чувством глубокого удовлетворения. Большинство людей убеждены, что природа щедро одарила их разумом, а все окружающие — полудурки, недоумки и простофили. Я же склонялся к обратному. Сколько себя помню, вокруг всегда были умники, которые развлекались тем, что оставляли меня в дураках. Не хочу преувеличивать, но случались дни, когда даже дядя Дзержищав казался мне гигантом мысли. Вот почему меня не слишком потрясло, что наш разговорчивый заказчик бросил трубку, дабы не медля ни секунды забронировать билет на ближайший рейс в страну, не имеющую с нами договора об экстрадиции. Но вот вой полицейской сирены, который раздался в ту же минуту и нарастал со скоростью мчащегося автомобиля... это уже было слегка чересчур.

Розалия схватила меня за руку и потянула за собой по коридору, через кухню и прихожую в помещение, которое, как я догадался, кубарем катясь по ступенькам, было подвалом. Моя коллега с присущей ей интуицией задержалась на самом верху лестницы и заперла дверь изнутри. До нас донеслись грохот, стоны, крики и несколько случайных (как выяснилось впоследствии) выстрелов: полиция высаживала открытые двери дома Халины Ментиросо.

Два часа спустя полиция еще прилагала все усилия, чтобы максимально быстро раскрыть дело о жестоком убийстве. По дому пронесся табун людей, которые затаптывали следы, фотографировались на память рядом с телом, смотрели трансляцию матча Грузия—Азербайджан и опустошали холодильник вкупе с баром, тем самым подтверждая мои предположения, что полицейское расследование — это нечто вроде холостяцкой вечеринки, только без стриптизерш. Во всяком случае, живых. Неизвестно, сколько бы еще продолжалась эта оргия, если бы на сцену не вышел новый актер. В доме повисла глухая тишина, которую нарушил вопль:

— Гоооооол!..

После чего вместо взрыва энтузиазма или отчаяния прозвучало суровое:

— Ты уволен.

Вскоре мы установили фамилию и служебное положение обладателя донесшегося до нас голоса. Не вижу причин скрывать: это был инспектор Стрела. И тут наконец-то последовал взрыв отчаяния. Тот самый юнец, который еще мгновение назад вопил “гол”, теперь выл и умолял:

— Инспектор Стрела! Прошу вас, не гоните меня! Жена уже восемь лет в коме! У нас пятеро детей, и вот-вот ждем шестого! Что с ними будет, если я потеряю работу?

Однако инспектор Стрела был неумолим:

— Я никогда не беру свои слова назад. Смотреть телевизор на месте преступления — это преступление на рабочем месте. Оторвите эту гниду от моих ног. Благодарю. Какой счет матча? Два—ноль? Курррва! Я не на это ставил.

Раздался грохот, и минуту спустя кто-то доложил инспектору Стреле:

— Валенчак выстрелил себе в голову.

— И правильно сделал, — похвалил инспектор Стрела. — Поступок настоящего мужчины. Может, его жена наконец очнется. А теперь расскажите, мать вашу так, что тут произошло?

— Поступила информация, что в доме находится жертва убийства. Мы приехали и обнаружили тело.

— Прекрасно. Такие успехи нам нужны. Где в данный момент находится убитая?

— В мешке, на котором вы стоите, господин инспектор.

— Холера! Не могли раньше доложить? Ладно, это уже не важно. Что говорит медик?

— Говорит, она столкнулась головой с подоконником.

— Очень странно. — Инспектор Стрела сделал многозначительную паузу. — Что еще привлекло ваше внимание?

— В двери на террасу на уровне ручки выбито окно, но сама дверь заперта. Осколки стекла обнаружены в мусорной корзине.

— Жертва — особа аккуратная: прибралась после взлома, а потом позволила прибрать и себя. Женщины, Пиштальский, существа непостижимые, это тебе не собака и не попугай. И что, это все?

— На жертве обнаружены шестьдесят восемь килограмм переписки с налоговым управлением. В ванне лежит ноутбук, раскуроченный молотком для отбивания мяса.

— Может, жертва узнала о новых налоговых законах и совершила самоубийство? — задумался инспектор Стрела.

— Господин инспектор, мы еще кое-что выяснили. Информатор сообщил, что убийц двое, и дал словесный портрет: мужчина и женщина, возраст от двадцати до тридцати, худые, одеты в кроссовки, джинсы и футболки с ярким рисунком. К сожалению, они не обнаружены.

— Так. Теперь мне все ясно, — объявил инспектор Стрела. — Ищите поблизости сотрудников налоговой. Эти налоговики борзеют прямо на глазах. Ничего, им от нас не уйти!

— Вы гений, господин инспектор.

— Я лишь сопоставляю факты. Уходим!

И полицейские поспешно удалились, прихватив с собой мешок с телом, ноутбук и бумаги из налогового управления. Когда веселенький звук полицейской сирены растаял в воздухе, мы крадучись покинули дом Халины Ментиросо.

Глава 6. Безумие Лонгина Пальмистера

Мы не сомневались, что полицейский информатор по-прежнему сидит в засаде где-то поблизости, и потому решили выслать за "горбунком" моего дядю, а сами двинулись на поиски общественного транспорта. Засчитали себе бег с препятствиями через заборы, преодоление водной преграды вольным стилем, борьбу с доберманом и спринт на два километра. После этого любительского четвероборья Розалия все еще не была уверена, что мы оторвались от "хвоста".

Мы двинулись по темному лабиринту улиц, я — подстегиваемый надеждой, а Розалия — окриками юнцов, как и я, неравнодушных к женским прелестям, только еще более изголодавшихся. Сомнений не оставалось: что-то ее ко мне влекло. Она судорожно вцепилась мне в руку и перестала обзывать психом. Воображение подкидывало фантастические сцены с нашим участием в изысканных, слегка извращенных декорациях Щупачидловой квартиры. Одно плохо: эта девчонка начинала мне по-настоящему нравиться, что никогда не шло на пользу дела.

Дверь в квартиру покойного коммуниста я открыл пинком (с четвертой или пятой попытки). Теперь можно было передать инициативу Розалии и... позволить ей все. Я ждал этого на лестнице, ждал в прихожей, ждал в ванной, где мы поспешно смывали следы бегства, и в гостиной среди произведений выдающихся марксистов, где я искал, а Розалия даже не изображала, что ищет, мой костюм. Тут я пришел к выводу, что Розалия — традиционалистка и предпочитает партнеров с инициативой. Не столько ловко, сколько используя эффект неожиданности, я втолкнул ее в спальню и прижал к стене рядом с дубовым шкафом. Движением, подсмотренным в отечественных фильмах, я словно нетопырь вцепился ей в волосы и с такой силой потянул голову назад, что Розалия саданулась затылком по стене, с которой на нас с чувственным шелестом посыпались куски облупившейся краски. Пригвоздив ее к этой стене всем телом, я рявкнул:

— Скажи, что чувствуешь то же, что и я...

Розалия закричала. По правде говоря, я ждал, что она залепит мне пощечину. Эта девица была источником постоянных

неприятностей — еще вчера такая неприступная, теперь она принялась вырывать у меня волосы и страстно стонать. Ух ты, как завелась, подумал я с некоторым испугом. Если так выглядит экстаз, то она чуточку поспешила, но я не из привередливых. Мне редко выпадал случай заняться сексом на задании — может, потому, что я всегда ходил на дело один или с дядей Дзержищавом. Вспомнив своего дядюшку, я стиснул Розалию еще крепче.

— Ноги, ноги!.. — выдохнула Розалия.

— Ноги у тебя супер, детка, — прошептал я, пытаясь передвинуть ее ладони на самые озабоченные части моего тела и одновременно переместиться в партер. — Ты вся — супер!

— Ноги! — рыкнула она и наконец-то заехала мне по физиономии. — Под кроватью!

Я обернулся — и правда, из-под кровати торчали ноги.

Розалия зажала рот ладонью. Я стоял, неудобно повернув голову, и, глядя на ноги в лакированных ботинках, задавался вопросом, что сделал в жизни не так, где совершил ошибку, почему должен созерцать чьи-то хладные стопы, торчащие из-под не перестилавшейся больше двадцати лет кровати, тогда как секс, алкоголь, азартные игры и прочие запретные наслаждения достаются другим, более удачливым...

— Это немножко множко, чтобы быть совпадением, — прошептала Розалия, икая после каждого слова.

— Возможно, этот труп уже лежал, когда мы тут были прошлый раз.

— Кто это может быть?

— Вряд ли это Хенрик Щупачидло. Разве что скряга Пальмистер сэкономил на похоронах.

— Ты должен его вытащить. А потом мы обыщем карманы.

— Ага. И оставим образцы для генетической экспертизы, — проворчал я, однако послушно ухватился за ноги и вытянул их из-под кровати вместе со всем остальным.

Нашим взорам предстал Лонгин Пальмистер, увитый саваном из клочьев пыли, но, несомненно, живой. Об этом свидетельствовали попытки уползти обратно под кровать и слова:

— Гу-гу, малютке бо-бо, хочу бай-бай.

Розалия с остервенением треснула Пальмистера подушкой так, что та мгновенно лопнула. Пальмистер быстренько успокоился, прикрыл глаза, свернулся в позе эмбриона и начал сосать палец. Идиллический характер сцены усугубляли кружащие в воздухе перья и пыль, кроличьей шкуркой разостлавшаяся у наших ног. Я не знал, что делать: то ли оставить Пальмистера в этом скорбном состоянии, то ли известить соответствующие службы. Тем временем Розалия устремила взгляд на гипсовый бюст Ленина, который мог вот-вот заме-

нить разодранную подушку. Медлить было нельзя, и я почти ласково спросил:

— Эй, пан Лонгин, вы чего?

Если лицо может выражать одновременно и разочарование, и облегчение, то именно эти чувства отразились на лице Пальмистера. Наш вероломный заказчик мгновенно прочухался, встал и спокойненько принялся отряхиваться.

— И что должен означать этот цирк? — рявкнула Розалия.

— Только не в таком тоне, ладно? Я приехал забрать отсюда пару безделушек, — с достоинством объяснил Пальмистер. — Когда вы вошли, я подумал, что это либо убийца, либо полиция. Спрятался, а потом прикинулся психом.

— Сразу после того, как вы закончили разговор с Розалией, в Халинин дом вломилась полиция. Они знали, кого искать, — сказал я.

— Вероятно, вы по простоте душевной полагаете, что я вас подставил. Если бы я убил Халину, выкрал рукопись, а потом послал вас туда, прямо в лапы полиции, я сам навлек бы на себя подозрения — не думаю, что профессиональная этика вынудила бы вас молчать. Такой план мог бы сработать, только если бы я разработал его заранее и выступил перед вами под вымышленным именем, изменив внешность. — Тут Пальмистер хлопнул себя по лбу. — И как же мне раньше-то в голову не пришло?! Почему, к чертям собачьим, — простонал он, снова хлопнув себя по лбу, — почему я должен поступать честно именно с вами? Что за дьявол нашептал мне в минуту слабости: "Эта дерьмовая фирма выполнит твою дерьмовую работу за дерьмовые деньги"? Если бы я передал свое деликатное дело в руки профессионалов, все бы наверняка сложилось иначе...

Подобные оценки не противоречили моим представлениям о реальности и не оскорбляли присущей мне любви к истине; не могу также сказать, что я слышал их впервые. Отсюда, однако, не следует, что они не ранили мое чувство профессионального достоинства. Эта фирма была единственной позитивной ценностью в моей жизни. Я прекрасно помню, как дядя Дзержищав стартовал с начальным капиталом в объеме ста семнадцати папок, вынесенных из пожаров, в которых сгорели наиценнейшие результаты деятельности его прежней фирмы, и как кропотливо, с помощью шантажа, напраслины, доносов, провокаций и прочих подобных оперативных действий он завоевал прочную позицию на рынке частных детективных агентств, а точнее, в той нише, где самым низким гонорарам соответствуют услуги самого низкого свойства. Я помню наше первое серьезное дело, когда дядя выставил меня приманкой, чтобы поймать педофила, и помню, как я опоздал, перепутав вокзалы... Я ассистировал ему

и сотрудничал с ним во многих крупных и мелких расследованиях и вложил в них массу усилий, которые, вложи я их во что другое, могли бы принести мне деньги, почет, славу, а может, даже аттестат зрелости. Поэтому всякий раз, когда кто-то марал доброе имя фирмы, я чувствовал себя задетым лично, пусть даже этот кто-то имел на то все основания.

— Минуточку, минуточку, пан Лонгин, — перебил я. — Быть может, во многих отношениях вы и правы. Однако я не могу примириться с тем, чтобы вы дурно говорили обо всем нашем агентстве и на основании единичной, обреченной на провал и, не будем скрывать, реально неудачной акции делали неоправданные обобщения относительно всех наших сотрудников и всех дел, которые мы вели, ведем и будем вести в дальнейшем, хотя, к сожалению, вы не так уж сильно ошибаетесь... Я также не позволю, чтобы вы оскорбительно отзывались о Розалии в ее присутствии. Итак, если вы человек порядочный и хорошо воспитанный, а предположим на миг, что эта смелая гипотеза хоть на чем-то основана, — я бы попросил вас незамедлительно встать и попросить прощения у женщины, которую вы оскорбили...

— Требую вернуть аванс! — крикнул Пальмистер.

— Вы нам аванса не давали, — напомнила Розалия.

— Что ж, тогда я испорчу вам репутацию, — наивно заявил он.

— Хотел бы только предупредить — учтите, ничего личного, — что если вы с нами не поладите, то через день, максимум два, проснетесь в грязной луже со свиньей, собакой и собственной матушкой, как говорит мой шеф и наставник Александр Дзержищав. А теперь позвольте мне забрать мой костюм и Розалию и попрощаться с вами. Розалита, пошли.

Розалия не успела ответить, но по выражению ее лица я понял: даже если она и уйдет отсюда вместе со мной, то вряд ли окажется сегодня ночью в моей постели.

— Э-эй, мать вашу! — занервничал Пальмистер. — Что за игры? Я сам решу, когда вам уходить. Провалили дело и думаете, это вам с рук сойдет?

— Чего вы от нас хотите? — спросила Розалия очень усталым голосом.

— Как это чего?! Чтобы вы отыскали рукопись, недотепы!

— И где прикажете искать?

— Неужели не ясно? У Гарцовника, — ответил он. — О Господи, не будь я таким трусом, какие вы олухи, сам бы ее добыл!

— А откуда вам известно, что книжку слямзил Гарцовник? Может, о ней еще кто-то узнал? И, не исключено, даже от вас?

— Исключено, — категорически возразил Пальмистер. — Я вру рефлекторно, значит, никому не мог проболтаться. Дневников не веду, к психиатрам не хожу, не говорю во сне. На-

сколько мне известно, о книге, кроме нас, знал только один человек. И это — Славомир Гарцовник.

— А почему, — начал я, обуреваемый, как обычно, идиотскими сомнениями, — вы уверены, что Халина не предлагала свою книгу другим издателям?

— Мои дорогие друзья, — снисходительно улыбнулся Пальмистер, — отсутствие знакомства с убогими произведениями, выходящими из-под пера Халины, сделало бы вам честь, не простирайся оно на всю литературу в целом, а может, и на печатное слово как таковое. Ни один приличный издатель, увидев на рукописи фамилию Халины, ее бы даже не открыл.

— А если бы, — не сдавался я, — Халина не подписалась собственным именем?

— В таком случае, может, и открыл бы, — согласился Пальмистер. — Через годик-другой, а то и лет через десять. Когда человеку двадцать, как тебе или твоей очаровательной подружке, для него это небольшой срок. Но когда биологические часы все громче отстукивают минуты, человек начинает спешить, охваченный ужасом, что время его истекает, а вместе со временем и он... Как будто это ему поможет.

— А Гарцовник? — спросил я. — Он не трепло? Может, это он рассказал кому-то о книге?

— Сомневаюсь, — сдержанно ответил Пальмистер.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что Гарцовника я хорошо знаю. Лучше, к сожалению, чем хотелось бы, — произнес Пальмистер и внезапно ударился в ностальгию. — Наши отношения, — начал он, — отношения между мной, Гарцовником и Халиной были когда-то очень близкими... Мы были друзьями, во время военного положения вместе работали в подполье, печатали самиздат. Играли с властью в жмурки, в прятки, в кошки-мышки... Один из нас двоих, кажется, был стукачом, но я уже не помню кто. Впрочем, какое это имеет значение? Я предпочитаю вспоминать красоту и героизм тех лет и нашу борьбу за то, чтобы вы, молодежь, никогда не узнали такого на собственной шкуре. — Тут Пальмистер вздохнул и утер скатившуюся слезу, проложившую грязную бороздку на щеке. — Нас разделила рыночная экономика. Брат встал против брата, друг — против друга. Мы обмишуривали друг друга, как могли, и, тем не менее, нам не удалось удержаться вместе. Пути наши разошлись. Гарцовник всегда был тихим, подозрительно тихим малым, я бы даже сказал, нелюдимом, но у него часто случались приступы настоящего безумия. Тогда он напивался, но не ограничивался, как другие, многочасовыми разговорами, которых наутро никто не помнит. Его несло. Он исчезал на несколько суток. Садился на первый попавшийся поезд, высаживался на

другом конце Польши, устраивался работать могильщиком или подручным кузнеца, пил с незнакомыми людьми, покупал цветы чужим бабам и цитировал поэтов. Женщины его обожали — у них на психов безошибочное чутье: их к ним тянет. Думаю, во время одного из таких припадков с ним и познакомилась Халина. И немедленно на себе женила. Как же она, наверно, разочаровалась, когда он протрезвел! А он-то! — Пальмистер расхохотался до слез. Отсмеявшись, он вытер глаза и продолжил свое повествование: — Однако время меняет людей: Гарцовника придавила повседневность. Когда он занялся изданием макулатуры, когда друзья и знакомые перестали узнавать его на улице, он стал все больше деградировать — и интеллектуально, и нравственно, и при всем при том не так уж сильно разбогател на бесстыжей, вульгарной, отупляющей, дешевой, низкопробной, мелкой, низкой, пустой, примитивной, графоманской, за версту отдающей дурновкусием, лживой, космополитичной, антиисторичной, психологически ложной, изобилующей затертыми штампами, схематичной, нежизненной, тривиальной и банальной коммерции...

Дальше я уже не слушал. Застряв между пружинами старого кресла, я погрузился в сон. Мне казалось, что Розалия выходит в соседнюю комнату, а за ней устремляется Пальмистер. То ли из-за усталости, то ли из-за того, что меня защемило пружинами, а может, потому, что все это только мне снилось, я не среагировал.

Глава 7. Жребий Аурелии, жребий Анели

Когда я проснулся, кусочек неба над крышами напоминал грязную тряпку, а где-то за стеной, словно для контраста, раздавались возгласы и бурные аплодисменты. Я прошел через сонную квартиру, сейчас, в хмуром свете дня, еще более гнетущую, чем ночью. Розалии нигде не было. Пальмистер сидел перед телевизором и с задумчивым видом смотрел трансляцию Ангелуса[1], — стало быть, у нас сегодня воскресенье.

Я почтительно уселся на краешек дивана, вперил взор в экран и с таким усердием попытался проникнуться словами проповеди, что даже пустил газы. Пальмистер, выйдя из состояния задумчивости, обратил ко мне одухотворенный лик.

1. Католическая молитва “Ангел Господень”. Каждое воскресенье в полдень Папа Римский произносит на площади Святого Петра проповедь и затем читает вместе с собравшимися Ангелус. В Польше по телевидению идет прямая трансляция.

— В Варшаве только телевидение и спасает человека от депрессии, — сказал он. — К сожалению, у меня здесь всего два канала. Пожалуй, такой человек, как ты, мог бы что-нибудь с этим сделать.

— Я мог бы подцепиться к кабелю, — ответил я, — если бы в этом доме был кабель.

— Ах, ну да! Совсем забыл, что у этих бедняков даже нормального телевидения нет! К тому же они, наверное, и в театр не ходят, и в костел. Заботятся только об удовлетворении самых примитивных потребностей.

— Вы хотите сказать, что бедняки — свиньи и дикари?

— Это суровая правда, сынок. Для них многое делается, но это все равно что поливать Сахару. Но не будем больше об этом. — Взгляд его внезапно оживился, и он посмотрел на меня почти с симпатией. — А знаешь что, Робаль? Ты мне нравишься. В твоем присутствии я могу быть самим собой. Наверное, это потому, что ты никто.

Такие тексты я пропускаю мимо ушей. Дело привычки.

— Я верчусь как белка в колесе, — продолжал Пальмистер. — Вечно настороже. Вечно среди людей, вечно на виду. А ведь порой хочется снять с себя элегантный костюм и надеть дамскую комбинацию. Я прав?

— Конечно, конечно, — осторожно пробормотал я, не зная, то ли это метафора, то ли высказанное вслух извращенное желание. — А что с Розалией? Ушла? Она вернется? — решил я сменить тему.

— Не вернется. Сказала, чтобы завтра в половине десятого ты был у дома Гарцовника. Я дам тебе адрес. — Он встал и с минуту озирался в поисках клочка бумаги. В конце концов вырвал листок из "Коммунистического манифеста" и, хихикая, записал на нем адрес. — А знаешь, сынок, что я помню отсюда наизусть целые куски? Такое дерьмо порой к человеку цепляется... Боюсь, что, умирая, вместо "Аве Мария" прошепчу "Призрак бродит по Европе..." У нас в семье была уйма коммунистов. Особенно мамаша... Знал бы ты, каких уродов я называл дядечками... Да-да... В каждой семье есть свой скелет в шкафу. Но не будем об этом.

— Кстати, о скелетах... точнее, о трупах... Я думал о Халине Ментиросо... хоть это, понятное дело, не входит в мои обязанности... Вы ведь ее хорошо знали, верно?

— Еще как хорошо, — поморщился Пальмистер. — Что тебе в голову взбрело, малый?

— Мой отец бросил мамочку еще до того, как я появился на свет. Халина упоминала, что в ранней молодости знала одного типа, очень похожего на меня. Они были соседи. Конеч-

но, тогда, в ресторане, я был немного пьян. Нужно было ее разговорить... ну я и выпил чуток. И в итоге забыл, о чем шла речь — то ли о Щецине, то ли о Люблине, то ли вообще о Кошалине...

— О Гучине, Робаль, о Гучине, — улыбнулся Пальмистер. — Когда я познакомился с Халиной, она была очаровательной юной особой, едва окончившей школу. Говоря "едва", я подразумеваю оба значения — "только что" и "с трудом". Халина неохотно говорила о прошлом, но могу с полной уверенностью сказать: дальше двадцати километров от Варшавы она ни разу не отъезжала.

— И еще одно. Вы не помните, что за фотография стояла у нее в рамке на письменном столе?

— Ее дочери Анетки, разумеется. Ты что, меня проверяешь?

— Мне эта девушка глянулась.

Пальмистер всмотрелся в меня с отцовской заботой.

— Странный ты парень, — сказал он.

Я спрятал в карман страничку из "Манифеста", в прихожей снова самостоятельно снабдил себя авансом и вышел в город. Когда я запирал дверь, Пальмистер продолжал болтать, но я не дал себе труда с ним попрощаться. Я знал, что мое отсутствие ему не помешает. Ведь я был никем.

На Главпочтамте я пролистал телефонную книгу Мазовецкого воеводства и довольно быстро отыскал номер единственных Сопелькунделей, проживающих в городе Гучин. От женщины, взявшей трубку, пахло жареной рыбой, у нее были жирные патлы и сто сорок кило живого веса. По крайней мере, так я подумал, когда услышал в трубке сопение, а потом хриплый голос:

— Дааа?

— Меня зовут Хенрик Щупачидло. Корреспондент "Грязных тайн", — сказал я. — Вы приходитесь родственницей Халине Ментиросо?

Повисло долгое молчание. Я, было, уже решил, что придумал себе неудачную легенду, но тут из трубки донеслось:

— А вы откуда знаете?

— У нас свои методы. Я пишу статью о Халине Ментиросо и хотел бы как можно больше узнать о ее молодых годах...

— Ну как же, как же! — радостно перебила меня собеседница. — Вам повезло! Я много чего могу о ней сказать! Потаскуха! Шлюха! Давалка! А еще и прикидывалась, будто знать нас не знает. А сама-то, блин, кто?

— Вы в близком родстве?

— Ну, нет... — приуныла она. — По мужу. Они родней были. Она ему двоюродная сестра.

— Но вы ее хорошо знали?

— А то как же! Муж о ней много чего рассказывал.

— В таком случае я бы охотно побеседовал с вашим мужем.

— Да-да, — сказала женщина, как будто напряженно что-то обдумывая. — Вот только... умер он. Заворот кишок. Такая трагедия.

— Да, не повезло, — разочарованно протянул я. — А может, есть кто-нибудь, кто ее хорошо помнит? Родня, соседи?

— А как же! — повеселела она. — Мамаша есть, Анеля Сопелькундель! Вы непременно должны ее навестить. Она живет на... — И продиктовала адрес, который я молниеносно записал на ладони. — А потом позвоните мне. Уж я-то точно много чего интересного расскажу. А, да. Вот еще. Не забудьте бутылку!

Перед тем как отправиться на Гданьский вокзал, я забежал домой. Чувствовал, что дорога будет долгой и неплохо бы взять что-нибудь почитать. Я не ошибся: поезд встал еще до того, как мы съехали с Гданьского моста. Вытащив из кармана книгу, для психологического комфорта обернутую в газету, я прочитал: "Поищи себе место получше. Мне никто не нужен". С этими словами мужчина захлопнул дверь, а Аурелия осталась стоять на крыльце. Опустилась темнота, налетел холодный северный ветер. Когда он наутро увидел ее под дверью, она была голодная и иззябшая, но еще более исполнена решимости. Когда на следующее утро повторилось то же самое, мужчина капитулировал: дал Аурелии лошадиную попону, показал каморку, где можно спать, и позволил остаться на испытательный срок. Аурелия образцово драила полы, столы и окна, готовила еду и отмывала горшки, штопала и стирала одежду. От хозяина — нелюдима, отщепенца и выродка по имени Эдмунд — она слова доброго не слышала. Однако в конце концов терпение, добросовестность, скромность и кулинарные таланты девушки смягчили его сердце... Сменялись одно за другим времена года и страницы. Эдмунд бессонными ночами мечтал об Аурелии, а днем был суров и непреклонен. Аурелия смотрела на Эдмунда взглядом подстреленной косули, но мысли свои таила в себе. Внезапно действие, которое ползло, как поезд до Гучина, стало убыстряться. В один прекрасный день Эдмунд вступился за какую-то девушку, а ее обидчик — Люциан, сын городского богача, со своими дружками так, к чертям собачьим, его отметелил, что он чуть не распрощался с жизнью. Врач, которого привела Аурелия, даже отказался его лечить, но девушка не сдалась и вложила все силы и душу в то, чтобы поставить Эдмунда на ноги. Он помалу приходил в себя, но по-прежнему не мог вести хозяйство, и Аурелия привела молодого и, разумеется, красивого батрака. Эдмунд понял все в тот же миг. Он

узнал ее тайного любовника и устроил скандал. На следующий день Аурелия исчезла — а батрак остался, но это не стало началом многообещающего романа. Эдмунд припер батрака к стенке в самом метафорическом смысле, и тот рассказал, что семья девушки погибла во время пожара. Поджигателем был Люциан, а его отец оттяпал их землю якобы за долги. Эдмунд раскаялся, отыскал Аурелию и попросил стать его женой. Аурелия ответила "да". Поезд подъехал к Гучину. Хеппи-энд.

Я сошел на перрон и швырнул книгу в урну. Пешеходный мостик, ведущий в город, мог бы сниматься у Хичкока. Я оказался на грязной площади, ограниченной с одной стороны жестяной будкой, исполнявшей роль вокзала, с другой — угольным складом. С третьей находилась стоянка такси. Один из водителей объяснил мне, что до войны на этом месте был большой современный вокзал, сквер и фонтан, а потом пришли немцы и все разрушили. История здесь оставалась незаживающей раной. Пожелав таксисту скорейшего восстановления города, я двинулся в указанном им направлении. Миновал рынок двадцатого века и блочные дома того же периода и углубился в приветливый квартал частных домов. Это были солидные провинциальные строения; одни постепенно разрушались, другие вставали на их место — нормальная смена поколений. Дом мамаши Сопелькундель выглядел в этом окружении как агонизирующий памятник старины. Это был латанный толем деревянный домишко, погрузившийся в землю по самые окна, слой вековой грязи на которых служил своего рода изоляционным материалом.

Я толкнул калитку, потом дверь в дом. Обе подались без сопротивления, но с таким скрипом, что разбудили бы и мертвого. Я обошел весь дом, пропахший сыростью и котами. Стучал и звал — но тщетно. Обонятельные и зрительные ощущения более чем однозначно доказывали, что развалюха уже давно необитаема. Впрочем, добравшись до кухни, я обнаружил, что ошибся. Кафельная печка была еще теплая. У стены на угольном ящике стояло ведро с водой. На высоком топчане громоздилась груда тряпья. На столе сновала среди объедков здоровенная крыса. Мое появление не слишком ее обеспокоило. Я присел на единственный целый стул и вытащил бутылку. Подумал, что подкреплюсь малость в ожидании мамаши Сопелькундель, которая наверняка каждое воскресенье молится за обращение грешников, за мир на земле или за досрочные выборы. Пожилые женщины принимают такие глобальные проблемы близко к сердцу. Не успел я поднести бутылку к губам, как из кучи на топчане высунулась рука, отобрала у меня бутылку и влила содержимое оной

куда-то в тряпье. В следующее мгновение грязная груда чудесным образом ожила. Тряпки раздвинулись, и из них выглянуло всклокоченное существо с маленькими глазками-буравчиками.

— Чего надобно, мил человек? — спросило существо трезвым и пронзительным, как первый крик младенца, голосом.

— Информации, — ответил я.

— Когда-то мужчины навещали меня совсем по другому поводу, — игриво произнесла мамаша Сопелькундель. Она была крупная. Крупнее меня. Мне это не очень понравилось. — Если бы я выкупалась, ты бы меня не узнал, — добавила старуха.

— У вас здесь есть ванная? — удивился я, уклоняясь от ответа.

— А тебе-то что? — буркнула она с внезапно проснувшимся подозрением. — И где только соцзащита находит людей в день Господень?

— Я не из соцзащиты.

— Фу-ты ну-ты! А ну вали отсюда, гаденыш, не то отделаю так, что родной начальник не узнает! — Старуха вытащила из подмышки толстую палку.

— Будь я соцработником, не принес бы бутылку! — крикнул я, заслоняясь руками.

— Факт, — уныло признала она, опуская дубинку. — И что? Приперся сюда ради моих прелестей, милок?

— Я журналист. Хочу вам помочь. — У мамаши Сопелькундель моя профессия доверия не вызвала. — Мне известно, что вы мать Халины Ментиросо, — продолжил я. — Возмутительно, что, сама купаясь в роскоши, она позволяет вам жить в таких условиях.

— А, понимаю! — обрадовалась мамаша. — Хотите облить ее грязью? — Как я и думал, о смерти Халины она еще не знала.

— Считаю это своим долгом, — ответил я.

— Не стану я тебе помогать, сынок. Ишь, какой шустрый. Вообще ничего не скажу.

— Вы любите свою дочь. Это понятно. Но у нее тоже есть по отношению к вам определенные обязанности.

— И поэтому она запихнет меня в какую-нибудь умиральню для старух. Чисто, сухо, а как никто не видит, дают пинка под зад. Спасибочки, мне и здесь хорошо.

— И вам всего хватает?

— Каждому, сынок, чего-то да не хватает, — философски заметила она. Чего не хватает ей, я понимал, и вытащил это из кармана. Мамаша Сопелькундель облизнула жаждущие уста.

— Уладим это иначе... — предложил я. — Вы мне расскажете о ней что-нибудь интересное, а я оставлю вам бутылку. А может, и еще кое-что, если рассказ того будет стоить.

— И Халина не узнает, что это я?

— Клянусь, — пообещал я с чистой совестью.

Анеля Сопелькундель задумалась, почесывая затылок корявым пальцем.

— О-хо-хо, сынок, — наконец заговорила она. — Я и вправду рада бы тебе помочь. Но про Халину... Она была очень хорошая девочка. Тихая, послушная, никаких хлопот. Училась хорошо. Ни на кого из родни не похожа. Я ею очень гордилась. Никогда б не подумала, что она... — Мамаша Сопелькундель замолчала и принялась нервно тереть глаза.

— Что она — что́? — подбодрил я старуху, почуяв грязную тайну.

— Что она меня забудет.

— Она была молодая, красивая... Наверное, полно всяких ухажеров...

— Какое там, — проворчала старуха. — Только книжки да книжки. От этого ее, небось, так и сдвинуло. — Я выложил свой последний козырь и протянул ей обрывок фотографии. — Это что? — спросила она, недоверчиво на меня глядя.

— Если уж я готовлю материал, то выкладываюсь по полной. Это я вытащил из Халининой мусорной корзинки. Ну как, вам эта фотография знакома?

— Да вроде бы, — призналась она после долгих размышлений.

— И вы знаете, кто был на оторванной половине?

— Да сдается мне, что Халина, — сказала она.

— Халина, — повторил я.

Она кивнула. Я начал задумываться, а доходит ли до нее вообще, что ей говорят.

— Ладно. Халина. — Я обреченно вздохнул. — А это кто? Тоже Халина?

— Это Алина, — ответила мамаша. — Младшенькая моя.

— Очень похожа. — Я сделал вид, будто это открытие меня нисколько не удивило.

— Красивше. Только непоседа страшная. Ни минуты дома. Языкастая. Да что тут долго рассказывать, характером вся в меня. И ты глянь-ка, сынок, она-то как раз теперь... Она одна ко мне и приходит. Все время уговаривает, чтобы я к ней переселилась. Квартирка у нее, правда, однокомнатная, говорит, к тому же десятый этаж, зато будем вместе, говорит, вместе с моим мужиком, и его собаками, и тремя его детьми, и его бывшей женой, к которой иногда хахаль ночевать приходит. Может, когда и соглашусь. Как по-твоему, сынок? Понравится мне такой семейный очаг?

— А Халина поддерживает контакт с Алиной? — спросил я.

— Какое там. Она не только со мной порвала. Она со всеми с нами порвала после того, как... — Тут Анеля Сопелькундель замолчала. Опустила взгляд. На бутылку. В конце концов махнула рукой и сказала: — А знаешь что, сынок? Расхотелось мне пить.

Я оставил ей бутылку и вернулся в Варшаву. По пути домой заглянул к Чупе, одному из моих старых друзей. Дядя их называет "дружки". У Чупы было длинное туловище, кривые ноги и кривые зубы, но он вовсе не потому двенадцать лет не выходил из дому. Мир приходил к нему сам. У Чупы имелись новейшие программы, самая лучшая техника и доступ к таким базам данных, о существовании которых я даже не подозревал. Благодаря этому он отслеживал в Сети мировые заговоры. Считал, что, когда человечество узнает правду, оно сделается лучше. Не понимаю, откуда такие мысли... Я попросил Чупу проверить несколько фактов из жизни Алины Сопелькундель. Он мог бы сделать это за пару минут, но я знал: настаивать бесполезно. Что значит одно-единственное убийство в сравнении с Армагеддоном, который готовят нам корпорации?

Глава 8. *Мазовецкая резня тяпками*[1]

На следующее утро я вышел из дома без чего-то восемь и долго бродил по улицам. Все маленькие книжные, в которых не установлены рамки при входе, были еще закрыты. В те, которые с рамками, я даже и не совался. В конце концов, я увидел то, что нужно. Какой-то тип раскладывал свой лоток у вокзала Средместье[2]. Когда он отвернулся, я схватил "Сестру Матильды" и бросился наутек через площадь Дефилад. Не знаю, была ли за мной погоня, но притормозил я только в лабиринте под Центральным вокзалом. Спрятал книжку за пояс, вышел из подземного перехода, двинулся на площадь Старынкевича и уже через четверть часа ехал сто пятьдесят седьмым автобусом в микрорайон "У ручья".

Я собирался засесть где-нибудь неподалеку от дома Гарцовника и читать, поджидая Розалию. Но, добравшись до места, увидел, как моя компаньонка отважно приближается к цели на час раньше условленного срока. Я подождал с минуту и последовал за Розалией. В астматически хрипящем лифте поднялся эта-

1. Обыгрывается название американского многосерийного слэшера (особый вид фильмов ужасов) "Техасская резня бензопилой".
2. Вокзал в центре Варшавы, с которого отходят пригородные электрички.

жом выше, спустился по лестнице, повернул налево. Обвел взглядом таблички на дверях, вернулся и начал исследовать коридор справа от площадки. Квартира Гарцовника находилась в самом конце, за дверью с табличкой "Х. и С. Гарцовники". Я приложил ухо к щели между дверью и косяком. Судя по доносящимся изнутри звукам, Розалия проводила интенсивный обыск. Подумав, что неплохо бы ее проучить и малость припугнуть, я уже полез в карман за отмычкой, чтобы демонстративно поскрежетать ею в замке, как вдруг чья-то рука, протянувшись сзади, зажала мне рот. Объятие было отнюдь не любовным, и обещание: "Дернешься — шею сверну!" — которое прошипел некто, прижимающийся к моим ягодицам, только это подтвердило.

Что мне оставалось делать? Спросить, он это в шутку или как? Чего хочет: денег или наслаждений? Но, поскольку рот мне заткнули, я смирился со своей жалкой участью и стал ждать дальнейшего развития событий.

— Оглянись, приятель, посмотри, что у меня есть, — сказал человек за моей спиной, убирая руку. Я оглянулся и посмотрел. Я не из трусливых и наверняка бы на него набросился, только вот он был слегка пошире и куда как выше меня, а в правой руке держал пистолет. Кроме того, у него была внешность Адониса, импортный прикид на два размера меньше, чем нужно, и плащ, какие носят эксгибиционисты, но это уже в меньшей степени повлияло на мое решение.

— Подождем твою подружку тут, за углом, — сказал Адонис, указывая дулом за угол коридора.

— Это ты убил Халину Ментиросо и наслал на нас полицию? — спросил я как можно вежливее.

— Угадал. Это я наслал на вас полицию. Хотел от вас избавиться и до сих пор хочу. Что касается Халины Ментиросо, вынужден тебя разочаровать: когда я ее обнаружил, она уже была мертва.

С минуту я прикидывал, верить ему или нет, но, поскольку у него в руках по-прежнему было оружие, предпочел оставить сомнения при себе.

— Можешь мне открыть, на кого ты работаешь, приятель? — спросил я.

Красавчик долго думал и в конце концов сообщил:

— На Иво Мая.

— Это еще что за вонючка?

— Это я, приятель, — ответил он с непроницаемым видом. На сей неудачной ноте наш диалог завершился.

Не прошло и десяти минут, как дверь квартиры Славомира Гарцовника распахнулась, а затем захлопнулась с такой силой, что архитектурная целостность здания оказалась под угрозой.

Иво Май пихнул меня дулом в почки, предлагая выйти из-за угла. Увидев нас, Розалия прикрыла рот ладонью. Она была так потрясена, будто меня уже убили — я даже растрогался.

— А теперь, детка, произведем обмен, — сказал Иво Май. — Я отпущу твоего дружка, а ты мне дашь бумажки, которые у тебя в ручонке.

— Шутишь? — фыркнула Розалия. — Оставь его себе, Красавчик!

— Он не в моем вкусе. — Красавчик толкнул меня к стене и направил дуло на Розалию. — Игры кончены, русалочка. Ты ведь не хочешь отправиться вслед за Халиной? — На сей раз Розалия не протестовала. Иво Май забрал рукопись и с трудом запихнул ее за пояс. — У меня в связи с этим еще кое-какие дела, — изрек он с нескрываемым самодовольством. — А вы отправитесь на заслуженный отдых. — Он положил пистолет в карман плаща и, продемонстрировав, что легко может его вытащить, уточнил: — Послушно спускаемся по лестнице и грузимся в пикап. Это такая машина, у которой спереди только два сиденья. Зато сзади полно лежачих и сидячих мест. Когда я вам открою, послушно туда войдете. Только без глупостей. Насилие мне претит.

Мы спустились вниз и вышли на улицу. Розалия шепнула, что мы можем попытаться сбежать (она — налево, я — направо), но я ответил, что мне без разницы, погибну я первым или вторым, и проверять это не собираюсь. Я успел разглядеть надпись “Турагентство ‘Тур’ — услуги по всей стране” и соответствующее изображение кривоногого парнокопытного с мученическим выражением морды. Пропустив Розалию вперед, я на четвереньках влез за ней в темное нутро машины.

Сначала мы сидели, согнувшись, но уже вскоре нас стало швырять по всему кузову вместе с двумя или тремя упаковками чего-то тяжелого — скорее всего, рекламных материалов турагентства “Тур”. Я предложил Розалии укрыться в моих объятиях, что уберегло бы ее от пары синяков, но она гордо отказалась, заявив, что, если я попробую к ней прикоснуться, всадит мне каблук в зад. Прежде чем до меня дошло, что это может стать началом захватывающей эротической игры, машина остановилась, а Иво Май вылез из кабины и куда-то удалился.

— Не иначе, готовит апартамент для молодоженов, — пошутил я. Ответом мне было гневное фырканье.

Красавчик вернулся через несколько минут и открыл дверцу. Нашим ослепленным дневным светом глазам предстали заваленный хламом и куриным пометом двор и наш не-

сколько сконфуженный похититель, из-за спины которого выглядывал старичок. Вокруг любопытного старичка, гавкая, вилась мелкая рыжая шавка.

— Дедушка Генек — жуткий неряха, — объяснил Красавчик. — Ну, вылезайте.

Мы дошли до небольшого гаража, ворота которого уже были гостеприимно распахнуты. Внутри оказалась воплощенная мечта сборщика металлолома. Каких только там не было сокровищ! Крышки канализационных люков, дорожные знаки и светофоры... Жемчужиной в короне была допотопная "варшава" цвета милицейской лазури. На капоте лежало полбуханки заплесневелого хлеба и стояла выщербленная стеклянная банка с белой жидкостью.

— Долго они тут пробудут? — спросил дедушка Генек.

— Сколько потребуется, — ответил Май.

— А коза?

— Пускай спит в прихожей.

— Она мой ковер съест.

— Куплю тебе новый.

— Не нужно. Лучшая награда для меня — моя работа, — гордо ответил оскорбленный дедушка Генек.

— Тогда сверни этот половичок и не морочь мне голову, — разнервничался внук. — А теперь извини, дедуль, я должен их малость попугать. Ступай к своей козе. Я сейчас приду.

— Скажи этим засранцам, что я им ноги из задницы повыдергаю, если сбежать попробуют, — воинственно заявил дедушка Генек, удаляясь в сторону халупы, сложенной из строительных отходов.

— Он думает, что вы банда педиков, — объяснил Красавчик. — Несчастный старпер не понимает современного мира, так что не пытайтесь ему ничего объяснять. Будете тут сидеть, пока не соберу на вас доказательства. Понимаете, надеюсь, что я вас выпущу, только когда вы уже не сможете мне напакостить. Завтра вечером подъеду, привезу что-нибудь поесть. Целую, зайки! — С этими словами он захлопнул ворота гаража, повернул ключи в паре-тройке висячих замков и предоставил нас самим себе.

— "Варшава М20", — прошептала Розалия с благоговейным трепетом. Обернувшись, я увидел, что она прикасается к машине, словно проверяя, не померещилось ли ей.

— Ну и что с того, что М20? — пожал я плечами.

— Это раритет, "варшава" самого первого выпуска, невежда!

Из-за машины просачивался слабый свет. Оказалось, что под самым потолком имеется заляпанное известкой окошко. Вскарабкавшись на старую плиту и лохань и свалив десятка

четыре конфорок, я убедился, что в окошко не пролезет и цыпленок. После чего приступил к простукиванию стен и пола в тех немногих местах, где к ним имелся доступ, и довольно быстро удостоверился: гараж построен в полном соответствии с нормативами ядерного убежища, и единственный выход из него — через обитые жестью ворота. Пока я занимался профессиональным изучением ситуации, завершившимся выводом, что она — ситуация — безнадежна, Розалия сидела в "варшаве" и нежно гладила обивку. Вся разрумянилась, зрачки расширились, дыхание участилось...

— Дедушка Генек не отдаст нам ничего из своих трофеев. Брось эту рухлядь — лучше подумай, как уговорить старика, чтобы нас выпустил.

Не успела Розалия ответить, как из-за двери донесся шум. Мы замерли, прислушиваясь.

— Значит, вы говорите, пан Генек, эти мерзавцы сидят внутри? — спросил мужской голос.

— А как они выглядят?

— Как сама невинность, сударь, никогда б не заподозрил: оба молодые, девица — та даже хорошенькая, а у парня рыло малость дурковатое. Видать, она там главная. Внук сказал, что должен раздобыть доказательства, и тогда сдаст их в полицию.

— В полицию! — фыркнул мужчина. — Вы ж знаете, пан Генек, что сейчас творится! Полиция им ничего не сделает. Выпустит мерзавцев на волю.

— Они детишек развращали! — заголосила женщина.

— Что ж делать-то? — забеспокоился дедушка Генек.

— Сами их прикончим. Отоприте ворота.

— Внук ключи забрал.

— Не беда. Я сгоняю за пилой. Ты, Юшка, беги за топором. А вы, пан Генек, тут покараульте.

— Я за тяпкой сбегаю, — с готовностью предложил дедушка Генек, и шум за дверью стих, переместившись в другую часть дедовых владений.

Мы в ужасе уставились друг на друга.

— Они хотят с нами расправиться! — воскликнула Розалия. — Придумай что-нибудь! Ты же, кажется, мужчина.

— Пол не влияет на умственные способности! И кстати — кто из нас собирался проявлять изобретательность? Забыла?

— Бензин, — лихорадочно пробормотала Розалия. — Ищи бензин! Когда они откроют ворота, мы смоемся на "варшаве".

— Проверь сначала, есть ли в ней двигатель.

Розалия открыла капот и заглянула внутрь.

— Целехонькая. Все на месте. Дедок, видно, о ней заботился.

— Шины почти спущены.

— Ничего страшного. Воспользуемся эффектом внезапности. Достаточно выехать на дорогу, а там стопорнем кого-нибудь и доедем до Варшавы.

Я не позволил ослепить себя простотой этого замысла.

— Ты правда думаешь, что здесь есть бензин? — спросил я, чтобы не тратить время на споры.

— Здесь есть всё, — ответила Розалия с неколебимой уверенностью.

Я обнаружил множество доказательств сей беспримерной веры, кроме, ясное дело, бензина. Шум за дверью возобновился. Дед с соседями бежали нас убивать. В возгласах, которыми они обменивались, разогревая себя перед битвой, угрожающе возникла тема нашего погребения.

— В моих помидорах! — настаивала соседка.

— Моим поросяткам! — вопил сосед.

— Твоим поросяткам уже достался тот хмырь, который хотел для Евросоюза наши гектары мерить! — рявкнула разгоряченная соседка.

— Их двое, как-нибудь поделите, — разрешил спор дед, и на висячий замок обрушился первый удар.

— Держись, без боя они нас не возьмут! — Я бросил кочергу на сиденье рядом с Розалией, пытавшейся из путаницы проводов выбрать нужные, и пожалел, что никогда больше не увижу этого фокуса.

— Чего уставился? — заорала Розалия. — Проверь, что в том бидоне у выхода!

— Свежие яйца? Масло? Козье молоко? — спросил я, но послушно заглянул внутрь. В бидоне был бензин. Я не стал играть в "найди воронку", выплеснул все в бак и запрыгнул в машину. В тот же миг под одобрительные вопли соседки рухнул последний висячий замок. Ворота распахнулись настежь. В проеме стояли трое победителей: дедок с тяпкой, сосед с пилой и соседка с топором. Вокруг них вертелась рыжая шавка.

— Вылезайте, гады! — рявкнул сосед.

От этого крика содрогнулось все содержимое гаража. "Варшава" завелась и рванула вперед, словно хорошо знала границы саспенса. Сосед, соседка, дедок и собака бросились врассыпную. Машина, завывая и кашляя, выехала на захламленный двор. В самую последнюю секунду топор, брошенный соседкой, воткнулся в крышу над нашими головами.

— Варвары! — рявкнула Розалия. — Поднять руку на раритет экстра-класса!

Героическая “варшава” высадила ворота и выскочила на грунтовку. Розалия, проделав лихой маневр, направила автомобиль к шоссе.

Машина выехала на основную дорогу и, хлюпая дырявыми покрышками, повернула в сторону Варшавы. Мы подскакивали так высоко, что топор мог врезаться в голову, поэтому я втащил его внутрь. Розалия раскраснелась от воодушевления. Я раскраснелся от нервов. С чудесами отечественного автомобилестроения я был знаком исключительно благодаря служебному “фиату” дяди, которого таким образом наградили за годы безупречной службы, безграничной преданности, безмерной изобретательности и беспримерного рвения при исполнении обязанностей. Для него эта машина символизировала золотой век спецслужб, для меня — полярную ночь детства. Когда “фиат” (с шофером) первый раз остановился под нашими окнами и соседи поняли, где работает дядя, они запретили детям со мной водиться. С тех пор я никогда не был салочкой и пятнашкой. Никто не запирал меня в подвале, никто не обзывался “подкидышем” и “ублюдком”. С той минуты я всегда был один. Позже я убедился, что таких, как я, довольно много. Некоторые выросли вполне нормальными людьми. Один даже стал президентом. Но это уже совсем другая история. А наша история тем временем неслась на “варшаве” в сторону столицы. Через каких-то два километра у нас оторвался тормоз. Через пять — крыша свернулась в трубочку, как на консервной банке, и полетела в придорожные кусты. Еще через четыре километра мотор начал чихать, машина проехала последний километр и заглохла. Розалия не позволила бросить “варшаву” посреди шоссе, и мне пришлось толкать ее, чтобы закатить в лес, а потом помогать Розалии устраивать маскировку из веток, прелой листвы и одной дохлой лисицы. В Варшаву мы вернулись уже в сумерках, но, тем не менее, произвели немалый фурор в окрестностях торговой галереи, вылезая из последней — четвертой или пятой из подбиравших нас — машины.

— Идем к тебе. Я должна привести себя в порядок, — сообщила Розалия. — Только ни на что такое не надейся. Даже и не пытайся. Завершим наше знакомство, как бы это сказать, нейтрально.

Я понял, что она из свойственного женщинам духа противоречия предлагает мне интимное приключение, и, хотя в волосах у нее запутались шишки, лицо было забрызгано грязью, а от одежды попахивало падалью, я не из тех, кого смущают подобные мелочи.

Глава 9. Такой холодный Май

Но, выйдя из ванной, моя экс-компаньонка не дала себе труда даже заглянуть в комнату. Я услышал короткое "мерси", а затем — красноречивый стук захлопывающейся двери. Удостоверившись, что Розалия действительно ушла, я вытащил из пиджака толстый бумажник, который еще несколько часов назад покоился в кармане плаща красавца блондина. Там обнаружилось множество пластиковых карточек, свидетельствующих о его мировоззрении и психофизическом состоянии ("я диабетик", "не даю согласия на пересадку органов", "моя группа крови AB Rh-", "в случае угрозы жизни позови ксендза"), а также абонемент в бассейн, проездной билет, карта постоянного клиента одной из столичных кофеен, карта "Виза" и семнадцать злотых. Однако больше всего меня заинтересовали водительские права и удостоверение личности. Я не питал иллюзий, что они укажут мне настоящий адрес владельца. Но они могли хотя бы пролить свет на его личность. Как выяснилось, документы принадлежали Иво Маю, и, судя по фотографии, Иво Май был именно тем блондином, который выдавал себя за Иво Мая. Адрес в удостоверении отсылал к какой-то сельской дыре. Вероятно, это была деревня дедушки Генека, но проверять я не собирался. Содержимое бумажника, несмотря на все бесспорные общепознавательные достоинства, не дало мне ни малейшей подсказки, где искать рокового красавца и его добычу. Я заглянул еще в почту, но Чупа ничего не прислал. Это могло означать, что: (а) он ничего не нашел, (б) он ничего не искал, (в) Алина Сопелькундель существовала исключительно в пропитанном алкоголем мозгу старухи из Гучина. Таким образом, если (г) Алина существовала и (д) имела что-то общее с Иво Маем, мне следовало (е) выяснить это самостоятельно.

Турагентство "Тур" (услуги на территории всей страны) находилось недалеко от одной из центральных улиц Праги и занимало скромных размеров помещение, обставленное в стиле позднего Герека[1]. Это была, по-видимому, намеренная стилизация, потому что барышня с фальшивой косой, обслуживавшая за конторкой пожилую пару клиентов, скорее всего, не помнила даже раннего Квасьневского[2]. На стенах висели рекламные плакаты "Польша — страна кабанов и капусты" и "Вар-

1. Эдвард Герек (1913–2001) — в 1970–1980 гг. первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.
2. Александр Квасьневский (р. 1954) — президент Республики Польша в 1995–2005 гг.

шава — северный Бухарест" вместе с большим портретом Славодоя Питулинского — прославленного на всю Европу дендролога, который доказывал, что homo sapiens neandertalensis не вымер, но принял христианство и стал поляком. Пользуясь тем, что мной никто не интересуется, я провел некоторое время, знакомясь с богатым ассортиментом предлагаемых турагентством услуг (экскурсии по следам Ноябрьского, Январского и Варшавского восстаний[1], гитлеровских и сталинских преступлений и паломничеств папы Иоанна Павла II). Просмотрел также предложения для любителей природы и узнал, что с "Туром" я могу поехать в любую, на выбор, пущу или на болота, чтобы предаться национальной страсти к сбору грибов или же более снобистским развлечениям — например, поджидать в четыре утра с двустволкой в руках и по колено в воде, пока мимо пролетит косяк серых гусей. Восхищенный безграничными возможностями отчего края и до скрежета зубовного охваченный чувством национальной гордости, я не заметил, как девушка зашла ко мне с тыла.

— Вы уже что-нибудь для себя выбрали? — коварно поинтересовалась она. Когда я обернулся, девушка оценила меня взглядом, после чего добавила: — Вы учитель. Угадала? Наверное, историк? У меня чутье на клиентов.

— Вы правы, — ответил я, снискав ее улыбку. — Но пришел я по другому вопросу. У меня есть бумажник, — сказал я, вынимая его из кармана.

— Битком набитый, — заметила она с удивлением.

— Это не мой, — поспешно пояснил я. — Я нашел его у входа. Может, владелец живет где-то поблизости...

— Вы хотите вернуть бумажник? — Она широко раскрыла глаза.

— Я рассчитываю на вознаграждение.

— А, поняла, — кивнула она, по-прежнему глядя на меня как на психа, только чуть менее буйного.

— Его владелец — Иво Май, — сказал я.

Девушка никак не отреагировала, даже глазом не моргнула.

— Посмотрите, пожалуйста, на эту фотографию. — Я протянул ей удостоверение Иво Мая. — Может, вы его вспомните?

— Точно, — закивала она с энтузиазмом, который частично передался и мне. — Этот парень живет в студенческой общаге.

1. Ноябрьское (1830–1831) и Январское (1863–1864) — восстания на отошедших к Российской империи землях бывшей Речи Посполитой за ее восстановление в границах 1772 г.; Варшавское — восстание против нацистских оккупантов (1 августа — 2 октября 1944). Все три восстания были жестоко подавлены.

Я покинул турагентство “Тур”, свернул в ближайшую подворотню и оказался у студенческого общежития. На проходной я снова воспользовался байкой о потерянном бумажнике, выдержал град колкостей и насмешек старика вахтера, зато без труда проник внутрь, обогащенный информацией, что Иво Май занимает комнату 317 на третьем этаже без лифта.

Комната 317 была обставлена в духе суровой экономии, характеризующей многолетнее отношение государства к образовательным нуждам граждан, и эксплуатировалась с той пренебрежительной бесцеремонностью, с какой граждане издавна относятся к государственной собственности. Итак, я увидел две продавленные тахты, старый шкаф и стол, заваленный конспектами вперемешку с пищей. Еще там было несколько стульев и пара кресел. Пол покрывал отслоившийся от плинтусов бурый в рыжую крапинку палас, который тут и там украшали дыры от окурков и пятна от всяческих соусов и прочих субстанций органического происхождения. На открытом окне колыхалась пожелтевшая занавеска. Этот фон, такой привычный, что я зафиксировал его почти подсознательно, не выдерживал конкуренции с персоной Иво Мая, который сидел в кресле у окна, уставясь прямо на меня. Его побледневшее лицо выражало немалое изумление.

— Ну что? — сказал я. — Не ждал меня, приятель? Сиди-сиди, не вставай, — добавил я, хоть он явно не имел такого намерения. — Достаточно, если скажешь, где лежит то, что тебе не принадлежит.

— Ха-ха, — ответил Иво Май.

— Я в отличие от тебя не люблю насилия. Предпочитаю методы, более соответствующие нашей эпохе всеобщей терпимости и триумфа прав человека. Шантаж, принуждение и подкуп. Начнем с последнего.

Иво Май многозначительно закатил глаза, но ничего не ответил.

Я продолжал:

— Можешь ничего не говорить. Выслушай лучше мое предложение. Я работаю на одного человека, с которым тебя свяжу...

— Ха-ха, — бесцеремонно вставил Иво Май.

Он уже начинал меня злить.

— Послушай, ты, паршивец! — Я подошел, схватил его за шиворот... и только тут заметил, что между полами рубашки на уровне живота торчит рукоятка ножа — обыкновенного такого, тупого ножа, каким мажут бутерброды, — а черная ткань брюк явно влажная. — Скажи, что это костюм на Хэллоуин, — попросил я, резко отстранившись.

— Ха-ха, — закашлялся он и возвел очи горе. Он уже мало что воспринимал из реальности. Похоже было, ему куда как ближе — я бы сказал, метафизически ближе, — День поминовения усопших.

— Не говори ничего, я знаю, что делать. Сейчас позову ксендза, — соврал я, чтобы его успокоить. Костела я тут нигде поблизости не видел.

Упоминание о ксендзе словно отрезвило Мая. Взгляд его сделался напряженным, требовательным, горячечным, и он прошептал:

— Епископ... Епископа... Епископу...

— Друг мой, у тебя нет времени, чтобы выдвигать подобные требования.

— Я не хотел... — начал Иво Май и не закончил. Это были прекрасные слова — такие простые и универсальные; любому из нас хотелось бы вымолвить их перед смертью.

Я поспешно закрыл Иво Маю глаза, чтобы не видеть в них того угасающего света, о котором столько говорят в фильмах и пишут в книгах, и посвятил следующую минуту или две лихорадочным попыткам вспомнить хоть какую-нибудь молитву из тех, которым нас учили на уроках религии — то есть меня учили, все прочие дети молитвы уже знали: наверное, выучили в церкви, а может, даже и дома, но я жил в семье атеистов, антиклерикалов и святотатцев, которые велели мне ходить на эти уроки, чтобы не выделяться. Я, впрочем, тоже не хотел выделяться, только как-то оно не получалось. Может, я просто слишком старался? Скорее всего, у меня отсутствовало чутье, которое приходит с опытом: я даже на самых обыкновенных похоронах и то ни разу в жизни не был, хотя мы с дядей и ждали этого с большой надеждой, когда тетка купила мне костюм, попрощалась с нами и пошла в больницу, но, увы, она пережила и эту печальную превратность судьбы. Впрочем, у меня сложилось впечатление, что мои старания все-таки помогли покойному, который хотел столь благочестиво проститься с этим миром; как бы то ни было, самому мне они точно помогли, и хотя я по-прежнему ощущал дискомфорт, находясь в одном помещении с человеком, испустившим дух при неестественных (а для меня — еще и отягчающих) обстоятельствах, но уже мог спокойно заняться своей крысиной работой. Итак, я начал торопливо и беспорядочно (не от страха, а по привычке) перетряхивать комнату Иво Мая. Однако же ничего не нашел. То есть не нашел “Шоу лжецов”, зато обнаружил другие занятные вещи: две машинописные рукописи под заглавием “Признание Эвелины” (одна сверху, другая в ящике), четверть шоколадки “Ведель” с малиновой начинкой, которую я тут же съел, а также

мерзавчик с красно-оранжевой жидкостью, обозначенной на этикетке как “Рябиновая настойка”. И когда я совсем уже собрался проверить, не врет ли этикетка, послышался деликатный стук в дверь.

Глава 10. Инцидент в кафе “Каприччо”

Я рефлекторно завинтил крышечку и спрятал бутылку в карман. Потом выглянул в открытое окно. Оно находилось в торцевой стене, но оборванный громоотвод развевался в ночной тьме недостижимо далеко. До земли было три этажа, причем первый — довольно высокий; никаких шансов улизнуть этим путем.

Стук послышался снова, на сей раз громче, настойчивее. Я схватил одеяло и закутал Иво Мая до подбородка, надеясь, что выиграю так немного времени, а сам спрятался в шкаф. Пол был чуть наклонный, и дверцы за мной закрылись, оставив узкую щелку — ровно такую, чтобы я мог наблюдать за тем, что происходит снаружи. Едва я там устроился, в комнату вошла Серая Мышь. Никак иначе назвать ее было нельзя. Это была на редкость непримечательная особа, без единой черточки, благодаря которой могла бы запечатлеться в мужской памяти. Среднего роста, со среднего размера бюстом, волосы ни длинные, ни короткие — о цвете я даже не говорю. Наряд делал ее похожей на неряшливую, несколько старомодную секретаршу, а большие дешевые очки придавали лицу выражение наивности и легкого испуга.

Девушка огляделась. При виде Иво Мая, чье лицо с идеально правильными чертами, еще совсем недавно такое пустое, теперь, изборожденное следами страданий, стало почти прекрасным, Девушка-Мышь поправила очки и обреченно вздохнула. Подошла к убитому, приложила ему два пальца к шее, после чего откинула одеяло и устремила взгляд на нож в животе. С минуту она как будто размышляла, а потом вытерла рукоятку своим шарфиком цвета мартовской слякоти. Проделав это, она оставила покойника и переключилась на комнату. Вынула из сумочки перчатки, надела их и принялась не без сноровки рыться в бумагах, которые лежали на столе, под столом, на кровати, под кроватью, на подоконнике и еще в нескольких местах. Почти сразу же она наткнулась на “Признание Эвелины”, однако пролистала рукопись без всякого интереса и положила на место. Судя по решительности, с какой она заглядывала в мусорную корзину и под кресло, под палас и под батарею, за кровать и под кучку грязных носков, я не тешил себя иллюзиями, что мое присутствие останется незамечен-

ным. Однако прежде чем очередь дошла до меня, раздался телефонный звонок. Девушка вытащила мобильник, выслушала, что ей сказали, и буркнула без особого энтузиазма, слегка картавя: "Хогошо". Убрала телефон, огляделась, подошла к шкафу и открыла дверцу.

Я был к этому готов психологически, но не вербально, поэтому следующие несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, она в панике, я — немного растерянно. Когда я наконец собрался с силами, чтобы вылезти и что-нибудь сказать, Серая Мышь захлопнула дверцу у меня перед носом и выскочила из комнаты. Я двинулся за ней. В коридоре она внезапно исчезла в одном из боковых помещений. Не успел я туда добежать, как на меня налетела пожилая тетка — одна из тех отважных дородных валькирий, которые в своем шествии по миру сметают все, что встает у них на пути.

— Смотри, куда идешь, молодой человек! — рявкнула она, обрушив мне на грудь свой бронированный бюст. Излишняя вежливость не позволила мне защищаться, а потому я выждал, пока она изольет свой гнев и отчалит к иным портам, краем глаза наблюдая за дверью, за которой скрылась девушка. Там была кухонька с одним-единственным выходом. Когда я к нему подлетел, Серая Мышь как раз выходила. Я схватил ее за руку, но она умудрилась выскользнуть. На лестнице я ее обогнал и, выждав, пока она миновала проходную, спросил вахтера, кто эта прекрасная дама. И выяснил, что это новый соцработник, а я либо слепой кретин, либо слепой крот. Поблагодарив вахтера за информацию, я выскочил наружу и поймал Мышь перед общежитием.

— Караул! — завизжала она. — Грабят! — А точнее: "Ка'аул! Г'абят!". Потому что с перепугу полностью утратила способность выговаривать "р".

Было уже совсем темно. Мимо нас прошмыгнули несколько бледных теней, скорее всего, студентов, а из бара напротив выглянула пухленькая дамочка и тут же юркнула обратно. Улица опустела. Однако не стоило исключать, что кто-то, надежно укрытый от моего взора, схватит в приливе отваги мобильник и позвонит в полицию.

— Не валяй дурака, женщина, — быстро сказал я. — Я всего лишь хочу поговорить о книге.

— О чем поговорить? — Она уже справилась с "р" и перестала вырываться.

— О том самом, — ответил я. — Я знаю здесь неподалеку тихую забегаловку. Ну что, поболтаем?

На ее лице отразилась трагическая нерешительность, как написала бы Халина Ментиросо. Наконец она кивнула. Возмож-

но, Серую Мышь убедила моя презентабельность, неотразимо действующая, насколько я знаю, на женщин такого типа. А может, очаровала решительность — одно из обширного диапазона моих суперменских качеств. Так или иначе, я покрепче сжал ей локоть, на случай, если моя мужественность окажется не столь магнетической, как я уповаю, и потянул девицу за собой.

Мы прошли несколько подворотен, закоулков и узких улочек и через добрых полчаса быстрого марша оказались в забегаловке с экзотическим названием "Каприччо", куда я не заглядывал с отроческих лет и теперь с легкой грустью наблюдал перемены, которые неумолимый бег времени оставил на изысканном некогда интерьере и на постоянных посетителях. Я не спешил начинать разговор, выжидая, пока до нас доползет черепашьим шагом официантка с прической и макияжем а-ля шестидесятые. За это время Серая Мышь успела воспользоваться туалетом: я милостиво ее туда отпустил, зная, что окон в кабинках все равно нет, а дверь у меня под наблюдением.

— Привет, малыш, что заказываем? — поинтересовалась с интимной хрипотцой официантка, добравшись наконец до нашего столика.

— Пиво? — спросил я Серую Мышь.

— Кофе, — ответила она.

— Два эспрессо, — повернулся я к официантке. Та с минуту сражалась с ручкой и блокнотом, наконец кивнула и поплыла дальше.

— Ну и о чем вы хотите поговорить, пан... — Серая Мышь сделала паузу.

— Сякий. Робаль Сякий.

— Это ты прикончил того беднягу?

— Сама знаешь, что не я, иначе зачем было стирать с ножа отпечатки пальцев? Могу только догадываться, кого ты выгораживаешь. А вот как тебя зовут, догадаться не могу. Если скажешь свое настоящее или даже вымышленное имя, это здорово облегчит нам разговор.

— Ирмина. Сокращенно — Ина, — произнесла она, смерив меня острым взглядом.

Мы замолчали, увидев официантку, которая летела в нашу сторону, отчаянно жонглируя подносом.

— Спасибо вам большое, хотя коньяк мы и не заказывали, — проговорил я.

— Коньяк — это мне, — объяснила официантка. — Вместо чаевых. Ты что-то имеешь против? — Я поспешил сказать, что нет. — С вас семнадцать злотых. Кредитки не принимаем. — Пока я выгребал монеты, официантка осушила рюмочку. —

Вот ведь, мать твою, ни гроша лишнего, — заявила она, пересчитав деньги. — Ну и скупердяи. — И удалилась.

— У меня осталось полчашки кофе, а у тебя только окурок на дне, — сказал я Ине. — Может, поменяемся?

— Я, пожалуй, закажу что-нибудь покрепче, — решила она.

При мысли о предстоящем общении с официанткой ко мне вернулась память. Я вытащил из кармана мерзавчик с настойкой и протянул своей спутнице. Она отказалась, и тогда я сам, чтобы доказать чистоту намерений, сделал солидный глоток. Серая Мышь понаблюдала за мной пару минут и, убедившись, что чувствую я себя не просто хорошо, а даже лучше прежнего, просветлела и взяла у меня рябиновку.

— Классно, — одобрила она, отхлебнув из бутылки, и благосклонно на меня посмотрела. — Ну и что ты хотел мне сказать?

— Будем говорить прямо. Оба мы, чего уж скрывать, ищем одну и ту же книгу. Оба хотели ее сегодня заполучить, но кто-то нас опередил. Кроме того, не подлежит сомнению, что мы конкуренты. Не знаю, на кого работаешь ты, да это и не важно. Я в любом случае намерен сохранить имя заказчика в тайне. За соответствующую цену я в состоянии вообще о нем забыть, равно как и о том, что мы с тобой встретились при столь подозрительных обстоятельствах. — Я умолк, дав ей возможность спокойно поразмыслить над моими словами.

— Ты хочешь сказать, что готов выйти из дела? — спросила она.

— Ровно наоборот. Хотя это ничего не изменит: не я — так другой. Но я намерен раздобыть эту книгу и очень скоро это сделаю. Вопрос только в том, кому я ее отдам.

— Ты мерзкая продажная свинья, — заявила девушка.

— К тому же не слишком дорогая, — заверил я ее.

— Боже, во что я ввязалась! — простонала она. — Два трупа, пропавшая книга, а теперь еще и ты. И зачем, зачем? Ведь он меня даже не замечает!..

Ина достала бумажный платочек и зарыдала в голос, обливаясь слезами и хлюпая носом, а когда немного совладала с этим паводком, влила в себя изрядный глоток рябиновки, чтобы восстановить уровень жидкости. Я воспринял это оптимистически, полагая, что теперь ее проще будет смягчить. Серая Мышь интерпретировала мой взгляд как предложение дружбы и плеснула рябиновки мне в кофе, чтобы я (как она заявила) не остался внакладе, потому что (добавила она), если она присосется к бутылке, то (она обезоруживающе улыбнулась) не остановится, пока не увидит дна. Когда Мышь наконец успокоилась, из ее уст полился поток горьких слов, откуда я надеялся выловить жирных форелей — нужные мне факты.

— Я знаю, что мало кому кажусь привлекательной, — начала она. — Полностью отдаю себе в этом отчет. Я всегда умела сдерживать свои чувства, чтоб не страдать попусту. И у меня это очень даже неплохо получалось, пока я не встретила Его... Нет, лучше, наверное, начать с того, что я секретарша экстра-класса. Свое дело делаю идеально, но претендую на большее. Только какой шеф захочет каждый день лицезреть огородное пугало? — Она вздохнула и отпила глоток. А глоток у нее был — ого-го какой! — Работу я искала недолго. Сразу наткнулась на издательство "Гарцовник-эдиторс" и обрела там тихую гавань. Издательство маленькое, семейное, обслуживает только одну авторицу. Но работы у меня все равно много: директор вообще не разбирается в прозе жизни, а его мамаша, будучи там всем понемногу и никем конкретно, испытывает болезненную робость перед техническими новинками — так она называет все, что появилось после тысяча девятьсот шестидесятого года, включая людей. Я с самого начала видела, что работа эта унизительная. Я ведь прекрасно понимала, кому служу: Халина Ментиросо — оптовая производительница ширпотреба, сочинительница бесплодных иллюзий... Сначала я думала уйти оттуда, как только подыщу себе другое место, — продолжила она после очередного глотка. — Но все больше убеждалась, что фирма держится на мне одной, и только это гарантирует спокойствие ее владельцу. А скоро я выяснила, почему такой умный, тонкий и достойный мужчина выпускает в свет такую пошлятину. Он делает это только для того, чтобы ни духовно, ни материально не зависеть от мирских забот и сосредоточиться на единственном, что для него реально важно: на создании шедевра. Часами сидит у себя в кабинете, а из-за запертых дверей слышится яростный стук по клавиатуре, прерываемый лишь звуком его шагов, когда он отодвигает кресло и ходит, ходит от окна к окну. Я старалась ему ненавязчиво помогать и надеялась, что когда-нибудь он это заметит. А ведь я могла бы делать гораздо больше. Могла бы снять с его плеч бремя повседневности, завязывать ему галстуки и подавать носки, стирать рубашки и мыть тарелки, вытирать пыль и вытряхивать пепельницы, оплачивать счета и подавать рекламации, ловить и записывать на маленьких желтых карточках его гениальные мысли.

— Но у него ведь была жена, — бестактно заметил я.

— Жена не стена, если это любовь, — с достоинством парировала Ина. И тут же добавила, проницательно на меня поглядев: — Ну да, понятно. Ты, наверное, думаешь, что это я ее прикончила?

— Во всяком случае, тебе это было бы на руку, — осторожно заметил я.

— Теоретически — да, — ответила она. — Что уж тут говорить: я по Халине не плакала. Думала, Славек воспримет ее смерть с облегчением. Я же знаю, как они друг друга ненавидели. Их объединял общий бизнес, а все остальное — разделяло. Но Славек будто сломался. Он уже даже не пишет. Часами расхаживает по кабинету, стоит то у одного окна, то у другого, смотрит в стену, пьет кофе чашку за чашкой, ворчит на маму, теребит подбородок... ведет себя так, будто полностью потерял почву под ногами.

— Из-за "Шоу лжецов"?

— Это единственное объяснение!

— Но тебе он этого не говорил?

— Мы обсуждаем только рабочие вопросы, — ответила Ина. — Он... он меня вообще не замечает. Я хотела что-нибудь эдакое для него сделать, показать, что он может на меня рассчитывать в любой ситуации, невзирая на последствия...

— И поэтому стерла с ножа его отпечатки пальцев?

— Я пришла, чтобы забрать книгу. Но он оказался проворнее. Надеюсь, ему удалось... Книги там уже не было, ты ведь ее не нашел. Иначе мы бы с тобой тут не сидели, верно?

Я кивнул. Внезапно мне кое-что пришло в голову.

— Там в общежитии была одна женщина... Налетела на меня в коридоре. Это от нее ты спряталась в кухне?

— Это была его мамаша. Она меня не выносит, травит... Не хотелось, чтобы она меня там увидела.

— Одного понять не могу. Откуда вы узнали, что у Мая должна быть рукопись? Откуда вы вообще про нее узнали?

— В такой фирме, как наша, ничего не скроешь. Я, совсем того не желая, подслушала несколько разговоров с параллельного аппарата... Халина пару раз звонила Славеку. Спрашивала, решил он уже что-нибудь или нет. Какие-то дурацкие были разговоры, странные. С недомолвками. Трудно было что-либо понять. Но потом позвонил еще Пальмистер, Лонгин Пальмистер, старый друг Славека, и сказал, что если они не сделают этого вместе, то пусть Славек и не думает, что сумеет выпустить книгу. Мамаша Славека сидит в комнате рядом с его кабинетом, там тонкая картонная стенка, и все слышно. После того разговора она его напрямую спросила, что означают эти звонки, ну и он кое-что ей рассказал. Хотел успокоить. Обещал, что все уладит и все будет хорошо. Но она же мать, а мать не обманешь. Она только еще сильнее разнервничалась, хотя и не подавала виду. И я тоже. Поэтому, когда сегодня этот паренек позвонил в издательство со своим предложением, мы решили помочь Славеку, каждая на свой страх и риск. Славеку еще надо было пойти в банк. Этот Май потребовал какую-то неслыханную сумму наличкой. Мамаша вышла сразу после Славека, а я еще позже. Я знала, что все

равно ее опережу. Будь хоть пожар, хоть потоп, она ездит только на общественном транспорте, так как имеет право на бесплатный проезд. Я думала, успею раньше Славека, но... что поделаешь, я езжу на такси, а у него своя машина. Не удалось мне его уберечь от бессмысленного преступления. — Она всхлипнула.

— Не расстраивайся. Может, оно и не бессмысленное, — утешил я ее и надолго задумался. Чем-то меня напрягла эта беседа Пальмистера с Гарцовником. Что-то тут не сходилось. Но я никак не мог собраться с мыслями. Почувствовал вдруг, что в зале страшно душно, и спросил у Ины, нет ли у нее подобного впечатления.

— Боже мой! — испугалась она. — Ты как-то странно выглядишь. Сиди спокойно, я схожу за водой.

— Только не из туалета, — с трудом выдавил я, проваливаясь в темноту.

Глава 11. Напарница приходит ночью

Я стоял у окна своей квартиры, беспокойно вглядываясь во мрак улицы.

Примерно полтора часа назад я очнулся на полу в кафе "Каприччо", в том же месте, где упал. Пролежал я там часа четыре, и никто этим не заинтересовался. Есть еще заведения, где уважают неприкосновенность частной жизни. Серой Мыши не было ни рядом со мной, ни в туалете, ни в одном другом закутке этого заведения. Имела ли она какое-то отношение к моему обмороку, или все дело в шоколадке с малиновой начинкой? Почему Серая Мышь сбежала? Может быть, с ней тоже что-то стряслось? Должен ли я ее разыскивать? И вообще, зачем мне все это нужно?

Вернувшись домой, я проверил почту. Чупа написал, что Алина Пофигель, в девичестве Сопелькундель, проживает в Елёнках[1], но уже как минимум двое суток находится в одной из столичных больниц со сломанной ногой и подозрением на сотрясение мозга. Я поборол искушение отправиться к ней немедля и силой вырвать нужную информацию. Подождем до завтра — сломанная нога, надо думать, так быстро не заживет. Я потянулся за ежедневником Халины Ментиросо — тем самым, который стянул с ее письменного стола, — и приступил к скрупулезному изучению. Жизнь Халины не изобиловала яркими событиями. Каждую вторую среду она посещала парикмахера, а каждую другую вторую среду — косметичку. В на-

1. Район на окраине Варшавы.

чале года каждую пятницу ходила к гадалке Доминике, но под конец февраля отказалась от ее услуг. Время от времени, примерно два раза в месяц, у нее бывали встречи с читателями — в таких случаях она рисовала рядом с датой череп со скрещенными костями. Плюс десятка два визитов в налоговое управление. В паре мест стояли большие буквы И и А, а в одном — день рождения дочери. В июле Халина уезжала отдыхать, а в сентябре удалила родинку на бедре. Под датой 18 ноября была записана встреча с Пальмистером, а 20-го — с Гарцовником. О записи, касавшейся меня, я уже упоминал.

Список телефонов не принес ничего, чем я мог бы похвастаться перед читателями, но, когда я просматривал визитки, там оказалась карточка, на которой значилось "А. А. Ковальский и детективы. Тысяча услуг, никаких вопросов" и имелся дописанный рукой моего дяди номер его мобильника.

Я попытался собраться с мыслями. Получалось с трудом, но через каких-то десять минут в голову кое-что пришло. Перевернув всю квартиру, я обнаружил несколько предметов, о наличии которых даже не подозревал, однако в моих планах они могли пригодиться. Это были: добротный, почти новый кожаный чемодан, золотой перстень с печаткой и серебряная медаль с московской Олимпиады. Прихватив с собой все это добро, я поднялся этажом выше, где проживал некто Станислав Пумский, один из самых загадочных моих соседей. Мужчина средних лет, довольно интересный, всегда с прямой осанкой, стопроцентно трезвый и знакомый с основами savoir-vivre[1]. Он мог с равным успехом быть агентом спецслужб, звездой рекламы или достойно стареющим героем-любовником в одном из популярных сериалов. Я никогда не вникал, на что он живет, но его работа наверняка была не слишком утомительна: спал он до полудня, имел ухоженные руки, допоздна принимал гостей и редко выходил из квартиры. Может, он был писателем?

Когда я позвонил, Пумский открыл мне, облаченный в полосатую пижаму, которая была ему очень к лицу. Не вдаваясь в излишние подробности, но апеллируя к его козырным качествам: представительной внешности, безупречному образу жизни и светским манерам, расцвечивая свою речь самыми изысканными оборотами, какие я был в состоянии выудить из закутков памяти, куда они попали не иначе как из телевизора (поскольку в иных сферах, где можно бы этого нахвататься, я не вращаюсь), я предложил ему приключение в шпионском стиле — тем самым он скрасил бы свой размеренный быт, а за-

1. Хорошие манеры (*франц.*).

одно снискал мою вечную признательность, символически выражаемую одной из семейных реликвий (тут я продемонстрировал чемодан, медаль и перстень). Когда он поднял левую бровь, я счел это признаком сдержанной заинтересованности и посвятил его в свой дерзкий план. Пумский ненадолго задумался, после чего выразил согласие. Он был человеком весьма любезным, а такие из принципа никому не отказывают.

Вернувшись вниз, я увидел в свете десятиваттной лампочки худенькое существо в куртке с капюшоном, надвинутым чуть ли не до подбородка, с потрепанным рюкзачком, перекинутым через плечо, в джинсах и кроссовках. Существо источало благоухание розовых бутонов и исступленно колотило ногой в мою дверь.

— Привет, Розалия! — воскликнул я с притворным удивлением. — Что ты тут делаешь?

— Ты собрался валить! — воскликнула она, показывая на чемодан.

— Решил, что я круче всех, и вернулся. — Я поднял с пола кресло и указал на него Розалии. Розалия вытащила из рюкзачка две банки пива, одну благородно протянула мне. Не хотел бы в глазах читателя сойти за растяпу, но я отказался. У меня до сих пор раскалывалась голова, а перед глазами вращались кровавые отбивные, с которыми я даже не пытался бороться, зная, что это продукт моего измученного воображения.

— Не успела тебе сказать, — произнесла она с наглой невинностью, будто хоть когда-нибудь намеревалась рассказать о том, чему я сам не был свидетелем. — Иво Май у меня отобрал не "Шоу лжецов". Я взяла из квартиры Гарцовника последний роман Халины. В названии было имя Эвелина... В жизни не читала ни одной книги Халины Ментиросо, но Пальмистер так ее разрекламировал, что я решила прочесть хотя бы одну. Наверное, Иво Май разобрался, что отнял не то, подумал, что я его провела, вернулся к дедульке, обнаружил, что мы сбежали, и теперь снова попытается нас похитить, чтобы вытянуть, где мы спрятали книгу.

Я переваривал эти новости довольно долго, после чего ответил решительно и даже с некоторым удовлетворением:

— Почему Иво Май сразу не сообразил, что забрал не то, что нужно? Он думал, наивный дурачок, что речь идет о самом новом романе Халины Ментиросо. Предположим, он действовал по чьему-то поручению, и этот кто-то не посвятил его во все детали. Когда Иво доставил не ту рукопись, заказчик велел вернуться за нами. А времени у Иво Мая было не слишком много, потому что уже около шести вечера он окочурился...

— Что? — Розалия потрясенно вытаращила глаза.

— Умер, упокоился, отдал Богу душу. Скончался у меня на глазах.

— Но как?..

— Как я его нашел? Сейчас расскажу, и ты сможешь беззастенчиво мною восхищаться. Когда Иво Май нарушил неприкосновенность моей личности, я стащил у него бумажник...

— Как он умер? — перебила Розалия. — Попал под поезд? Подавился сливой?

— Кто-то всадил ему нож в живот. И, скорее всего, — не он сам. Так или иначе, этот несчастный идиот до самого конца не догадывался, что раздобыл не тот роман, за который идет игра. Он связался с Гарцовником и попытался эту рукопись ему загнать.

— Выходит, его убил Гарцовник?

— Все указывает на это. Думаю, Иво Май хотел сторговаться с обеими сторонами и потому сделал ксерокс "Признания Эвелины". Не знаю, зачем он в первую очередь связался с Гарцовником. Может, по случайности, а может, и хуже: по ошибке.

— Но почему Гарцовник убил Иво Мая? Судя по рассказу Пальмистера, у этого парня нехилые психические отклонения.

— Даже святой может иногда психануть, — ответила Розалия так уверенно, будто имела с вышеозначенной категорией хоть что-то общее. — Наверное, Гарцовник попытался вытянуть из Иво Мая, где "Шоу лжецов", угрожал ему ножом и слегка переборщил. Думал, что Иво Май крутого из себя строит, а этот бедолага попросту ни во что не врубался...

— В таком случае следует предположить, что мы имеем дело с двумя убийцами: один прикончил Халину, а другой — Мая. Потому что если Гарцовник приехал к Иво Маю за книгой, значит, у него ее не было. А если ее у него не было, то это не он прикончил Халину, иначе бы сразу книгу украл, ergo[1] — она бы у него была. Хотя... хотя, возможно, он боялся, что существуют два экземпляра. Гарцовник убил Халину и украл один из них. Потом ему позвонил Иво Май, и выяснилось, что есть второй. Гарцовник, понятное дело, хотел его заполучить. Не имея никаких гарантий, что Иво Май, понимая, какая ценность у него в руках, не скопирует книгу, Гарцовник решил его убить, обыскать комнату, добраться до тайников, через подставных лиц выспросить все, что можно, у его приятелей, и так далее, и так далее. Но зачем он убил, если "Шоу

1. Следовательно (*лат.*).

лжецов" у этого идиота не было и он даже толком не знал, что это такое?

— У Гарцовника нет ни одного экземпляра рукописи, — заявила Розалия. — Я все тщательно обыскала. У меня было достаточно времени, чтобы ничего не упустить.

— Верю, но ты не учитываешь, что он мог ее спрятать в собственном издательстве.

— Мог — но не спрятал. Я провела там полвоскресенья и утверждаю это с полной уверенностью.

Я изумленно на нее посмотрел. Розалия гордо улыбалась.

— В таком случае, если она у него и есть, то только в банковском сейфе, — сказал я. — Поскольку из-за нее погибли два человека, мне это не кажется излишней предосторожностью, так — легким безумием. Трудно себе представить, чтобы Халина сотворила бестселлер, сравнимый с Библией или "Гарри Поттером"...

— Тут совсем в другом дело, — сообщила Розалия. — В квартире Гарцовника я нашла письмо. Я его не взяла, но переписала слово в слово. Посмотри...

Она открыла рюкзачок и вытащила оттуда сложенный вчетверо лист бумаги, исписанный неверной рукой:

Привет, писака!

Прежде чем выбросить эти странички в корзину, прочитай их внимательно. Ты будешь поражен. Не потому, что для тебя это что-то новое. Совсем наоборот. Ведь это — твоя жизнь.

То, что я тебе прислала, — лишь одна из глав моей новой книги. Она называется "Мой дорогой муж". Если захочешь книгу опубликовать, сможешь эту главу выбросить. Чтобы побудить тебя к самому серьезному рассмотрению моего предложения, отправляю аналогичную главу нашему дорогому другу П. Она называется "Мой дорогой друг П.". Можешь догадаться, что я там написала, но все равно это будет только малая часть того, что есть в книге. Я хорошо подготовилась к битве. Выиграет ее один из вас двоих. И я. Все будет совсем не так, как было до сих пор.

Без ложных нежностей,

Х.

— Выходит, мы имеем дело не с художественной литературой, а с высокохудожественным шантажом! — воскликнул я. Теперь разговор между Пальмистером и Гарцовником, который подслушала Ина, обрел новый смысл. Пальмистер хотел сделать что-то вместе с Гарцовником — он надеялся, что один из них купит книгу, но не издаст ее, а уничтожит, чтобы спасти обоих. Однако Гарцовник не пошел на соглашение, воз-

можно, потому, что не доверял старому другу, а может, просто-напросто его не любит и не желает играть ему на руку.

— Это было самое настоящее письмо, не напечатанное, а написанное от руки на самой настоящей почтовой бумаге! — восторгалась тем временем Розалия. — Я ничего такого еще ни разу не видела!

— Халина специально отправила его Гарцовнику на домашний адрес, а не в издательство, чтобы оно не попало в руки кому-нибудь постороннему, — размышлял я вслух. — Посылать мейл она бы не стала: побоялась бы, что прочтет секретарша. Как я понимаю, главу под названием "Мой дорогой муж" ты не нашла?

Розалия с непритворным разочарованием покачала головой.

— Теперь нам понятно, почему Пальмистер был так уверен, что, кроме него и Гарцовника, ни один издатель о книге не знает, — сказал я. — Халина писала амбициозную тягомотину, которую никто не хотел печатать. В очередном таком опусе она замыслила ловкий шантаж, чтобы вынудить либо Пальмистера, либо Гарцовника его издать. Она была уверена, что настоящий читатель, когда получит в руки эту книгу, наверняка оценит ее по достоинству. И может, даже была права, но Пальмистер ее оптимизма не разделял. Он с самого начала хотел уничтожить "Шоу лжецов". Специально сказал нам, что это гениальное творение, чтобы мы туда не заглядывали. Это объясняет, почему он укрылся в норе, доставшейся от двоюродного деда. Трясется со страху, что его грязное белье выплывет на свет божий неизвестно как и где. А Гарцовник так психует, что расхаживает от окна к окну и переживает творческий кризис, хотя должен бы прыгать от радости, что стал вдовцом...

Поскольку Розалия выразила удивление, откуда мне так хорошо известно душевное состояние Гарцовника, я описал ей свои дальнейшие приключения, начиная со встречи с Серой Мышью и заканчивая тем, как я свалился под стол в кафе "Каприччо". Она секунд десять сдержанно мне сочувствовала, а потом предложила не забивать себе больше голову вопросом, кто убил (ни тем более — кто меня одурманил), а подумать о том, где искать книгу.

Глава 12. *Очень плохая книга, олимпиец и секретарша*

Красивый молодой человек, к тому же еще и граф, по имени Бернард искал себе жену. Он не жаждал идеала. Не ждал люб-

ви. Он рассчитывал на большое приданое, которое помогло бы ему восстановить пришедшее в упадок родовое гнездо, разоренное отцом — распутником и повесой. И уже присмотрел нескольких не слишком толстых, не слишком глупых и не слишком уродливых девиц, чьи отцы мечтали породниться с хорошей семьей, пусть даже жених и гол как сокол. Бернард решил, что одна из них станет его женой. Его кредиторы не могли этого дождаться. В один прекрасный день приятель и заодно сосед Бернарда взял нашего героя в гости к своей кузине Матильде. Это была исполненная очарования девушка немалой красоты, благородного происхождения и с солидным приданым, у которой имелся единственный недостаток: она не выказывала ни малейшего желания выйти замуж, хоть и приближалась к возрасту старой девы. Толпы обожателей безуспешно пытались заставить неприступную красавицу изменить решение, причина которого была ее скорбной тайной.

Красота Матильды, ее обаяние, остроумие, ум, здоровые зубы, тонкие лодыжки и белые ручки так взволновали несчастного Бернарда, что не прошло и недели, как он угодил в сети безнадежной любви, и тут же, испугавшись, собрался уехать. Но на прощание Матильда внезапно сделала нашему герою необычное предложение. “Ты, — молвила Матильда (говорила она долго, но я перескажу коротко), — красивый мужчина и джентльмен, но, несмотря на все свои достоинства, не можешь считаться хорошей партией. Всем известно, в каком состоянии твое имение. Мое приданое могло бы поставить тебя на ноги. Предлагаю тебе соглашение, эвфемистически именуемое браком. В глазах света оно будет для тебя невероятно привлекательным, но ты должен знать, что и у меня имеется некий изъян, о чем я должна честно тебе поведать: в моей жизни уже был мужчина. Говоря напрямую, ты жених без денег, а я невеста без девичьей чести. Если примешь меня, не задавая вопросов, мы создадим великолепный союз”. Сначала их брак был лишь игрой на публику, однако постепенно десятки мелких повседневных забот так сблизили супругов, что в один прекрасный день Матильда объявила, что беременна. Бернард был счастлив, но тут кузен Матильды и Бернардов друг дал ему понять, что тоже считает себя отцом in spe[1] этого самого ребенка in spe. Матильда все отрицала и клялась в верности мужу. Однако Бернард ее покинул, а Матильда в надлежащее время родила двойню и умерла.

Прошло четыре года, и Бернард снова надумал жениться. Его избранница была некрасива, набожна и молчалива, а стало быть,

1. Будущим (*лат.*).

уют семейного очага был ему обеспечен. В тот день, когда он устроил прием по случаю помолвки, приехала сестра Матильды вместе с Матильдиными детишками. Какова же была его радость, когда он обнаружил у детей характерные фамильные черты, такие же, как у него самого, его отца, деда и прадеда. Однако сестра Матильды заявила, что никогда не оставит детишек отцу, которого они не знают, и мачехе, которая производит впечатление недоразвитой. Бернард счел решение свояченицы несправедливым, но не смог удержаться от сравнения с нею своей невесты. Когда же, полушутя, сказал, что его женой скорее должна была бы стать сестра Матильды, та ответила, что ни о чем другом не мечтает с той поры, как впервые его увидела. И в тот же миг наш герой понял: именно она, та, которую он прежде не замечал, лучшая из сестер. Что же ему еще оставалось, кроме как исполнить желание этой упорной и злоехидной, верной и жертвенной и при всем при том прекрасной девушки? Однако сперва надлежало выпутаться из предыдущих обязательств. Поэтому он распустил слухи, что якобы масон, атеист и скрытый дарвинист. Богобоязненные родители невесты сами лишили его чести пойти с ней под венец, благодаря чему сиротки обрели отца, сестра Матильды — мужа своей мечты, Бернард — покой и счастье, а я дотянул до рассвета и до конца книги.

На следующее утро, где-то около двенадцати, меня разбудил яростный стук в дверь. Я обернул голову мокрым полотенцем и пошел открывать.

— Чего вы так колотите в дверь? — буркнул я Станиславу Пумскому.

— Я стучал нормально, вот так. — Он согнул палец и продемонстрировал.

— Прекратите!

— Вы больны? — спросил он с вежливым участием.

— Слишком долго читал ночью.

— Если книга паршивая, последствия могут быть плачевными, — нравоучительно изрек он. — Я возвращаюсь от вашего дяди.

Я выразил удивление, что он обернулся так быстро, пригласил его войти, извинился, что нечем угостить, и попросил рассказать о результатах визита.

— В половине одиннадцатого я посетил контору вашего дяди. Обстановочка там, надо сказать, прямо как в хорошем ужастике. К сожалению, ваш дядя портит весь эффект своим присутствием. Я воспользовался визиткой, которую мне за полчаса до того вручил один из начинающих сотрудников канцелярии "Малиновский и Глыдр", и представился адвокатом и душепри-

казчиком пани Ментиросо. Сообщил, что нашел в ее записях информацию о некоем деликатном поручении, которая она дала агентству "А. А. Ковальский и детективы", но не обнаружил ни одного счета, доказывавшего, что она за это заплатила, хотя всегда была весьма скрупулезна. А потому я вынужден просить, чтобы агентство "А. А. Ковальский и детективы" прекратило работу над поручением пани Ментиросо, ибо результаты уже не послужат интересам клиента. Я пояснил, что хотел бы забрать все имеющиеся по данному делу материалы, а также выплатить все причитающиеся суммы согласно ставкам, оговоренным с пани Ментиросо. Ваш дядя сделал вид, будто усердно ищет информацию в своих блокнотах, ежедневниках и среди прочих записей, а также два раза звонил по номеру точного времени и повторял мою просьбу автоматическим часам. В конце концов он заявил, что по счастливому стечению обстоятельств поручение было выполнено не далее как вчера, после чего оценил его в сумму, от которой я чуть не начал кататься по полу в пароксизме смеха.

Тем не менее я согласился на этот разбой средь бела дня и предложил ему выслать счет в канцелярию "Малиновский и Глыдр". Ваш дядя исчез в чуланчике у себя за спиной, вынес оттуда серый конверт — вот этот — и вручил его мне. Когда мы, покончив со служебными обязанностями, расслабились, я спросил вашего дядю, хорошо ли он знал Халину Ментиросо. Дядя ответил, что до восемьдесят девятого года встречался с ней очень часто и, хотя она и портила ему показатели, искренне ее полюбил, потому что она была неплохая девушка. На этих встречах она пересказывала ему произведения мировой литературы, на чтение которых вашему дяде никогда не хватало времени. Сегодня он жалеет, что ничего из этого уже не помнит. Они не виделись больше десяти лет. В марте или апреле Халина пришла в агентство "А. А. Ковальский и детективы", узнала вашего дядю, и это показалось ей настолько забавным, что она сразу же предложила ему заняться ее поручением. Сдается мне, она верила в его изрядную компетенцию и моральные устои. Кстати сказать, вы знаете, что по-испански значит "Ментиросо"?

— Не знаю, — холодно ответил я.

— Лгунья, — самодовольно объяснил Пумский.

Из всей этой речи я сделал вывод, что мой сосед любит щегольнуть инициативой, что он болтун, зазнайка и вообще негодяй и страшный проныра. К счастью, внешность и речь Станислава Пумского в комплекте с визиткой канцелярии "Малиновский и Глыдр" произвели на дядю столь сильное впечатление, что он изъял аутентичные материалы из своего личного архива, где хранились копии всех дел, которые вело

наше агентство, хотя, как мне кажется, закон это запрещает. Дядя, наверное, подумал, что Халинин адвокат прекрасно знает, какого рода поручение она доверила нашему агентству, а поскольку хотел получить на этом еще какие-то деньги, помимо тех, что вытянул из Халины Ментиросо, то не мог слишком грубо дурачить почтенную канцелярию.

Итак, в конверте лежала пачка фотографий, запечатлевших двух мужчин: один из них, постарше, был в епископском облачении, а другой, ergo помоложе, — в куцем стихаре министранта, из которого вырос лет семь назад. Недогадливым читателям поясню, что, кроме литургического облачения, и то неполного, на них ничего больше не было. На оборотах фотографий значились даты и места свиданий, а также настоящие и вымышленные фамилии, которыми пользовались оба господина. В свете — или, скорее, во мраке — этих безобразий последние слова Иво Мая обрели совсем иной смысл. Я долго раздумывал, где бы получше спрятать сей прискорбный трофей, и в конце концов счел, что лучше всего подойдет альбом тетки Дзержищав. Засунул фотографии между страницами и положил альбом на кафельную печку. Потом выпил две таблетки аспирина, довольно безуспешно попытался привести себя в порядок и вышел в город.

На Главпочтамте я получил телефонный справочник, после чего воспользовался телефоном.

— Издательство "Гарцовник-эдиторс", — услышал я в трубке.

Мне показалось, что оба "р" прозвучали немного картаво, но с тем же успехом это могли быть и помехи на линии. Зажав нос, я представился похоронным агентом, организующим церемонию погребения блаженной памяти Халины Ментиросо.

— Но вскрытие ее трупа еще не закончено, — возразила моя собеседница. — Кроме того, пропала селезенка, а это важное вещественное доказательство.

— Селезенка пани Ментиросо пока не обнаружена, но на ее поиски могут уйти годы. Поэтому мы заменили ее резиновой уточкой. Если вы предпочтете кремацию и урну, отсутствие селезенки вообще ничего не изменит. Другое дело, если речь пойдет о гробе, склепе или мраморной гробнице. Выберете вид погребения сами или будем мучить подробностями безутешного в своей скорби вдовца?

— Я выбираю кремацию и урну, — решительно ответил голос. — А вообще — никакой урны. Развейте прах над болотом с крокодилами. Это были любимые зверушки усопшей.

Я услышал достаточное количество "р", чтобы убедиться: Ина Серая Мышь чувствует себя превосходно. Меня это успокоило, хотя и слегка разочаровало. Я уже представлял себе са-

мые черные сценарии ее судьбы, которые оправдывали бы то, что случилось со мной. А она между тем на следующее утро спокойненько вышла на работу. Такого разочарования в женщинах я не испытывал уже давно. Что красотки двуличны, это я знал, но от дурнушек ожидал большей порядочности.

Глава 13. Переполох в больнице

Вот такие размышления занимали меня по дороге в больницу, где, как помнит внимательный читатель, должна была находиться Алина Пофигель, урожденная Сопелькундель, и где я обнаружил ее в пятиместной палате, набитой больными с переломами и посетителями.

Алина была единственной, чью кровать не обступали гости, чья тумбочка не была уставлена продуктами из домашней кухни или супермаркета. Она была на несколько лет моложе Халины, но из-за стрессов, плохого питания и скверной косметики выглядела опустившейся близняшкой своей сестры. Нога у нее была в гипсе, а на левой руке стояла капельница.

Я выхватил табуретку из-под какой-то девочки, которая подняла толстую попу, чтобы достать булочку из бабулиной корзинки. Когда в следующее мгновение девочка неожиданно шмякнулась на пол, я уже сидел через три кровати, у изголовья Алины Пофигель.

С минуту я прикидывал, не обыскать ли ее тумбочку или кровать, делая вид, что поправляю постель. Но задумался: если даже Алина и слямзила "Шоу лжецов", стала бы она брать его с собой в больницу? Ее квартира, если верить мамаше Сопелькундель, тоже не казалась надежным укрытием. Так где же она могла хранить рукопись? Это я мог узнать только от нее.

— Меня зовут Хенрик Щупачидло, я больничный психолог, — проговорил я сладким как мед голосом. — Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Хотите из меня придурочную сделать? — гневно спросила она.

— Вы меня перепутали с психиатром. Мы, психологи, оказываем настоящую помощь. И дело не только в том, что вы можете свободно выговориться. В этом смысле мы лучше, чем священники: нас абсолютно не волнует смехотворная категория греха. Я не буду вас оценивать. Меня не интересует, сделали ли вы что-то дурное, совершили ошибку или преступление. Единственное, что меня заботит, — ваше благо.

— Мое благо! — фыркнула она. — Как-то это маловато будет, а?

— Я хотел бы спасти все человечество, но за три пятьдесят в час могу заняться только вами, — ответил я скорбно. — Я вижу: вас явно что-то беспокоит. Я именно тот человек, которому вы можете довериться. — На этот раз она вообще никак не отреагировала. — Что ж, насильно мил не будешь. — Я пожал плечами и, изобразив сочувственную улыбку, добавил: — Вы, наверное, и сами справитесь. — Я приподнялся, придерживая при этом табуретку. — До свидания, пани По...

— Подождите, — перебила меня она. Я сел и напряженно стал ждать продолжения. — Вы правы. Я беспокоюсь... Беспокоюсь за мою племянницу, — наконец выдавила она.

— Хорошо, — кивнул я, скрывая разочарование под теплой улыбкой. — У вас есть для этого причины?

— Я думаю, что ее похитили, — сказала Алина, и в глазу у нее набухла крупная слеза.

— Похитили? Кто? Зачем?

— Не знаю, не знаю, — прошептала она, и вслед за первой слезой скатилась вторая.

— Ладно, — снова согласился я. — Тогда откуда вы знаете, что речь идет о похищении?

— Мне так сказали. Они, похитители!.. — Алина Сопелькундель задрожала, и мне показалось, что она вот-вот разрыдается.

— Возьмите себя в руки и держитесь. Либо у вас поехала крыша, либо мы имеем дело с серьезным преступлением. Кто, что и когда вам сказал?

Алина Пофигель отчаянно заморгала, после чего широко открыла глаза и посмотрела на меня более осмысленно.

— Конечно. Конечно. Значит, так... В субботу утром я ехала на работу, и тут зазвонил мобильник. Я ответила. Кто-то сказал: “Мы похитили твою... твою племянницу. Через пятнадцать минут ты должна быть в доме на Гжибовской, вход с Окоповой”. Продиктовали адрес, номер квартиры, этаж. Сказали, что я должна быть одна и не сообщать в полицию, а не то Анетка за это крепко поплатится.

— Какие они? Их было несколько?

— Так похитителей всегда бывает несколько, нет разве? — сказала она, давая понять, что ей не чуждо криминальное творчество. — Но говорил только один. Такой странный голос, не мужской и не женский. Шепотом говорил.

— Конкретно — чего он хотел?

— Я ж вам сказала, чтобы я туда поехала...

— Если кто-то кого-то похищает, то обычно ради выкупа.

— Он ничего не говорил. И вообще, у меня ж ничего и нет.

— Тогда зачем он позвонил вам? У девушки есть мать.

— Ну да. Конечно. Но я... Понятия не имею. Я знала только, что не могу рисковать. Анетка любит нарываться на неприятности. У нее странные друзья. Я подумала, что, может, это наркоманы какие-то. Что им хватит пары грошей... Ох, не знаю я, что я думала. Сошла с автобуса и поймала такси — у меня ведь было мало времени. Ну и там был такой дом, такая развалюха, что аж войти страшно.

— Расскажите, что было дальше.

— Я туда вошла... в это помещение... И тут кто-то сзади ударил меня по голове. Я потеряла сознание. Два часа там пролежала. Меня какой-то бездомный нашел. "Скорая" отвезла в больницу. Я промерзла насквозь, и еще у меня было сотрясение мозга. Оказалось, что при мне ни документов, ни мобильника, ничего нет. Мне только один звонок сделать позволили. Прямо как из тюрьмы. Ну то есть как в Штатах, а у нас не знаю, разрешают или нет. Я позвонила Анетке, моей племяннице. Номер не отвечал. У меня дурные предчувствия, жутко дурные предчувствия, потому что, если они... Ох!..

— Ну-ну, успокойтесь! — Я похлопал Алину по руке и принялся лихорадочно размышлять. Халину убили утром. В это время Алине, как она утверждает, кто-то позвонил, и она поехала в безлюдное место чуть ли не на другом конце Варшавы, где получила по голове и потеряла сознание. Однако с тем же успехом она могла сама прикончить Халину, доехать до Гжибовской не без чего-то десять, а на час позже, ударить себя по голове и ждать, пока ее найдут, таким способом обеспечив себе алиби.

А если Анетку действительно кто-то похитил? Кто-то, кто пришел к Халине до Иво Мая и обнаружил явные доказательства того, что Алина прикончила сестру и выкрала книгу. Этот кто-то, чтобы заполучить "Шоу лжецов", взял Анетку в заложники. Алина прибегает в развалюху на Гжибовской. Похититель Анетки бьет ее по голове и забирает рукопись. Или не забирает, поскольку у Алины ее с собой нет. В таком случае пани Пофигель имеет все основания терзаться муками совести и беспокоиться за племянницу.

— И что теперь делать? — Алина схватила меня за руку.

— Я думаю, — сказал я. — Кстати, что случилось с вашей ногой?

— А, это... Это уже здесь, в больнице. Анетка на звонок не ответила, и я решила сбежать. Но когда выбегала, мне автоматической дверью зажало ногу. Я упала, ну и — только посмотрите! Я теперь прикована к постели!

— Ничего, ничего, — пробормотал я, скорее чтобы успокоиться самому. — Прежде всего, мы должны выяснить, что с Анеткой.

— Да-да! — воскликнула она с энтузиазмом.

Но не успел я изложить свой план — и хорошо, потому что у меня его еще не было, — как в дверях возникло замешательство. В палату пыталась войти санитарка, женщина с внешностью и комплекцией сахарной свеклы. На голове у нее были седые космы, на лице — медицинская маска, а перед собой она катила кресло на колесиках. Ее попытки были восприняты с ледяным равнодушием. Только два или три человека, которых она попыталась убрать с дороги, сообщили простыми крепкими словами, что в часы посещений она не имеет права забирать больных на обследования, потому как выделенное для родственников время священно.

— Какие обследования! — взвизгнула бабка. — В больнице вспыхнула эпидемия! Я забираю здоровых в изолятор.

Ее слова как громом поразили присутствующих. Посетители в панике бросились бежать. Палата в одно мгновение превратилась в поле брани — повсюду валялась снедь, доморощенные лекарственные средства, дополнительные одеяла и грязное белье. Калеки, прикованные к постели, вопили и молили о помощи. Одна — с легкой травмой — вышибла раму и сиганула в окно. Алина Пофигель, выдернув из вены капельницу, собралась было последовать ее примеру, но не успела она сползти с кровати, как санитарка преградила ей путь.

— Вас я забираю в изолятор, — сообщила санитарка и так ловко подтолкнула кресло, что Алина сама рухнула в него.

Я хлопнул бабку по грушевидному брюху, из которого выпала подушка.

— Привет, Роза, — сказал я. — Не знаю, сочтешь ли за комплимент, но выглядишь ты как моя тетка на новогоднем балу тайных агентов.

— Я почувствовала, что ты что-то задумал, и решила тебя выследить, — ответила Розалия. — Увидела, как ты пытаешься пронять эту тетку лаской, и все без толку. Не знаю, кто она такая, но можешь не сомневаться, сейчас узнаю — и это, и много чего еще.

Алина уставилась на нас в полном шоке, открыв рот.

Розалия вынула из кармана шприц, наполненный мутной жидкостью, и направила его на Алину.

— Ты, рыцарь недоделанный, — повернулась она ко мне, — давай колись, кто эта тетка, не то я сделаю ей бо-бо.

Я не заставил себя долго упрашивать.

— Это Алина, сестра Халины, — сказал я.

— Стало быть, ссора между сестрами? — задумчиво пробормотала Розалия. — Очень жизненно. Она призналась, где прячет книгу?

— Какую книгу?! — охнула Алина.

— Все понятно: дурочку строит. Обыщи ее койку и манатки.

Я обыскал. Единственной находкой была горстка пилюль в наволочке. При виде их какая-то мысль промелькнула у меня в голове, как метеорит, чтобы тут же погаснуть во мраке забвения.

Весть об эпидемии уже успела разнестись по всей больнице. По коридору метались перепуганные посетители и вконец растерявшийся персонал. Пациенты ползли или ковыляли в сторону выхода на тех конечностях, которые еще хоть как-то могли им служить. Это было воистину потешное зрелище. Прокладывая себе путь тычками, пинками и инвалидной коляской, мы проталкивались в том же направлении, что и все, — я не знал, к выходу или к изолятору, в котором Розалия собиралась без помех осуществить свой план. Хотя мы и действовали организованной группой, но продвигались все равно медленно. И благодаря этому еще издалека заметили инспектора Стрелу, который стоял на входе в хирургическое отделение, а за спиной у него выстроилась его летучая бригада.

— Тысяча чертей! — закричал он. — Я и не знал, что в здравоохранении такой бардак!

— Совсем как у нас, инспектор, — доложил верный Пиштальский.

Инспектор Стрела достал служебное оружие и произвел предупредительный выстрел в потолок. Раненная в чувствительное место люминесцентная лампа эффектно взорвалась, разбрасывая снопы искр и испуская вонь паленого пластика. Толпа взревела, пытаясь разбежаться сразу во все стороны, из-за чего еще плотнее забила узкое горлышко коридора. Сомневаюсь, чтобы инспектор рассчитывал на такой эффект. Доблестный страж порядка выхватил из мечущейся толпы ближайшего человека в белом халате, за ноги которого цеплялась живая мумия.

— Доктор! — прокричал он. — Мы пришли за вашей пациенткой Алиной Пофигель. У меня ордер на арест. Где ее найти?

Человек в белом халате ответил, что он тут только стажер. Не знаю, сошло ли ему это с рук, потому что Розалия резко повернула инвалидную коляску направо.

— Там лестница, — заявила она зловещим шепотом.

Мы пробились к лестнице, по которой стекал бурный людской поток. Я взял Алину на закорки, а Розалия привязала к моим брюкам поясок своего фартука. Неразлучной святой троицей мы добрались до первого этажа, а затем и до автомобиля моей коллеги, припаркованного на стоянке согласно всем пра-

вилам. Я похвалил Розалию за осторожность и выразил удивление, что ей так быстро починили машину.

— Я переспала с мастером, — пояснила она.

Я был слишком потрясен, чтобы уточнять, издевается она или говорит правду. Розалия передвинула сиденье и попросила меня сесть сзади, за водителем. Алину она втиснула рядом со мной, устроив загипсованную ногу на сложенном переднем сиденье. Потом защелкнула дверцы и заявила:

— Я иду к инспектору Стреле. Если, когда вернусь, вас не будет, донесу ему, что видела, как ты убивал Халину Ментиросо, а потом угрожал, что и меня прикончишь, если не буду держать язык за зубами. Пока из этого выпутаешься, просидишь пару лет в предвариловке, а там тебя опустят так, что мало не покажется. — С этими словами она заперла машину и ушла.

Алина смотрела на меня с презрением и осуждением.

— И вы ничего не станете делать?

— Я ей верю, — лаконично ответил я.

— А вы мне казались таким симпатичным. Милый, но слабый, как и большинство моих знакомых мужиков. Уже двадцать пять лет позволяю таким себя обманывать. Вечно я нарываюсь на неприятности, но с законом еще не сталкивалась. Почему полиция хочет меня арестовать? Кто похитил Анетку? Вы в этом замешаны? Что там с этой книгой? У тебя мобильник есть? Вы собираетесь меня убить?

Я пытался совладать с нарастающим потоком абсурда и истерии, который уже норовил вырваться из “горбунка”, словно лава из жерла вулкана.

— Я все объясню! — заорал я, теряя терпение. — Только помолчите хотя бы секунду! — Алина послушно умолкла. — Мы считаем, что вы убили свою сестру и выкрали ее последнюю рукопись. Мы не имеем к вам никаких претензий и никому ничего не скажем при условии, что вы нам отдадите “Шоу лжецов”. Я хотел уладить всё по-хорошему, но моя подруга менее терпелива. Если вы скажете, где книжка, мы поедем туда и ее заберем, а потом вас отпустим. В противном случае — сами понимаете... Розалия — особа отчаянная и явно замыслила недоброе, а я всего лишь трусливое подобие мужчины.

Пока Алина переваривала услышанное, я откинулся на подголовник и уже почти погрузился в блаженную дремоту, но тут моя спутница принялась колотить кулаками в окно машины.

— Эй! Помогите! — закричала она. — Помогите мне, девушка! Меня похитили!

Открыв глаза, я обнаружил, что ее мольбы адресованы не кому-нибудь, а Розалии — в ее истинном и обманчиво обаятельном обличье.

— Сейчас я вам помогу! — мстительно проговорила Розалия, усаживаясь в машину.

— Это вы? — ахнула Алина.

— Пугало осталось в дамском туалете. С собой прихватила только парик. И лучше бы вы его надели, пока кто-нибудь вас не узнал.

Розалия протянула Алине седые патлы, которые та послушно пристроила себе на голову.

— Выяснила что-нибудь интересное? — спросил я, не рассчитывая на сенсацию.

— А как же. Прикинулась корреспондентом "Грязных тайн", и инспектор мне все выболтал. Предполагают, что Халину убила она, — тут Розалия указала на Алину, — потому что прочитали ее завещание. Не ее то есть, а Халинино. Халина отписала ей все свое имущество. Дом, деньги... И что-то там еще — но при двух условиях: Алина не выходит замуж, а Анетка не публикует книги. Если какое-нибудь условие будет нарушено, все достается Анетке. Халина была хоть и чокнутая, но не дура. Имущество у них с мужем было раздельное. Он сохранил только авторские права на романы. А у нее, — тут Розалия снова указала на Алину, — никакого алиби. В субботу утром вышла из дому, и с тех пор никто ее не видел: ни родственники, ни женщина, у которой она прибирается, но это-то как раз неудивительно, поскольку в данный момент эта дамочка пребывает в Кот-д'Ивуаре, где, как утверждает инспектор Стрела, отдается неграм на пляже в лунном свете. Неплохо, а?

— А ты, я вижу, завидуешь? — язвительно заметил я.

Не успела Розалия ответить — а судя по выражению ее лица, ответ не сулил мне ничего хорошего, — как Алина залилась слезами.

— Я не знала о завещании Халины, — всхлипывала она. — Мы столько лет не виделись!.. Вы ж ведь не думаете, что это я? Я ж не убила бы собственную сестру!

— В литературе такие случаи известны. Ну как, с нами договоришься или я иду к инспектору?

Алина на удивление быстро взяла себя в руки и, утирая слезы, парировала:

— Но тогда вы ничего не получите.

— Ой, милочка, — вздохнула Розалия, — ты рискуешь, натягивая и без того тонкую нить моего терпения. — И вытащила уже знакомый шприц.

— Розалия, не дури! — завопил я.

— Это что... сыворотка правды? — спросила Алина, дрожа как осиновый лист.

— В некотором роде. Это экстракт из общественного туалета, — ответила Розалия и поднесла шприц к неподвижной ноге Алины чуть выше места, где заканчивался гипс.

— Ладно-ладно, согласна! Я отдам книгу! — простонала Алина. — Только сперва разыщите Анетку!

Глава 14. Тайный плод Алины

Тут я поспешу объяснить, что поскольку Розалия следила за моей беседой с Алиной издалека, большую часть она не расслышала. Пришлось посвятить ее в историю похищения Анетки, и, хотя я пытался пересказать все вкратце, из этого ничего не вышло: с одной стороны, Алина обогащала мое повествование эмоциональными вставками и ненужными подробностями, с другой — Розалия подвергала его сомнению по всем статьям. Когда наконец, обливаясь потом, я добрался до финала, в машине воцарилось умиротворяющее молчание.

Но ненадолго.

— Атмосфера накаляется! — нервно бросила Розалия. — Если у вас есть какие-нибудь идеи, не стесняйтесь — делитесь: не думайте, будто у меня найдется что-то получше. Я еду куда глаза глядят, только чтобы успокоиться. — Сказав это, она с диким скрежетом затормозила, открыла окно и обматерила старушку, выскочившую прямо из-под капота.

Я предположил, что нам следует поехать к Анетке и там поискать чего-нибудь, за что можно зацепиться: следы похищения, сообщения на автоответчике, записи в блокнотах, исполненные драматизма воспоминания соседей. Поскольку Алина знала, где живет Анетка, мы, ни секунды не медля, поехали туда, оставив на "зебре" онемевшую старушку и рыжий палантин, еще минуту назад бывший упитанной таксой.

Не прошло и получаса, как мы очутились в Анеткином поселке, который стоял в чистом поле прямо у шоссе и, по словам Алины, считался элитным. То, что на первый взгляд казалось небольшим городком, складывалось из дворов, замкнутых домами, оградами и въездными воротами, у которых сторожа в стеклянных клетках охраняли элитарность тысячи жителей, почти бессчетного количества бетонной плитки и двух полосок газона. Тут до меня дошло, что без подходящего предлога наша живописная группа туда не проникнет. Но прежде чем я успел его придумать — не сомневаюсь, что рано или поздно мне

бы это удалось, — Алина объяснила, что знает все коды, поскольку прибирается у женщины, которая живет над Анеткой.

— Какое удачное совпадение, — пробормотала Розалия.

Я же начал подозревать, что мы, как дети, позволили заманить себя в ловушку. Однако вслух ничего не сказал, зная, что у меня всегда возникает такое ощущение в элитных поселках и что это проявление скорее моей социальной неадаптивности, нежели исправно работающей интуиции.

Оглянувшись направо, налево и назад и не обнаружив ничего, вызывающего опасение, мы преодолели ворота, тротуар, входную дверь, а затем (я с Алиной на закорках) два лестничных марша и оказались у двери Анетки Гарцовник. Я хотел воспользоваться отмычкой, но для начала нажал на ручку. Она не оказала сопротивления, и мы, исполнившись самых дурных предчувствий, вошли внутрь.

Новехонькая квартира Анетки Гарцовник, обставленная новехонькой мебелью, была здорово запущена. На полу лежал толстый слой засохшей грязи, с потолка свисали фестоны паутины. Прихожая вела в гостиную, где, помимо дивана, двух кресел и столика, украшенного окаменевшим полумесяцем пиццы, стояли гигантский телевизор и непонятное растение, которое при жизни, вероятно, было драценой. К гостиной примыкала кухня в современном дизайне, не запятнанная следами готовок и влажной уборки. Сразу за ней — и одновременно по другую сторону прихожей (ибо квартира имела круговую планировку) — находились две спальни и ванная. В последней я немного задержался, а когда вышел, увидел Алину и Розалию, застывших как зачарованные на пороге одной из комнат.

На двуспальном матрасе, обрамленном венцом пустых бутылок, лежала анорексичная девица с прямыми черными волосами, в желтых трусиках-бикини и розовой футболке с черепом. С виду лет двадцати, хотя разница плюс-минус пять лет меня бы не удивила. Острые коленки, ногти, покрытые темно-синим лаком. Полуоткрытый рот, слегка выступающие зубы.

Девица похрапывала во сне.

Я вопросительно посмотрел на Алину.

— Это Анетка, — с нежностью объяснила она.

— Прекрасно! — обрадовалась Розалия. — Теперь едем за книгой.

— Приношу вам свои глубочайшие извинения, но никакой книжки у меня нет, — ответила Алина с непритворным раскаянием.

— Ах ты, корова строптивая! — Розалия нервно потянулась за шприцем. И ничего не нашла.

— Сорри, Розалия, я вынужден был его у тебя забрать, — сообщил я. — Только что опорожнил его в унитаз и выбросил в вентиляционное окошко. Послушай, зайка... И брось бутылку... Я сделал это ради нашего блага. — Уклонившись от удара, я схватил Розалию за запястья. — Я этой женщине верю. Книги у нее нет. Она нас одурачила, чтобы мы нашли ее племянницу, а точнее — внебрачную дочь. Перед нами Анетка, дочка Алины, внучка Анели. Я не ошибся, пани Пофигель?

— Бог, слава Богу, не дал мне больше детей, — всхлипывая, сказала Алина. — Когда я ее родила, я была нищая и одинокая. Поэтому отдала мою дочурочку старшей сестре, у которой уже были муж, работа и квартира. Халина считала, что я буду дурно влиять на Анетку, и запретила мне с ней встречаться. Она, конечно, в чем-то была права. Ну каким примером для этой девочки могла стать я, простая женщина, которая не отличает герменевтики от эвристики и засыпает на Бергмане? Но я же мать, я все равно старалась постоянно быть рядом с Анеткой, а точнее — с Дженнифер, ведь я ее именно так хотела назвать, уже и не помню почему... Я работала уборщицей во всех школах, куда она ходила.

— Увели ее из-под носа полиции, привезли сюда, потратили массу времени — и чего ради? Чтобы выслушивать мелодраматический бред? — психанула Розалия. — Мы в тупике, больше никаких следов. И куда теперь? Кто нас водит за нос? Куда еще вломиться, чтобы отыскать эту чертову книгу?

— Тебе следовало вломиться в дом Халины еще тогда, когда я вытащил ее на ужин в "Бристоль"... Получить от Пальмистера все деньги, а нас с дядюшкой оставить с носом, сообщив, что дело провалилось и клиент слинял, — пояснил я. — Это было бы элементарно, разумно и полностью в твоем стиле.

— Я так и сделала, приятель, — ответила Розалия. — Но рукописи не нашла. Халупа оказалась слишком большой, чтобы обшарить ее в одиночку, за час и с карманным фонариком. Пришлось ехать туда вместе с тобой на следующий день. Да еще и Пальмистеру загорелось спалить дом, а ты ему показался поджигателем...

— Итак, выбитое стекло, осколки которого Халина выбросила в мусорную корзину, и мнимый налет грабителей — это были твои проделки накануне вечером?

— Мои, — буркнула она и уставилась на меня, нахмурив брови. — Что случилось?

— Ты о чем?

— Не прикидывайся. У тебя сейчас совершенно кретинская морда. А значит, ты напал на след и вовсю стараешься это скрыть.

А я-то всегда считал, что у меня в таких случаях лицо игрока в покер. Какое горькое разочарование! Неопределенно улыбнувшись, я указал на Анетку:

— Мне пришло в голову, что эта девица могла бы нам кое-что рассказать.

— Думаешь, что она... — заинтересовалась Розалия. — Что эти похитители... Или даже она сама?

— Не смейте ее трогать! — вмешалась Алина Пофигель, о которой мы уже успели забыть. — Малышка в шоке. Она потеряла женщину, которую считала матерью. Близко вас к ней не подпущу! Особенно тебя, гестаповка! — Она ткнула пальцем в Розалию. — Если хотите что-то узнать, я сама ее деликатно расспрошу. — И заковыляла к Анетке. Кряхтя, присела на краешек матраса, отбросила с лица дочери волосы и нежно погладила ее по щеке. — Деточка, — сказала она. — Анетка... Малышка моя.

Деточка пару раз беспокойно пошевелила конечностями, словно отмахиваясь от назойливого комара, а когда это не помогло, села, открыла опухшие нетрезвые глаза и обвела нас диким взором.

— Что тут происходит? — дыхнула она перегаром. — Кто вы такие?

— Меня зовут Алина Пофигель, я твоя... Я сестра твоей мамы.

Анетка мгновенно очнулась.

— Моя мама умерла! — завопила она. — И это я, я!.. Я убила ее!

То, что произошло в следующую секунду, можно объяснить, пожалуй, только шоком. Анетка сорвалась с места, растолкала нас в стороны, влетела в ванную и заперлась изнутри.

— Она сбежит в окошко! — взвизгнула Розалия, бросившись к двери.

— Не пролезет, — попытался я ее успокоить.

Анетка рыдала за закрытой дверью, игнорируя просьбы Алины ее впустить. Наконец рыдания затихли, и вскоре до нас донеслось похрапывание.

— Заснула! — возмутилась Розалия. — В такую минуту! Вот бессердечная тварь! — И принялась обыскивать Анеткину квартиру (забегая вперед, скажу, что безуспешно).

Я сосредоточился на бутылках. Нашел одну, полную наполовину (в тот момент я был оптимистом), налил вина в стакан и протянул Алине.

— И как раз теперь, когда я могла бы, наконец, с ней воссоединиться, мне придется ее потерять. — всхлипнула Алина, отхлебнув глоток. — Так или иначе, я ее все равно потеряю, зато позволю ей сохранить свободу. — Она допила вино.

— Что вы хотите сделать, несчастная?

— Единственное, что в такую минуту может сделать мать. Сдаться полиции. Скажу, что Халину убила я.

— Прекрасная мысль! — бросил я. — Но если вы немного подождете с ее реализацией, ничего не случится. В квартире, где вы прибираетесь, сейчас кто-нибудь есть?

— Вряд ли хозяйка из-за моего исчезновения прервала отпуск.

— В таком случае идите туда и ждите сигнала, — велел я. — Когда все закончится, я дважды постучу в потолок.

Глава 15. Под сенью драцены

Час спустя в гостиной Анетки Гарцовник собрались шесть человек, включая меня и Розалию. Я сам всех позвал и тщательно подготовился к их прибытию, но все равно не мог оправиться от потрясения. С Катажиной Гарцовник и Пальмистером я уже был знаком, а вот Славомир Гарцовник меня слегка разочаровал: невысокий, костлявый, сутулый, в старомодных очках, с лицом аскета и изрядными залысинами, он больше всего походил на бухгалтера. Впрочем, причиной моего возрастающего недоумения стал не Гарцовник, а чудо, явившееся вместе с ним. Холодная белокурая красавица, существо из резервации для богатых, неземная, как на полотнах Боттичелли, и безупречная, как из фотошопа, длинноногая, с алыми губами, одетая с ненавязчивой элегантностью, свойственной секретаршам экстра-класса, и равнодушно взирающая куда-то поверх моей головы (это-то как раз меня не удивило).

— Я тебя помню, юноша! — воскликнула мать Гарцовника. — Я все поняла. Ты сообщник этого студента...

— Уверяю вас, вы стопроцентно ошибаетесь, — поспешно ответил я. — Меня зовут Робаль Сякий, и я представитель блестящего детективного агентства "А. А. Ковальский и детективы". Но прежде чем прояснить свою роль в этом деле, позволю себе спросить: кто эта особа? — Я указал на блондинку, которая даже плечом не повела.

— Это наша секретарша, Юлия Квакалло, — ответила Катажина Гарцовник. — Вы же сами ее сюда пригласили!

— А знакома ли вам некая Ирмина, сокращенно — Ина? Фамилии я не знаю, но имя редкое, да и по описанию внешности ее можно идентифицировать однозначно. Носит длинные темные платья и большие очки. Представляется вашей секретаршей.

— Ох, значит, она до сих пор так представляется?! — вскипела Катажина Гарцовник. — Это просто возмутительно! Вы

имеете в виду нашу предыдущую секретаршу, жуткое, несуразное создание — конечности длинные, как у паука. Вечно она совала нос куда не просят. Мы ее уволили и взяли на ее место пани Квакалло, женщину с внешностью, профессиональными качествами и манерами, достойными самой высокой оценки.

— Вы не могли бы произнести слово "рододендрон"? — повернулся я к мнимой секретарше.

Юлия Квакалло только пожала плечами и перевела взгляд с точки над моей головой на засохшую драцену.

— Вы в своем уме? Это же просто издевательство! — взорвался Славомир Гарцовник, недвусмысленно демонстрируя, что под блеклой оболочкой бушует вулкан чувств и страстей.

— Я тоже хотел бы знать, что здесь происходит! — рявкнул Лонгин Пальмистер.

— Прежде чем прояснить ситуацию с исчезнувшей рукописью Халины Ментиросо — а я не сомневаюсь, что мне это удастся, — заверил я, — хотелось бы задать вам несколько вопросов. Попрошу отвечать честно и по существу, насколько вам это позволяет оценка фактов и страх за собственную шкуру.

— Давай, приятель! — не выдержала Розалия.

— Вы хорошо готовите — угадал? — обратился я к Катажине Гарцовник.

— Ну конечно, — тихо ответила она и обвела собравшихся растерянным взглядом. — Но какое это имеет отношение к делу?

— Боюсь, мы попусту теряем время! — заявил Пальмистер, поднимаясь с кресла.

— Вам известно, что Иво Май мертв? — резко бросил я.

Лонгин Пальмистер побледнел. Единственное, что он сумел выдавить, было писклявое "Что?", яснее ясного доказывавшее, что его потрясла либо моя осведомленность, либо весть о смерти Иво Мая, но никак не сам факт существования оного.

— Сядьте, пожалуйста, и не нарушайте порядок, — сурово добавил я.

Пальмистер плюхнулся в кресло, а Славомир Гарцовник обернулся ко мне с живым интересом:

— Вы не шутите?

Тем временем я обвел собравшихся отечески-прокурорским взором и повернулся к Катажине Г.:

— Итак, вы умеете готовить?

— Как всякая настоящая женщина, — ответила она, подчеркнув слово "настоящая".

— Традиционные блюда?

— Традиционная польская кухня, — с гордостью подтвердила она.

— Бифштексы, отбивные?

— А как же! Никаких убогих салатиков, которыми современные женщины норовят накормить своих мужчин, если вообще их кормят! — скривилась она с отвращением.

— Значит, это вы были у Халины Ментиросо в день ее смерти и воспользовались молотком для отбивания мяса, чтобы разнести ее ноутбук?

— Так ведь... — Катажина побледнела и замолчала.

— Это полный нонсенс, — заявил Славомир Гарцовник. — На основании мелкой улики вы делаете далеко идущие выводы. Если вы хотите сказать, что моя мама вторглась к Халине, убила ее и выкрала книгу...

— Я уверен, что ничего этого она не совершала, однако полагаю, что она была в доме Халины вскоре после ее смерти и могла бы пролить свет на кое-какие моменты, затемняющие картину преступления. Ваша мама — ценный свидетель, позвольте ей говорить.

— Тем более что мне действительно нечего скрывать, — согласилась Катажина Гарцовник после долгого размышления. — Дело ясное: убийца — Иво Май, и это он украл книгу. Если мое свидетельство вам для чего-то нужно, пожалуйста, расскажу с удовольствием: в то утро, когда Халина погибла, я дала себе труд лично ее посетить, чтобы выбить у нее из головы мысль опубликовать книгу у Лонгина Пальмистера. Она сама в этом созналась днем раньше в телефонном разговоре с моим сыном. И когда я туда пришла, она уже была мертва. Мне кажется, она ударилась головой о подоконник, и ударилась не случайно, а спровоцировала кого-то своим поведением. Честно говоря, с ней такое должно было случиться уже давно — и нас бы избавило от массы хлопот и неприятностей. Нарыв гнева, зревший во мне годами, лопнул. Я испугалась, что ее еще можно спасти. Поэтому, вместо того чтобы вызвать "скорую", я опустошила папки с перепиской Халины с налоговым управлением, от которого она требовала вернуть несправедливо начисленный налог в размере двух злотых восьмидесяти грошей. Должна пояснить, что издержки процесса исчисляются уже в десятках тысяч, управление скрупулезно изучает все наши операции и насылает на нас инспекции, налоговики месяцами сидят в нашем офисе, проверяя все, что только можно, от счетов за туалетную бумагу до чеков на скрепки. Итак, я засыпала хладный труп Халины этой злополучной корреспонденцией, а потом взяла ноутбук, разбила его молотком для мяса и утопила в ванне. Вы, наверное, считаете меня глупой бабой, полагая, что я спонтанно воспользовалась этим примитив-

ным кухонным инструментом. Ан нет: я прекрасно понимаю, что должна была расстрелять жесткий диск из крупнокалиберного оружия, но у меня, к сожалению, такового не имелось. И у Халины тоже.

— Вы не обратили внимание, была ли на письменном столе рамка, в которой отсутствовала фотография?

— Помню, что стол уже кто-то как следует обшарил. Я не рассчитывала там что-то найти и не стала тратить время на поиски, так что не знаю, что там было, а чего не было.

— А может, вы просматривали какие-то фотографии?

— Мальчик, я провела там от силы минут пятнадцать. Это не так уж много, чтобы сидеть в кресле и вспоминать Халину, просматривая ее старые фотографии. Впрочем, даже если бы я десять лет сидела в камере с одним только Халининым альбомом, мне бы и в голову не пришло туда заглянуть. Как ты догадываешься, я не слишком любила свою невестку.

— Понимаю. Итак, вы забросали Халину бумагами, уничтожили жесткий диск ее компьютера, часть следов затоптали, а другие наверняка стерли...

— Естественно, я очистила дом от отпечатков пальцев, которые, как я полагала, оставил мой сын, после того как поссорился с Халиной и...

— Мама, — простонал Гарцовник.

— Знаю, сынок, теперь-то я знаю, что, когда произошло убийство, ты забирал из вытрезвителя свою дочь Анетку и поэтому не мог умертвить ее мать... — Розалия в панике на меня посмотрела, но я взглядом приказал ей молчать. Пани Гарцовник продолжала: — Кроме того, сегодня уже ясно — мне во всяком случае, — что настоящий убийца Халины — Иво Май. Тогда я еще не была с ним знакома. Вообще не знала о его существовании. Но потом, когда пришла к нему в общежитие...

— Мама... — застонал Гарцовник.

— ...обнаружила, что запах его одеколона, дорогого и оригинального... что точно так же пахло у Халины в доме. Это Май вышел от нее перед тем, как я вошла.

— Каким чудом, мама, ты наткнулась на этого Мая? — перебил Славомир Гарцовник.

— Я подслушала ваш разговор, сынок. Ты записал адрес Мая в блокноте, вырвал листок и унес с собой. Я заштриховала карандашом листок, что был под этим, и все узнала, — с гордостью призналась она. — Поехала туда и его нашла. К сожалению, уже мертвым. И подумала, что ты, хоть и должен был еще заехать за деньгами в банк, сумел меня опередить и убрал этого гаденыша. Зря я вынула нож из его тела, вымыла пол и вытерла все гладкие поверхности, а потом засунула бед-

няжку в спальник и положила на кровать. Снова все это оказалось на руку убийце, которым, к счастью, был не ты, а он, — пани Гарцовник сурово на меня посмотрела. — И хотя бы поэтому вы должны быть мне благодарны и отдать нам эту чертову книгу.

— Я не убивал Иво Мая и хотя бы поэтому не должен быть вам благодарен, — ответил я.

— Вот оно, значит, как. — Ее глаза сощурились, стали как щелочки. — Ну так послушай, мальчик. Думаешь, я мохеровый берет[1], никчемная старуха...

— Уверяю вас...

— Помолчи, когда я говорю! — перебила она. — Я принадлежу к вымирающему виду матерей-полек[2]. Я всю жизнь посвятила детям, точнее — одному ребенку. Остальные мне этого не позволили, разъехались по всему миру, не оставив обратного адреса. У меня жизнь, может, и однообразная, зато упорядоченная и экономная. Раз в неделю, не считая праздничных и особых богослужений, я хожу в костел, в воскресенье готовлю семейный обед, который потом всю неделю ем вместе с котом, и до следующего воскресенья работаю с утра до вечера. Я не ужинаю в ресторанах, не катаюсь на такси и не мажу лицо всякими кремами. Из косметики пользуюсь только мылом, не оставляю свет в ванной и штопаю чулки. Единственные мои развлечения — вечерний сериал и раз в две недели визит к гадалке. Благодаря этому я сэкономила много денег. Если бы я не хранила их в швейцарском банке на номерном счете, то давно бы уже попала в список самых богатых поляков. Я это для чего говорю: все, что может тебе предложить Пальмистер, все, что может предложить тебе кто угодно другой, все это — ничто по сравнению с тем, что могу тебе дать за книгу я.

Я молчал, утратив дар речи. Все уставились на Катажину Гарцовник со смесью удивления, недоверия и зависти, даже прекрасная секретарша, чье равнодушие я уже было счел непреходящим эмоциональным состоянием, очаровательно ра-

1. Мохеровыми беретами в Польше иронически называют набожных пожилых женщин, придерживающихся крайне консервативных взглядов и весьма активно выражающих свою позицию. Берет в данном случае — отсылка к коммандос.

2. Созданный в XIX в. Адамом Мицкевичем романтический образ Польки-Матери, которая воспитывает сыновей в любви к отчизне, пока отец сражается за свободу, в наши дни чаще ассоциируется с женщиной традиционных взглядов, соблюдающей все предписания Церкви и полностью посвятившей себя семье.

зинула рот, что не укрылось от моего внимания, поскольку я не отрывал от нее взгляда.

Внезапно пропитанную ошеломлением тишину разорвал дискант Пальмистера:

— Исключено! Этот человек работает на меня.

— Спокойствие, дамы и господа, книгу вы получите только после того, как все выяснится, — объявил я. — Так уж сложилось, что в последнее время я стал маниакальным правдолюбцем. Что касается меня, то я уверен, что не убивал Иво Мая. А вы, пан Славомир?

— Спокойно, мама, мне не в чем себя упрекнуть и в самом деле крайне неприятно, что ты считала меня способным на убийство. А вдобавок еще за мной шпионишь и подслушиваешь, что, признаться, уже не кажется удивительным. Ты меня и правда разочаровала, поэтому, если можешь, ничего больше не говори и дай мне защищаться самостоятельно.

Катажина — очередная мать, стараний которой никто не оценил, — закрыла лицо руками и принялась всхлипывать.

— Я вообще ни разу не видел Иво Мая, — сказал Гарцовник. — Этот паренек позвонил мне на рабочий телефон, который, наверное, нашел в справочнике, сказал, что продаст мне Халинину рукопись, и велел прийти в общежитие с некоей суммой денег, которая показалась мне слегка завышенной, однако книга того стоила.

— Ты что, шутишь? — фыркнул Пальмистер.

— Напротив, я думаю, что Халине впервые в жизни удалось написать нечто стоящее. Я бы с удовольствием эту книгу издал, даже если бы потерял на ней деньги и доброе имя, но, поскольку первое меня не заботит, а второго и без того нет, риск был бы и впрямь невелик. Естественно, я отправился в банк, а потом поехал в общежитие. Я подошел к указанной комнате и долго стучался в дверь. К сожалению, меня никто не впустил, и я ушел ни с чем.

— Превосходно, — сказал я. — Это уже почти всё... Нам осталось прояснить всего один сомнительный момент. Почему именно в тот день и в тот самый час в дом к Халине заявился Иво Май? Может быть, вы поможете нам разрешить эту загадку, пан Пальмистер?

— Дрянь, мразь, подонок, гниль, тина и паразит, вот ты кто! — парировал Лонгин Пальмистер. — Все твои обвинения — плод фрустрации маргинала.

Я холодно продолжил:

— Постараюсь упорядочить факты так, как это мне представляется. Иво Май был приятелем Халины, о чем вы, пан Пальмистер, не знали. Она же, полагаю, подстроила ваше

знакомство. Халина регулярно встречалась с Иво Маем, о чем свидетельствуют буквы "И" в ее календаре, а также использовала вашу с ним связь, чтобы вас шантажировать. Вы же, веря в чистоту намерений и искреннюю привязанность этого молодого человека, частично выдали ему свои планы насчет Халининой книги. Она, в свою очередь, тоже ему кое-что рассказала. Бедняжка Иво Май склеил одно с другим, как сумел, а поскольку знал, что вы договорились с Халиной о встрече, решил в это время забраться к ней в дом и выкрасть книгу. Обнаружили ли вы в моих рассуждениях до этого момента какие-нибудь пробелы?

Лонгин Пальмистер подавленно молчал, и я стал излагать дальше:

— Однако, когда Иво Май пришел, Халина уже была мертва. Он увидел ее, увидел, что в доме все вверх дном, и, наверное, захотел как можно быстрее слинять. К несчастью, в тот самый момент в дом вошла пани Гарцовник. Ему пришлось спрятаться и выждать, пока она уйдет. Ждать пришлось недолго...

— Откуда вы знаете? — перебила меня Катажина.

— Он был в доме до вас, потому что вы почувствовали запах одеколона. И оставался там, когда вы ушли. Мы — я и Розалия — появились чуть позже: вы нас не видели, а Иво Май — видел, о чем уведомил полицию. Следовательно, он должен был выйти из Халининого дома после вас. Иво Май не убивал Халину и не крал эту книгу. Он так же, как и вы, подумал, что и то и другое совершил Славомир Гарцовник, поэтому на следующий день появился у его квартиры, где мы с ним и встретились...

— Так это вы вломились ко мне и украли... — начал Гарцовник и замолчал.

— Да, — ответил я.

— Что? — спросила Катажина.

— То, что Иво Май ошибочно принял за рукопись Халины. Именно это он и пытался вам загнать.

— Так, значит, у него этой книги не было?

— Нет.

— И он не убивал Халину?

— Да ни в коем случае.

— Так кто же это сделал? — спросил Славомир Гарцовник.

— Поинтересуйтесь у своей секретарши, — сказал я.

— Чушь какая! — выдохнула Катажина Гарцовник.

— Вы обезумели! — гневно заявил ее сын.

— Совсем наоборот, — горестно ответил я. — Нет во мне искры безумия, есть только разум и лень, две противоборствующие силы. Выслушайте меня. Халину убил кто-то, кто хо-

рошо ее знал. Она сама впустила убийцу в дом, наверное, даже была в халате...

— Вы угадали! — перебила Катажина Гарцовник.

— Кроме того, убийца должен был очень хорошо знать Халинины тайны. Чем воспользовался, чтобы навести подозрения на невиновного человека — сестру жертвы. С этой целью он перетряс Халинин письменный стол, где она никогда не хранила романа, отыскал альбом и злополучную фотографию, которую затем разорвал и подбросил так, чтобы она попала в руки полиции, а заодно украл другую фотографию, ту самую, с письменного стола, на которой была Анетка. Он также разыскал телефон Алины Пофигель и заманил ее в полуразрушенный нежилой дом, чтобы лишить алиби примерно на то время, когда было совершено убийство. Все это должно было указывать на преступление в состоянии аффекта.

— И вы полагаете, что все это проделала пани Квакалло? — рассмеялся Гарцовник.

— Я не стану ничего спрашивать у вашей секретарши, потому что знаю: она мне не ответит. Но не могли бы вы или ваша мама сказать мне, не живет ли, случайно, пани Квакалло недалеко от Гжибовской и Окоповой?

— Ну, может, и живет, — ответила, помедлив, Катажина Гарцовник. — Но какое это имеет значение?

— Именно там стоит дом, в котором пани Пофигель схлопотала по голове от пани Квакалло. Пани Квакалло получила задание от убийцы: ей было велено поджидать там несчастную жертву (жертву как с точки зрения закона, так и по жизни) и на некоторое время вывести ее из строя...

— Потом я встретил пани Квакалло в общаге. Я сидел в шкафу. Она стерла с ножа отпечатки пальцев, после чего принялась обыскивать комнату. Очевидно, убийце пришлось бежать в сильной спешке, и сам он этого сделать не успел, потому что вы уже стучались в дверь. Я уверен, что именно от пани Квакалло убийца узнал, что Иво Май звонил вам с предложением обменять рукопись на наличные. Убийца решил вас опередить, но что-то пошло не так, и сделка не состоялась. Пани Квакалло снова вызвали спасать ситуацию. Я поймал ее, когда она, заметив на горизонте пани Гарцовник, спряталась в общежитской кухне. Затем направился вместе с ней в одну эксклюзивную забегаловку, где она поведала мне слезливую историю о своей любви к шефу, то есть к вам. — Славомир Гарцовник покраснел (надо полагать, от восторга). — Потом на минутку вышла в туалет, позвонила убийце и сообщила, где она находится. Однако не стала его ждать, а опустошила несколько блистеров с обезболивающим и подбросила таблетки мне в кофе, в результате че-

го я едва не распрощался с жизнью. Пустые блистеры я позже увидел в туалете, но тогда не придал этому значения. Думаю, они там так до сих пор и валяются среди множества других вещей, о которых лучше не вспоминать. Пан Славомир, не радуйтесь раньше времени по поводу ее чувств. Если бы она действительно вас любила, то не была бы так болтлива и не валила всю вину на вас, а стояла бы на том, что не знает, кто убийца. Эта женщина разыгрывала из себя — и, кстати, весьма искусно — другую, ту самую Ину, которую так не любит ваша матушка. Вероятно, она от кого-то во всех подробностях узнала о Ининых чувствах, а кроме того, знала, как сменить имидж, чтобы на нее походить...

— Так как же вы можете доказать, что это была не Ина?! — воскликнула в праведном гневе пани Гарцовник.

— Если они обе картавят, то я и впрямь в тупике.

Повисло тяжелое молчание, которого никто не желал прерывать, однако по взгляду Славомира Гарцовника и его матери я угадал, что "р" эта злополучная Ина выговаривала безупречно.

— Ну так кто же и зачем убил Иво Мая? — тихо спросил Лонгин Пальмистер.

— Думаю, эта особа пряталась в баре напротив общежития, после того как сбежала по громоотводу из комнаты Иво Мая. Вскоре она увидела, что Славомир Гарцовник выходит из здания. Зная его неколебимые нравственные принципы, она заключила, что книга по-прежнему может находиться в комнате, в которую он наверняка даже и не заглядывал. Поэтому она вызвала Юлию и велела ей эту комнату обыскать. Сама она не могла туда вернуться, не возбудив подозрений, — ведь она не выходила из дверей на глазах у вахтера. Она была в контакте с Юлией и постоянно следила, не появится ли полиция. Предупредила ее при приближении Катажины Гарцовник. Думаю, это ее я заметил, когда она, завидев Юлию, выглянула из бара и тут же спряталась обратно. Это была невысокая пухлая женщина...

— Это была я, — сказала невысокая пухлая женщина, стоявшая у входа в гостиную Анетки Гарцовник.

Глава 16. Правдолюбец и его возлюбленная

У нее была милейшая улыбка и лицо, вызывающее расположение и доверие. Свою женственность — облик сестры-матери — она подчеркивала кашемировым свитером бежевых то-

нов и мягкой, пушистой прической. Теплый образ нарушал только пистолет, который она держала в руке: безотказный "макаров", очень похожий на тот, каким пугал нас с Розалией Иво Май.

— Гадалка Доминика? — взвизгнула пани Гарцовник.

— Скажем так, особа, которая знает меандры человеческой психики и любит коллекционировать тайны, — ответила вновь прибывшая.

— Красивый выход, — сказал я. — Сильный.

— Моя сотрудница включила телефон, чтобы я могла слышать, о чем вы говорите. Пожалуй, сейчас самое время выйти из тени и продвинуть дело вперед.

— Твоя сотрудница? — ахнула Катажина Гарцовник. — Она? — И указала на Розалию.

— Нет, слепая ты глухопердя! Юлия! Время от времени я выручаю своих клиенток, попавших в беду. Когда Юлия нарвалась на неприятности, я посадила ее на место доброй, бесхитростной Ины, безумно влюбленной в своего шефа. К слову сказать, Ина тоже моя клиентка. Юлия получила теплое местечко, а я — ее признательность. Вроде бы более чем счастливое совпадение, хотя мне от этого никакого проку не было. Ладно, кончаем пустую болтовню. Где книжка, пан Сякий?

— Книжку получит тот, кто больше даст, — сказал я.

— Я не намерена участвовать в аукционе. Двоих уже убрала, плюс-минус один мне без разницы.

— Вы меня неправильно поняли. Мне не деньги нужны, а немного фактов и вся правда.

— Зачем оно вам?

— Может, мне просто надоело, что кто-то вечно оставляет меня в дураках.

— Мне это чувство незнакомо, — ответила гадалка Доминика. — Обычно я сама оставляю других в дураках. Ну ладно уж, договорились, пан Сякий, цена невысока, а я охотно похвастаюсь своими успехами, о которых вы даже понятия не имели. Халина была моей клиенткой и подругой, и это я подбросила ей простую и гениальную идею шантажа с помощью романа. К сожалению, когда идея сработала, Халина проявила черную неблагодарность и порвала со мной отношения...

— И потому погибла?

— О нет... Я действительно очень не люблю неблагодарных, но не настолько же я мстительна... Обычно я довольствуюсь более тонким и изощренным реваншем, для которого наверняка настало бы время. Но увы, Халину сгубила взрывчатая смесь глупости, недоверия и угрызений совести. В тот день — день своей смерти — она разбудила меня теле-

фонным звонком где-то в шесть утра. Заявила, что я у нее выкрала книгу и что у меня есть два часа, чтобы ее вернуть. Угрожала, что в противном случае нашлет на меня полицию. Ох, ну конечно же, я ничего у нее не похищала. Но вы должны понимать: встреча с полицией была бы для меня не слишком приятной... Я ведь занимаюсь множеством дел весьма деликатного свойства. Поэтому я поехала к Халине и попыталась воззвать к ее рассудку. Но она не умела мыслить рационально. Старая истина: больше всего мы боимся тех, кого обидели. Халина считала, что я украла книгу даже не ради выгоды, а исключительно из вредности, только чтобы она не смогла доказать всем маловерам, что ей есть что сказать. Ссора перешла в драку. Это действительно был несчастный случай, такой же, как и смерть того глупого юнца... И я подумала, что раз уж столько вложила в эту книгу — тратила время, изрядно рисковала, раз уж она такая ценная, что кто-то и впрямь ее украл, то неплохо бы ее раздобыть. С этой идеей я поехала к Иво Маю. Вошла в его комнату и сразу поняла, что совершила ошибку. Он меня узнал. В тот день, когда погибла Халина, мы столкнулись нос к носу почти у самого ее дома. Он ведь зашел в дом сразу после меня и обнаружил ее, еще теплую... Может, он испугался, что я и его прикончу. А может, решил погеройствовать. Не знаю, я даже не успела предложить ему договориться. Этот идиот вытащил оружие — да-да, то самое, которое я сейчас держу, — а другой рукой схватил телефон и начал звонить в полицию. Что мне оставалось делать? Это была вынужденная самооборона. А потом кто-то постучал в дверь — раз, другой — и крикнул: "Пан Май, откройте, пожалуйста, это я, Славомир Гарцовник". Я распахнула окно... Карниз был ненадежный, но мне удалось доползти по нему до громоотвода. Правда, когда спускалась, я его сорвала, в конце концов, во мне добрых шестьдесят кило...

И тут раздался такой грохот, будто все туфли разом выбежали из шкафа в прихожую. А вслед за ними появился доблестный инспектор Стрела.

— Именем закона, стоять! — рявкнул он. — Вы арестованы!

Отшвырнул недоеденный банан, которым попытался устрашить Доминику, и после краткой борьбы с кобурой выхватил служебное оружие.

— Дуга, чего ты его не пгистгелила? — вознегодовала Юлия.

— Сама ты дура! Это не пистолет, а бутафория. Думаешь, будь он настоящим, вернулась бы я живой после встречи с Иво Маем?

— Удача — лучший друг полицейского, — изрек сентенцию инспектор Стрела, отбирая бутафорский пистолет и надевая

на задержанных наручники. Доминика выглядела как разъяренная персидская кошка на поводке, Юлия в наручниках пробуждала одни лишь греховные чувства.

— Я уже боялся, что вы задремали, инспектор, — сказал я.

— Ну конечно, соснул малость, пока ты разводил канитель. До смерти скучно вас всех слушать. Но от меня ничего не ускользнуло. Коварство этих женщин полностью подтверждает все известные стереотипы. Эта милая, но злая. Та красивая, но дура. Только уродины хороши, причем, говорят, даже в постели, но кого это волнует?..

— Меня, — тихо ответил Славомир Гарцовник.

— Того, что вы услышали, достаточно, чтобы ее посадить? — спросила Катажина Гарцовник, сотрясаясь от жажды мести.

— Блин-тарарам, мне-то откуда знать? Я просто ловлю плохих людей. И хорошо ловлю, потому что у меня нюх.

— Но вы все записали? — уточнил я.

— Сынок, я вообще все записываю. Не получается у меня выключить эту сраную фигню. По-вашему, для взрослого мужика это позор? У каждого своя ахиллесова пята. Может, я и не умею выключать диктофон, зато могу за три секунды с завязанными глазами собрать винтовку! Я еще много чего могу... Черт, я же хотел спросить: не хотите ли вы что-нибудь спросить?

— Нет, инспектор, — ответил я.

— Вот и хорошо. Еще раз спасибо за помощь, приятель. Ты поступил как настоящий гражданин. Звони, если надумаешь выпить с настоящими мужиками. Приятно было поболтать, но нам уже пора. Барышни, вперед.

— Отлично, Сякий, — сказал Пальмистер, когда они скрылись за дверью. — Концерт окончен. А теперь давай книгу.

— У меня ее нет, пан Пальмистер. Если я правильно понял, Анетка Гарцовник была у Халины в тот момент, когда я звонил ей из квартиры Хенрика Щупачидло. Она-то ее и прихватила еще до того, как все это закрутилось.

Глава 17. Какого *хрена*!

— Нехорошо, нехорошо! — Лонгин Пальмистер сорвался с места и нервно заметался по комнате.

Пани Гарцовник последовала его примеру, а ее сын сидел неподвижно, ссутулившись, с отсутствующим взглядом, словно все ошибки прошлого легли ему на плечи.

— Я уже обыскала квартиру, — сообщила Пальмистеру Розалия.

— Наверное, недостаточно тщательно, — заявил он, ощупывая кресло.

— Ну знаете! Я? Недостаточно тщательно? — возмутилась моя коллега. — Я считаю, надо вытащить эту малявку из сортира и развязать ей язык. Иначе мы можем искать до...

— Блестящая мысль! — взбодрился Пальмистер, но не успел сделать и шага в сторону туалета, как Анетка вошла в гостиную из кухни.

— Можете не трудиться, — сказала она. — И ты тоже, бабуля. Я эту гадость выбросила.

Лонгин Пальмистер уставился на нее с робкой надеждой.

— Что ты говоришь, деточка?! — обрушилась на внучку Катажина Гарцовник. — Ты уничтожила книгу?

— Сорри, бабуль, я не подозревала, что это такая ценность. Ты же знаешь, что мама платила мне за компьютерный набор этих ее графоманских потуг. Я начала набирать, и, знаешь... там была такая глава... как бы обо мне... я жутко разозлилась, взяла это и сожгла, а пепел развеяла с Гданьского моста. Тамто меня и замели в участок. А дальше ты уже знаешь. Влепили штраф и отвезли в вытрезвитель... — Анетка рухнула на диван и залилась слезами. — Папа... Она там пишет, что я не ваша дочь. Вы меня столько лет обманывали... Это правда?

— Правда не всегда важна, доченька, — ответил Славомир Гарцовник. — Но если говорить обо мне, тут правда ничего не меняет. Я твой отец, вечно и неизменно. Двадцать лет назад я переспал с одной женщиной, а потом женился на ее сестре. Просто перепутал. Досадно. Даже если настоящая мать тебя несколько разочарует, у тебя, по крайней мере, появится хороший повод напиться, потому что сейчас, по-моему, ты это делаешь без всякого повода. Ты уничтожила на самом деле хорошую книгу, даже не прочитав ее, только потому, что обнаружила там несколько честных слов в свой адрес. Я тоже там кое-что обнаружил. Но стереотипы даже самым умным застят глаза. Писательницей в нашем издательстве был я. Халина занималась только бухгалтерией.

— Охренеть... папа, ты чо, прикалываешься? — ахнула его дочь.

— Нет, сыночка! Это не может быть правдой! — заголосила его мама.

— Не скажу, что меня не устраивает такой оборот событий, — заявил Пальмистер. — Знать бы раньше! Пустая трата нервов, времени, денег — все попусту! И одна попусту загубленная жизнь. — По его лицу пробежала тень неподдельной печали.

— Мне кажется, он хотел вам что-то передать... Как бы извиниться, что ли... — сказал я.

— Не понимаю, о чем ты, сынок! — возмутился Пальмистер. — У меня нет ничего общего ни с вами, ни с этим делом. — И, схватив безвольную руку пани Гарцовник, поцеловал ее с громким чмоком. — Я прощаюсь с вами и с вашей очаровательной внучкой. А малышка, похоже, приглянулась молодому человеку, — подмигнул он Анетке, указывая на меня. Затем весело бросил: — Оревуар! — и, что-то напевая, удалился.

— Мои деньги! — вскричала Розалия. — Робаль, сделай же что-нибудь! Он нам не заплатит!

Я вынул из кармана фотографию из дядиной коллекции и протянул Розалии. Снимок, хоть и был самым невинным из всей подборки, произвел на мою подругу сильное впечатление.

— Это чудовищно! — радостно завопила она.

— Это заставит его заплатить.

— И больше чем ты думаешь, Робалечек, — прошептала Розалия, поцеловав меня в щеку.

Я еще тогда перехватил злобный взгляд, которым одарила ее Анетка Гарцовник, но не придал этому должного значения.

— Пожалуй, это уже все, да? — беспечно спросил я. — Ах да, чуть не забыл. Я еще должен постучать в потолок.

Литературный каминг-аут Славомира Гарцовника не вышел за пределы квартиры его дочери. Впрочем, я так и предполагал.

Уже на Пасху владелец издательства, штампующего бульварные романы, обвенчался со своей верной секретаршей Иной. И вскоре Ина Гарцовник получила известность, как талантливая плодовитая писательница, автор любовных романов, и с царственной благосклонностью раздавала улыбки и автографы.

Когда Розалия в один прекрасный день заглянула ко мне, чтобы вручить вырванный из зубов Пальмистера финансовый объедок (от которого я благородно отказался), она заявила, что хочет открыть собственный бизнес, и я бы, возможно, ей пригодился, если бы кардинально изменил образ жизни. Однако привычное бесцельное существование меня вполне устраивало, и я отказался. Работой я был сыт по горло на много лет вперед, а тайная признательность Гарцовника гарантировала мне постоянный приток низкопробных романов, благодаря которым удавалось забыть, на каком я свете.

Сейчас я особенно нуждался в анестезии, поскольку в меня неожиданно мертвой хваткой вцепилась Анетка Гарцовник. Как и предполагал Гарцовник, настоящая мать Анетку глубоко разочаровала. Алина была слишком некритичной, слишком преданной и слишком сильно из-за этого страдала.

И очень скоро Анетке захотелось избавиться от ее опеки. Она без труда наваяла книгу, которую в свойственной ей манере назвала “Какого хрена!”. Сей труд возглавил списки бестселлеров и покорил сердца критиков. Халина, наверное, потирала руки на небесах. Алина Пофигель вернулась в свою многоэтажку в Елёнках, Анетка продала злополучную виллу, в которой была убита ее приемная мать, квартиру сдала каким-то вьетнамцам (а те наконец-то привели ее в порядок), после чего водворилась ко мне.

Когда я запираюсь в туалете и достаю из-за бачка очередную книжку Гарцовника, то вперемешку с фразами о полных страдания и жертв путях к любви в мое сознание настойчиво пробиваются образы, исполненные гнева и насилия. Бессонными ночами я кувыркаюсь в постели с худенькой Анеткой, вцепившейся в меня, как детеныш коалы. Я мечтаю о том, чтобы мою девушку похитил какой-нибудь рыцарь на черном “харлее”. Чтобы слепой жребий своим неумолимым перстом толкнул ее в более нежные объятия. Я к ней равнодушен, но это только сильнее распаляет ее чувства. Я стараюсь поменьше с ней разговаривать, но благодаря этому кажусь ей интригующим. Если я повышаю голос, это доказывает мою силу. Если говорю тихо, значит, проявляю нежность. Все мои слова и поступки трактуются в мою пользу.

Все чаще я склоняюсь к мысли, что спасти меня может только семья и работа. Знаю, что это крайность. Знаю, что мне и самому не поздоровится. Смотрю на телефон и мысленно набираю номер агентства “А. А. Ковальский и детективы”. Давненько я у них не бывал. Давненько не давал о себе знать. Как подумаю, что там постоянно что-то происходит, а я уже ни при чем, становится немного завидно и обидно.

Джеффри Дивер

Дело смеющегося рыбака

Рассказ

Перевод Павла Зайкова

От редакции

Постоянные читатели “Иностранной литературы” хорошо знают наше правило: не печатать то, что уже переводилось на русский язык до нас. Исключения, пусть и крайне редкие, однако, бывают. В этом номере мы позволили себе напечатать новый перевод уже публиковавшихся двух детективных рассказов — “Дело смеющегося рыбака” Джеффри Дивера и “Без сна в Бостоне” Майкла Коннелли и Денниса Лихейна. Чтобы читатель убедился, что у нас были для этого веские основания, приведем несколько примеров из предыдущих переводов. Не только рассказ “Red Eye”, но и весь сборник Коннолли и Лихейна озаглавлен “Красный глаз”, тогда как red eye значит поздний рейс, — к глазам это английское словосочетание не имеет никакого отношения. Поражает воображение не только перевод названия, но и отдельные перлы в тексте. Например, такие: “Его собеседник сделал изящный глоток бренди”, или: “Женщина представляла собой классический образец бедняка, живущего ради детей”, или: “Его тонкий фонарик нашел дыру в темноте”.

© Jeffery Deaver
© Павел Зайков. Перевод, 2018

Перевод рассказа Дивера немногим лучше: “Он (преступник) не думал, куда класть руки: просто хватал и давил”, или: “…полуденный свет проник в комнату, точно принятая молитва”, или: “Его родители, преуспевающие банкиры (на самом деле речь идет о банковских служащих), сочувствовали болезни сына”. Список, как говорится, можно продолжать. Мы готовы признать свою вину, если кто-нибудь из наших читателей объяснит нам, что такое “изящный глоток”, “принятая молитва” или “тонкий фонарик”, согласится с тем, что сочувствие — это именно то, что испытывают родители во время болезни сына, и подтвердит, что встречал женщину, которая представляет собой “образец бедняка”, да еще классический.

ИНОГДА это бремя становится непосильным — бремя осознания того, что человек, которым ты восхищаешься, в реальности не существует.

Тогда депрессия, с которой борешься всю жизнь, берет верх, накатывает тревога. Границы твоего мира съеживаются, ты подавлен, угнетен...

И вот Пол Уинслоу — худощавый молодой человек лет двадцати восьми — снова, после долгого перерыва, входит в опрятный, строгий кабинет своего психотерапевта, доктора Левина, в Верхнем Вест-Сайде на Манхэттене.

— Здравствуйте, Пол, прошу вас, присаживайтесь.

Доктор Левин был из тех психоаналитиков, которые предлагают пациентам обычные кресла, а не укладывают их на кушетки. Во время терапевтических сессий он много говорил, не скупился на советы и не злоупотреблял вопросом “Что вы чувствуете по этому поводу?”. Он задавал его только тогда, когда ответ пациента был действительно важен. А такое случалось не часто.

Он никогда не использовал глагол “анализировать”.

Пол был знаком с “Психопатологией обыденной жизни” Фрейда (занимательно, хотя и чересчур многословно), читал работы Юнга, Хорни и прочих столпов психоанализа. Он знал, что во многом советы мозгоправов полная дребедень. Но Левин был молодец.

— Я делал все, что в моих силах, — объяснял ему теперь Пол. — И дело шло неплохо, в целом неплохо, но последние пару месяцев стало хуже, и я не могу избавиться от этой... от этой тоски, понимаете? Похоже, мне надо вправить мозги, — добавил он с печальной улыбкой. Чувство юмора не оставляло его даже в самые тяжелые минуты.

С губ чисто выбритого, подтянутого доктора слетел смешок. Он вел прием в рубашке и свободных полотняных брюках. На носу простые очки в металлической оправе, но это вполне соответствовало его непринужденной и дружелюбной манере держаться.

Последний раз Пол был здесь почти восемь месяцев назад, и сейчас доктор просматривал его медицинскую карту, чтобы освежить память. Папка была толстая. Пол время от времени обращался к доктору Левину в течение последних пяти лет, а до этого посещал его товарищей по цеху. Еще в раннем возрасте ему поставили диагноз: биполярное аффективное расстройство и тревожный невроз, и Пол изо всех сил старался держать свой недуг под контролем. Он не прибегал к самолечению с помощью нелегальных препаратов и спиртного, встречался с врачами, посещал терапевтические группы, принимал лекарства — правда, нерегулярно и только те заурядные антидепрессанты, которые тоннами поглощаются в Нью-Йорке и окрестностях. Его ни разу не помещали в клинику, он никогда не терял контакта с реальностью.

И все же заболевание, которым страдала и его мать, вытесняло его на обочину жизни. Пол всегда был неуживчив, нетерпелив, не признавал авторитетов, мог быть язвителен и не стеснялся в выражениях, обличая глупость и предвзятость собеседника.

О да, он обладал блестящим интеллектом, коэффициент умственного развития у него был заоблачно высок. С университетской программой он разделался за три года, с магистратурой — за год. Но потом уперся в кирпичную стену — реальный мир. Преподавать в муниципальных колледжах он не смог (никто не заставляет вас дружить с коллегами-преподавателями, но хоть малая толика терпимости к слабостям студентов просто необходима). Редактирование научных публикаций тоже закончилось провалом (та же проблема с издателями и авторами). Последнее время он в качестве внештатного сотрудника редактировал тексты для одного из своих бывших работодателей, и этот уединенный труд более или менее подходил ему, по крайней мере пока.

Дело было не в деньгах; его родители, оба банковские служащие, были люди обеспеченные и с пониманием относились к недугу сына. Они открыли на его имя трастовый фонд, который обеспечивал ему безбедную жизнь. Располагая этими средствами, он мог позволить себе простую, размеренную жизнь: работал на неполную ставку, играл в шахматном клубе в Гринвич-Виллидж, время от времени заводил романы (без особого, впрочем, энтузиазма) и посвящал много времени своему любимому занятию: чтению.

Реальные люди Пола Уинслоу интересовали мало, но он любил литературных героев. Любил с детства.

Лу Форд и Анна Вулф, Сэм Спейд и Клайд Грифитс, Фрэнк Чамберс и Майк Хаммер, Пьер Безухов и Гек Финн... и добрая сотня других составляли ближний круг Пола. Гарри Поттер был добрым приятелем, Фродо Бэггинс — другом.

Что до вампиров и зомби... стоило лишь упомянуть о них, и Пола было просто не унять.

Однако ни одно литературное произведение, будь то интеллектуальный роман или бульварное чтиво, не захватывало его так, как рассказы и повести одного автора: Артура Конан Дойла, создателя Шерлока Холмса.

Прочитав первую книгу несколько лет назад, он сразу же понял, что нашел своего героя — человека, в котором отражается его личность, его взгляды на жизнь, его душа.

Его страсть выходила за пределы книжных страниц. Он коллекционировал вещи и произведения искусства викторианской эпохи. На стене его гостиной красовалась очень недурная репродукция рисунка пером и тушью Сидни Паггета, на котором заклятые враги Холмс и профессор Мориарти сцепились на узком уступе над Райхенбахским водопадом — сцена из рассказа "Последнее дело Холмса", в котором Мориарти погибает и Холмс, судя по всему, тоже. Пол собрал все существующие экранизации приключений Холмса, хотя и считал старый телесериал с Джереми Бреттом единственно правильным.

Впрочем, в последние месяцы Пол обнаружил, что, проводя время в обществе книг, он все реже и реже испытывал подлинное удовольствие. И поскольку книги утратили былую притягательность, в образовавшуюся пустоту стали просачиваться депрессия и тревога.

Сейчас, откинувшись на спинку кресла в светлом кабинете доктора Левина — сторонника новых веяний, как однажды определил его Пол, — он теребил пальцами непокорные волосы, которые часто забывал расчесывать. Пол объяснял, что кайф, который он раньше испытывал от чтения, внезапно утратил остроту.

— Сегодня мне стукнуло в голову, что это ущербно, понимаете, совершенно ущербно — восторгаться вымышленным героем. Я был настолько... не знаю... *зажат,* что ли, между обложками книг. А жизнь... проходит мимо, — он медленно выдохнул, надув щеки. — И я подумал, возможно, уже слишком поздно. Лучшая часть моей жизни позади.

Пол оставил улыбку доктора без внимания.

— Пол, вы молодой человек. Вы достигли огромных успехов. У вас вся жизнь впереди.

Глаза на худом узком лице Пола на секунду закрылись. И снова веки взлетели вверх:

— Но это же глупо считать своим героем выдуманного человека, разве нет? Ведь это всего лишь книги.

— Не умаляйте значения вполне естественной эмоциональной привязанности читателя к литературному герою. Известно ли вам, что десятки тысяч людей во времена королевы Виктории были безутешны, когда умер один из персонажей Диккенса?

— Кто именно?

— Малютка Нелл.

— А, "Лавка древностей". Я не знал о реакции читателей.

— По всему миру. Люди рыдали, собирались толпами на улицах, без конца это обсуждали.

Пол кивнул.

— И в "Последнем деле Холмса" все выглядело так, будто Холмс погиб, но Конан Дойла, можно сказать, приперли к стенке — вынудили написать продолжение и вернуть героя.

— Вот именно. Люди любят своих героев. Но, несмотря на бесспорную важность литературы в нашей жизни, я считаю, что в вашем случае ослабленный отклик на истории о Шерлоке Холмсе — огромный шаг вперед.

Доктор говорил с несвойственным ему энтузиазмом.

— Вы полагаете?

— Это знак, что вы желаете — и готовы! — сделать шаг из вымышленного мира в реальный.

Это прозвучало интригующе. Пол почувствовал, что сердце у него забилось чуть чаще.

— Встречаясь со мной, а в прошлом с моими коллегами, вы всегда стремились преодолеть свою замкнутость, влиться в общественную жизнь. Найти работу, девушку, возможно, создать семью. И это очень благоприятный момент.

— Но как?

— Рассказы о Шерлоке Холмсе привлекали вас по нескольким причинам. И, думаю, в первую очередь потому, что ваши таланты — ваш интеллект, врожденный аналитический дар, ваши дедуктивные способности — такие же, как у него.

— Пожалуй, мой мозг нуждается в таких упражнениях.

— Я помню, как вы пришли ко мне в первый раз, — сказал доктор Левин. — Вы спросили про мою жену и про сына — как у него дела в садике? Но у меня на пальце не было кольца, и никаких фотографий на стене не висело. Я никогда не упоминал о своей семье и никогда не выкладывал информации личного свойства в интернет. Тогда я предположил, что вы просто сказали наугад — и, кстати, были правы, — но сей-

час подозреваю, что эти факты вы установили методом дедукции, верно?

Пол кивнул.

— Да, верно.

— Но как?

— Ну, что касается вашего ребенка и его возраста... у вас на штанине сбоку был крохотный отпечаток пальца, испачканного желе или вареньем, — судя по высоте, малыш четырех-пяти лет обнял папу за завтраком. И вы никогда не назначаете встреч раньше одиннадцати утра — отсюда я сделал вывод, что ребенка в садик, вероятно, отвозите вы. Если бы он был в первом классе или еще старше, вы бы отвозили его в школу гораздо раньше и могли встречаться с пациентами в девять или десять. Я предположил, что отвозить и забирать ребенка ваша обязанность, потому что у вас более гибкий график, чем у жены, вы работаете на себя. Я был уверен, что она работает на полную ставку. Это Манхэттен — в семье, как правило, два дохода.

Ну и теперь: почему сын? Я подумал, что, вероятнее всего, девочка этого возраста была бы более аккуратной и вытерла руки, прежде чем вас обнять. Почему один ребенок? Ваш офис довольно скромный, как и это здание. Я подумал, вряд ли вы миллионер. Учитывая это и ваш возраст, вполне резонно было предположить, что ребенок у вас только один. Что до жены... я подозревал, что, даже если у вас и были проблемы в браке, будучи психоаналитиком, вы приложили бы максимум усилий, чтобы сохранить семью, так что развод был весьма сомнителен. Оставалась возможность, что вы вдовец, но верилось в это слабо.

Доктор Левин, смеясь, покачал головой.

— Шерлок Холмс мог бы вами гордиться, Пол. Скажите, у вас это получается естественно?

— Совершенно естественно. Это что-то вроде игры. Хобби. Смотрю на людей и делаю логические умозаключения.

— Думаю, вам стоит поразмыслить, как использовать свой дар в реальном мире.

— В каком смысле?

— Я всегда считал, что вам не место среди профессоров и издателей. Полагаю, вы должны найти работу, где ваш дар будет востребован.

— Например?

— Это может быть юриспруденция. Или... Ну, скажем... ведь вы изучали математику и естествознание.

— Верно.

— Возможно, вам подошла бы криминалистика.

— Я думал об этом, — неуверенно сказал Пол. — Вы считаете, я готов? Я имею в виду, готов выйти в реальный мир.

Доктор ответил без колебаний:

— Определенно.

Несколько дней спустя Пол делал то, что и обычно в десять утра по будням: пил кофе и читал в кофейне “Старбакс” недалеко от своего дома в Верхнем Вест-Сайде. Сегодня, однако, его занимала не беллетристика, а местные газеты.

Он размышлял над тем, что сказал ему доктор Левин, и пытался найти практическое применение своему дару. Пока без особого успеха.

Время от времени он посматривал вокруг и делал умозаключения о сидящих рядом с ним людях: женщина явно порвала со своим молодым человеком, один из двух мужчин — художник, второй — вероятно, мелкий жулик.

Да, это талант.

Другой вопрос, к чему его приложить.

Размышляя над этим, он случайно подслушал слова одной из посетительниц кафе (блондинка, волосы забраны в хвостик). Склонившись над своим “Макбуком”, она говорила подруге:

— О Боже! Нашли еще одну!

— Что? — переспросила та.

— Еще одну зарезали в парке. Вчера вечером. Только что нашли тело, — она махнула рукой в сторону экрана. — В “Таймс” пишут.

— Господи, а кто она?

— Не написано, в смысле, не указано имя. “Двадцать девять лет, работала финансовым консультантом”, — прочитала блондинка и добавила: — Не надо было говорить, кем она работает, не называя имени. Теперь все, у кого есть подходящая под это описание знакомая, станут волноваться.

Пол сообразил, что речь идет о мужчине — судя по “почерку” преступника, это был именно мужчина, — которого окрестили Истсайдским Пальцерезом. За последние несколько месяцев он убил двух — теперь уже трех — женщин. Он коллекционировал трофеи. По крайней мере, у двух первых жертв отсек указательный палец на левой руке. Уже у мертвых, после того как перерезал им яремную вену. Сексуального подтекста в преступлениях, судя по всему, не было. Мотивов полиция не нашла.

— Где? — спросил Пол блондинку.

— Что где? — она, нахмурившись, обернулась.

— Где нашли тело? — нетерпеливо повторил он. — Вид у блондинки был сердитый, почти оскорбленный. Пол вскинул брови: — Я не подслушивал, вы сообщили об этом на весь зал. Так где же тело?

— Недалеко от Черепашьего пруда.

— Насколько недалеко? — не отступался Пол.

— Тут не написано, — она отвернулась, раздраженно фыркнув.

Пол резко поднялся, чувствуя, как забарабанил пульс.

Выбросив стаканчик с недопитым кофе, он направился к двери. И, едва заметно усмехнувшись, мысленно произнес: “Игра началась”.

— Сэр, что вы делаете?

Сидя на корточках на земле, Пол поднял взгляд на коренастого мужчину (белый, бледная кожа, зализанные назад редеющие волосы). Пол медленно встал.

— Прошу прощения?

— Можно взглянуть на ваши документы?

— Думаю, да, конечно. А мне на ваши? — Пол спокойно выдержал его холодный взгляд.

Мужчина предъявил жетон департамента полиции Нью-Йорка и представился: детектив Каррера.

Пол протянул свое водительское удостоверение.

— Живете в этом районе?

— В удостоверении указано.

— Адрес в правах не всегда совпадает с фактическим, — заметил детектив, отдавая удостоверение.

Пол продлил права два месяца назад.

— У меня совпадает, — сказал он. — Западная Восемьдесят вторая. Недалеко от Бродвея.

Они находились чуть к северу от улицы, пересекающей Центральный парк, рядом с прудом, где, по словам женщины из “Старбакса”, обнаружили тело. В этой части парка довольно густо росли деревья и кусты, здесь и там из земли выступали скалистые образования. Газон разделяла дорожка, грунтовую обочину которой и осматривал Пол. Ветер колыхал желтую оградительную ленту, но криминалисты уже уехали, забрав тело.

Несколько зевак топтались поблизости, фотографируя на мобильники или просто глазея, наверное, рассчитывая хоть одним глазком увидеть навороченную аппаратуру сыщиков. Однако не все проявляли нездоровое любопытство. Две няни, о чем-то болтая, катили коляски. Рабочий в комбинезоне отдыхал, потягивая кофе и читая спортивный раздел в газете. Две девушки-студентки проехали мимо на роликах. Никому из них не было дела до кровавой расправы, произошедшей на расстоянии каких-нибудь пятидесяти футов.

— Как давно вы здесь, мистер Уинслоу? — спросил детектив.

— Я услышал об убийстве около получаса назад и сразу сюда пришел. Никогда раньше не видел место преступления. Мне стало любопытно.

— Вы случайно не были в парке около полуночи?

— Это время смерти?

Детектив, не ответив, повторил вопрос:

— Так что насчет полуночи, сэр?

— Нет.

— Вы видели в парке в последнее время кого-нибудь в куртке с эмблемой "Янкиз" и красных туфлях?

— Так был одет убийца прошлой ночью?.. Простите за любопытство... Нет. Не видел. Но убийца действительно был так одет?

Детектив ответил не сразу — казалось, он колеблется.

— Свидетель из уборочной бригады сообщил, что видел, как примерно в полпервого ночи из кустов выходил человек в куртке с эмблемой "Янкиз" и красных туфлях, — сказал он.

Пол прищурился:

— Там?

— Да, там, — вздохнул детектив.

— И свидетель был в уборочной машине?

— Правильно.

— Тогда он ошибся, — сказал Пол тоном, не допускающим сомнений.

— Прошу прощения?

— Смотрите, — Пол кивнул и направился к дороге, пересекающей парк. — Его грузовик вчера стоял вон там, верно?

Детектив присоединился к нему.

— Да, ну и что?

— Этот фонарь светил ему прямо в лицо, и я бы очень удивился, если бы он смог разглядеть надпись на куртке. Что касается туфель, полагаю, они были синими, а не красными.

— Что?

— Он видел их не дольше секунды, максимум двух, пока ехал мимо. В следующий момент его мозг запечатлел туфли красного цвета — зрительный послеобраз. Значит, на самом деле они синие. И, кстати, это вообще были не туфли. На нем были какие-то бахилы. Вроде тех, что используют хирурги. Они обычно синие или зеленые.

— Бахилы? О чем вы? — спросил Каррера со смешанным чувством любопытства и раздражения.

— Посмотрите-ка. — Пол вернулся на обочину, где сидел на корточках до появления полицейского. — Видите эти следы? Кто-то шел по траве от тела и здесь вышел на грунтовую обочину. Он остановился — вот тут — и, судя по расположению сле-

дов, снимал что-то с туфель. Следы того же размера продолжаются отсюда, но уже гораздо более отчетливые. Так что ваш подозреваемый надел бахилы, чтобы вы не смогли распознать марку его обуви. Но он допустил ошибку. Решил, что можно их снять, едва отойдя от тела.

Каррера стоял, уставившись на землю. Потом что-то застрочил в блокноте.

— Что касается марки обуви, — добавил Пол, — полагаю, у ваших криминалистов есть базы данных.

— Да, сэр. Благодарю. Мы это проверим.

Его слова прозвучали суховато, но, судя по всему, детектив был искренне признателен. Он вытащил мобильник и набрал номер.

— И еще, детектив, — продолжал Пол, — большие туфли — похоже, двенадцатый размер, — не означают, что у него такая большая нога. Гораздо легче надеть обувь на два размера больше, чем на два размера меньше, если хотите кого-нибудь обдурить.

У Пола сложилось впечатление, что коп намерен сообщить собеседнику, что подозреваемый — верзила.

После того как Каррера приказал вернуть криминалистов и отвлекся, Пол сказал:

— Да, вот еще что...

— Сэр?

— Видите синие лепестки?

— Цветок, что ли?

— Именно. Это василек. Единственное место в парке, где растут васильки — Шекспировский сад.

— Откуда вы знаете?

— Я наблюдателен, — снисходительно пояснил Пол. — Ну так вот. В саду есть небольшой скальный выступ. За ним удобно прятаться, и я готов поспорить, что там-то он и поджидал свою жертву.

— Почему?

— Резонно предположить, что когда он, поджидая жертву, сидел в укрытии, то случайно задел цветок, и головка, оторвавшись, застряла за отворотом его брюк. А когда, снимая бахилы, поднял ногу, вывалилась.

— Но сад этот в двухстах ярдах отсюда.

— Из чего я заключаю, что вы его не обыскивали.

Каррера напрягся, но все-таки признался: нет.

— Именно на это убийца и рассчитывал. На вашем месте, я бы послал людей осмотреть сад на предмет вещественных доказательств — или чего там в наше время ищут криминалисты? По телевизору столько всякого показывают. Никогда не знаешь, что правда, а что нет.

Закончив строчить в блокноте, Каррера спросил:

— Имеете отношение к полиции?

— Нет, просто много читал про загадочные убийства.

— Ага... А визитка у вас есть?

— Нет, но я дам вам номер телефона. — Пол записал номер на обратной стороне визитки детектива и вернул ее владельцу. Потом снизу вверх — тот был дюймов на шесть выше — посмотрел копу в глаза: — Уверен, вам все это кажется подозрительным. На всякий случай я написал название шахматного клуба, где играю, это в Гринвич-Виллидж. Я был там вчера до полуночи. Думаю, камеры наблюдения в метро покажут, как я выходил из вагона около половины второго — я ехал на первой линии до Семьдесят второй улицы. А потом пошел в магазинчик Алонсо. Продавец меня знает, он может подтвердить.

— Да, сэр. — Каррера старался делать вид, будто и не думает подозревать Пола, но, разумеется, даже Лестрейд в рассказах про Шерлока Холмса распорядился бы его проверить.

И все же, как показалось Полу в тот момент, детектив от души пожал ему руку.

— Спасибо за помощь, мистер Уинслоу. Не часто встретишь таких сознательных граждан. Да еще с такими ценными советами.

— Рад помочь.

Каррера натянул перчатки и положил цветок в полиэтиленовый пакетик. Потом зашагал в сторону сада.

Пол собрался было еще раз осмотреть место преступления, но тут кто-то окликнул его:

— Прошу прощения!

Обернувшись, Пол увидел лысеющего мужчину, крепкого и высокого, в светло-коричневых штанах и спортивной куртке. На ногах мягкие мокасины. Выглядел он как бизнесмен из Коннектикута в выходной день. В руке у него был цифровой диктофон.

— Я Франклин Мосс. Репортер из “Дейли фид”.

— Это сельскохозяйственная газета?

Мосс недоуменно заморгал.

— Блог. Новостная лента. А, так вы шутите...

Пол не отреагировал.

— Можно узнать ваше имя? — спросил Мосс.

— Не уверен. А что вам нужно? — Пол посмотрел на диктофон. Ему не понравился блеснувший в глазах репортера жадный — слишком жадный — огонек.

— Я видел, как вы разговаривали с копом, с Каррерой. От него толку не добьешься. Сукин сын, короче. Но это между нами, дружище.

“Я тебе не дружище”, — мысленно поправил Пол. А вслух сказал: — Он, собственно, только спросил, не видел ли я чего-нибудь — в связи с убийством. У них это, по-моему, называется выявление свидетелей.

— А вы что-нибудь видели?

— Нет, просто живу по соседству. Оказался здесь минут сорок назад.

Мосс огляделся с недовольным видом.

— На этот раз ничего стоящего. Все прибрали до того, как мы про это услышали.

— Стоящего? Вы имеете в виду тело?

— Ну да. Хотел немного пощелкать. Но, видно, не мой день. — Мосс уставился на тенистый островок кустарника, где убили женщину. — Эту-то он изнасиловал? Отрезал чего-нибудь, кроме пальца?

— Я не знаю. Детектив...

— Не сказал.

— Да.

— Разве они скажут чего лишнего! Черта с два. Тот еще сукин сын, я же говорю. Вы не против, если я возьму у вас интервью?

— Мне, в общем-то, нечего сказать.

— Ну и что? Думаете, другим есть? Надо же чем-то заполнять страницы. Если передумаете, наберите меня и пятнадцать минут славы вам обеспечены. Вот моя карточка, — он протянул визитку; Пол мельком взглянул на нее и сунул в карман. — Я веду колонку о том, что люди думают по поводу таких вот убийств.

Пол недоуменно покачал головой.

— Готов поспорить, подавляющее большинство этого не одобряет.

Весь следующий день Пол провел на ногах, посещая места убийств, совершенных Пальцерезом в Верхнем Ист-Сайде, стараясь подобраться как можно ближе, наблюдая, записывая. В промежутках между вылазками он возвращался домой и, сидя за компьютером, продолжал свое расследование, напряженно размышляя, как извлечь практическую пользу из всего того, что узнал, погружаясь в мир книг о Шерлоке Холмсе.

Звонок в дверь застал его за этим занятием.

— Да? — ответил он в домофон.

— Э... привет. Пол Уинслоу?

— Да.

— Это детектив Каррера. Мы виделись на днях. В Центральном парке.

Хм...

— Конечно. Поднимайтесь, — он нажал на кнопку, открывая наружную дверь.

Минуту спустя в дверь постучали. Пол впустил детектива. Тяжело дыша после подъема на второй этаж — судя по всему, он не стал ждать лифта, — Каррера оглядел квартиру. Не будь он полицейским при исполнении обязанностей, наверное, сказал бы: "клёвая берлога" или что-нибудь в этом роде — Пол заметил, что обстановка квартиры произвела на него впечатление.

Трастовый фонд обеспечивал ему весьма солидный доход.

— Ну что? — сказал Пол. — Проверили меня? Видимо, да, потому что пришли без наручников.

Каррера, в руках у которого была толстая темно-коричневая папка, попытался было возразить, но потом рассмеялся:

— Н-да, подозреваемый из вас никудышный.

— Впрочем... преступники ведь действительно возвращаются на место преступления.

— Да, но надо быть полным идиотом, чтобы давать полиции советы... к тому же полезные, как в вашем случае. Обувь была марки "Феррагамо", двенадцатый размер — у вас наметанный глаз. Так что наш парень не из бедных.

— А глубина отпечатка?

— Не маленькая. Крупный мужчина, вероятно, это его настоящий размер.

— Туфля новая?

— Степень износа установить не удалось.

— Очень жаль.

— И насчет куртки вы были правы. Уборщик на самом деле не разглядел логотип. Это его домыслы — она была черная и такого же покроя, как куртка с эмблемой "Янкиз" у его пацана. Человек старался помочь следствию. Со свидетелями такое часто бывает.

— Не забывайте, что он смотрел против света. Куртка вовсе не обязательно черная. Это мог быть любой темный цвет. Что-нибудь выпьете?

— Да, воды. Спасибо.

— Я пью молоко. Очень люблю. Выпиваю по стакану в день, а то и по два. Хотите молока?

— Нет, просто воды.

Пол принес стакан молока для себя и бутылку минеральной воды для детектива. Вернувшись, он застал Карреру за изучением книжных полок.

— Ничего себе, сколько у вас книг! И там еще целая стена — реальные преступления, криминалистика.

— Думаю, может, когда-нибудь этим займусь. В смысле, пойду учиться. У меня диплом по математике и естественным наукам.

— Отличное начало. У всех хороших криминалистов, которых я знаю, научное образование. Пожалуй... дайте мне знать, если понадобится совет, куда пойти, какое направление выбрать.

— Да? Спасибо.

Каррера отвел взгляд и начал:

— Мистер Уинслоу...

— Просто Пол.

— Хорошо, тогда я — Ал. Пол, вы слышали, что полиция иногда привлекает гражданских для расследования запутанных дел? Экстрасенсов, например?

— Слышал. Но я не верю в экстрасенсов. Я — рационалист.

— Это тот, кто не верит в сверхъестественное, да?

— Именно.

— Ну, тогда я тоже. Хотя в прошлом мне все-таки приходилось привлекать консультантов. Специалистов. Например, по компьютерам. Или когда дело касалось кражи произведений искусства, я приглашал на помощь музейщиков.

— И вы хотите, чтобы я стал вашим консультантом? — спросил Пол, чувствуя, как у него заколотилось сердце.

— Меня впечатлило то, что вы сказали в парке. Я принес кое-какие документы относительно подозреваемого номер 287 — так мы обозначаем предполагаемого убийцу.

— Значит, слово *пальцерез* среди полицейских не в ходу.

— Ну, знаете ли, это было бы не очень профессионально. Так вот, Пол, я подумал, не захотите ли вы на них взглянуть и поделиться с нами своими соображениями.

— Само собой, буду рад.

Джордж Ласситер был расстроен.

Сорокалетний житель Манхэттена, которому пресса дала громкое, но, надо признать, меткое прозвище Истсайдский Пальцерез, столкнулся с проблемой.

Мало кто мог сравниться с ним в тщательности планирования и исполнения преступлений. На самом деле, существенную часть облегчения, которое он испытывал от убийства, приносил именно процесс подготовки. (Само убийство — или *экзекуция*, как он иногда шутил, — порой не оправдывало ожиданий: скажем, если жертва кричала и вырывалась слишком вяло, — зато тщательное планирование не разочаровывало никогда.)

Уделяй скрупулезное внимание деталям при выборе места для засады, избегай оставлять улики, а если оставляешь, то только те, что наводят на ложный след, узнай о жертве как можно больше, чтобы в момент нападения обошлось без сюрпризов — этим правилам он не изменял никогда.

Но, похоже, он дал промашку с последним убийством в Центральном парке неподалеку от Шекспировского сада и Черепашьего пруда несколько дней назад.

Сейчас Ласситер — мужчина крепкого сложения в свободных брюках и черном свитере — стоял рядом с домом на Восемьдесят второй улице в Верхнем Ист-Сайде.

Утром после убийства Ласситер вернулся на место преступления посмотреть, как идут дела у полиции. Тогда-то он и приметил тощего молодого человека, который разговаривал с детективом — вероятно, главным следователем по этому делу. Похоже, парень давал советы, и, судя по реакции полицейского, весьма дельные.

Хорошего в этом было мало.

После того как молодой человек ушел с места преступления, Ласситер проследил за ним до самого дома. С полчаса он ждал, пока не выйдет кто-нибудь из жильцов, и, когда по лестнице спустилась пожилая женщина, направился ей навстречу с широкой улыбкой. Описав молодого человека, Ласситер спросил, как того зовут, сказав, что он похож на его армейского товарища. Соседка назвала имя: Пол Уинслоу. Ласситер покачал головой, сказал, что, скорее всего, обознался, и, поблагодарив женщину, зашагал прочь.

Вернувшись домой, он обшарил весь интернет в поисках информации о Поле Уинслоу с таким адресом. И практически ничего не обнаружил. Никаких страниц в Фейсбуке, Инстаграме, Твиттере... ничего в социальных сетях. Проверка на наличие судимости тоже не дала результатов. Ясно теперь было лишь одно: молодой человек не служит в органах правопорядка, а просто сует нос не в свое дело.

Отчего он не становился менее опасным.

Возможно, он даже видел, как Ласситер выбрался из своего укрытия в Шекспировском саду, схватил мисс Рейчел Гарнер за горло, придушил до бессознательного состояния и перетащил в парк. Чтобы пустить в ход нож.

А может быть, заметил, как он уходил с места преступления около полуночи, когда дело было сделано. Это было более вероятно; в конце концов, Ласситер видел, как Пол рассматривал то самое место, где он на минуту остановился, уходя от окровавленного тела.

Чего же он сразу не вызвал полицию? Кто его знает — может, раздумывал всю ночь, стоит ли вмешиваться.

Теперь, не привлекая внимания, Ласситер наблюдал за квартирой Пола. Он намеревался снова последовать за молодым человеком и выяснить, где тот работает, а возможно, разузнать что-нибудь еще.

И тут, смотрите-ка, кто нарисовался у входной двери с толстой папкой под мышкой! Детектив Каррера собственной персоной — какой-то бледный и не в лучшей форме.

Что делать, что делать?

Сразу несколько мыслей пришли на ум. Но, как всегда, он не стал принимать скоропалительных решений.

Думай, планируй, взвешивай.

Только тогда сможешь действовать без риска, и всё сойдет тебе с рук.

— Кое-что мы действительно нашли, — говорил Ал Каррера Полу, раскладывая бумаги из своей папки на журнальном столике, — там, где вы и сказали, среди скал в Шекспировском саду.

— И что это было?

— Отпечатки подошв, совпадающие со следами бахил. И крохотный обрывок упаковки, пищевой упаковки. Криминалисты установили, что это обертка от энергетического батончика — такие обычно берут с собой в поход. Анализ бумаги и красителя показал, что это батончик "Спорт Плюс" весом четыре унции, с начинкой из орехового масла и изюма. Возможно, клочок оставил преступник: мы проанализировали состав росы на нем; оказалось, что упаковку обронили около полуночи.

— Молодцы ваши ребята, — одобрительно сказал Пол. Он вспомнил, что у Шерлока Холмса была собственная лаборатория. Конан Дойл, сам — человек науки, предрёк развитие криминалистики.

Детектив взял в руки конверт — восемь с половиной на одиннадцать дюймов.

— Это фотографии мест преступлений — и жертв. Должен вас предупредить: зрелище не для слабонервных.

— Не знаю, приходилось ли мне вообще когда-нибудь видеть фотографию мертвого тела. По телевизору видел, конечно, но не крупным планом, — Пол в нерешительности уставился на конверт. Наконец он кивнул: — Ладно, давайте.

Каррера разложил снимки.

Пола удивило, что они цветные и цвета очень яркие. Хотя, собственно, чему тут удивляться? С чего бы полицейским фотографам делать черно-белые фотографии, если сейчас никто их уже не делает?

Разглядывая натуралистичные снимки окровавленных тел, Пол почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Но, вспомнив рассказы про Шерлока Холмса, мысленно приказал себе воспринимать все это так же отстраненно и профессионально, как и его герой.

Он склонился над фотографиями и сосредоточился.

— Несколько соображений, — наконец произнес он. — Убийца очень силен. Это видно по синякам на шеях. Он ни разу не сменил положение рук. Держал мертвой хваткой и душил своих жертв, пока они не теряли сознание, — но, заметьте, не до смерти. Судя по количеству крови, они были все еще живы, когда он наносил удары ножом. Дайте-ка подумать... Ну да — он правша. Если бы притворялся правшой, разрезы мягких тканей не были бы такими ровными.

— Неплохо.

— Кроме того, он осторожен, очень бдителен и наблюдателен. Посмотрите на следы на земле во всех трех случаях. Он каждый раз встает и обходит место, где лежит жертва, — нет ли какой опасности. Действует грамотно.

Каррера записывал.

Пол постучал пальцем по фотографии с изображением отпечатка окровавленной ладони — преступник, вероятно, вставая, опирался на руку.

— Посмотрите-ка на большой палец. Занятно.

— Что-что?

— Палец не сильно оттопырен — это странно, если предположить что преступник опирался на руку, чтобы встать.

— Вижу.

— Возможно, это означает, что он много времени проводит за компьютером.

— С чего вы взяли?

— Люди, которые часто колотят по клавиатуре, обычно держат большие пальцы близко к ладони, чтобы нажимать на пробел.

Каррера удивленно поднял бровь и сделал очередную пометку в блокноте.

Пол едва заметно улыбнулся:

— Он — рыбак.

— Что?

— Я почти уверен. Видите следы на запястьях жертв?

— Следы от веревки.

Пол, прищурившись, перекладывал фотографии.

— По толщине похоже на рыболовную леску. И видите, как он сделал надрезы, прежде чем ампутировать пальцы? Так снимают кожу с рыбы. Ну и к тому же этот энергетический батончик — как раз такие берут с собой рыбаки вместо обеда или чтобы перекусить с утра. — Пол откинулся на спинку стула и бросил взгляд на Карреру: тот лихорадочно записывал. — Если он рыбак, что, на мой взгляд, весьма вероятно, у него, наверное, есть домик у озера где-нибудь в окрестностях. Мы знаем, что он не беден — стоять с удочкой на набережной Ист-

Ривер не будет. Он ездит за город в своем “БМВ”... Погодите, — заметив, что Каррера принялся записывать, Пол улыбнулся и быстро добавил: — Насчет “бумера” это всего лишь догадка. Но я уверен: машина хорошая. Мы знаем, что доход у него выше среднего. Дерзкий характер преступлений наводит на мысль, что автомобиль не из скромных: “мерседес”, “БМВ”, “порше”.

Закончив писать, Каррера спросил:

— Есть ли какой-то смысл в том, что он отрезает именно указательный палец?

— О, думаю, это оскорбление, — ответил Пол.

— Оскорбление? Кого он хочет оскорбить?

— Полагаю, вас. Полицию. Он презирает власти. Намекает, что, даже если впрямую указать на убийцу пальцем, вы и этого не заметите. Он над вами смеется.

Каррера покачал головой:

— Вот сволочь.

Пол вновь склонился над фотографиями. “Смеющийся рыбак, — подумал он. — Неплохое название для рассказа о Шерлоке Холмсе. *Дело смеющегося рыбака*”.

— Смеется над нами, гад, — продолжал горячиться Каррера.

Пол поднял голову:

— Рыбалка...

— Что? — Каррера проследил за сосредоточенным взглядом Пола, который, встав, направился к компьютеру и принялся что-то искать в интернете. Поразмыслив с минуту, он сказал:

— В Центральном парке есть где порыбачить: озеро, пруд, Гарлемское озеро. Ну конечно! Готов поспорить, что там-то он и ловит... своих жертв. — Он выразительно посмотрел на Карреру: — Пойдемте-ка, поглядим, не найдется ли там еще оберток или каких-нибудь других улик. Можно было бы установить наблюдение.

— Гражданским лицам запрещено участвовать в оперативно-разыскных мероприятиях.

— Я вам не помешаю. Просто понаблюдаю и поделюсь своими соображениями.

— Хорошо, — сказал Каррера после некоторого колебания, — но, если что-то или кто-то покажется вам подозрительным, действовать буду я.

— Ничуть не возражаю.

Пол сходил в кабинет за пиджаком и вернулся в гостиную. Надевая пиджак, он вдруг нахмурился:

— Мне только что пришло в голову... я убежден: он вас знает.

— Меня? Лично меня?

— Вас и других следователей.

— Откуда?

— Думаю, он был на месте преступления, смотрел, как продвигается следствие. А значит, вам может грозить опасность. Всем вам. Следует предупредить ваших коллег из следственной группы, — сказал Пол и серьезно добавил: — И лучше не откладывая на потом.

Каррера отправил сообщение.

— Напарнику, — пояснил он. — Он скажет, чтобы все были начеку. Да и вам, Пол, осторожность тоже не помешает.

— Мне? Я человек посторонний. Уверен, мне не о чем беспокоиться.

Проникнуть в квартиру Пола Уинслоу оказалось делом нехитрым.

Когда пару часов назад Пол и Каррера ушли, Джордж Ласситер проскользнул на задний двор и взломал дверь черного хода. Несколько пролетов вверх по лестнице — и вот он, вход в квартиру. Открыть замок с помощью отмычки-пистолета заняло не больше пяти секунд, и Ласситер прошмыгнул внутрь, с удовлетворением отметив, что сигнализации в квартире нет.

Проще некуда.

Теперь он стоял у оконной ниши в тускло освещенной гостиной, внимательно осматривая улицу. На нем были латексные перчатки и вязаная шапочка. Ласситер не ожидал, что квартира будет такая шикарная: роскошная обстановка была ему на руку — полно дорогих вещей и нет сигнализации. Настоящая находка для грабителей. Он уже решил, что Пол не подойдет на роль жертвы Истсайдского Пальцереза — ведь тогда Каррера и другие следователи мигом сообразят, что его советы, касающиеся личности убийцы, были верны. Нет, это должно выглядеть как банальная кража со взломом: внезапно появился хозяин и застал у себя грабителя.

Если Каррера вернется с Полом, он выскользнет через черный ход и подождет денек-другой. Но если парень вернется один, он собьет его с ног, оглушит рукояткой пистолета. Ослепит его, раздробит ему челюсть. Так, чтобы он не скоро вышел из больницы и стал совершенно бесполезен в качестве свидетеля. Когда на кону стоит раскрытие убийства, рвение полицейских возрастает экспоненциально. Избиение же, каким бы серьезным ни было, как правило, заботит стражей порядка гораздо меньше.

“Бог ты мой, сколько ж тут книг... — Ласситер испытал что-то вроде угрызений совести: лишившись зрения, думал

он, не очень-то почитаешь, — но вы сами виноваты, мистер-в-каждой-бочке-затычка".

Полчаса спустя Ласситер напрягся: а вот и он. Пол возвращался со стороны Центрального парка. Один. Копа с ним не было. Когда молодой человек зашел в магазинчик внизу, Ласситер вытащил пистолет и спрятался за дверью, выходящей на парадную лестницу.

Прошло минуты три-четыре. Ласситер ожидал услышать, как поворачивается ключ в замке, но вместо этого раздался звонок.

Он осторожно заглянул в глазок. Увидел выпуклое изображение разносчика пиццы с коробкой в руках и чуть не рассмеялся. Но потом сообразил: "Стоп, как он попал внутрь, не позвонив снизу в домофон?"

Черт, выходит, Пол дал разносчику ключ и попросил позвонить, чтобы привлечь внимание его, Ласситера, к парадной двери. А это значит...

Дуло пистолета уперлось в затылок Ласситера. Металл холодил кожу. Чертовски неприятное ощущение.

— Встаньте на колени, Ласситер, и бросьте оружие, — спокойно произнес Пол. — И руки за спину.

Ласситер вздохнул. Пистолет с грохотом упал на деревянный пол.

Проворно и со знанием дела Пол защелкнул наручники и подобрал пистолет. Ласситер обернулся, и лицо у него перекосилось. Оказывается, у молодого человека не было оружия. Он обманул его, воспользовавшись обрезком трубы...

Кивком указав на дверь, Пол сказал:

— Я на улице дал ему ключ и велел самому открыть наружную дверь. Поясняю на всякий случай — вы, вероятно, и без меня догадались.

В дверь опять позвонили, и Пол легонько подтолкнул Ласситера, принуждая лечь на пол.

— Не двигаться. Договорились? — Молодой человек, убедившись, что пистолет заряжен и снят с предохранителя, прицелился в голову Ласситера.

— Да. Хорошо. Не буду.

Пол сунул пистолет в карман и включил в квартире свет. Затем подошел к двери и открыл ее. Взял коробку с пиццей, расплатился. Судя по восторженной реакции разносчика — "Благодарю вас, сэр! Хорошего вечера! Ух-ты, спасибо!" — чаевые были весьма щедрыми.

Пол не особенно любил пиццу. Да и вообще он был равнодушен к еде. Заказ сделал с единственной целью — отвлечь Лас-

ситера и пробраться в квартиру через заднюю дверь. А вот пить ему действительно хотелось.

— Я бы не отказался от стаканчика молока. А вы?

— Молока?

— Или воды? Это, пожалуй, все, что я могу предложить. Ни спиртного, ни содовой у меня нет.

Ласситер не ответил. Пол пошел на кухню и налил в стакан молока. Вернувшись, помог Ласситеру сесть на стул. Потягивая молоко из высокого стакана, он размышлял о произошедшей в нем перемене, о том, насколько увереннее он себя чувствует. Депрессию как рукой сняло, беспокойство тоже.

Спасибо доктору Левину.

Созерцая стакан, Пол спросил:

— Вы знаете, что термин "терруар"[1] применим не только к вину, но и к молоку? Анализируя молоко, можно установить, что ели коровы в период лактации: определить состав почвы, следы химикатов, даже воздействие насекомых. Зачем вы заворачиваете свои трофеи в шелк? Пальцы... Это единственное, чего я не смог разгадать.

Ласситер разинул рот и, выпучив глаза, уставился на Пола.

— Я знаю, в новостях этого не было. Даже полиция об этом не знает. Одна единственная окровавленная нитка на месте одного из преступлений. Вряд ли на вас была шелковая одежда. Слишком пошло и вычурно для человека, чья цель — убийство. Правда, шелк используется для пошива теплого нижнего белья, но в такую погоду вы бы ничего подобного на себя не надели: кому охота обливаться пóтом на месте преступления. Хорошее было время для таких, как вы, когда еще не делали анализа ДНК, а? — Пол улыбнулся: Ласситер издал стон, или ему показалось? — Впрочем, меня не особенно интересует этот шелк. Чистое любопытство. Никакого отношения к нашим теперешним делам. Для вас, несомненно, гораздо важнее вопрос, *как* я вас нашел. Оно и понятно. Буду краток: из газетных сообщений об убийствах я понял, что вы совершаете преступления, будучи в здравом уме. И сделал вывод, что вы все планируете заранее. Тщательно выбираете место преступления и прорабатываете пути отхода.

Такому человеку, как вы, непременно захочется узнать кое-что о тех, кто за ним охотится. Я решил, что вы придете на ме-

1. Совокупность почвенно-климатических факторов и характеристик местности, определяющая сортовые характеристики сельскохозяйственной продукции. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

сто преступления утром после убийства. Понаблюдал за всеми, кто был рядом. Мужчина со стаканчиком кофе, читающий спортивный раздел в "Пост", показался мне подозрительным. Я почти не сомневался, что это убийца. Я сразу понял, что туфля "Феррагамо" — ложная улика: зачем было снимать бахилы на грунтовой обочине, когда вы могли через пару шагов сделать то же самое на асфальте, не оставив полиции никаких следов? Это значило, что вы вовсе не богаты, а принадлежите к среднему классу — марка туфель должна была направить копов по ложному следу. И я знал, что вы сильны и крепко сложены. Читатель "Пост" всему этому вполне соответствовал.

— Покидая место преступления, я не сомневался, что вы последуете за мной. Дома я быстро схватил шляпу, другой пиджак, солнцезащитные очки, вышел через заднюю дверь и проследил за вами до самой вашей квартиры в Квинсе. Пара запросов в поисковике, и ваша личность была установлена.

Пол с удовольствием надолго приложился к стакану с молоком.

— Среднестатистическая корова в США дает около двадцати тысяч фунтов молока в год. Удивительно, не правда ли? — Несколько секунд он наблюдал за сидящим напротив бедолагой. — Я большой любитель историй о Шерлоке Холмсе. — Он кивком указал на книжные полки на стенах комнаты. — Как вы, вероятно, видите.

— Так вот почему здесь до сих пор нет полиции, — пробормотал пленник. — Будете разыгрывать из себя героя, вроде Шерлока Холмса: мол, я такой гениальный — даже полицию заткнул за пояс! Ну и кому вы меня сдадите? Мэру? Комиссару полиции?

— Ни в коем случае, — возразил Пол. — Моя цель *нанять* вас на работу. В качестве ассистента.

— *Ассистента?*

— Я хочу, чтобы вы на меня работали. Стали моим подручным. Хотя, надо сказать, это слово мне никогда не нравилось.

Ласситер кисло рассмеялся.

— Хрень какая-то получается. Вы возомнили себя Шерлоком Холмсом, а мне предлагаете быть вашим Ватсоном?

Пола передернуло.

— Нет, нет, нет. Мой книжный герой, — он показал на свои полки, — не Холмс, а *Мориарти*. Профессор Джеймс Мориарти.

— Это он, что ли... как там... заклятый враг Холмса?

Пол наизусть процитировал слова Холмса: "Называя Мориарти преступником, вы совершаете подсудное деяние. В глазах закона это клевета, так-то Ватсон. Величайший зако-

ворщик, организатор бесчисленных злодейств, гений преступного мира — вот что это за человек"[1].

— Холмс обладал блестящим интеллектом, — продолжал он, — это так, но у него не было грандиозных замыслов, ему не хватало куража. Он был пассивен. Мориарти же, напротив, — воплощение честолюбия. Он постоянно планировал заговоры и плел интриги. Он мой герой с тех самых пор, как я впервые о нем прочитал. — Пол с нежностью поглядел на книги — по-видимому, те, в которых действует Мориарти. — Из-за него я изучал математику и естествознание. Я стал профессором, как мой герой.

Пол вспомнил, что говорил доктор Левин на недавней терапевтической сессии:

Рассказы о Шерлоке Холмсе привлекали вас по нескольким причинам. И, думаю, в первую очередь потому, что ваши таланты – ваш интеллект, врожденный аналитический дар, ваши дедуктивные способности – такие же, как у него.

Доктор Левин полагал, что Пол преклоняется перед Холмсом, и пациент не счел нужным его поправлять: скорее всего, как психотерапевт Левин забил бы тревогу, узнав, что клиент отождествляет себя с преступником, пусть даже и вымышленным.

— В качестве персонажа Мориарти появляется только в двух рассказах и лишь вскользь упомянут еще в пяти. Но дух его преступлений пронизывает всю серию, и возникает впечатление, что Холмс все время ощущает незримое присутствие злодея, более умного и изобретательного, чем он сам. *Он* был моим кумиром, — улыбнулся Пол; на его лице читалось благоговейное обожание. — Так что я решил стать современным Мориарти. А для этого нужен ассистент, как у моего героя.

— Как Ватсон?

— Нет. Подручным Мориарти был полковник Себастьян Моран, бывший военный, который специализировался на убийствах. То, что мне нужно. Я задавался вопросом, кого выбрать на эту роль. Знакомствами в криминальных кругах я похвастаться не могу, и потому принялся изучать недавние преступления в городе; так я наткнулся на Истсайдского Пальцереза. Вы оказались самым многообещающим кандидатом. О да, вы совершали промахи, но я подумал, что смогу помочь вам исправить ошибки — они были очевидны. Вы возвращались на место преступления, оставляли ложные улики, но их было недостаточно, чтобы подставить кого-то вместо себя, все ваши жертвы были очень

1. Перевод И. Бернштейн.

похожи — это позволяло выявить определенные закономерности и составить психологический портрет. И, ради всего святого, скажите, как можно, поджидая жертву, есть энергетический батончик?! Вы способны на большее, Ласситер.

Ласситер молчал, однако выражение его лица свидетельствовало, что он признает правоту Пола.

— Но прежде всего мне надо было спасти вас от полиции. Я помог детективу Каррере составить детальный и очень правдоподобный портрет преступника, только... только с вами у него не было ничего общего.

— Очень может быть, но они продолжают меня искать!

— Да неужели? — насмешливо спросил Пол.

— Что вы имеете в виду?

Пол нашел пульт управления от блока кабельного телевидения, несколько секунд с ним возился.

— Когда-то, знаете ли, приходилось ждать новостей в конце часа. А теперь, пожалуйста, двадцать четыре часа в сутки. По большей части, конечно, скука, но иногда небезынтересно.

Телевизор ожил.

Показывали рекламный ролик страховой компании "Гейко".

— От этого никуда не денешься, — сказал Пол, скривившись и кивая на экран, — хотя бывают и забавные. Особенно тот, что с бе́лками.

Секунду спустя на экране появилась телеведущая:

— Если вы только что к нам присоединились...

— Так и есть, — вставил Пол.

— ...представители Департамента полиции Нью-Йорка сообщают, что так называемый Истсайдский Пальцерез, предположительно ответственный за убийства трех женщин на Манхэттене, а также за убийство сотрудника полиции, детектива Альберта Карреры, совершенное сегодня вечером, арестован. Им оказался Франклин Мосс, журналист и блогер.

— Какого черта?

Пол шикнул, призывая Ласситера замолчать.

— Тело детектива Карреры с ножевыми ранениями было обнаружено около пяти часов вечера недалеко от популярного среди рыбаков места на Гарлемском озере в Центральном парке. Анонимный информатор...

— Moi[1], — сказал Пол.

— ...навел следствие на квартиру Мосса в Бруклине, где полиция обнаружила улики, изобличающие блогера в убийстве детектива Карреры и других жертв. В настоящее время он за-

1. Я (*франц.*).

держан без права освобождения под залог и находится в следственном изоляторе Манхэттена.

Пол выключил телевизор.

Он повернулся к Ласситеру и не без удовольствия отметил выражение крайнего замешательства на его лице.

— Думаю, они нам больше не понадобятся, — встав, Пол расстегнул наручники. — Впрочем, должен предупредить: я передал своему адвокату массу улик, изобличающих вас в этих преступлениях, так что не стоит делать глупости.

— Да я и не собирался.

— Отлично. Итак, когда я решил привлечь вас в качестве ассистента, понадобилось свалить вину за убийства на кого-то другого. Но на кого? Я никогда не любил репортеров, а Франклин Мосс был особенно назойлив. Так что я навел о нем справки, обнаружил, что он заядлый рыболов, и скормил Каррере эту ахинею про хобби убийцы.

Сегодня днем я убедил Карреру отправиться со мной в излюбленное рыбаками место в Центральном парке и поискать там улики. Улучив момент, когда мы были у озера одни, я перерезал ему горло и отпилил указательный палец. Пришлось, кстати, попотеть. Чем вас не устраивал мизинец? Ладно, чего уж там. Затем я отправился к Моссу домой и спрятал нож и палец в его гараже вместе с кое-какими вещественными доказательствами других преступлений: парой туфель "Феррагамо", которые я вчера купил, и пачкой этих ваших энергетических батончиков. Перед входом в квартиру я оставил следы крови Карреры, чтобы у полиции было достаточно оснований для ордера на обыск... — Пол с удовольствием отхлебнул молока. — Доказательства, конечно, косвенные, но неоспоримые: Мосс ездит на "БМВ", о чем я ранее говорил Каррере, потому что видел его автомобиль. Из общедоступных источников известно, что у него есть дом на берегу озера в Уэстчестере, о чем я также говорил Каррере. А еще я высказал предположение, что следы на запястьях жертв оставлены рыболовной леской, которой у Мосса в гараже и подвале было полным полно... А вы пользовались электропроводом, так ведь?

— Хм, да.

— А еще я навешал детективу лапшу на уши насчет того, — продолжал Пол, — что убийца, вероятно, проводит много времени за компьютером, что вполне естественно для блогера. Так что нашему другу Моссу светит пожизненное. А вы чисты.

Ласситер нахмурился.

— Но Каррера наверняка рассказал другим полицейским, что портрет преступника для него составили вы. Это ведь могло навести подозрения на вас?

— Правильный вопрос, Ласситер. Но я знал, что он не расскажет. Иначе зачем было приходить со своей папкой ко мне домой, почему бы не пригласить меня к себе в отделение? И почему он пришел один, а не с коллегами? Нет, он советовался со мной в частном порядке — чтобы присвоить мои идеи и отличиться самому. — Пол провел рукой по волосам и посмотрел на убийцу с лукавой улыбкой. — Ну а теперь расскажите про ваше задание — про человека, который вас нанял. Мне это весьма любопытно.

— Задание?

Но фальшивое удивление не сработало.

— Не валяйте дурака, Ласситер. Вы не серийный убийца. Вы бы мне не понадобились, если бы были маньяком: они слишком непредсказуемы. Слишком подвержены эмоциям. — Последнее слово Пол произнес так, будто говорил о протухшей еде. — Вы использовали серию убийств как прикрытие для одного-единственного преступления. Вас наняли с целью устранения конкретного человека — одной из трех жертв.

У Ласситера буквально отпала челюсть. Он с трудом, медленно снова сомкнул губы.

— Это было очевидно, — продолжал Пол. — Сексуальной составляющей, которая всегда есть в серийных убийствах, в ваших преступлениях не было. С точки зрения психопатологии, ваш трофей — отрезанный указательный палец — никак не связан с архетипическими образами. Вы сымпровизировали, подумав, что это будет выглядеть достаточно жутко. Так кого же из трех вам заказали?

Ласситер пожал плечами, как бы говоря “чего уж теперь...”.

— Рейчел Гарнер. Последнюю. Она собиралась настучать на своего босса. Он директор одного хедж-фонда[1] и по уши завяз в какой-то истории с отмыванием денег.

— Скорей уж по уши завяз в дерьме, если пришлось отмывать, — не удержался от каламбура Пол. — Что-то подобное я и предполагал.

— Я познакомился с этим парнем в армии, — продолжал Ласситер. — Он знал, что я и раньше не боялся замарать руки, вот и позвонил мне.

— Так это был одноразовый заказ?

— Да.

— Хорошо. Значит, вы можете перейти на службу ко мне.

1. Хедж-фонд — инвестиционный фонд, ориентированный на максимизацию доходности при заданном риске или минимизацию рисков для заданной доходности.

Ласситер колебался.

Пол придвинулся к нему.

— Подумайте, сколько кровавых преступлений ждут своего часа. Сколько незадачливых махинаторов и честных дураков с Уолл-стрит ждут очереди, чтобы их обобрали. Какие открываются перспективы: незаконные сделки с оружием, шантаж нечистоплотных политиков, торговля людьми, террористы, чьи взгляды, возможно, несостоятельны, с точки зрения здравого смысла, но зато сами они весьма состоятельны и готовы оплачивать услуги таких, как мы. — Глаза Пола сузились. — И, знаете что, Ласситер, порой ведь очень хочется перерезать пару-тройку глоток, просто так, для удовольствия.

Ласситер уперся взглядом в ковер. Прошло довольно много времени, прежде чем он прошептал:

— Шелк, говорите?

— Ну-ну!

— Мать, когда избивала меня, затыкала мне рот шелковым платком. Чтобы заглушить крики.

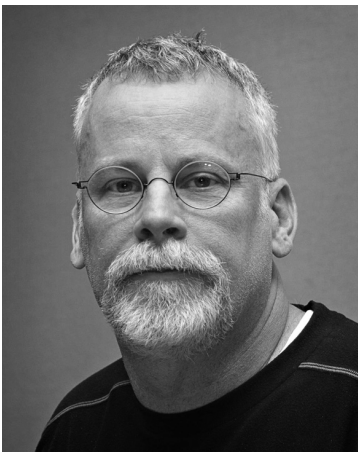
— Понимаю вас, — мягко произнес Пол. — Сочувствую. Но могу гарантировать, что у вас будет масса возможностей расквитаться за эту несправедливость, Ласситер. Итак, вы согласны на меня работать?

Убийца взвешивал за и против не долее нескольких секунд. Потом широко улыбнулся.

— Да, профессор, конечно, согласен.

Мужчины обменялись рукопожатием.

Майкл Коннелли и Деннис Лихейн



Без сна в Бостоне

Рассказ

Перевод Павла Зайкова

ГАРРИ Босх давно взял за правило во что бы то ни стало избегать туннелей, но из аэропорта Логан иначе не проедешь: либо туннель Тэда Уильямса, либо Самнеровский — выбирай на вкус. Навигатор взятой на прокат машины выбрал туннель Уильямса, и Гарри поехал вниз на дно Бостонской бухты. На самом глубоком участке образовался затор, а потом движение окончательно встало, и Босх понял, что, выгадав время благодаря ночному рейсу из Лос-Анджелеса, он угодил в самую гущу утреннего часа пик.

Конечно, здешний туннель был гораздо больше, шире и светлее, чем туннели из его прошлого, которые снятся ему до сих пор. К тому же в этой переделке он был не одинок. Пространство от стены до стены было сплошь заполнено легковыми машинами и грузовиками — река из стали под рекой из воды, и сейчас текла только одна из них. Но туннель есть туннель, и вскоре тревога, предвестник приступа клаустрофобии, сдави-

© Michael Connelly, Dennis Lehane
© Павел Зайков. Перевод, 2018

ла Босху грудь. Он взмок и в бессильном протесте стал нетерпеливо жать на клаксон арендованной машины. Судя по всему, это лишь выдало в нем приезжего. Местные не сигналили — что толку роптать, если ничего не можешь изменить.

Постепенно очередь машин сдвинулась с места. Босх наконец вынырнул на поверхность и опустил стекло, чтобы проветрить салон. Он дал себе слово раздобыть карту и проложить маршрут до аэропорта в объезд туннелей. Жаль, что в навигаторе нет такой функции. Придется самому искать дорогу назад.

В соответствии с положением о командировках сотрудник отдела нераскрытых преступлений Департамента полиции Лос-Анджелеса обязан немедленно по прибытии в другой город явиться с рапортом к местным властям. В его случае — в отделение полицейского округа E-13 Департамента полиции Бостона в районе Ямайка-плейн. Именно в этом округе числился адрес Эдварда Пейсли, человека, образец ДНК которого Босх намеревался заполучить — по возможности официально.

Босх, однако, часто пренебрегал служебными инструкциями по расследованию "висяков". Обычно он следовал собственным правилам: сначала осмотреться на местности и, может быть, установить наблюдение за объектом, а уж потом раскланиваться с местными полицейскими чинами.

Босх планировал проверить адрес Пейсли и, если повезет, впервые увидеть его самого, а уж потом поселиться в гостинице "Кортъярд Мариотт", которую он забронировал на сайте Expedia. Возможно, он даже вздремнет немного, когда доберется до номера, чтобы компенсировать недосып во время ночного рейса. После обеда он поедет в окружное отделение E-13 и скажет начальнику (капитану или майору), что прибыл из Лос-Анджелеса расследовать нераскрытое убийство пятнадцатилетней давности. Потом к нему, скорее всего, приставят участкового инспектора, который чем-нибудь не угодил начальству. Сопровождать заезжего детектива, расследующего "висяк" девяностого года, — не самое почетное задание.

Два дня назад в баре на Уоррен-стрит в Роксбери[1] Донтел Хоу спросил Патрика Кензи:

— У тебя дети есть?

Патрик как-то неуверенно кивнул, чуть замявшись с ответом:

— Один на подходе.

1. Район Бостона. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

— Когда?

— Теперь уже со дня на день.

Донтел Хоу улыбнулся. Это был подтянутый чернокожий мужчина лет тридцати с небольшим, с короткими дредами и в настолько свежей рубашке, что от него издалека пахло крахмалом.

— Первый?

Патрик кивнул.

— А не староват ли ты? — Донтел, растягивая удовольствие, сделал небольшой глоток бренди — на неделе он позволял себе не больше стаканчика за вечер. По субботам — уверял он Патрика — он может ведрами пить в "Хенни", но по будням и в воскресенье свою норму знает, ведь каждое утро он возит сорок пять детишек через весь город от дома до Дирборнской средней школы, той, что в паре кварталов от бара, где они с Патриком встретились сегодня вечером.

— Староват? — Патрик осмотрел себя в зеркале бара: седины многовато, это да, чуть тяжеловат, пожалуй, и волосы на макушке чуть реже, чем хотелось бы, это правда, но для сорока лет вроде неплохо сохранился. Учитывая то, как он прожил эти годы. Может, оно и так, а может, он сам себя разводит, что тоже вполне вероятно. — Да и ты, Донтел, вряд ли сгодишься для команды юниоров.

— Но мои-то двое уже в школу ходят. Не успеешь оглянуться, в колледж пойдут, а мы с супружницей будем прохлаждаться где-нибудь во Флориде. Мне тогда *будет,* сколько тебе сейчас.

Патрик усмехнулся и отхлебнул пива.

Голос Донтела Хоу посерьезнел, стал мрачнее:

— Так никто ее и не ищет? До сих пор?

Патрик сделал рукой неопределенный жест:

— В полиции думают, это дела семейные. Отец — та еще скотина, и найти его не могут. Ее тоже не могут найти. В общем, они думают, что все сходится один к одному, и она скоро объявится.

— Черт, но ей же всего двенадцать.

Речь шла о Шифон Хендерсон, семикласснице, которую Донтел Хоу каждое утро подбирал в социальном микрорайоне Бромли-Хит в Ямайка-плейн и там же высаживал девять часов спустя. Три дня назад Шифон пропала из своей спальни, выходящей окнами на задний двор. В квартире она жила с двумя сестрами и матерью. Факт исчезновения был несомненным, вопрос заключался в том, по своей ли воле она ушла. Комнату девочка покинула через окно. Никаких следов борьбы или взлома... впрочем, мать сообщила полиции, что дочь часто ос-

тавляла окно открытым в теплые ночи, хотя ей тысячу раз говорили этого не делать. Под подозрение полиции попал отец Шифон, Лонни Каллен, непутевый папаша, задолжавший алименты аж четырем семьям. На прошлых выходных он не отметился у инспектора по надзору за условно осужденными и отсутствовал по своему последнему месту жительства. Кроме того, поговаривали, будто Шифон начала встречаться с мальчиком, который жил в том же социальном микрорайоне, хотя ни как его зовут, ни что это за мальчик толком никто не знал.

Мать Шифон, Элла Хендерсон, работала на двух работах. Днем — в регистратуре частной гинекологической клиники при медицинском центре Бет-Израэл, а по вечерам убирала офисы. Типичный пример измотанной работой и бедностью женщины: с утра до вечера гнешь спину, чтобы прокормить детей и хоть как-то свести концы с концами, так что времени на самих детей совсем не остается, пока в один прекрасный день они не скажут тебе, что поезд ушел...

Два дня назад она записывала жену Патрика, Энджи, на последний прием перед родами — их ребенок должен был появиться на свет через неделю. Элла Хендерсон перепроверяла данные страховки и даты рождения родителей и вдруг расплакалась. Она плакала тихо, без драматических всхлипываний, слезы просто текли по щекам, тогда как лицо не покидала вежливая улыбка, а глаза неотрывно смотрели на монитор компьютера.

Полчаса спустя Патрик согласился навести справки о ее дочери. Следствие вела детектив Эмили Зебровски, у которой в разработке было целых двенадцать дел. Она сказала, что благодарна Патрику за помощь, но никаких признаков похищения не видит. Впрочем, она признала, что если похищение все-таки было, то спальня Шифон подошла бы для этого как нельзя лучше: высокий вяз заслонял ее окно и окна этажа над ним; дом стоял в дальнем конце жилого комплекса на Хит-стрит, а коммунальщики на пять месяцев запаздывали с заменой ламп в фонарях, которые неустановленные пьяные личности в Новый год разнесли выстрелами. В то же время, Эмили Зебровски сказала Патрику, что из спальни Шифон Хендерсон той ночью никто не слышал ни звука. Люди редко исчезают не по своей воле, сказала детектив, по телевизору может часто так и бывает, но не в реальной жизни.

— Итак, ваша рабочая версия? — спросил он.

— Ее отец, — сказала Зебровски. — У него судимостей — мало не покажется.

— С какой целью?

— Прошу прощения?

— Он ублюдок, — сказал Патрик, — спору нет. Но ублюдок вполне разумный, так? Значит, есть мотив. Он похищает одну из своих дочерей — хочет, чтобы ему заплатили или чтобы мать отвязалась от него с претензиями. Но денег-то у матери нет, она никогда не подавала в суд на алименты, да и разве парень с его психологией захочет привести двенадцатилетнюю дочку в свою берлогу, чтобы она доставала его день и ночь?

Зебровски пожала плечами:

— Считаете, отморозки вроде Лонни Каллена думают, перед тем как что-то сделать? Да они вам номер на тюремной робе назовут, если спросите у них дату рождения! Он подонок и идиот, который делает то, что его левая нога захочет.

— А что по линии бойфренда?

— Работаем над этим.

Два дня назад Донтел спросил Патрика:

— А сам-то ты в это веришь?

Патрик пожал плечами.

— Должники-алиментщики обычно шарахаются от своих детей, а не похищают их — по крайней мере такие, как Лонни. Да и вон уж сколько времени прошло, с тех пор как его след простыл. А насчет версии с бойфрендом, так они, что, трое суток сидят безвылазно в своем гнездышке, даже перекусить не выходят, друзьям не звонят?

— Не знаю, — сказал Донтел, — но мне эта девчушка нравилась. Не то, что другие девчонки из неблагополучных районов, эти вечно выделываются, хамят. Она была тихая, но... добрая, понимаешь?

Патрик отхлебнул еще пива:

— Нет. Расскажи.

— Ну смотри, когда устраиваешься на работу вроде моей, у тебя испытательный срок — три месяца, в течение которых тебе могут дать под зад коленом без всяких объяснений. А как срок истечет, ты в штате, и тут уж надо облажать по полной или Бен Ладеном назваться, чтобы тебя выперли. Пару недель назад мои три месяца истекли, так Шифон не только меня поздравила, а еще и пирожком угостила.

— Да ладно? — улыбнулся Патрик.

— Магазинным, правда, — сказал Донтел, — но все равно. Как тебе это?

— Впечатляет, — кивнул Патрик.

— Сам увидишь, лет через двенадцать, по своему мелкому, в этом возрасте они не сильно о других думают. Больше заняты тем, что здесь происходит, — он постучал по голове, — и там внизу, — он показал между ног.

С минуту они молча пили пиво.

— Больше ничего не помнишь про тот день? Ничего необычного?

Донтел покачал головой:

— Самый что ни на есть обычный день: "Увидимся завтра, Шифон". — "Увидимся завтра, Донтел" — и пошла.

Патрик поблагодарил его и заплатил по счету. Сгребая мелочь со стойки, он спросил:

— Так у тебя был испытательный срок?

Донтел кивнул:

— Да, стандартная процедура.

— Знаю, но я подумал... меня удивило, что ты начал так поздно, посреди учебного года. Я имею в виду, сейчас — май. Значит ты начал... когда? В феврале?

Донтел снова кивнул.

— Да, в конце января.

— А до этого что делал?

— Водил туристический автобус. Отсюда во Флориду, в Монреаль, в Провинстаун, в зависимости от сезона. Адова работенка. То в ночь, то в день. Все время в дороге. Как это место освободилось, так я и соскочил.

— А почему освободилось-то?

— Пейсли проштрафился.

— Пейсли?

— Парень, вместо которого меня взяли. Мне другие водилы говорили: тот еще кадр. Везет сорок человек детей, а глаза стеклянные. Даже профсоюз ему не помог после того случая. Улетел в кювет на Лиджен-хайвей, прикинь? — Донтел усмехнулся. — Мыслимое ли дело? Чуть не перевернулся, блин, и выходит отлить. В полседьмого утра, врубаешься? Возвращается в автобус, начинает выруливать с обочины, и что ты думаешь — переворачивается! А это уж дело подсудное. Сам понимаешь — ни в какие ворота.

— Пейсли, — повторил Патрик.

— Эдвард Пейсли, — сказал Донтел, — галстуки такие есть.

Пейсли жил на Вайман-стрит в сером таунхаусе с потускневшим белым декором. На крыльце стоял старый диван. Босх проехал мимо, потом сделал круг по кварталу и снова проехал мимо, перед тем как припарковаться у тротуара за полквартала от дома. Отрегулировав боковое зеркало, он поймал в нем входную дверь и крыльцо. Он часто так делал, когда работал один на наружном наблюдении. Тот, кто опасается слежки, скорее станет смотреть на машины спереди. Припарковавшись спиной к объекту, привлекаешь меньше внимания. Возможно, Эдвард Пейсли не имел никакого отно-

шения к убийству Летиции Вильямс пятнадцать лет назад. Но если имел, то давно попался бы, не будь он все время настороже и не присматривайся к припаркованным автомобилям.

Босх надеялся увидеть хоть какое-нибудь движение в доме, чтобы удостовериться, что Пейсли живет по этому адресу; на большее он не рассчитывал. Если повезет, Пейсли выйдет в обеденное время за кофе или перекусить. Чтобы взять образец ДНК, достаточно выброшенного стаканчика или корочки от пиццы. Может быть, Пейсли курит. Окурок тоже сгодится.

Гарри вытащил из портфеля папку и открыл ее на странице с увеличенной фотографией, которую он скачал накануне из Массачусетского реестра транспортных средств. Она была трехлетней давности. Пейсли — белому лысеющему мужчине — на снимке пятьдесят три года. Сейчас у него нет водительского удостоверения — его лишили прав шесть месяцев назад за вождение в нетрезвом виде. Пейсли чуть не перевернулся на школьном автобусе, алкотестер показал два промилле, так что, дунув в трубочку, он профукал свою работу, а возможно, и свободу. В связи с арестом его отпечатки пальцев попали в систему, где они дожидались Босха. Тут Гарри повезло. Если бы он поднял дело Летиции Уильямс на одиннадцать месяцев раньше и сверил отпечатки пальцев с места преступления с электронной базой данных, это не дало бы никаких результатов. Но Босх взялся за это дело четыре месяца назад, и теперь он был в Бостоне.

Прошло уже два часа, но никаких признаков жизни в доме не обнаружилось, и Босх забеспокился. Возможно, Пейсли ушел из дома с утра, до того, как Босх начал наблюдение. Может статься, он зря теряет время, следя за пустым домом. Надо выйти из машины и пройтись вдоль здания. За квартал от объекта Босх приметил продуктовый магазинчик. Прогуливаясь, он рассмотрит дом как следует, а потом возьмет газету и галлон молока. Вернувшись к машине, выльет молоко в водосток; бутыль будет кстати, если приспичит в туалет. Наблюдение за домом может затянуться.

Газета тоже будет кстати. Он сможет посмотреть результаты поздних бейсбольных матчей. Накануне в игре между "Доджерс" и ненавистными "Джайентс" назначили дополнительный период, но тут объявили посадку на его рейс, и Босх так и не дождался развязки.

Однако в последний момент Босх решил остаться на месте. Помятый джип-"чероки" припарковался в кармане у тротуара на другой стороне улице, прямо напротив него. Мужчина за рулем был один, и Босха заинтересовало, почему он не

выходит из машины. Он сидел, чуть откинувшись в кресле, и, похоже, следил за тем же домом, что и Босх.

Босх видел, что мужчина говорил по мобильному телефону, когда приехал, но потом целый час просто сидел за рулем своего джипа, наблюдая за происходящим на улице. Для Пейсли он был слишком молод. Чуть моложе, а может, чуть постарше сорока, в бейсбольной кепке и серой тонкой кенгурухе поверх футболки с принтом. Что-то смутило Босха в его бейсболке, а потом он сообразил: здесь полгорода в таких ходит, но эта — первая без буквы "Б". Зато на ней было что-то вроде рожицы с кривой улыбкой, хотя через улицу толком не разглядишь. Казалось, парень кого-то ждет, может быть, того же, кого и Босх.

В конце концов Босх понял, что тоже вызывает любопытство у человека в джипе: парень украдкой поглядывал в его сторону, так же как Босх украдкой поглядывал на него.

Эта осторожная взаимная слежка продолжалась до тех пор, пока тишину не разорвал рев сирены и между ними, тарахтя, не проехала пожарная машина. Босх проводил машину взглядом в боковом зеркале, а когда снова посмотрел через улицу, увидел, что джип пуст. Малый либо воспользовался моментом и выскользнул наружу, либо залег внутри.

"Скорее первое", — подумал Босх. Он выпрямился на сиденье и осмотрел улицу и тротуар напротив. Пешеходов — ни души. Повернулся посмотреть на тротуар со своей стороны и... на тебе: этот в бейсболке стоял у пассажирского окна. Кепку он развернул козырьком назад, как делают "охотники за гангстерами" — парни из спецподразделения по борьбе с ОПГ, — когда начинается заваруха. Босх заметил серебряную цепочку у него на шее — похоже, под футболкой висел полицейский жетон. Справа из-под пояса явно выпирал пистолет: нечто увесистое, по виду больше, чем "глок". Малый в бейсболке нагнулся и заглянул в машину. Покрутил пальцем — открой, мол, окно.

Незнакомец в арендованной машине с навигатором Hertz NeverLost, торчащим из приборной панели, долго смотрел на Патрика, но в конце концов опустил стекло. На вид ему было лет пятьдесят пять. В хорошей форме, крепкий. Что-то в его внешности говорило: коп. Настороженность в глазах — вот что; глаза полицейского никогда не дремлют. И потом то, как он держит руку на бедре, чтобы быстро достать из-под спортивного пиджака свой "глок" или "смит", окажись Патрик плохим парнем. Левую руку.

— Хороший ход, — сказал он.

— В смысле? — сказал Патрик.

Тот кивком указал на проезжую часть:

— Пожарная машина. Хороший отвлекающий маневр. Ты из тринадцатого отделения?

Настоящий бостонец всегда говорит так, как будто немного простужен. У этого голос был чистый, не то чтобы высокий, скорее мягкий. Не здешний. Ничего общего с говором жителей Бобового города[1]. Наверное, федерал. Значок получил в Канзасе или еще где-нибудь, потом академия ФБР в Куантико; здесь в командировке. Патрик решил до поры до времени не раскрывать карты. Он потянул за дверь, но она была заперта. Федерал открыл замок, убрал портфель на заднее сиденье, и Патрик сел в машину.

— Далековато ты от Сентр-плаза, не находишь? — сказал Патрик.

— Может быть, — ответил тот. — Знать бы еще, где Сентр-плаза и что это такое.

— Так ты не из ФБР? Тогда откуда?

Приезжий снова замялся, все еще держа левую руку на бедре, а потом кивнул, как будто решил: будь что будет.

— Департамент полиции Лос-Анджелеса, — сказал он. — Собирался заехать к вам сегодня попозже.

— Какими судьбами в Я. П.?

— Я. П.?

— Ямайка-плейн. Можно взглянуть на удостоверение?

Тот вытащил книжечку и распахнул ее, показывая жетон детектива и удостоверение личности. Патрик прочитал имя: Иероним Босх.

— Ну и имечко у тебя. Язык сломаешь.

— Можно просто Гарри.

— Окей. И что ты здесь делаешь, Гарри?

— А как насчет тебя? Эта цепочка у тебя на шее не для жетона.

— Нет?

Босх покачал головой:

— Контур было бы видно через футболку. Крестик?

Патрик пристально посмотрел на него, а потом кивнул.

— Жена просит, чтобы я носил. — Он протянул Босху руку: — Патрик Кензи, я не коп. Частный детектив.

Босх пожал ему руку.

— Любишь бейсбол, Пат?

— Патрик.

— Любишь бейсбол, Патрик?

— Не то слово! А что?

1. Этим прозвищем Бостон обязан излюбленному местному блюду — бобовой похлебке.

— Да просто ты первый человек в этом городе, у которого нет эмблемы “Ред Сокс” на кепке.

Патрик снял бейсболку, развернул козырьком к себе и уставился на нее, почесывая затылок.

— Ничего себе. Даже не заметил, когда выходил из дома.

— Здесь что, такое правило? Всем ходить с символикой “Ред Сокс”, или как?

— Не то чтобы правило, скорее хороший тон.

Босх снова посмотрел на кепку:

— А это что за криворожий смайлик?

— Зубастик, — сказал Патрик. — Ну, это... вроде логотипа, что ли, одного хорошего музыкального магазина.

— До сих пор покупаешь пластинки?

— Компакт-диски. А ты?

— И я. В основном джаз. Говорят, скоро ничего этого не будет. Кассеты, диски... все, на чем мы слушали музыку. Будущее за MP3 и айподами.

— Говорят, — Патрик через плечо посмотрел на улицу. — Мы пасём одного и того же парня, да, Гарри?

— Не знаю, — сказал Босх. — Я ищу подозреваемого в убийстве девяностого года. Мне нужен образец ДНК.

— И кто это?

— Знаешь что, поеду-ка я, пожалуй, в тринадцатое отделение и представлюсь капитану по всей форме, чтобы все было, как положено. Я предъявлю удостоверение, ты предъявишь удостоверение. Коп и частный сыщик, работаем вместе, чтобы облегчить бремя Бостонского полицейского департамента. Я не хочу, чтобы моему капитану в Лос-Анджелесе позвонили из...

— Это Пейсли? Ты следишь за Эдвардом Пейсли?

Босх долго смотрел на Патрика, а потом сказал:

— Кто такой Эдвард Пейсли?

— Прекращай... Расскажи про дело девяностого года.

— Слушай, у тебя частная лавочка, тебе этого знать не положено и никаких “особых причин” я не вижу, а я коп...

— ...который нарушил инструкцию и не явился с рапортом в местный полицейский департамент... — Патрик, вытянув шею, огляделся: — Разве что где-то поблизости напарник из тринадцатого отделения, просто он так охренительно прячется. Я ищу пропавшую девочку, а имя Эдварда Пейсли засветилось в связи с ней. Девчонке двенадцать лет, Босх, она исчезла три дня назад. Поэтому я бы с удовольствием послушал, что случилось в девяностом году. Расскажешь, и я твой лучший друг и все такое.

— А почему твою пропавшую девочку никто не ищет?

— Кто сказал, что не ищет?

— Потому, что ищешь ты, а ты частное лицо.

Патрику показалось, что от полицейского из Лос-Анджелеса повеяло грустью. Не то, чтобы его огорчили вчерашние плохие новости, нет — плохие новости градом сыплются почти каждый день. Глаза у него, тем не менее, были не мертвые — в них был азарт, может быть, даже одержимость; Патрик увидел глаза охотника. Этот не из тех, кто просиживает штаны в ожидании дня зарплаты, предпочитает не лезть на рожон и считает дни до пенсии. Такой, если надо, ногой выносит двери, что бы за ними ни скрывалось, и на пенсию не спешит.

— Цветом кожи она не вышла, и родители не те, — сказал Патрик, — плюс уйма слухов вокруг этого дела; туфта, конечно, но выглядит правдоподобно, так что кто угодно усомнится, было ли и впрямь похищение.

— А ты думаешь, тут замешан Пейсли?

Патрик кивнул.

— Почему?

— У него две судимости за сексуальные домогательства к малолетним.

Босх покачал головой.

— Ничего подобного, я проверял.

— Ты проверял внутри страны. А наследил он на Кубе и в Коста-Рике. И там и там одно и то же: арест, обвинение, огребает по самое не хочу и в итоге откупается. Но аресты остались в базе данных.

— Как ты докопался?

— Не я. Директор Дирнборской школы заподозрила недоброе, Пейсли водил их школьный автобус. Один мальчик пожаловался, потом девочка, потом еще одна. Маловато, чтобы выдвинуть обвинение, но достаточно, чтобы вызвать Пейсли на ковер к директору. — Патрик вытащил из кармана и щелчком раскрыл репортерский блокнот. — Директор сказала мне, что Пейсли прошел бы оба собеседования на ура, если б два раза подряд не упомянул про молоко.

— Молоко?

— Молоко, — Патрик оторвался от своих записей и кивнул. — На первой встрече он ей сказал — к тому времени он уже год там работал, водителей город нанимает, директор вообще не при делах, — так вот, вам, говорит, надо побольше улыбаться, это наводит меня на мысли о молоке. А на второй встрече сказал, что солнце на Кубе белее молока, потому, дескать, ему Куба и нравится, белое сияние повсюду и все такое. Это засело у нее в голове.

— Оно и понятно.

— Но и упоминание о Кубе тоже. На Кубу попасть не просто. Надо лететь в Канаду или на Карибы, якобы поразвлечься, а на самом деле дергать оттуда в Гавану. Так что, когда ее самый нелюбимый водитель попался пьяным за рулем автобуса с ученика-

ми, она, недолго думая, вытурила его, но про Кубу не забыла. Подняла его резюме и обнаружила пробелы — непонятное отсутствие в течение шести месяцев в восемьдесят девятом, десятимесячное отсутствие в девяносто шестом. Так что наша любезная директриса — заметь, Босх, директриса не всегда крыса — продолжила копать. И вскоре обнаружила, что шесть месяцев в восемьдесят девятом он провел в коста-риканской тюрьме, а десять месяцев в девяносто шестом — на нарах в Гаване. Кроме того, он вообще часто переезжал: Финикс, Лос-Анджелес, Чикаго, Филадельфия и, наконец, Бостон. Все время водит автобус, из родственников известна только сестра, Таша. Оба раза, когда он освобождался из тюрьмы за границей, она брала его на поруки. И, готов поспорить, улетала туда с чемоданом наличных, а возвращалась — с пустым. Так вот теперь он здесь, а Шифон Хендерсон пропала. А вам, детектив Босх, известно все, что и мне, чего про себя я сказать не могу.

Босх откинулся в кресле так резко, что кожа сиденья затрещала. И, прощупав внимательным взглядом Патрика Кензи, рассказал историю Летиции Уильямс. Ей было четырнадцать, когда ночью ее похитили из спальни. Никаких зацепок, улик мало. Похититель вырезал противомоскитную сетку на окне ее спальни. Не стал вынимать сетку вместе с рамкой. Вырезал из рамки лезвием и влез в комнату.

Вырезанная сетка сразу навела на мысль о похищении. Дело не положили под сукно, решив, что это побег из дома, как в случае с Шифон Хендерсон пятнадцать лет спустя. Следователи из отдела особо тяжких преступлений прошерстили квартиру в то же утро, когда обнаружилось, что девочка пропала. Но все было чисто. Никаких подозрительных следов в спальне найти не удалось. Предположительно, похититель (может быть, он был не один) быстро проник внутрь, обездвижил девочку и тут же вынес ее через окно.

Один предмет, который мог навести на след, все-таки удалось найти за пределами дома в самое первое утро следствия. В переулке за домом Летиции Уильямс криминалисты нашли фонарик. Логично было предположить, что он принадлежал похитителю и тот нечаянно обронил его, когда тащил жертву к машине. Отпечатков на фонарике не было: судя по всему, преступник был в перчатках. Однако на батарейках внутри фонарика обнаружили слабые, но пригодные для идентификации отпечатки пальцев.

Эта единственная ошибка, как тогда полагали, могла стать для похитителя роковой. Отпечатки большого и указательного пальца искали в городской и федеральной базах данных, но результатов это не дало. Затем отпечатки отправили в ФБР для сопоставления с их обширной картотекой, но вновь безуспешно, так что эта зацепка зачахла на корню.

Тем временем, ровно через неделю после похищения, тело Летиции Уильямс было обнаружено на склоне холма в Гриффит-парке, чуть ниже здания обсерватории. Казалось, убийца выбрал место не случайно: глядя вниз из обсерватории в дневное время, тело было нетрудно заметить.

Вскрытие трупа показало, что жертва многократно подвергалась сексуальному насилию, а потом была задушена. Дело привлекло пристальное внимание прессы и отдела по борьбе с особо тяжкими преступлениями, но в конце концов его положили на полку. Ни свидетелей, ни улик, ни зацепок. В девяносто втором Лос-Анжелес сотрясали беспорядки на расовой почве, и дело Летиции Уильямс выпало из поля зрения общественности. Оно лежало в архиве до тех пор, пока в начале нового века не был сформирован отдел нераскрытых преступлений. Босх добрался до архивных файлов и обнаружил, что отпечатки пальцев насильника совпадают с отпечатками Эдварда Пейсли в Бостоне.

— Вот почему я здесь, — сказал Босх.

— А ордер у тебя есть?

Босх покачал головой:

— Нет, ордера нет. Отпечатков недостаточно. Фонарик нашли в переулке, а не в спальне Летиции. Прямой связи с преступлением нет. Я приехал за ДНК.

Собирался проследить за Пейсли и взять образец. Подождать, пока он выбросит стаканчик из-под кофе или корку от пиццы, или еще что-нибудь. Потом поехал бы обратно и отдал для сравнения ДНК образца и ДНК спермы в теле жертвы. Тогда все было бы тип-топ. Вернулся бы с ордером и взял его за жабры.

Они сидели в машине и наблюдали за улицей. Босх чувствовал, что Патрик прокручивает в уме какую-то мысль. Он был невелик ростом, одет, как многие молодые люди на улице, — простой парень с дружелюбным мальчишеским лицом, из тех, кто разливает пиво в местном баре или чинит вашу машину. С первого взгляда, да и со второго тоже, он выглядел безобидным и покладистым: появись такой кавалер у вашей сестры, вы были бы вполне довольны. Но Босх провел в его обществе достаточно времени и чувствовал, что внутри у парня взведенная мина с растяжкой. Мало кому довелось за нее запнуться. Но этим немногим не позавидуешь.

Правое колено Кензи стало подергиваться, как показалось Босху, непроизвольно. Он повернулся на сиденье, посмотрел на Гарри:

— Так ты говоришь, тело той девочки нашли через неделю после похищения?

— Точно.

— А бросили там, поскольку рассчитывали, что кто-нибудь из обсерватории почти сразу же ее найдет.

— Да, оставили ночью, а обнаружили тело на следующее утро, когда рассвело.

— Как долго она была мертва?

Босх протянул руку на заднее сиденье и открыл портфель. Вытащил оттуда толстую синюю папку с документами по делу и начал говорить, листая страницы. Ответы были у него в голове — он просто искал заключение судмедэксперта, чтобы с ним свериться.

— Когда ее нашли, она была мертва уже семьдесят два часа.

— То есть три дня. Значит, в течение четырех дней она была жива.

— Правильно. Обследование показало, что ее многократно...

— Сегодня четвертый день. Если этот ублюдок придерживается какой-то системы, тогда, черт... Шифон Хендерсон пропала вечером в понедельник! — Патрик ткнул пальцем в сторону серого таунхауза: — Мы должны проникнуть в этот дом.

Патрик пошел к парадной двери, а Босх зашел со двора. Патрик сообщил копу из Лос-Анджелеса, что он большой мастер по части вскрытия замков, но на двери Пейсли красовался замок, какого Патрик никогда раньше не видел. К тому же новехонький. И дорогой, судя по виду, — замок за пятьсот долларов на двери не дороже сорока. Патрик попробовал несколько отмычек — без толку. Все равно что пытаться проткнуть камень соломинкой для коктейля.

Он уже второй раз уронил отмычку, а когда наклонился за ней, дверь перед ним открылась.

Он поднял глаза — Гарри Босх стоял на пороге, покачивая "глоком" в левой руке.

— Ты вроде сказал, что умеешь вскрывать замки.

— Я явно переоценил свои способности. — Патрик выпрямился. — Как ты вошел?

— Он оставил окно открытым, — Босх пожал плечами. — Вот люди, да?

Патрик ожидал увидеть свалку, но дом внутри был довольно чистый и какой-то голый. Современная скандинавская мебель — ярко-белые и еще более яркие желтые тона, диссонирующие со старыми деревянными панелями стен и темными обоями.

Пейсли этот дом снимал; хозяин, вероятно, не подозревал о смене замка.

— Чего-то он здесь прячет от посторонних, — сказал Патрик.

— Если прячет, то в подвале, — сказал Босх и показал большим пальцем через плечо — дом имел сквозную планировку:

прихожая, гостиная, потом длинный коридор до кухни в задней части дома, а по сторонам все остальные комнаты. — Этот этаж я проверил.

— Проверил этот этаж? Как долго ты собирался держать меня на крыльце?

— Я прикинул, что ты сломаешься и вынесешь дверь где-то через полчаса. У меня не так много времени.

— Очень остроумно, — сказал Патрик, и они двинулись по коридору. — Кто ж знал?

На полпути в кухню справа была дверь такого же темно-коричневого цвета, что и стеновые панели. Патрик вопросительно посмотрел на Босха и полицейский кивнул: давай.

Патрик вытащил "кольт коммандер" 45-го калибра из кобуры на боку и снял его с предохранителя.

— Ты люк снаружи видел?

— Люк? — недоуменно переспросил Босх.

— Ну, вход в подвал. Двойные двери, ступеньки вниз.

Босх кивнул:

— Заперт изнутри. — А потом, словно бы оправдываясь, добавил: — У нас в Лос-Анджелесе обычно нет подвалов.

— У вас и снега нет, и мороза с ветерком тоже, так что... ну да ладно, хрен с вами, — Патрик послал Босху натянуто бодрую улыбку. — А подвальные окна сзади есть?

Босх снова кивнул:

— Закрыты черными шторами.

— Плохо дело, — сказал Патрик.

— Почему?

— Никому в голову не придет занавешивать подвальные окна, разве что у них там домашний театр или они играют в Ганнибала Лектера[1], — он обвел взглядом квартиру. — Пейсли не похож на любителя театральной самодеятельности.

Босх кивнул. От прилива адреналина зрачки у него расширились.

— Давай выйдем и сообщим кому следует.

— А если он там с ней прямо сейчас?..

Да, это дилемма. Как быть?

Босх медленно выдохнул. Патрик тоже. Взявшись за дверную ручку, Босх сказал:

— На счет три?

1. Вымышленный персонаж романов Томаса Харриса (р. 1940) "Красный демон", "Молчание ягнят", "Ганнибал" и "Ганнибал: Восхождение", судебный психиатр, серийный убийца и каннибал; громкую известность и награды за исполнение его роли в кино получил американский актер Энтони Хопкинс.

Патрик кивнул. Вытер правую ладонь о джинсы и обеими руками поудобнее ухватил рукоять пистолета.

— Раз. Два. Три.

Босх открыл дверь.

Первое, на что они обратили внимание, была мягкая обивка стен — первоклассная кожаная звукоизоляция дюймов шесть толщиной, а то и больше. Как в студиях звукозаписи. И почти полная темнота. Слабый свет, едва освещая лестницу, шел из коридора позади них. В остальной части подвала было не видно ни зги. Патрик показал на выключатель за ухом Босха, вопросительно поднял брови.

Босх пожал плечами.

Патрик пожал плечами.

Ладно, была не была. Босх щелкнул выключателем.

Лестница, как хребет, делила подвал ровно пополам. Они быстро спустились вниз. У подножья лестницы стоял черный бак, довольно старый, с потеками ржавчины на днище.

Не говоря ни слова, Босх двинулся налево, а Патрик — направо.

Элемент неожиданности был упущен.

Ими. Но не им.

В передней части подвала, которую выбрал Патрик, перегородки были старые, многие — недостроенные. В первой "комнате" он обнаружил стиральную машину, сушилку и раковину с прилипшим к ней грязным куском мыла. Следующая комната когда-то служила мастерской. Длинный стол упирался торцом в стену, к нему до сих пор были привинчены тиски. Больше ничего, кроме пыли и мышиного помета. Но последняя комната, расположенная вдоль внешней стены, была в полном порядке. По одну сторону от двери — перегородка из гипсокартона, по другую — кирпичная. Дверь массивная. И толстая. Дверная коробка тоже сделана на совесть. Попробуй выбить такую дверь ногой — перелом лодыжки обеспечен.

Патрик убрал левую руку с рукояти своего "кольта" и вытер ладонь о джинсы. Потом размял пальцы и взялся за дверную ручку, неуклюже держа пистолет в правой примерно на уровне груди. Выглядело это, конечно, не особенно эффектно, но, если понадобится спустить курок, у него был неплохой шанс попасть в грудь любому, кроме, разве что, карлика или гиганта.

Поворачиваясь, ручка двери заскрипела, подтверждая слова, слышанные Патриком много лет назад от одного полицейского: больше всего шумишь, когда пытаешься действовать бесшумно. Он распахнул дверь и молниеносно бросился на колени — левая рука снова на рукояти, ствол, направлен-

ный чуть вверх, описал стремительную дугу слева направо, потом справа налево, в то время как мозг обрабатывал картинку перед глазами — логово Эдварда Пейсли.

С опаской шагнув через порог на коврик с логотипом "Аризона Кардиналс", Патрик навел прицел на глубокое кресло с отделкой в цветах команды "Сан Девилз". Флажок с эмблемой "Финикс Санз" соседствовал с вымпелом "Финикс Койотс" — Патрик недоуменно прищурился, а потом сообразил, что "Койотс" играют в НХЛ.

День не прошел зря — по крайней мере, теперь он знал, что в Аризоне есть профессиональная хоккейная команда.

Здесь были бейсбольные биты с автографами Троя Глоса, Карлоса Байэрга и Тони Вомака, бейсбольные мячи с подписями Курта Шиллинга и Рэнди Джонсона, оправленные в рамки фотографии Ларри Фицджеральда и Курта Уорнера, Шона Мэриона и Джо Джонсона, футбольные мячи, баскетбольные мячи, шайбы под колпаками из плексигласа — Патрик снова подумал: "У них есть *хоккейная* команда?"

Он взял биту с автографом Ши Хилленбранда, который пробился в высшую лигу в составе "Ред Сокс" в 2001-м, но его перекупила "Аризона" до того, как "Сокс" выиграли серию в прошлом году. Интересно, переживал он, что пролетел, или кайфовал, лежа в январе на аризонском солнышке?

Наверное, все-таки переживал.

Он ставил биту на место у стены, когда услышал, что кто-то движется по подвалу. Движется быстро. Даже бежит.

Бежит целенаправленно, а не улепетывает.

Гарри пробрался в заднюю часть подвала и не нашел ничего, кроме стены и обшарпанного неровного пола, пока не добрался до тесного закутка между древним водяным бойлером и доисторическим обогревателем. Оттуда несло соляркой, плесенью и окаменевшими паразитами. Если бы Босх не искал девочку, которой угрожала смертельная опасность, возможно, он не заметил бы прохода позади этой рухляди. Луч его фонарика нащупал отверстие в темноте за переплетением труб и воздуховодов, которые, грозя обрушиться, свисали с потолка.

Босх протиснулся между бойлером и обогревателем и оказался в длинном узком проходе, где и крупной собаке было бы тесно, не говоря уже о взрослом мужчине.

Едва попав в этот туннель, он осознал, что ни вправо, ни влево — вообще никуда — из него не деться. Войдя с одного конца, выйти можно только с другого. И если некто, желающий тебе зла, внезапно появится в начальном пункте А или конечном пункте Б, ты полностью в его власти.

Когда Босх добрался до конца прохода, с него градом катил пот. Он очутился в просторной неосвещенной комнате: стены из темного кирпича, бетонный пол с дренажным отверстием по центру. Посветил фонариком и не увидел ничего, кроме металлической клетки. Такие обычно используют в семейных поездках для перевозки больших собак. Клетка была накрыта синим строительным брезентом и обвязана девятью эластичными шнурами.

И она шевелилась.

Босх опустился на колени и потянул за брезент, но эластичные шнуры — три вдоль клетки и шесть поперек — держали крепко. Они были пристегнуты к основанию клетки и натянуты так туго, что одной рукой не расцепишь. Босх положил "глок" на пол — клетка при этом продолжала раскачиваться — и уловил доносящийся из-под брезента слабый звук: там кто-то отчаянно скулил.

Он отстегнул карабин первой из трех продольных резинок, но все равно не сумел разглядеть, что внутри. Взяв фонарик в рот, принялся за второй, и в этот момент комнату залило белое сияние.

Как будто кто-то подвесил солнце прямо над его головой или направил в лицо стадионный прожектор.

Он ослеп. Рука нащупала "глок", но в глазах была сплошная белизна. Где стена не разобрать. Даже клетки не видно, хотя он перед ней на коленях.

Услышав какую-то возню слева, Босх направил туда пистолет, но звук метнулся вправо — противник понял, что он левша; следуя за своей рукой с "глоком", Босх развернулся; глаза начали привыкать к невыносимому свету и различили тень. Потом он услышал глухой звук — удар чем-то очень твердым по чему-то менее твердому, от чего последнее окончательно обмякло.

Кто-то испустил сдавленный вопль и повалился на пол посреди этой слепящей белизны.

— Босх, — сказал Патрик, — это я. Закрой-ка глаза на пять сек.

Босх закрыл глаза и услышал, как разбивается — нет, скорее, лопается — стекло, а обжигающий лицо жар с каждым хлопком остывает на градус.

— Ну, вроде, все, — сказал Патрик.

Открыв глаза, Босх несколько раз моргнул и увидел светильники под потолком: все лампы — вдребезги. Наверное, ватт по семьсот каждая, если не больше. И за каждой на стене здоровенный черный след. Всего — восемь штук. Патрик откинул занавеску на маленьком окошке, и мягкий послеполуденный свет влился в комнату, как глоток свежего воздуха.

Босх посмотрел на Пейсли — тот лежал на боку справа от него, издавая какое-то бульканье, на затылке у него красовалась свежая рана, розовая кровь капала из носа, красная — текла изо рта, под вздрагивающей правой ладонью лежал разделочный нож.

Патрик поигрывал бейсбольной битой. Повертев, осмотрел ее со всех сторон и удивленно поднял брови:

— С автографом Ши Хилленбранда.

— Понятия не имею, кто это.

— А, ну да, — сказал Патрик, — ты же фанат "Доджерс".

Босх стал снимать резинки, Патрик присоединился к нему, и они откинули брезент. Там была она, Шифон Хендерсон. Скорчившаяся в позе зародыша — в клетке негде было вытянуть ноги. Патрик долго возился с дверцей, пока Босх не догадался снять крышку клетки целиком.

Рот Шифон Хендерсон был заклеен, а лодыжки и запястья связаны изолентой. Было видно, что движения причиняют ей боль — хороший знак, подумал Босх, значит, Пейсли держал девочку в клетке, но, возможно, еще не успел над ней надругаться. Вероятно, он запланировал это на сегодня, в качестве закуски перед основным блюдом — убийством.

Детективы цыкали друг на друга, освобождая рот девочки от изоленты.

— Осторожнее с волосами! — шипел Босх.

— Сам ей сейчас губы оторвешь! — огрызался в ответ Патрик.

Когда лента отклеилась и они принялись разматывать лодыжки, Босх спросил:

— Как тебя зовут?

— Шифон Хендерсон. А вы кто?

— Я — Патрик Кензи. А кто второй парень... Его здесь не было, договорились, Шифон?

Босх недоуменно наморщил лоб.

— Ты полицейский, — сказал Патрик, — к тому же не местный. Я и сам-то не знаю, как буду все это расхлебывать. А у тебя точно жетон отберут. Если только ты не припрятал в кармане ордер на вход без стука.

Босх попытался переварить сказанное.

— Он тебя трогал, Шифон?

Она плакала, тряслась и то ли кивнула, то ли отрицательно качнула головой.

— Немного, но не... ну вы понимаете. Он сказал, что это еще впереди. Он говорил, что много всякого впереди.

Патрик посмотрел на Пейсли, хрипевшего на цементном полу — глаза закатились, кровь начала собираться в лужу.

— Единственное, что у этого выродка впереди, — инсульт и кома.

Освободив девочке руки, Патрик опустился на колени, чтобы размотать ленту на лодыжках, и вдруг, совершенно неожиданно, она обняла Босха, роняя слезы ему на рубашку. А потом он сам себя удивил, поцеловав ее в лоб.

— Больше никаких кошмаров, — сказал он. — На сегодня хватит.

Патрик справился с изолентой. Скомкав, швырнул ее за спину и достал мобильник.

— Надо об этом сообщить. Уж лучше я буду отбрыкиваться от обвинений в покушении на убийство, чем проходить по мокрой статье, если ты понимаешь, о чем я: чего-то он совсем бледный.

Босх посмотрел на лежащего у его ног человека. Похож на стареющего чудика. Или клерка из захудалой конторы по составлению налоговых деклараций. Заурядный человечишка с грязными желаниями и дикими кошмарами. Странно, но эти монстры всегда выглядят как обычные люди. Кстати, Патрик прав — без медицинской помощи он скоро отдаст концы.

Патрик набрал 911, но не нажал на вызов. Вместо этого он протянул Босху руку:

— Если буду в Лос-Анджелесе...

Босх ответил рукопожатием.

— Странно, не могу представить тебя в Лос-Анджелесе.

— А я не могу представить тебя нигде, кроме как там, хоть ты и стоишь здесь передо мной. Удачи, Гарри.

— Тебе тоже. И спасибо, — Босх посмотрел вниз на Пейсли, который скоро отправится в реанимацию, а может, куда подальше, — спасибо за... все.

— Не за что.

Босх двинулся к двери, той, что вела на задний двор, а не вглубь подвала: чертовски приятно выйти через обычную дверь — а не так, как сюда попал. Уже потянувшись к ручке, он вдруг обернулся.

— Последний вопрос.

Патрик прижимал телефон к уху, а свободной рукой крепко обнимал Шифон за плечи.

— Что такое?

— Можно добраться до аэропорта в объезд туннеля?

Джон М. Флойд

План Молли

Рассказ

Перевод К. Старосельской

БАНК располагался в западном конце Пальметто-стрит. Эта длинная безликая улица, по ходу лишь однажды пересекавшаяся с другой, заканчивалась тупиком — полукругом тесно стоящих домов. Банк — неказистое здание в неказистой части города — более-менее выделялся из общего ряда только благодаря длинному крыльцу, украшенному нелепыми белыми колоннами: можно было подумать, кто-то принялся возводить особняк в усадебном стиле, но в процессе строительства забыл, как он должен выглядеть.

В таком странном расположении (ночной кошмар пожарного!) имелось одно несомненное, хотя и не запланированное преимущество: банк ни разу не грабили. И без того узкую улицу постоянно загромождали фургоны, доставляющие продукты и почту, и припаркованные по обеим сторонам автомобили. Банк соседствовал с двумя коммерческими зданиями за железными оградами, а на восточном конце улицы находился один из самых больших в городе полицейских участков. У потенциальных грабителей просто не было условий для бегства,

© 2014 by John M. Floyd. Reprinted by permission of John M. Floyd
© К. Старосельская. Перевод, 2018
Перевод публикуется с любезного разрешения автора.

так что оттачивать свое мастерство они предпочитали в других местах. Сметливые ворюги избегают тесных тупиков.

Управляющий Пальметтским филиалом банка Доналд Рамси любил повторять, что нет на свете такого смельчака или такого глупца, который попытается ограбить их банк.

Он заблуждался.

В первый четверг декабря, в 12.57 дня, Оуэн Маккей, толчком распахнув входную дверь Пальметтского филиала банка, вошел в операционный зал.

Оуэн был невысокого роста и тощ, как кошелек бездомного бродяги. Одет скромно: дешевое пальто, выцветшие джинсы, перчатки, сникерсы, бейсболка и темные очки. Столкнувшись с ним на улице, вы могли бы подумать: *странноватый* – но отнюдь не *опасный*! — тип.

У самого порога он остановился, достал из кармана чековую книжку и, делая вид, будто ее листает, изучал обстановку. Все было так, как сказала Молли. Слева за стойкой длиной двадцать футов четверо кассиров-операционистов; в дальнем углу стеклянный кабинет управляющего — пустой и безмолвный; за конторками у левой стены два менеджера-консультанта — Молли называла их "обслугой клиентов". Неожиданными можно было посчитать только три вещи: отсутствие посетителей (четверг — самый пустой день недели, да и до перерыва оставалось лишь несколько минут), отсутствие подъездного окошка (к банку нельзя было подъехать на машине) и отсутствие управляющего (он был на еженедельном ланче в своем Ротари-клубе[1]). Все это упрощало задачу Оуэна.

Дверь в стальной сейф была закрыта. Молли говорила, что обычно хранилище открыто. Небольшое затруднение: придется прибегнуть к помощи заместителя управляющего, который сегодня исполнял функции кассира-операциониста; опознать его труда не составляло — он был единственным мужчиной в помещении (не считая Оуэна). Сесил Вудторп выглядел как типичный банковский служащий невысокого уровня: средних лет, лысоватый, упитанный, на носу круглые очки; круглые уши торчали перпендикулярно к голове, словно автомобильные зеркала заднего вида.

Оуэн также обнаружил камеру охранного видеонаблюдения в верхней части боковой стены. Превосходно. Глазок

1. Ротари-клубы — нерелигиозные и неполитические благотворительные организации, объединяющие профессионалов и бизнесменов. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

был направлен не на него, а на кассиров и центральную часть зала. Ну да, Молли говорила, что поблизости от входной двери он будет в безопасности.

Ах, Молли...

Оуэн полюбил Молли Фримонт с первого взгляда, как только увидел в школьном спортзале. Они встречались целый год с начала до конца выпускного класса; когда он пошел в армию, а она, той же осенью, поступила в колледж, разлука только укрепила взаимные чувства. Через год они поженились, еще через семь лет — десять месяцев назад — он получил назначение в местный вербовочный пункт сухопутных войск, а она, прекратив демонстрировать модели спортивной одежды, устроилась кассиром в филиал регионального банка на Пальметто-стрит. Оба на этом сильно проиграли. Двух зарплат едва хватало на оплату жилья. Три месяца назад Молли ушла из банка и попыталась вернуться в модельный бизнес. В свои двадцать шесть она оставалась стройной блондинкой и по-прежнему выглядела потрясающе, но у нее уже не было своего агента, а в этой сфере деятельности, как везде, была жесткая конкуренция.

Однажды вечером в прошлом месяце, когда они у себя в квартире на противоположном конце города ужинали перед телевизором, по каналу Си-эн-эн сообщили о серии ограблений банков за тысячу миль отсюда. И тут Молли осенило.

Несколько недель она обдумывала детали, разрабатывала маршрут бегства и составляла план действий на случай непредвиденных обстоятельств. И вот Оуэн, войдя в банк, стоит в операционном зале с Моллиной чековой книжкой в руках, краем глаза оглядывая помещение и испытывая не очень острое, но малоприятное желание посетить туалет.

Набрав в грудь побольше воздуху и медленно выдохнув, он снял перчатку с правой руки, достал из кармана пальто пистолет 22-го калибра, прицелился и метким выстрелом выбил глазок камеры видеонаблюдения.

Эффект получился едва ли не комический. Шесть голов одновременно вскинулись, шесть ртов разинулись с безграничным изумлением.

— Встать! — крикнул Оуэн. — Два шага назад! БЫСТРО!

Все шестеро незамедлительно повиновались. Пока неплохо, подумал Оуэн. Молли говорила, что возле каждого операциониста и каждой конторки есть тревожная кнопка, но Оуэн точно знал, что никто не успеет ее нажать. По этой причине он отказался от использования глушителя. Выстрел на близком расстоянии производит ошеломительное впечатление — что и требуется.

Впрочем, тут необходимо уточнение. Не *он* отказался от глушителя, а *Молли*. По части планирования Оуэн, честно говоря, был не силен. Но у него имелись иные достоинства: он хорошо стрелял, без промаха попадал в цель, а также... безупречно исполнял приказы. На военной службе набрался опыта и в том и в другом. Моллины приказы не вызывали сомнений: ему оставалось всего лишь точно следовать указаниям.

Оуэн бросил быстрый взгляд на дверь. Снаружи в пределах видимости никого. Да и вряд ли кто-нибудь мог что-нибудь услышать — вот оно, одно из преимуществ малокалиберного оружия. Кроме того, Молли заверила его, что стены сами по себе почти полностью звуконепроницаемы, окон нет, а в двери толстое стекло.

Оуэн быстро закрыл дверь на засов, рывком опустил защитную роллету и снова повернулся лицом к залу. Вскочившие со своих рабочих мест пять женщин и Сесил Вудторп стояли, не шевелясь, спиной к стене. Одна из дам подняла вверх руки.

Оуэн направился в центр зала, сосредоточенно повторяя в уме инструкции жены. *Не заставляй кассиров опустошать ящички — не трать время: крупные купюры в сейфе. И не требуй, чтобы они вышли в зал и легли на пол.* Поскольку грабители часто так поступают, сказала Молли, у них в банке поговаривали об установке дополнительной кнопки у выхода из кассовой зоны. Молли не была уверена, что это уже сделано, но ей не хотелось бы ошибиться.

— Ты, — обратился Оуэн к Вудторпу. — Подойди к концу стойки, перелезь через нее и быстро ко мне. Шагом марш!

Вудторп не шелохнулся. Казалось, он ухмыляется.

— Ко мне! — приказал Оуэн.

Лысый спокойно помотал головой:

— Нет.

Второй выстрел прозвучал так же громко и неожиданно, как первый. Все женщины коротко взвизгнули. Одна из консультанток шмякнулась в обморок. Сесил Вудторп стоял так же неподвижно, двигались только его глаза. Они раскрывались все шире и, казалось, готовы были выскочить из орбит.

В огромном правом ухе Вудторпа образовалась дырочка размером с пуговку на воротничке. Прямо за ним в гипсокартонной перегородке виднелась еще одна дырочка, точно такая же. Из уха на белую рубашку ярко-красным фонтанчиком брызнула кровь.

— Пошел, — сказал Оуэн, поманив его дулом пистолета, из которого вился дымок.

На этот раз дважды повторять не понадобилось. За какие-нибудь пять секунд потрясенный Вудторп перемахнул через

стойку и замер в ожидании дальнейших приказов. Одна его рука была прижата к уху. От прежней самоуверенности не осталось и следа.

— Возьми это, — сказал Оуэн, вытаскивая из-за пазухи скатанную в рулончик черную нейлоновую спортивную сумку. — Открой сейф и набей сумку. Доверху. Понял?

Преобразившийся Сесил Вудторп схватил сумку, бросился к двери хранилища и принялся набирать цифровой код. Даже с женщинами, заметил Оуэн, произошла перемена. Всех била дрожь, все учащенно дышали, а глаза смотрели в одну точку. И руки теперь подняли уже все. Несколько капель крови — неплохая мотивация, решил Оуэн. Их рота на базе наверняка каждую неделю занимала бы первые места, если б командир давал себе труд время от времени простреливать кому-нибудь ухо.

Дверь сейфа распахнулась. Помешкав полсекунды, Вудторп влетел внутрь и принялся набивать сумку банкнотами. Оуэн, не входя внутрь, за ним наблюдал. Часы на стене показывали 1.02. Все шло точно по плану.

— Только крупные купюры, — крикнул Оуэн.

Вудторп молча кивнул, продолжая энергично работать. Ухо его, похоже, кровоточило меньше, однако новообретенный пыл не ослабевал.

Оуэн утер блестящий от пота лоб и еще раз перебрал в уме пункты своего плана.

Больше всего его беспокоил Доналд Рамси, управляющий. Из своего Ротари-клуба он обычно возвращался около половины второго, но кто знает, как будет на этот раз? Если вдруг вернется раньше, запертая дверь с опущенной роллетой его не удивит, но если он попытается открыть дверь ключом и окажется, что она закрыта на засов, то сразу смекнет, что дело не чисто, и вызовет подмогу. Кроме того, Молли бы предпочла, чтобы его вообще здесь не было. “От Рамси жди беды, — как-то вечером сказала она Оуэну. — Железный характер и вдобавок ума палата. Когда я там работала, отлично справлялся с делами”. На что Оуэн полушутя заметил: “У него была отличная помощница”.

Молли, насколько он помнил, в ответ рассмеялась. Господи, как он любит ее смех...

Ему хотелось, чтобы сейчас она была рядом.

Оуэн посмотрел на свои часы. Он в банке почти восемь минут. Примерно столько они и планировали. Однако ни в коем случае нельзя расслабляться. Еще несколько минут — и, возможно, определится, где он проведет ближайшие годы: на берегу

тропического моря, занимаясь любовью, или в федеральной тюрьме, штампуя автомобильные номерные знаки.

— Поторопись-ка, — крикнул Оуэн Вудторпу, хотя даже не представлял себе, что кто-то способен работать так быстро и сноровисто. Надо же... Мастер набивать мешки, маньяк какой-то.

В этот момент что-то — Оуэн так никогда и не понял что́ — заставило его обернуться и посмотреть на стену, возле которой стояли конторки обслуги. От увиденного сердце у него чуть не выскочило из груди. Потерявшая сознание (если она вообще его теряла) консультантка вовсе не лежала без чувств — нет, опершись на дрожащий локоть, свободной рукой она тянулась к своему настольному компьютеру.

— Убери руку! — завопил Оуэн.

Поздно. Правый указательный палец уже нажимал на маленькую красную кнопку рядом с компьютером. Оуэн, не раздумывая, выстрелил и всадил две пули в ореховую боковую стенку конторки, как ножом перерезав спускающийся по стенке провод. Тоже поздно. Оуэн знал: сигнал тревоги уже звучит — не здесь, в банке, а в полицейском участке на другом конце улицы.

Ошибка, подумал он. Большая ошибка.

Но не роковая. Молли предусмотрела подобное — она вообще почти все предусмотрела. *Придерживайся плана.*

Оуэн быстро огляделся: нет ли еще каких-нибудь неожиданностей? Нет, все было в порядке. Сесил Вудторп продолжал как одержимый опустошать полки и, видимо, ничто больше его не интересовало. Черная сумка изрядно раздулась — похоже, она была уже почти полна. Кроме Вудторпа, никто не шевелился. Женщина, нажавшая кнопку, сидела на полу рядом с конторкой, крепко обхватив себя руками, и не сводила с Оуэна огромных карих глаз. Казалось, ей самой удивительно, что она до сих пор еще жива.

Оуэн лихорадочно соображал.

О сигнале тревоги он старался не думать. Насколько Молли помнила из учений по действиям в чрезвычайных ситуациях — кроме того, прошлым летом ей пару раз довелось быть свидетелем ложных тревог, — копам, чтобы добраться до банка, нужно не меньше шести минут. Куча времени.

— Хорош! — крикнул Оуэн Вудторпу. — Этого достаточно. Выходи!

Заместитель управляющего тяжело дыша выскочил из сейфа и отдал сумку, не в состоянии оторвать взгляд от пистолета — видимо, полагал, что ничего не может быть хуже, чем, получив один раз пулю, получить ее во второй раз. Оуэн,

открыв сумку, ознакомился с ее содержимым, для верности переворошив свободной рукой несколько верхних слоев. Сумка была до отказа набита пачками стодолларовых купюр.

Не произнеся больше ни слова, Оуэн застегнул молнию на сумке и, соблюдая осторожность, отступил к входной двери. В зале царила мертвая тишина. Подойдя к двери, он стволом пистолета поднял роллету и посмотрел наружу.

На горизонте, можно сказать, было чисто. На противоположной стороне улицы пожилой джентльмен в соломенной шляпе и с тростью выгуливал плюгавого пуделька; слева под вывеской "Пекарня Лео" был припаркован хлебный фургон; на тротуаре около фургона маленькая девочка прыгала через веревочку — в холодном воздухе видны были вылетающие у нее изо рта облачка пара; справа, ближе к концу тупика, седая старуха в задрипанном пальто поверх красного цветастого платья толкала перед собой тележку из супермаркета, нагруженную пластиковыми мешками. Иногда она останавливалась, чтобы порыться в мусорном контейнере у края тротуара, и, если попадалось что-нибудь стоящее, совала находку в один из своих мешков.

Оуэн обернулся, в последний раз обвел взглядом зал, а затем приложил ухо к двери и прислушался. Никаких сирен. По крайней мере, пока.

Сейчас или никогда. Откинув засов, он набрал воздуху в легкие и открыл дверь.

Тремя минутами раньше патрульная машина с двумя городскими полицейскими, свернув на Пальметто-стрит, направилась к банку, откуда поступил вызов. Один из полицейских по фамилии Скотт ростом был не выше Оуэна Маккея, но значительно шире. Второй — Маллен — был высоченный и длинноликий; из-за сходства с героем комедийного телесериала, который вышел на экраны задолго до его рождения, он получил прозвище Малдун[1].

— Не забудь, — напомнил Маллен, — сказать про меня сестре.

Скотт, который не собирался на пушечный выстрел подпускать Маллена к своей сестре, хмуро на него покосился:

— Ты не в ее вкусе.

— Почему бы не позволить мне самому об этом судить?

— Потому что я видел, чем это кончается, — сказал его напарник, прикидывая, как бы выбраться из пробки. Они уже почти доехали. — Вот как сейчас. Не лучше ли сосредоточиться на работе?

1. Фрэнсис Малдун — герой ситкома "Патрульная машина 54" (1961).

— Ты про вызов, что ли? — проворчал Маллен. — Опять ложная тревога, Скотти. Сам знаешь: никто этот банк грабить не станет.

Не успел он это сказать, как оба увидели в полусотне ярдов от себя низкорослого малого в пальто и бейсболке, сбегающего вниз по ступенькам банка. В левой руке (она у него была в перчатке) он нес черную спортивную сумку; в правой был пистолет.

— Вот тебе и Никто, — сказал Скотт, ударив по тормозам; машина резко остановилась посреди улицы.

Малый, увидев их, кинулся налево — от патрульного автомобиля его отгородил хлебный фургон. Но копы уже выскочили из машины и целились в него из-за фургона. Коротышка между тем побежал к кованой железной ограде. "Сейчас мы его возьмем, — подумал Скотт. — Отсюда не выйти".

В этот момент почти одновременно произошло следующее: девочка догадалась, бросив скакалку, нырнуть в пекарню; старуха в красном платье покатила свою тележку с мешками через улицу; выгуливавший собаку джентльмен в соломенной шляпе, заметив удирающего грабителя, отпустил поводок и, угрожающе подняв над головой трость, устремился вслед за ним.

Оба полицейских и человек с пистолетом разом крикнули джентльмену в шляпе, чтоб немедленно убирался. Тот и не подумал повиноваться. Бандит, не замедляя шага, выстрелил; шляпу как ветром сдуло — приземлившись в десяти футах позади хозяина, она покатилась в кювет.

Притаившись за фургоном, Скотт и Маллен замерли и переглянулись. Пожилой джентльмен остановился. Секунду-другую он ощупывал макушку и, вероятно осознав что́ произошло и, убедившись, что сам он невредим, потерял всякое желание преследовать врага. Иначе говоря, убрался с пути.

А старуха, к сожалению, нет.

При звуке выстрела седовласая леди оцепенела, растерянно огляделась и побежала, толкая перед собой свою тележку.

Грабитель почти с ней разминулся — и разминулся бы, если б она внезапно не очутилась прямо перед ним. С разгону врезавшись в неожиданное препятствие, он опрокинул и тележку, и ее владелицу и упал сам; с тележки, заваливая мостовую, посыпались старые туфли, журналы, будильники и черные мусорные мешки. Не выпуская пистолета, беглец кое-как выкарабкался из-под мешков, покосился на копов, подобрал с земли свою сумку и помчался к калитке в железной ограде.

— Стоять! — крикнул Скотт и выстрелил в воздух. В убегающего полицейские стрелять не могли: между ним и ими ковыляла туда-сюда, подбирая и распихивая по мешкам свое барах-

ло, старуха в красном платье и драном пальто. Пока копы беспомощно наблюдали за бандитом, он добежал до калитки и, остановившись, безуспешно дергал железные прутья. Скотт снова крикнул ему в спину и произвел второй предупредительный выстрел.

Похоже, на преступника это произвело впечатление. Он высвободился из своего пальто, бросил его на землю и, втянув живот и повернув насколько мог голову, просунул правую ногу между прутьями; за ногой последовала правая рука, плечо, голова и туловище. Расстояние между соседними прутьями составляло не более восьми дюймов — казалось просто невероятным, как ему это удалось. Однако, удалось. Через несколько секунд все его тело уже было по другую сторону ограды.

За исключением левой руки.

Державшей черную спортивную сумку.

Плотно набитая сумка была слишком велика, чтобы пролезть между прутьями. Даже издали копы видели, как менялось выражение лица грабителя. Сперва на нем отразилось удивление, потом тревога, потом гнев и, наконец, отчаяние. После секундного колебания коротышка разжал пальцы — сумка упала на тротуар рядом с пальто. Еще секунду он с грустью смотрел на нее через решетку, затем повернулся и побежал. Тем, кто наблюдал за ним с улицы, видно было, как он трусит вниз по темному узкому проходу между домами, сворачивает налево и исчезает.

Скотт и Маллен выскочили из своего укрытия и, обогнув старуху, понеслись к калитке. Маллен поглядел сквозь прутья, потрогал их, прикинул, каково между ними расстояние. “Больно уж тощий малый...” — пробормотал он. Скотт подобрал черную сумку, пару раз качнул в руке, определяя вес, и расстегнул молнию. Посмотрел на кипу купюр внутри и продолжил: “...а чуть было не стал богачом”.

— Осторожнее, — сказал Маллен, — нужно будет снять отпечатки.

— Зачем? Он был в перчатках. По крайней мере, одна рука, в которой это нес... — Потом, смерив взглядом десятифутовую ограду, Скотт задумчиво произнес: — Интересно, почему он первым делом не перебросил сумку.

— Наверно, не сообразил. Все произошло слишком быстро. А сумочка-то, похоже, тяжелая.

— Так и есть.

Вокруг уже столпились зеваки. Старуха в красном платье все еще собирала свои сокровища, засовывая их в мусорные мешки, распихивая по карманам пальто и наново загружая неустойчивую тележку. Она слегка прихрамывала и все вре-

мя что-то бормотала — скорее, от злости, вряд ли она сильно ушиблась при падении. Плюгавая собачонка бродила по мостовой, волоча за собой поводок, и наконец уселась в кювете рядом с соломенной шляпой. “Хозяин, — подумал Скотт, — небось, так и бежит без оглядки”.

Небо потемнело. Пошел дождь.

Скотт, зажав под мышкой сумку с деньгами, подобрал пальто грабителя и оглядел зевак. Управляющего Рамси он знал в лицо, но в толпе его не было. В практике Скотта случалось, что служащие отсиживались в банке. Либо их там запирали.

— Давай, пожалуй, осмотрим место преступления, — сказал он.

— Я не прочь, — ухмыльнулся Маллен. — Там есть одна кассирша — кажется, ее звать Дебби, — обалдеть!

Скотт вздохнул, покачал головой и зашагал к банку.

— К твоей сестре это отношения не имеет, — поспешил добавить Маллен.

В Пальметтском филиале, думала Дебби Мартингейл, наверно, со дня торжественного открытия не было такого ажиотажа. Через двадцать минут после инцидента помещение банка заполонили детективы, репортеры и служащие центрального офиса. Делать, похоже, никому особо было нечего, зато все друг друга поздравляли и хлопали по плечу. В конце концов, сумка с деньгами найдена, никто не убит и пострадал всего лишь один человек — задавака Сесил Вудторп; кстати, боевое ранение дало ему повод еще больше задирать нос. В глубине души Дебби Мартингейл жалела, что грабитель не прицелился на четыре дюйма правее.

Самым же удивительным было другое: кажется, никого не волновало, каким образом грабителю удалось улизнуть. У Дебби, хотя никто ее мнения не спрашивал, на сей счет имелась своя теория.

Полицейские, первыми появившиеся на сцене (один из них показался Дебби похожим на Фрэнсиса Малдуна из старого ситкома “Патрульная машина 54”), говорили, что найти преступника, скорее всего, будет нетрудно: ему пришлось убегать на своих двоих, то есть специально оставленная поблизости машина, надо полагать, до сих пор где-то там стоит. Как только ее обнаружат, в отделе регистрации транспортных средств можно будет узнать имя подозреваемого, адрес и т. п.

Дебби подумала, что они ошибаются. Через стеклянную входную дверь она видела, как грабитель сбегал по высоким ступенькам. Видела, как он выстрелом сбил шляпу с головы пожилого джентльмена, как врезался в старухину тележку и

помчался прямо к калитке в железной ограде. И почти не сомневалась, что колебался он, перед тем как протиснуться между прутьями, демонстративно. Это просто-напросто была игра на публику — на самом деле преступник заранее знал, что, если понадобится, между прутьями пролезет. И никакой предназначенной для бегства машины никогда не найдут, потому что уйти он собирался совсем иначе. А именно: или по улице, или через ограду.

Однако в ее сценарии были слабые места. А что с деньгами? Он забыл от волнения, что сперва нужно перебросить сумку, или времени не хватило? И куда б двинулся, если бы не был вынужден свернуть к решетке? Вопросы были весьма серьезными — настолько серьезными, что Дебби предпочла оставить свои соображения при себе. Ей и без того было о чем подумать. Минуту назад Сесил Вудторп, окруженный плотным кольцом репортеров, обернулся и пальцем указал на нее. Затем, отделившись от этой группы, направился к ней.

Отлично, подумала она. *И что дальше?*

В номере на третьем этаже гостиницы в четверти мили от банка женщина в купальном халате и шлепанцах стояла у единственного окна, куря сигарету и глядя на унылую морось за стеклом; свободной рукой она потирала синяк на бедре. Голова у женщины была обернута белым полотенцем — волосы еще не успели высохнуть.

От нечего делать она наблюдала за движением на улице внизу. Везде люди — на тротуарах и в автомобилях, бесконечный безостановочный поток. Как поется в этой песне? “Даже не ищи начала в бесконечности кольца...”[1] На всех этих людей ей было решительно наплевать. Как и на то, что комната, где она находилась, подобно большинству комнат в этой части города, была убогая и грязная.

В дверь постучали. Женщина насторожилась, поплотнее запахнула халат и подошла к двери. Ни глазка, ни цепочки там не было, поэтому, взявшись за ручку, она приложила к деревянной панели ухо, прислушалась и спросила: “Кто там?”.

И тут же услышала, как тихонько скрипнули, приоткрываясь, двери в коридоре. Широко их не отворяли — только чуть-чуть, чтобы взглянуть через щелочку. Она недаром провела два дня в этом номере и знала, что бóльшая часть посто-

1. Строка из песни “Мир твоих фантазий” А. Бергмана, М. Бергман и М. Леграна.

яльцев гостиницы — или наркодилеры, или наркоманы, и никто, к этим категориям не относящийся, их не интересует.

— Управление социального обеспечения, — ответили за дверью. — Разрешите войти?

Она услышала, как те же самые двери, щелкнув, закрылись. И словно бы ощутила всеобщее облегчение: *социальная служба. Не полиция.*

Затянувшись напоследок, женщина открыла дверь и похромала вглубь комнаты, чтобы бросить окурок в пустую банку из-под кока-колы. У нее за спиной в номер вошел Оуэн Маккей. Он был без бейсболки, в промокшей рубашке, джинсы на одном колене порваны — от того же столкновения, при котором пострадало ее бедро.

Женщина повернулась к нему, и тогда, задрав подол рубашки, он вытащил из-за пояса пистолет. Затем вынул из кармана джинсов моток желтого скотча.

— Боюсь, ты не социальный работник.

— Ты не ошиблась, — улыбаясь, ответил он. — Иди ко мне.

Сесил Вудторп, выпятив грудь, торжественно произнес:

— Надо пересчитать.

Они с Дебби Мартингейл стояли в задней комнате. Вудторп одной рукой бережно прикрывал заклеенную боевую рану, а в другой держал все еще застегнутую черную спортивную сумку, которую полчаса назад рьяно набивал хранившейся в сейфе наличностью.

— Зачем? — поинтересовалась Дебби.

Вудторп поставил сумку на стол между ними.

— Репортеры хотят точно знать, сколько пытался украсть грабитель. Когда закончишь считать, доложись Рамси.

Управляющий филиалом банка Доналд Рамси, которого в данный момент интервьюировал кто-то из малоизвестных репортеров, только что явился в банк и выглядел, как ребенок, получивший в подарок воздушный шар, когда празднование дня рождения уже завершилось.

"Рамси, — мысленно отметила Дебби. Сегодня утром он был бы *мистер Рамси.* — Делаешь карьеру, Сесил?"

Вудторп уже повернулся, собираясь уйти, чтобы не мешать Дебби заниматься делом, но тут она расстегнула молнию на тяжелой сумке, заглянула внутрь и, не сдержавшись, пробормотала: "Ого!".

Вудторп остановился и обернулся:

— Что такое?

— Да здесь целое состояние! — Дебби запустила руку в сумку. — Десятки пачками, сплошняком, сверху донизу.

Вудторп нахмурился.

— О Господи, Мартингейл. Неудивительно, почему у тебя баланс никогда не сходится. Нельзя сотню называть десяткой!

— Что?

— Сотню десяткой, — терпеливо повторил Вудторп. — Этот идиот сказал, что ему нужны только крупные купюры. И я набил сумку сотенными.

Теперь нахмурилась Дебби. Достав одну из пачек, она большим пальцем пролистала ее по краю, внимательно разглядывая каждую банкноту. И обнаружила, что *ошиблась*. Не *десятки* составляли пачку. Но и не *сотни*. Там были пустые бумажки — только сверху лежала десятидолларовая купюра. Затаив дыхание, Дебби вытащила еще несколько пачек. Все были одинаковые: сверху десятка, дальше девяносто девять белых бумажных прямоугольников. Засунув руку поглубже, Дебби сделала еще одно открытие. Если не считать нескольких верхних слоев, сумка была набита старыми газетами.

Дебби снизу вверх посмотрела на внезапно побледневшее лицо Сесила Вудторпа.

— Ты какого идиота имел в виду? — спросила она.

Отрывая зубами от мотка кусок за куском скотча, Оуэн Маккей не сводил глаз с женщины. Лишь один раз он обвел взглядом комнату. В углу упакованные чемоданы, на кровати аккуратно разложены рубашка и брюки, на столе пустая черная спортивная сумка, рядом с ней — пачки купюр, собранные столбиками по десять пачек в каждом. Около стола на полу стояла тележка из супермаркета, заполненная мусорными мешками. Один из этих мешков сейчас был в руках у женщины — она раскрыла его перед Оуэном. Он снова сосредоточился на ее лице.

— Дела в мусорном бизнесе, вижу, обстоят неплохо, — сказал он.

Она пожала плечами.

— Не могу пожаловаться.

— Сколько? — спросил он, продолжая возиться со скотчем.

— Девятьсот шестьдесят тысяч. Если я правильно сосчитала. — Она продолжала на него смотреть, по-прежнему держа мешок открытым. В тишине, воцарившейся в комнате, слышно было только, как холодный дождь барабанит по оконному стеклу.

Оуэн наконец кончил обматывать скотчем свой пистолет. Как он прочитал, только этот способ гарантирует, что ника-

кой металлодетектор не обнаружит оружия. Пистолет и моток скотча полетели в открытый мешок; за ними последовали солнцезащитные очки и накладные усы. Оуэн мельком заметил, что в мешке уже лежит седой парик, красное цветастое платье, задрипанное пальто и коробочка с косметикой.

Женщина закрыла мешок, завязала для надежности двойным узлом и отставила в сторону.

— Почему так долго?

— Копы были уже поблизости. Пришлось сделать крюк. — Он кивком указал на окно. — Что с минивэном?

— Готов. Все погружено.

Оуэн вдруг улыбнулся неожиданной мысли:

— Сколько подушек тебе понадобилось запихнуть под платье?

— Не так много, как я думала, — сказала она и рассмеялась. — Нельзя поздно вечером так налегать на пиццу. — Она сняла с головы полотенце и протянула Оуэну. Он вытер мокрое от дождя лицо, еще раз посмотрел на деньги на столе, затем на приготовленную для него одежду на кровати.

— Ты отлично справилась, старушка!

Молли Фримонт-Маккей рассмеялась и взъерошила свою белокурую гриву.

— У меня был отличный помощник, — сказала она. И шагнула к нему в объятия.

Пока они стояли обнявшись, в мозгу у него крутились две важные мысли. Первая: что, наконец, дело сделано. План сработал.

И вторая: как он любит ее смех...

Анна Закревская

Настоящий американский детектив: равнение на телевидение

В американской кинокультуре понятие “детектив”, с одной стороны, довольно размыто — существует жанр “mystery”, куда входит множество поджанровых ответвлений, содержащих ту или иную “загадку”, которая не обязательно раскрывается или даже исследуется. Это может быть фантастика или ужасы, а может — и привычный детектив в духе английских романов.

Есть направление “crime”, включающее все, что связано с преступлениями, — с расследованием или без. Боевик, экшен, гангстерская и криминальная драма или даже комедия и “бадди-муви” (фильм о дружбе двух героев, например, полицейских). Существует и самый обширный жанровый пласт — “триллер” (thriller или suspense), часто психологический, объединяющий все — в той или иной степени — напряженное и остросюжетное. Чаще всего кинодетектив находится где-то между этими плоскостями. С другой стороны, в американском кино есть вполне однозначная и четко определенная категория детектива, часто многосерийного, который берет свое начало в отечественной литературе, даже если не опирается на конкретное произведение — это “Тонкий человек”, все реинкарнации Филипа Марло (последний крупный фильм — “Вечный сон” Майкла Уиннера 1978 года[1]), сериал “Коломбо” и другие.

В нулевых полнометражный детектив во всех его проявлениях начали пытаться повсякому переиграть, переварить, переосмыслить. Картина Клинта Иствуда “Кровавая работа” (2002) — один из его последних типичных кинодетективов, в котором недостаточно диалога со зрителем, чтобы мы могли “поучаствовать” в расследовании, и при этом недостаточно экшена, чтобы получился боевик; Иствуд делал похожие фильмы и раньше. Недавно вышла лента такого же рода с Лиамом Нисоном — “Прогулка среди могил” (2014, режиссер Скотт Фрэнк). А вот Роберт Олтман в “Госфорд-парке” (2001) уже с долей иронии пытался воспроизвести классическую ситуа-

1. Любопытно, что в недалеком будущем выйдет новый фильм о приключениях Марло — Уильяма Монахана с Лиамом Нисоном. Дата релиза пока неизвестна.

© Анна Закревская, 2018

цию с "убийством в особняке". "Бессонница" (2002) Кристофера Нолана — римейк скандинавской картины, который невольно сам себя разоблачает: зрители сразу догадываются, что убийца — это герой Робина Уильямса: иначе зачем в фильме появляться такой крупной звезде?

В большом кино сегодня чистый детектив — второстепенный жанр. В его классической формулировке (*лат.* detectio — раскрытие, *англ.* detect — открывать, обнаруживать; detective — сыщик) преимущественно описывается процесс исследования загадочного происшествия с целью выяснения обстоятельств и раскрытия загадки. Он требует от зрителя терпения, внимания и дисциплины. Блокбастер, который сейчас переживает очевидный расцвет благодаря нагромождению новых технологий, из него не сделаешь.

Показательный пример — "Шерлок Холмс: Игра теней" (2011) Гая Ричи, который пытается слепить из классического детектива прямолинейный "боевик" (первая часть вышла в 2009-м, сейчас снимается третья): экшен, погони, драки в рапиде, искры из глаз, но аккуратный шерлок-холмовский мир деталей, подсказок и улик не выдерживает и разрушается — остаются лишь лихие диалоги при мрачно-серой, неживой, чересчур "компьютерной" картинке.

В другую крайность уходит "Мистер Холмс" (2015, Билл Кондон) с Иэном Маккелленом в заглавной роли. Он рассказывает параллельно две истории — об очень старом Шерлоке уже в XX веке, который ведет одно из своих последних дел и, кажется, влюбляется, и об очень-очень старом Шерлоке, который живет в деревне, вспоминает свою жизнь, готовится к смерти и дружит с маленьким мальчиком. В фильме перебор мелодраматических элементов, и в целом он перестает быть собственно детективом. На телевидении существует свой, гораздо более камерный и аутентичный, британский "Шерлок" (2010, Марк Гатисс, Стивен Моффат), который тоже по-своему, по-постмодернистски, пытается переиначить знакомые правила — не только на поверхности (герои используют всевозможные современные гаджеты, доктор Ватсон ведет блог), но и в попытках сказать что-то новое в области киноязыка. Американский сериал "Элементарно" (2012, Роберт Доэрти) делает доктора Ватсона женщиной, но, если не считать этого, а также некоторых пунктирных сквозных сюжетных линий, он остается наиболее адекватной адаптацией привычного "Холмса" со спокойной эпизодической структурой и дедуктивным методом расследования.

В то же время жанровую нишу, как, например, мелодраме или "ужастикам", в силу своей специфичной "антизрелищности" детективу занять сложно.

Возможно, такой жанровой нишей стал популярный в 90-х особый сумрачный подвид детектива — с разных сторон рассматривающий взаимоотношения с серийными убийцами. Еще раньше, в 80-е, эту комбинацию ярко и самобытно отработал Брайан Де Пальма ("Оде-

тый для убийства", 1980, "Прокол", 1981, "Дублерша", 1984 и другие). 90-е начались с классического "Молчания ягнят" (1991, Джонатан Демми) и закончились поделками вроде "Целуя девушек" (1997, Гари Фледер) и "Власть страха" (1999, Филлип Нойс), а закрыли декаду "Кровавое лето Сэма" (1999, Спайк Ли), "Американский психопат" (2000, Мэри Харрон) и "Ганнибал" (2001, Ридли Скотт).

В 2013 году вышли "Пленницы" (режиссер Дени Вильнёв) — новый бросок на эту территорию. Фильм рассказывает историю отца, который берет правосудие в свои руки, когда его маленькая дочь пропадает, а подозрение падает на не совсем здорового подростка. Чуть раньше в картине "Прощай, детка, прощай" (2007, Бен Аффлек) зрителя долгими детективными лабиринтами ведут к непростой развязке: молодой частный детектив, расследовавший похищение девочки, узнает, что все было специально разыграно двумя полицейскими, пытавшимися спасти ребенка от ужасов жизни в неблагополучной семье. Фильмы похожи не только сюжетными ходами и крепкой режиссурой, но и неоднозначными выводами; при этом оба автора стараются — визуально или смыслово — обогатить детективную историю. "Пленницы" дарят зрителю кадры чуть ли не рембрандтовского накала.

В эту же категорию сумрачных, скромных и мощных картин входит "Зимняя кость" (2010, Дебра Граник), где детективная интрига искусно вплетена в экзистенциальное путешествие героя. Девушка-подросток ищет своего отца, для ее семьи — это вопрос выживания: если он не предстанет перед судом в назначенный срок, дом отберут, а семью выселят. Режиссер по максимуму использует все особенности места действия (округ Озарк, штат Миссури): крайняя бедность, неприветливая, буйная природа и такие же неприветливые, странные жители. Еще один редкий пример нового, олдскульного и честного детектива — дебют сценариста Тейлора Шеридана "Ветреная река" (2017). Это спокойный, четкий детектив, где молодая девушка, агент ФБР, в легкой одежде и на каблуках, прибывает в необычную как для нее, так и для зрителей, местность — глухой американский север индейской резервации — для расследования тяжкого преступления. Оба фильма не собрали большой аудитории, но получили заслуженное признание критиков: "Ветреная река" была показана на фестивале в Каннах, "Зимняя кость" получила четыре номинации на "Оскар".

Исключение в мире детективов большого кино также составляют те произведения, которые могут добрать необходимую зрелищность, притягательность для широкой аудитории другими способами. В первую очередь, это экранизации модных бестселлеров — например, Стига Ларссона ("Девушка с татуировкой дракона", 2011, Дэвид Финчер), Гиллиан Флинн ("Исчезнувшая", 2014, Дэвид Финчер) или Ю Несбё (грядущий "Снеговик", 2017, Томас Альфредсон). Яркий пример

неумелого обращения с первоисточником-хитом — "Девушка в поезде" (2016, Тейт Тейлор) по роману английской писательницы Полы Хокинс, попавшему в списки бестселлеров по версии Publishers Weekly за 2015 и 2016 годы. Если в первой же сцене закадровый голос героини-рассказчицы сообщает, что у нее сверхактивное воображение, почти наверняка это означает, что с фантазией дела тут обстоят не лучшим образом и ждать откровений по части киноязыка от фильма не стоит. Так и происходит: вменяемому течению детективной мысли мешает ненадежная рассказчица, страдающая от алкогольной зависимости и депрессии, а также заунывная, на одной ноте закадровая музыка, убивающая всякие зачатки ритма. Ненадежный рассказчик или множественность точек зрения может быть интересным ходом, если знать, что с ним делать. Похожим образом путается в показаниях "Бегущая от реальности" (2016, Джошуа Марстон, по оригинальному сценарию), где в основе детективной интриги — личность главной героини, которая меняет роли как перчатки, но никакой законченной мысли в итоге не рождается.

Разумеется, сегодня не забывают и об экранизации детективной классики — в этом случае акцент делается на пышные актерские работы, тщательно продуманные костюмы и декорации и выбирается довольно прямолинейный подход по отношению к первоисточнику. Пример — две картины, снятые по романам Патриции Хайсмит: "Два лика января" (2014, Хуссейн Амини) и стерильная "Ловушка" (2015, Энди Годдард). В первой упор сделан на игру со всякой двойственностью и двуликостью, в одной из главных ролей — многогранный Вигго Мортенсен. "Ловушка" же сделана гораздо более просто и незамысловато и поэтому выглядит устаревшей. В ближайшем будущем нас ждет пестрое и размашистое "Убийство в Восточном экспрессе" по Агате Кристи (2017, Кеннет Брана): сам Брана в роли Эркюля Пуаро и множество других звезд в соседних ролях. А также экранизация Дафны Дю Морье — "Моя кузина Рэйчел" (2017, Роджер Мишелл) и комедийный "Холмс и Ватсон" (2018) с Уиллом Ферреллом и Джоном Си Райли, по мотивам скетча юмористической американской передачи "Saturday Night Live". Сегодня, как и всегда, образ Шерлока Холмса пользуется популярностью — кроме фильмов Ричи и Кондона, в 2010 году вышла стимпанк версия[1] приключений знаменитого сыщика "Угроза из прошлого" ("Sherlock Holmes", Рэйчел Ли Голденберг).

Прослеживается четкий паттерн: многие детективы в современном американском кино — это своеобразные отсылки к старым временам, старым стилям, старым авторам или римейки иностранных детективов и экранизации бестселлеров. Например, "Врожденный порок" (2014) Пола Томаса Андерсона по роману Томаса Пинчо-

1. Стимпанк (или паропанк) — направление научной фантастики, моделирующее цивилизацию, в совершенстве освоившую механику и технологии паровых машин.

на — это одновременно омаж, пародия, костюмный фильм и поклон минувшим временам, когда кинодетектив еще был актуален. Ностальгией пропитаны и редкие детективные комедии: меланхоличные "Славные парни" (2016, Шейн Блэк) и пестрые, шпионские "Агенты А.Н.К.Л" (2015, Гай Ричи).

Заметным явлением еще в 2005 году стал "Кирпич" Райана Джонсона — классический богартовский нуар в обстановке современной американской старшей школы. Удивительное сочетание неожиданно сработало, и получилась на редкость остроумная стилизация — благодаря дикому контрасту двух дискурсов разрушается всякий автоматизм восприятия и рождается эффект остранения чуть ли не в духе Шкловского. "Кирпич" ярко продемонстрировал, как сегодня можно и нужно работать с жанром, в том числе и с детективом.

Конечно, большое кино всех жанров с удовольствием пользуется разнообразными детективными элементами в самых необычных формах.

В экспериментальном анимационно-игровом[1] "Помутнении" (2006, Ричард Линклейтер) главный герой, детектив и наркоман, ведет странное сбивчивое наблюдение за самим собой. В том же году вышел "Престиж" Кристофера Нолана по роману Кристофера Приста — мощный полуфантастический, при этом фактографичный, чуть ли не исторический блокбастер о противостоянии двух фокусников на рубеже веков. История рассказана ретроспективно, повествование идет рвано, закручено — сначала один герой читает дневник другого, потом они меняются местами, а "правда" все время ускользает. Роль детектива предлагается, в первую очередь, зрителю — мы на самом деле видим разгадку на экране, но в то же время не хотим ее видеть, желаем быть обманутыми и в конечном счете позволяем Нолану нас обмануть. "Престиж" с успехом задается вопросами, в чем же природа магии и где та грань между блестяще исполненным фокусом и настоящим волшебством, в том числе в кино?

Многие крупные фильмы последнего времени не обходятся без элементов детектива: "триллер без триллера" "Стрингер" ("Nightcrawler", 2014), научно-фантастическая лента про способы коммуникации с пришельцами "Прибытие" (2015), запутанная драма "Под покровом ночи" (2016, Том Форд), авторская трилогия Николаса Виндинга Рефна "Драйв" (2011), "Только бог простит" (2013), "Неоновый демон" (2016) или трагикомедия Вуди Аллена "Иррациональный человек" (2015). Пасмурная шпионская "трилогия в пяти частях" о супергерое Джейсоне Борне ("Идентификация Борна", "Превосходство Борна", "Ультиматум Борна", "Джейсон Борн" и "Эволюция Борна", 2002—2016) умело включает в экшен детективные элементы — главный герой не знает, кто он такой, и должен по крупицам восстановить знание о себе и

1. Сделан с помощью ротоскопирования — метода, при котором художник-мультипликатор обводит кадры натурной съемки.

своей прошлой жизни, а пока вынужден опираться только на собственные внутренние ощущения.

Наверное, единственный из больших современных американских режиссеров, кто может сделать зрелище на большом экране, не только сохранив ключевые составляющие лежащего в основе детектива, но и использовав их по максимуму, — это Дэвид Финчер. Главные его фильмы — "Семь" (1995), "Игра" (1997), "Зодиак" (2007) — детективы, но за прочной жанровой схемой всегда скрывается гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Режиссер както описал киносъемки так: "Ты пишешь акварелью нечто, расположенное в трех кварталах от тебя, глядя через телескоп, сорок человек держат кисть, и ты командуешь ими с помощью рации"[1]. Финчер в своем филигранно-эпичном кино точно знает, как сделать детали-улики мощными выразительно-художественными образами, не разрушая целого, как оставить им их "акварельную", тончайше ювелирную природу (сахарная "буря", в которую попадают герои "Исчезнувшей", или то, как герой Дэниела Крэйга в "Девушке с татуировкой дракона" ловко перехватывает падающую на пол бутылку молока). Картины Финчера — словно шкатулки с множеством потайных ящиков, а сам автор постоянно, с радостью, обманывает ничего не подозревающего зрителя; поразительным образом в его не-фантастичных фильмах кадров, преобразованных компьютерной графикой, больше, чем в блокбастерах вроде "Годзиллы".

От будничного "Зодиака" (2007) невозможно оторваться — это классический детектив, который гипнотически затягивает, особенно под конец, когда о маньяке по имени Зодиак все уже давно позабыли, кроме одержимого главного героя-писателя. Вывод получается гораздо более масштабным — как в "Вороне" (1943) Анри-Жоржа Клузо, неперсонифицированное, рассеянное зло ощущается как повседневное и повсеместное, и после проживания объемно выстроенного, тщетного путешествия-поиска становится уже неважно, кто именно совершал преступления.

В лучшем своем, наверное, фильме "Семь" (1995) Финчер сталкивает кромешный натурализм ужасающих убийств с тотальной недоговоренностью и недосказанностью — ни ведущие расследования детективы, ни зрители так никогда и не узнают, как и почему произошли преступления. Полицейские, молодой энергичный эгоист и его мудрый напарник, вынуждены лишь следовать за прихотью маньяка и не могут сделать буквально ничего — они никуда не успевают, ничего не находят и не раскрывают. Мы вынуждены, не отрываясь, смотреть, как их (и нас) ведут к ужасающему финалу. Получается мощный "детектив без детектива" в духе безысходных криминальных фильмов 70-х — "Ночных

1. https://esquire.ru/wil/david-fincher

ходов" Артура Пенна (1975) или "Китайского квартала" Романа Полянского (1974).

В "Исчезнувшей" перед нами предстает картина семейного благополучия, которое сразу нарушается похищением (или убийством?) красавицы и умницы жены молодого преуспевающего писателя. Однако похищение обставлено слишком театрально, улики в аккуратных конвертах расставлены по всему дому, а герою Бена Аффлека, моментально попадающему под подозрение, нельзя не посочувствовать. Мы наблюдаем историю их отношений глазами жены: она рассказывает, как была несчастна и как хочет отомстить невнимательному мужу — теперь, когда его обвинят в ее убийстве, он наконец-то обратит на нее внимание и получит, по ее мнению, "по заслугам". Но что-то не сходится. Зритель знает, что ее голос — это голос психически нездорового человека и искать ответы придется самому. Чтобы рассказать историю, Финчер использует все виды монтажа, движение камеры, ритм, паузы. А еще зеркальную симметрию в композиции кадров, будто намекая на дьявольскую двойственность (ведь изображение в зеркале магическим образом "переворачивается": "правое" становится "левым", а "левое" — "правым") во всем: в отношениях между персонажами, между рассказчиками, между визуальным и звуковым, между видимым и невидимым. Комментируя эпизодическую роль Эмили Ратаковски (любовницы главного героя), Финчер сказал, что хотел с ее помощью симметрично разделить аудиторию. "Мне нравится, что она появляется словно какой-то оборотень и набрасывается на него. Очевидно, и что он не очень-то сопротивляется. Мне было важно взять на роль Энди такую актрису, которая могла бы сразу, немедленно разбить аудиторию на своих обожателей и ненавистников. Чтобы можно было буквально расколоть зрительный зал пополам. Женщины бы откинулись в своих креслах, скрестили руки и сказали: 'Ну что за придурок!' — а мужчины наклонились вперед и задумчиво заметили бы: 'Да, но все же это так понятно...'. Какая-то часть в вас понимает, что это ужасная ошибка, но ее невозможно не совершить".

* * *

Сегодня детектив нужно искать на телевидении, где жанр продолжает расцветать во всей красе.

Телевизионный детектив всегда представлялся наиболее естественным, потому что ТВ-показ изначально построен на эпизодичности и вечном повторении — как и бесконечные серии литературных детективов. Конечно, можно говорить, что телевидение изменилось — теперь люди могут пересматривать любимое, наверстывать пропущенное, смотреть все за один присест в интернете. Но изначальная эпизодичность слишком удобна и привлекательна, чтобы ее так просто отбросить. Дело не только в том, что раньше люди не *могли* пересмотреть пропущенные эпизоды, они зачастую и не *хотели*. Мелодрама и

детектив особенно успешно вписались в сериальный формат, так как именно таким историям особенно легко повторяться сколь угодно долго. Правда, это регулярно приводит к бессмысленному и беспощадному — пока рейтинги не отпустят — растягиванию.

Еще не так давно казалось, что географически жанр ТВ-детектива окончательно сместился в Европу. Как всегда в Британию, а еще — неожиданно — на север, в Канаду и Скандинавию: "Валландер" (2008, Швеция), "Мост" (2011, Швеция–Дания), "Убийство" (2011—2014, Канада), "Богатство" (2014, Норвегия) и другие. В Америке в это время вовсю выходили игрушечные "Кости" (2005—2017) о сотрудничестве антрополога и агента ФБР, которые расследуют нераскрытые дела путем изучения и идентификации костей давно пропавших людей. Или столь же плюшевый "Касл" (2009—2016, Эндрю У. Марлоу) о писателе, помогающем настоящему полицейскому в расследовании. В них не было драматического накала или развития — серии, словно перепечатанные на ксероксе, могли выходить бесконечно долго, пока зрителю не надоело. В недавнем сериале "Лучше звоните Солу" (2015, Винс Гиллиган, Питер Гулд) — продолжении выстроенной и законченной саги о трансформации "Во все тяжкие" (2008, Винс Гиллиган) — авторы забывают о всякой трансформации (для которой нужны начало, развитие и завершение) и словно на конвейере лепят похожие друг на друга серии.

Другие сериалы намеренно отходят от детектива — например, суперпопулярная сейчас "Игра престолов" (2011, в 2017-м вышел седьмой сезон) начинается с классической детективной завязки, от которой уже в конце первого сезона не остается и следа. А комедия "Детективное агентство Дирка Джентли" (2016, Макс Лэндис, по книгам Дугласа Адамса) рассказывает о сумасбродном "холистическом", как он сам себя называет, сыщике, который ведет расследование, полагаясь на удачу, интуицию и бог знает на что еще — это, разумеется, прямая насмешка над самой идеей детектива.

Среди этого потока поделок и подделок без начала и конца вдруг появился сериал с беззастенчивым названием "Настоящий детектив" (2014, Ник Пиццолатто), который полностью демонтировал классический детектив, а потом ловко собрал его обратно, протащив зрителя через катарсический ад. Он задуман как сложная кинематографическая игра, в которой противопоставлены четыре точки зрения в четырех историях, параллельно развивающихся.

Первая история — расследование ужасных убийств, которое в двух временных пластах ведут напарники-детективы. В это время из третьего временного отрезка ведется расследование уже их действий — кто эти герои и что они тогда сами наделали: легально и нелегально, официально и неофициально? Также мы отрывочно наблюдаем обычную, повседневную жизнь детективов (с помощью Марти Харта — героя Вуди Харрельсона). Между тем через историю

нигилиста Раста Коула (Мэтью Макконахи) всех персонажей постепенно затягивает черная экзистенциальная дыра (с диалогами вроде: — Надеюсь, старушка ошибалась. — Насчет чего? — Что смерть — это не конец). С одной стороны, этот сериал — увлекательный и напряженный детектив, который, в то же время, с его непростой связью и перекличками между историями, играет в жанр и сам себя анализирует. А вся эта многослойность и сложность визуально поддерживаются окружающей обстановкой — неспокойной природой Луизианских болот, нависающими над водой кипарисами, обросшими испанским мхом, рваной архитектурой и обугленными острыми досками сгоревшей церкви. История целиком уместилась в восемь серий первого сезона — второй рассказывает уже о другом. "Настоящий детектив" во многом открыл эру сериалов как законченных кинематографических произведений, мини-сериалов и сериалов-антологий.

Новое "телевизионное кино" обладает новой структурой — оно длиннее полнометражного, так как состоит из нескольких серий (часто до десяти), но отдельный эпизод обычно идет около пятидесяти минут, немногим больше среднеметражного и короткометражного кино. Приходится переосмысливать основы драматургии и киноповествования, некоторые новые сериалы даже называют многочасовыми фильмами. Если в первых сезонах "Твин Пикса" (1990—1991) его создатели Дэвид Линч и Марк Фрост заигрывали с жанром, закидывая удочки во все стороны и мешая карты, то в третьем сезоне (2017, Дэвид Линч) от детектива не остается даже оболочки, все перевернуто с ног на голову. Это уже даже не сериал и уж точно не детектив — это 18-часовое авторское высказывание Дэвида Линча.

Мини-сериалы и антологии, которые не растягиваются бесконечно, а с первых минут как цельное произведение знают, к чему идут и чем закончатся, напоминают британскую телевизионную классику "Смерть в одуванчиках" (1994, Майк Ходжес) или "Забытое" (1999, Бен Болт). Эстафету "Настоящего детектива" подхватила черная трагикомедия "Фарго" (2014, Ной Хоули), которая берет за основу игровую картину братьев Коэнов "Фарго" (1996), точнее, ее атмосферу и образы героев, а историю строит свою. Далее последовал популярный сериал "Американская история преступлений" (2016, Скотт Александер, Ларри Карацевски) и молодежная драма "13 причин почему" (2017, Брайан Йорки), основанная на одноименном романе Джея Эшера 2007 года. Действие разворачивается в старших классах американской школы, а детектив сочетается с черной комедией, триллером и мелодрамой. Агата Кристи и другие классические авторы, кажется, уже перебрали все возможные варианты детективной разгадки: убийца — не один герой, а все; убийца — рассказчик и так далее. В "13 причинах..." историю ведет девушка, которая перед тем, как по-

кончить жизнь самоубийством, решает записать на кассеты рассказ о тринадцати близких и не очень людях, в прошлом совершивших по отношению к ней какой-то темный поступок. Сериал начинается с того, как один из фигурантов списка получает кассеты и начинает их слушать. В какой-то момент становится очевидно, что рассказчица-самоубийца все-таки привирает, но авторы бросают этот любопытный ход на полпути.

Появился детективно-криминальный мини-сериал "Однажды ночью" (2016, Стивен Зеллиан, Джеймс Марш) — калька с британского "Уголовного правосудия" с Беном Уишоу; его герой, молодой застенчивый парень из хорошей семьи пакистанских иммигрантов, проводит ночь с загадочной незнакомкой, что-то выпивает, что-то глотает... а на утро просыпается рядом с ее обезображенным трупом. Улик, доказательств и свидетелей даже больше, чем требуется. Каждый эпизод и весь сериал целиком смотрится, как отдельный законченный фильм.

Также сейчас по телевизору идет экранизация Стивена Кинга "Мистер Мерседес" (2017, Дэвид И. Келли) о противостоянии психопата и полицейского. В первой серии флэшбеком мы видим толпу людей, в том числе мать с грудным ребенком, которые ночью занимают очередь на некую ярмарку вакансий — очевидно, что это безработные и совершенно отчаявшиеся люди. В эту толпу на полной скорости на роскошном "мерседесе" въезжает невидимый человек (человек ли?) в маске клоуна. Детектив (в исполнении фактурного Брендана Глисона), который когда-то пытался раскрыть это преступление, ничего не смог сделать и ушел в отставку, теперь он мается дома от безделья, слушает соул и кормит капустой свою черепашку. В одном этом прологе с помощью точных деталей удается рассказать и показать больше, чем в некоторых современных полнометражных детективах.

Амбициозный мини-сериал "Охота на Унабомбера" (2017, Грег Яйтанс) основан на реальных событиях — охоте на особо опасного преступника, бывшего вундеркинда и преподавателя Калифорнийского университета, который решил заняться рассылкой бомб по почте. Чаще всего террорист, получивший прозвище Унабомбер, выбирал своими мишенями университеты и авиалинии. В борьбу с ним вступает менее выдающийся математик на службе ФБР.

Действие новой любопытной полицейской комедии "Товарищ детектив" (2017, Риз Томас) от студии "Амазон" происходит в 1980-е годы в Румынии, причем обставлено все так, будто это сериал, канувший в румынские коммунистические анналы, который сейчас нашли, отреставрировали и дублировали на английский язык голосами Ченнинга Татума, Джозефа Гордона-Левитта, Хлои Севиньи, Ника Оффермана, Ким Бейсингер, Махершалы Али, Бобби Каннавале и других актеров нерумынского происхождения.

Под руководством вездесущего Финчера скоро выйдет

“Охотник за разумом” (2017) про агента ФБР, преследующего серийных убийц. А буквально на днях компания “Нетфликс”, специализирующаяся на сериалах, выпустила фильм “Тетрадь смерти” (2017, Адам Вингард) — американский римейк популярной японской манги и анимэ. Фильм в целом сильно торопится, пытаясь уместить гигантское количество материала в одну полнометражную картину, и недостаточно меняет оригинал для культурной адаптации, местами застревая где-то посередине, тем самым одновременно раздражая фанатов первоисточника и отпугивая потенциальных новых поклонников. Любопытно, что у “Тетради смерти” структура эпизода сериала “Коломбо”, где нужно не найти убийцу, а доказать его виновность. Существование этого фильма косвенно подтверждает предположение, что детективу в современном кино не место. Вернее, не место в современном кинотеатре. “Тетрадь смерти” с приличным для жанра бюджетом в 40 миллионов долларов в прокат не вышла: никаких трейлеров, аймаксов и три-дэ очков, никакого ожидания (видимо, создатели посчитали такую стратегию продвижения самой верной) — фильм появился сразу у зрителей дома, на компьютере, в стриминговом сервисе.

Возможно, это и есть будущее и идеальная платформа для кинодетектива.

Рут Ренделл
Ruth Rendell
[1930–2015]. Английская писательница. Лауреат премий *Серебряный кинжал* [1984], *Золотой кинжал* [1976, 1986, 1987], *Бриллиантовый кинжал Картье* [1991] и др., пожизненный член Палаты лордов, Кавалер ордена Британской империи [1996], баронесса.

Автор популярных детективов и триллеров, среди них *С любовью насмерть*, *Дун* [*From Doon with Death*, 1964; рус. перев. 2003], *Коль скоро жертва мертва...* [*Murder Being Once Done*, 1972; рус. перев. 1991], *Дремлющая жизнь* [*A Sleeping Life*, 1978; рус. перев. 2015], *Солнце для мертвых глаз* [*A Sight for Sore Eyes*, 1998; рус. перев. 2012], *Черный мотылек* [*The Chimney Sweeper's Boy*, 1998; под псевдонимом Барбара Вайн; рус. перев. 2013], *Лабиринт* [*The Vault*, 2011], *Ничей соловей* [*No Man's Nightingale*, 2013] и др.
Перевод рассказа *Колючие яблоки* [*Thornapple*] выполнен по изданию *Академия детективного рассказа.* Т. 5 [*Academy Mystery Novellas.* T 5. Chicago: Academy Chicago Publishers, 1987].

Джон Ле Карре
John Le Carré
[р. 1931]. Английский писатель. Работал в МИ-5 и МИ-6. Лауреат премий Сомерсета Моэма [1964], *Эдгар* [1965], *Золотой кинжал* [1965 и 1977] и др. Обладатель медали Гёте [2011].

Автор двадцати двух романов, в том числе *Звонок покойнику* [*Call for the Dead*, 1961; рус. перев. 1993], *Шпион пришедший с холода* [*The Spy Who Came in from the Cold*, 1963; рус. перев. 1991], *Достопочтенный школяр* [*The Honourable Schoolboy*, 1977; рус. перев. 1998], *Маленькая барабанщица* [*The Little Drummer Girl*, 1983; рус. перев. 1993], *Хрупкая истина* [*A Delicate Truth*, 2013]. В *ИЛ* опубликованы отрывки из его мемуаров [2017, № 8].
Перевод публикуемого текста выполнен по изданию *Артур Конан Дойл. Новый Шерлок Холмс с комментариями и вступлением Джона Ле Карре* [*Sir Arthur Conan Doyle. The New Annotated Sherlock Holmes. Introduction by John Le Carré.* New York, London: Norton & Company, 2003].

Уистен Хью Оден
Wystan Hugh Auden
[1907–1973]. Английский поэт, драматург, публицист, критик. С 1939 г. жил в США. Лауреат Пулитцеровской премии [1948], Боллингеновской премии [1953], Национальной книжной премии [1956] и др.

Автор поэтических сборников *Танец смерти* [*The Dance of Death*, 1933], *Гляди, незнакомец!* [*Look, Stranger!* 1936], *Иные времена* [*Another Time*, 1940], *Раздвоенный* [*The Double Man*, 1941], *Щит Ахилла* [*The Shield of Achilles*, 1955], *Избранные стихи* [*Collected Shorter Poems*, 1967], *Собрание поэм* [*Collected Longer Poems*, 1969] и др. В *ИЛ* опубликованы его стихи и эссе [2011, № 7] и отрывок из поэмы *Зеркало и море* [2014, № 5], а также литературный гид, посвященный 110-летию со дня его рождения [2017, № 1].
Перевод публикуемого текста выполнен по изданию *Собрание произведений У. Х. Одена: Проза. Т. 2. Проза 1939–1948* [*The Complete Works of W. H. Auden: Prose. Vol. 2. Prose1939–1948.* Princeton University Press, 2002].

Саул О'Хара [Петер Хакс] Saul O'Hara [Peter Hacks] [1928–2003]. Немецкий драматург, поэт, эссеист, переводчик, историк и теоретик литературы. Лауреат премий Лессинга [1956], Немецких критиков [1965], Генриха Манна [983] и др. Член многих литературных объединений, клубов и академий, из которых демонстративно вышел незадолго перед смертью.

Автор около 50-ти пьес, в России были поставлены *Амфитрион* [*Amphitryon*, 1967], *Адам и Ева* [*Adam und Eva*, 1972] и *Разговор в семействе Штейн об отсутствующем господине фон Гёте* [*Ein Gespräch im Hause Stein über den abwesenden Herr von Goethe*, 1974], а также стихов и эссе, либретто, сказок и философских повестей. В 2003 г. издательство Оленшпигель выпустило 15-томное собрание его сочинений.
Перевод публикуемой пьесы *Последнее дело инспектора Кемпбелла, или Женитьба – всегда риск* [*Inspektor Campbells letzter Fall, oder Heiraten ist immer ein Risiko*] выполнен по изданию [*Kriminalstücke*. Berlin: Henschel, 1987].

Антонио Муньос Молина Antonio Muñoz Molina [р. 1956]. Писатель, журналист, искусствовед. Член Испанской Королевской академии [1996], почетный профессор Хаэнского университета [2007]. Лауреат Премии критики [1988], Национальной премии в области прозы [1988, 1992], премии *Планета* [1991], Иерусалимской премии [2013], премии принца Астурийского [2013] и др.

Автор романов *Зима в Лиссабоне* [*El invierno en Lisboa*, 1987], *Польский всадник* [*El jinete polaco*, 1991; рус. перев. 2006], *Полнолуние* [*Plenilunio*, 1997], *Карлота Файнберг* [*Carlota Feinberg*, 1999], *Лунный ветер* [*El viento de la Luna*, 2006], *Ночь времен* [*La noche de los tiempos*, 2009] и др., сборников рассказов *Другие жизни* [*Las otras vidas*, 1988], *Никакого другого мира* [*Nada del otro mundo*, 1993] и др. В *ИЛ* опубликованы фрагмент его романа *Сефард* и рассказы [2011, № 12].
Публикуемый рассказ *Вежливость незнакомцев* [*La gentileza de los desconocidos*] взят из сборника *Никакого другого мира* [*Nada del otro mundo*. Madrid: Editorial Espasa-Calpe, 1993].

Катажина Писажевская [Писаржевская] Katarzyna Pisarzewska Польская писательница, сценарист, социолог, лауреат премии Золотое перо [2002].

Автор пяти романов, в том числе опубликованных на русском языке *Привет, Мафия!* [*Halo, Wikta!* 2002], *Держись, мафия!* [*Wikta, ratuj!* 2004].
Перевод повести *Шоу лжецов* выполнен по изданию [*Koncert Łgarzy*. Warszawa: Świat Książki, 2009].

Джеффри Дивер Jeffery Deaver [р. 1950]. Американский писатель, журналист, юрист и фольк-музыкант. Трижды лауреат премии Яна Флеминга Британской ассоциации

Известность ему принесли романы про детективов Линкольма Райма и Амелию Сакс, среди которых *Сборщик костей* [*The Bone Collector*, 1997; рус. перев. 2017], *Танцор у гроба* [*The Coffin Dancer*, 1998; рус. перев. 2017], *Пустой стул* [*The Empty Chair*, 2000; рус. перев. 2003], *Каменная обезьяна* [*The Stone Monkey*, 2002; рус. перев. 2005], *Исчезнувший* [*The Vanished Man*, 2003; рус. перев. 2010],

авторов детективов *Стальной кинжал* [2004, 2009] и др. премий в области остросюжетной литературы.

Двенадцатая карта [*The Twelfth Card*, 2005; рус. перев. 2011], *Холодная луна* [*The Cold Moon*, 2006; рус. перев. 2008] и др. После Р. Бенсона второй американский автор книги про Джеймса Бонда — *Карт-бланш* [*Carte Blanche*, 2011; рус. перев. 2011].
Публикуемый рассказ *Дело смеющегося рыбака* [*The Adventure of the Laughing Fiserman*] взят из сборника *Лучшие американские детективные рассказы* [*The Best American Mystery Stories*. Boston, New York: Houghton Miflin Harcout, 2015].

Майкл Коннелли
Michael Connelly
[р. 1956]. Американский писатель, лауреат многих престижных премий, в том числе премии *Эдгар* за лучший первый роман [1992]. Президент Американской ассоциации авторов остросюжетной прозы [2003–2004].

Автор тридцати пяти романов. Наибольшую известность ему принесли романы о Гарри Босхе — детективе департамента полиции Лос-Анджелеса, среди которых *Черное эхо* [*The Black Echo*, 1992; рус. перев. 2007], *Блондинка в бетоне* [*The Concrete Blonde*, 1994; рус. перев. 2008], *Последний койот* [*The Last Coyote*, 1995; рус. перев. 2007], *По сценарию мафии* [*Trunk Music*, 1997; рус. перев. 2007], *Город костей* [*City of Bones*, 2002; рус. перев. 2007], *Черный ящик* [*The Black Box*, 2012], *Пылающая комната* [*The Burning Room*, 2014; рус. перев. 2015] и др.
Публикуемый рассказ *Без сна в Бостоне* [*Red Eye*, 2014] написан М. Коннели и Д. Лихейном в соавторстве для сборника *Без лица* [*Face Off*, 2014]. Перевод выполнен по изданию *Лучшие американские детективные рассказы* [*The Best American Mystery Stories*. Boston, New York: Houghton Miflin Harcout, 2015].

Деннис Лихейн
Dennis Lehane
[р. 1965]. Американский писатель ирландского происхождения, автор популярных криминальных романов. Лауреат многих премий в области остросюжетной литературы, в том числе премии *Эдгар* [2013].

Автор тринадцати романов, в том числе *Глоток перед битвой* [*A Drink Before the War*, 1994; рус. перев. 2012], *Святыня* [*Sacred*, 1997; рус. перев. 2012], *Прощай, детка, прощай* [*Gone, Baby, Gone*, 1998; рус. перев. 2013], *Таинственная река* [*Mystic River*, 2001; рус. перев. 2012], *Остров проклятых* [*Shutter Island*, 2003; рус. перев. 2016], *Общак* [*The Drop*, 2014; рус. перев. 2014] и др. Главный герой многих его романов — частный детектив Патрик Кензи.
Публикуемый рассказ *Без сна в Бостоне* [*Red Eye*, 2014] написан М. Коннели и Д. Лихейном в соавторстве для сборника *Без лица* [*Face Off*, 2014]. Перевод выполнен по изданию *Лучшие американские детективные рассказы* [*The Best American Mystery Stories*. Boston, New York: Houghton Miflin Harcout, 2015].

Джон М. Флойд
John M. Floyd
[р. 1947]. Американский писатель, лауреат и финалист нескольких литературных премий.

Автор более тысячи рассказов и статей, публиковавшихся в прессе, и шести сборников, в том числе *Полночь* [*Midnight*, 2008], *Пятьдесят детективных рассказов* [*Fifty Mysteries*, 2014], *Царство грез* [*Dreamland*, 2016]; летом 2018 г. выходит его седьмой сборник *Пустошь* [*The Barrens*].
Публикуемый рассказ *План Молли* [*Molly's Plan*] печатается по изданию *Лучшие американские*

детективные рассказы [*The Best American Mystery Stories*. Boston, New York: Houghton Miflin Harcout, 2015].

Анна Андреевна Закревская
Киновед, переводчик с английского. Кандидат искусствоведения. Старший научный сотрудник НИИ киноискусства ВГИК, сотрудник журнала *Искусство кино*.

Автор статьей и переводов в журналах *Искусство кино*, *Обсерватория культуры*, *Киноведческие записки*, а также на сайте *КиноПоиск*.
В *ИЛ* публикуется впервые.

Переводчики

Тамара Яковлевна Казавчинская
Переводчик с английского и польского языков. Обладатель почетного диплома критики *зоИЛ* [2009].

В ее переводе выходили эссе Д. Дефо, У. М Теккерея, Ш. Бронте, Дж. Б. Пристли, Г. Грина, рассказы и повести У. Коллинза, Э. Бульвера-Литтона, Р. Киплинга, С. Моэма, Г. Лавкрафта, М. Спарк, Г. К. Честертона, Д. Лоджа, Б. Рассела, А, Беннетта и др. В *ИЛ* в ее переводе напечатаны эссе У. М. Теккерея [1986, № 12] и *Национальные предрассудки* [2007, № 8], главы из книги *Западный канон* Х. Блума [1998, № 12], фрагменты книг Г. Стайн *Париж Франция* [1999, № 7], и Г. К Честертона *Джордж Бернард Шоу* [2010, № 8], У. Льюиса *Лев и лис* [2016, № 5] и У. Чернейка *Вступление к историческим пьесам Шекспира* [2016, № 5], главы *Автобиографии* Б. Рассела [2000, № 12], повесть *Горькая правда* [2009, № 4] и главы из книги *Автора на сцену!* [2011, № 1] Д. Лоджа, миниатюра *О сиротах* М. Этвуд [2011, № 5], роман А. Беннетта *Голы и босы* [2012, № 4], фрагмент книг С. Гринблатта *Свобода Шекспира* [2014, № 5] и Д. Роу Шекспир и Макиавелл [2016, № 5] и др.
Неоднократно публиковалась в *ИЛ*.

Ксения Николаевна Атарова
Литературовед, переводчик, филолог-англист.

Автор мемуарной прозы *Вчерашний день* и *Путеводителя по роману М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита"* [в соавторстве с Г. А. Лесскисом]. В ее переводе опубликованы *Дневник Чумного Года* Д. Дефо, рассказы и эссе Г. К. Честертона, Дж. Б. Пристли, С Моэма, Г. Грина, О. Хаксли, В. Вулф, М. Брэдбери, стихи О. Уайльда, Р. Киплинга, Э. Лира, Э. Дженнингс, Ф. Макдоны, а также мемуары Г. Крэга *Указатель к летописи моих дней*. В *ИЛ* в ее переводе опубликована проповедь Л. Стерна *Описание Дома Плача и Дома Веселья* [2013, № 8], а также статья *Фантазии на тему Эль Греко* [2015, № 9].

Анна Владимировна Курт
Поэт, переводчик, публицист.

Автор сборника стихов *Две розы*. В ее переводе опубликованы *Лекции по русской литературе* В. Набокова, *Прощай, Берлин* К. Ишервуда, *Эссе о литературе* У. Х. Одена, *Капля Божественного меда* и *Познание Востока* П. Клоделя, *Кровь бедняка* Л. Блуа [совместно с Анной Райской], *История свободы* И. Берлина, эссе из сборника *Классик*

	без ретуши, посвященного В. Набокову и И. Бунину, стихи Д. Сент-Джона, Д. Лемана, Д. Мэйсона. В *ИЛ* в ее переводе опубликованы сонеты И. дю Белле [2010, № 6], статьи литгидов *Полвека без Ивлина Во* [2016, № 4] и У. Х. Одена [2017, № 1] и статьи Э. Бёрджесса [2017, № 2], интервью В. Набокова [2017, № 6] и др.
Элла Владимировна Венгерова Переводчик с немецкого и польского языков. Кандидат филологических наук. Лауреат премии имени В. А. Жуковского [2008].	В ее переводах были опубликованы произведения П. Хакса, Х. Мюллера, Ф. Брауна, Г. Вальрафа, Ф. Дюрренматта, Х. фон Додерера, Г. Бюхнера, Р. Капущинского, Э. М. Ремарка, К. Мерца, П. Зюскинда и др. Неоднократно публиковалась в *ИЛ*.
Татьяна Викторовна Родименко Переводчик с испанского и португальского языков.	В ее переводе напечатаны произведения Р. Аренаса, Ф. Кастро, А. Вескаса-Фигероа, Н Риеско и др. В *ИЛ* в ее переводе опубликованы фрагмент *Книги тревог* Ф. Пессоа [1998, № 11], романы Х. Л. де Хуана *Вспоминаия Лампе* [2009, № 3] и Ж. Э. Агуалузы *Продавец прошлого* [2013, № 2], фрагменты романа *Сефард* А. Муньоса Молины [2011, № 12].
Елена Александровна Барзова, Гаянэ Генриковна Мурадян Переводчики с польского и английского языков, работают в соавторстве.	В их переводах публиковались воспоминания Р. Фейнмана, эссе и рассказы К. Филиповича, С. Лема, О. Токарчук, И. Хмелевской, А. Сапковского, Я. Л. Вишневского и др. В *ИЛ* в их переводе напечатаны рассказы Я. Рудницкого [2006, № 8].
Павел Александрович Зайков [р. 1977]. Переводчик с английского и шведского языков, преподаватель.	В *ИЛ* публикуется впервые.
Ксения Яковлевна Старосельская [1937—2017]. Переводчик с польского и английского языков, лауреат премий *ИЛ* [1986], польского ПЕН-клуба [2004], польского Института Книги Трансатлантик [2008].	В ее переводе издавались произведения Г. Сенкевича, Я. Ивашкевича, М. Хороманьского, Т. Конвицкого, В. Шимборской, Т. Новака, В. Мысливского, Е. Анджеевского, М. Хласко, Х. Кралль, С. Хвина, Е. Пильха, О. Токарчук, П. Хюлле, Е Анджеевского, Ю. Стрыйского, Э. Ментцеля, Т. Ружевича, А. Барта, З. Хаупта, П. Черского и др. Неоднократно публиковалась в *ИЛ*.

Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи.
Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.
Льготная подписка оформляется в редакции
(понедельник, вторник, среда, четверг
с 12.00 до 17.30).

Адреса редакции: 115035, г. Москва,
Космодемьянская наб., д. 44/2, корп. А
(юридический);
119017, г. Москва, Пятницкая ул., 41, стр. 1, 2
(почтовый);
г. Москва, Ленинградский просп., д. 68, стр. 24,
м. "Аэропорт" (фактический).
Телефон (495) 225-98-80.
E-mail: zhurnalil@yandex.ru

Купить журнал можно:
в Москве:
в редакции;
в киоске "Москва" (ул. Арбат, д. 20);
в киоске "Лингвистика" (Библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино Николоямская ул., д. 1);
в книжном магазине "Русское зарубежье" (Нижняя Радищевская, д. 2; м. Таганская-кольцевая);
в киоске "Книжные мастерские" (ул. Тверская, д. 23, в фойе Электротеатра Станиславского);
в Санкт-Петербурге:
в магазине "Книжные мастерские" (Каменноостровский пр., д. 10);
в книжном магазине "Все свободны" (набережная реки Мойки, д. 28, второй двор, звонить в домофон);
в магазине "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 15);
в киоске "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 49А, 3-й этаж, новая сцена Александринского театра);
в Пензе:
в книжном магазине "В переплете" (ул. Московская, д.12),
в интернет-магазине "Лабиринт" (http://www.labirint.ru)

Официальный сайт журнала:
http://www.inostranka.ru
Наш блог:
http://obzor-inolit.livejournal.com

Журнал выходит
один раз в месяц.

Оригинал-макет номера
подготовлен в редакции.

Регистрационное
свидетельство
ПИ № 8С77-63040
от 18 сентября 2015 г.

Подписано в печать
27.12.2017
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 25,20.
Уч.-изд. л. 24.
Заказ № 7414.
Тираж 2600 экз.

Отпечатано в
ОАО "Можайский
полиграфический комбинат".
143200, г. Можайск,
ул. Мира, 93.
Сайт: www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28;
(49638) 20-685.

Присланные рукописи не
возвращаются и не
рецензируются.

Художественное
оформление и макет
Андрей Бондаренко,
Дмитрий Черногаев.

Старший корректор
Анна Михлина.
Компьютерный набор
Надежда Родина.
Компьютерная верстка
Вячеслав Домогацких.

Секретарь-референт
Ксения Жолудева.

Главный бухгалтер
Татьяна Чистякова.
Исполнительный директор
Мария Макарова.

Менеджер по правам
Мильда Соколова.